Вестник

ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА

ВЫХОДИТ 2 РАЗА В ГОД

• СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА. 2013, №1 •

СОДЕРЖАНИЕ

Филоло	ЭГИЯ 5	
	О.Н. Андреева ОБРЯДОВЫЙ КОМПЛЕКС КАК ТЕКСТ В АСПЕКТЕ СЕМИОТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (НА МАТЕРИАЛАХ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ)	
	Е.В. Архипова СВОБОДНО КОНСТРУИРУЕМЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ СОГЛАСИЯ/НЕСОГЛАСИЯ9	
	А. П. Бабушкин ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИДИОМ КАК КОГНИТИВНАЯ ПРОБЛЕМА1:	2
	Т.И. Бочарова, М.И. Бочаров ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ	4
	И.В. Быкова ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СВЕТСКИХ ПОВЕСТЯХ Н.А. ДУРОВОЙ	7
	М.В. Владимирова К ПРОБЛЕМЕ ПОЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ АФФИКСОВ	3
	О.В. Голотвина «ВЛАСТЬ ЗЕМЛИ» В СУДЬБАХ ГЕРОЕВ М.А. ШОЛОХОВА И Ф.А. АБРАМОВА20	
	О. А. Дмитриенко НАБОКОВ — ГОЙЯ: ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЕ КОРРЕЛЯЦИИ В РОМАНЕ «ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ» (1938)	
	А.П. Дудко АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В КНИГЕ «ВРЕМЕННИК» ИВАНА ТИМОФЕЕВА	7
	А.Э. Дудко «TO SOLITUDE» ДЖ. КИТСА И «SEHNSUCHT» Н.П. ОГАРЕВА: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ 4-	4
	Т.Ю. Зайцева О.М. СОМОВ И РАЗВИТИЕ РУССКОЙ КРИТИКИ50	0
	Е.В. Ильина ВЗАИМОВЛИЯНИЕ БЛОКОВ СОДЕРЖАНИЯ И СМЫСЛА ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ТИПА МОДАЛЬНОЙ ПАРТИТУРЫ ТЕКСТА5:	2
	Е.Ю. Кислякова СПОСОБЫ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ИНАКОСТИ	
	Н.А.Козельская, И.А.Стернин ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ60	J
	И.П. Конопелько МЕТОДИКА СОСТАВЛЕНИЯ РУССКО-ФРАНЦУЗСКОГО КОНТРАСТИВНОГО СЛОВАРЯ	4
	Е.В. Кузнецова СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КАРТЫ	7
	Д.В. Марьин СТИХОТВОРЕНИЕ В.М. ШУКШИНА «О РЕМЕСЛЕ»: ОТ ТЕКСТОЛОГИИ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ	1
	А.А. Махонина, М.А. Стернина ТИПОЛОГИЯ ЛАКУН РАЗЛИЧНОЙ ЧАСТЕРЕЧНОЙ ОТНЕСЕННОСТИ7	5
	Н.А. Молчанова ФУНКЦИИ ЗАГЛАВИЯ И ЭПИГРАФОВ В КНИГЕ К.Д. БАЛЬМОНТА «ЯСЕНЬ. ВИДЕНИЕ ДРЕВА»7	8
	Е.М. Никитина «СЕМАНТИКА ВОЛКА» ОБРАЗА ГРИГОРИЯ МЕЛЕХОВА В РОМАНЕ «ТИХИЙ ДОН» (МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) 8:	
	А.В. Соснин ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ БРИТАНСКОЙ СТОЛИЦЫ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА МАЙКЛА МУРКОКА «ЛОНДОН, ЛЮБОВЬ МОЯ»	4
	Т.В. Степаненко АНАЛИЗ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ РУССКОЙ КЛАССИЧЕКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	1
	С.Н. Степура ПЕРВЫЙ ЭПИЗОД РОМАНА ДЖЕЙМСА ДЖОЙСА «УЛИСС» В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ 1930-Х ГГ	
	А.Б. Удодов Н. БЕРДЯЕВ И М. ГОРЬКИЙ: О «ДУХАХ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» И СУДЬБАХ КУЛЬТУРЫ11	

• СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА. 2013, №1 •

	Е.В. Чернова РУССКИЙ БЫТОВОЙ РОМАНС В РАННЕЙ ЛИРИКЕ С.А. ЕСЕНИНА	102
	РУССКИЙ ВВПОВОЙ РОМАПС В РАППЕЙ ЛИРИКЕ С.А. ЕСЕПИПА	103
	О ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ КОРНЯХ РУССКОГО РОМАНА: ПЛУТ, ШУТ И ДУРАК В РОМАНЕ Н.С. ЛЕСКОВА «ЧЕРТОВЫ КУКЛЫ»	110
	К.М. Шилихина ИРОНИЯ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	115
	П.О. Щербакова СОЗНАНИЕ «МАССОВОГО ГЕРОЯ» И ФОРМЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В ЦИКЛЕ М. ЗОЩЕНКО «РАССКАЗЫ НАЗАРА ИЛЬИЧА ГОСПОДИНА СИНЕБРЮХОВА»	
	Г.А. Элиасберг, Г.М. Евтушенко, А.М. Евтушенко ОБРАЗ ТОЛСТОГО В СКУЛЬПТУРЕ И МЕМУАРИСТИКЕ И.Я. ГИНЦБУРГА	
	(К ПРОБЛЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ)	124
ЖУРНА	ЛИСТИКА	132
	Р. В. Жолудь ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА: ОТ ДЕГРАДАЦИИ К ТРАНСФОРМАЦИИ	132
	А. А. Кажикин СУБОРДИНАЦИОННЫЕ И КООРДИНАЦИОННЫЕ СВЯЗИ В СИСТЕМЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СМИ	136
	А.И. Калашников РЕЗОНАНСНЫЙ ТЕКСТ В ИНТЕРНЕТЕ (АНДРЕЙ ЛОШАК, «ЗАКОРОТИЛО»)	140
	В. В. Колобов АНАТОЛИЙ ЖИГУЛИН И ВОРОНЕЖСКАЯ ПРЕССА 1950-1960-Х ГОДОВ	
	Т. С. Крайникова СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ КАК ОСНОВА КУЛЬТУРЫ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ ФГД В УКРАИНЕ)	
	Ю. Н. Мажарина ОБРАЗ РОДИНЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ И МЕМУАРИСТИКЕ Б. ЗАЙЦЕВА	
	Л. М. Матвеечева ЦВЕТ В РЕКЛАМЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВКУСА У МОЛОДЕЖНОЙ АУДИТОРИИ	
	В. А. Мельников ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ВОЕННЫХ СМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
	Е. А. Морозова У ИСТОКОВ ИЗУЧЕНИЯ ПЕЧАТНЫХ СМИ: УКРАИНСКИЙ ОПЫТ	
	Т. А. Морозова	
	МЕНТАЛЬНАЯ СРЕДА КАК ИМИДЖЕВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИИ	
	БЫТИЕ СУБЪЕКТА В ЭССЕИСТИКЕ Л.Я. ГИНЗБУРГ	173
	КОНТЕНТ-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕДИАОБРАЗА ЕВРОРЕГИОНА «ДОНБАСС» (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ)	178
	О. Ю. Плеханова ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТ ЮГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)	183
	А. В. Прытков РАЗВЛЕКАТЕЛЬНАЯ ПРЕССА И ЕЕ ТИПЫ	
	Ю. П. Пургин КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «АЛТАПРЕСС»	
	А. Ю. Рогозин СПОРТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ	
	С. Ю. Смирнова ТВОРЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО КОНТЕНТА РЕГИОНАЛЬНОЙ ФОТОПУБЛИЦИСТИКИ	
	Е. А. Цуканов, И. В. Цуканова УЧЕНИЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО О ТЕРРОРЕ И ЕГО ОТГОЛОСКИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ	

CONTENT

PHILOLOGY				
A	N. Andreyeva CEREMONIAL COMPLEX AS A TEXT IN THE ASPECT OF THE SEMIOTIC ANALYSIS (BASED ON THE MATERIALS TAMBOV REGION)			
Arl	khipova E.V. EELY CONSTRUCTED UTTERANCES AS A MEANS OF EXPRESSING AGREEMENT/DISAGREEMENT9			
	P. Babushkin OMS INTERPRETATION AS A COGNITIVE PROBLEM	<u>)</u>		
PR	I. Bocharova, M. I. Bocharov OBLEMS OF COMMUNICATIVE SECURITY IN SOCIAL AND CULTURAL SPHERE OF MASS INFORMATION14	ļ		
PE	/. Bykova CULIARITIES OF PLACE AND TIME RELATIONS IN MUNDANE STORIES BY N. A. DUROVA	,		
FIE	ELD STRUCTURE OF DERIVATIONAL AFFIXES PROBLEM	}		
	HE POWER OF THE LAND» IN FATES OF M.A. SHOLOKHOV AND F.A. ABRAMOV'S CHARACTERS26 Dmitriyenko	j		
A.I	BOKOV — GOYA: INTERMEDIAL CORRELATIONS IN THE «INVITATION TO THE BEHEADING» (1938)32 P. Dudko			
Du	RMS OF AUTOBIOGRAPHICAL OF THE MEMOIRS BEGINNING IN «VREMENNIK» BY IVAN TIMOFEEV			
т. `	Y. Zaitseva M. SOMOV AND RUSSIAN CRITICISM DEVELOPMENT			
E.V	/. II jina ITUAL INFLUENCE OF CONTENTS AND SENSE BLOCKS SUPERVISED BY THE TEXTUAL MODAL SCORE			
	f. Kislyakova PAMMATICAL MEANS OF EXPRESSING THE LINGUISTIC CATEGORY OF OTHERNESS56	j		
RE	A. Kozelskaya, I.A. Sternin SEARCH OF METALINGUAL CONSCIOUSNESS OF MODERN YOUTH60	)		
TH	. Konopelko E METHOD OF COMPILING OF RUSSIAN-FRENCH CONTRASTIVE DICTIONARY	ļ		
WC	/. Kuznetsova DRD-FORMATION VARIATION THROUGH THE PRISM OF THE DIALECT LEXICAL MAP67 V. Maryin	,		
V. I	M. SHUKSHIN'S POEM «ABOUT CRAFT»: FROM TEXTOLOGY TO INTERPRETATION			
N.	FFERENT PART-OF-SPEECH LACUNAE TYPOLOGY			
E.N	TLE AND EPIGRAPH FUNCTIONS IN K. D. BALMONT'S BOOK «ASH TREE. DREAM OF THE TREE»			
Α.\	EMANTICS OF THE WOLF" OF GRIGORIY MELIKHOV'S CHARACTER IN THE "TIKHIY DON" NOVEL V. Sosnin YCHOLOGICAL GEOGRAPHY OF THE BRITISH CAPITAL AS REPRESENTED IN THE NOVEL "MOTHER LONDON"	!		
BY	MICHAEL MOORCOCK	ļ		
AN S.I	IALISES OF SPEECH BEHAVIOR OF THE CHARACTERS OF RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE91 N. Stepura			
A.I	E 1930S RUSSIAN TRANSLATION OF THE JAMES JOYCE NOVEL «ULYSSES», THE FIRST EPISODE94 B. Udodov			
E.V	BERDJAEV AND M.GORKY: ABOUT "SPIRITS OF THE RASSIAN REVOLUTION" AND FATES OT CULTURE /.Chernova ISSIAN URBAN ROMANCE IN THE EARLY LYRICS OF SERGEY ESENIN			
A. ,	A. Shelaeva SOUT WEST EUROPEAN ROOTS OF RUSSIAN NOVEL: CHEAT, BUFFOON AND FOOL IN THE NOVEL N.S. LESKOV "CHORTOVY COOKLY"			
	M. Shilikhina DNY IN ACADEMIC DISCOURSE11	15		
co	D. Shcherbakova INSCIOUSNESS OF «MASS HERO» AND FORMS OF ITS EXPRESSION IN THE TORIES OF NAZAR ILYICH SINEBRYCHOFF» CYCLE BY ZOSHCHENKO11	19		
TO	A. Eliasberg, G. M. Evtushenko, A. M. Evtushenko LSTOY'S IMAGE IN SCULPTURE AND I. Y. GINTSBURG'S MEMOIRISTICS ROBLEM OF ARTISTIC PERCEPTION PSYCHOLOGY)12	24		

SERIES: PHILOLOGY. JOURNALISM. 2013, №1

JOURNALISM
R.V. Zholud THE PUBLIC SPHERE IN SOCIAL MEDIA: FROM DEGRADATION TO TRANSFORMATION
A.A. Kazhikin
SUBORDINATE AND COORDINATING COMMUNICATIONS IN THE SYSTEM OF RUSSIAN MASS MEDIA
A. I. Kalashnikov RESONANT TEXT IN THE INTERNET («ZAKOROTILO» BY ANDREY LOSHAK)140
V.V. Kolobov ANATOLIYZHIGULIN AND THE VORONEZH PRESS 1950-1960-X YEARS144
Kraynikova T.S. THE VALUE SYSTEM AS THE BASIS OF MEDIA CONSUMPTION'S CULTURE (ON THE MATERIALS OF FGD IN UKRAINE) 149
Y.N. Mazharina THE IMAGE OF THE HOMELAND IN JOURNALISM AND MEMOIRS B. ZAITSEV154
L.M. Matveecheva COLOUR IN ADVERTISING AS THE FACTOR OF THE FORMATION OF THE YOUTH AUDIENCE'S AESTHETIC TASTE 158
V.A. MeInykov FOUNDATION OF MILITARY SYSTEM FOR MASS MEDIA OF RUSSIAN FEDERATION161
E .A. Morozova AN EARLY PHASE OF RESEARCH'S FORMATION OF PRINT MEDIA IN UKRAINE166
T.A. Morozova MENTAL ENVIRONMENT AS AN IMAGE POTENTIAL OF TERRITORY170
G. N. Nemets THE SUBJECT IN ESSAYS OF L. GINSBURG173
A.V. Ovrutsky, G.K. Ovrutskaya CONTENT ANALYSIS OF THE EUROREGION «DONBASS» MEDIA IMAGE (BASED ON INTERNET MATERIALS)
O.Y. Plekhanova FUNCTIONS OF INDEFINITE-PERSONAL SENTENCES IN REGIONAL PRESS (ON THE BASIS OF NEWSPAPERS PUBLISHED AT THE SOUTH OF TYUMEN REGION)
A.V. Prytkov BUSINESS LANGUAGE DEPARTMENT, INSTITUTE OF ECONOMICS, MANAGEMENT AND ENVIRONMENTAL STUDIES, SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY
A.Y. Rogozin SPORT LEXIS IN POLITICAL DISCOURSE OF MEDIA FROM ENGLISH-SPEAKING COUNTRIES196
S.Y. Smirnova CREATIVE ASPECTS OF INDEPENDENT CONTENT IN REGIONAL PHOTOJOURNALISM
E.A.Tzukhanov, I.V. Tzukhanova F.M. DOSTOYEVSKY'S STUDY ON THE NATURE OF TERROR AND ITS TRACES IN MODERN POLITICAL PRACTICE

УДК 81.39

ОБРЯДОВЫЙ КОМПЛЕКС КАК ТЕКСТ В АСПЕКТЕ СЕМИОТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (НА МАТЕРИАЛАХ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

© 2013 О.Н. Андреева

Первый Тамбовский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Поступила в редакцию 12 февраля 2012 г.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности семиотического анализа на примере текстовых структур обрядового комплекса, зафиксированного на территории Тамбовской области. Анализируемые составляющие обрядового комплекса позволяют восстановить первоначальный смысл обрядов, выявить их специфические элементы.

Ключевые слова: обрядовый комплекс, обрядово-ритуальные компоненты, лингвокультурный текст, семиотический анализ, герменевтический метод исследования.

Abstract: The features of the semiotic analysis from the examples of text structures of the ceremonial complex fixed in the territory of Tambov region are considered in the article. Analyzed components of a ceremonial complex allow to restore initial sense of ceremonies, to reveal their specific elements.

Key-words: a ceremonial complex, ritual components, a linguistic-cultural text, the semiotic analysis, the hermeneutical research method.

Традиционная культура в самом широком смысле - один из аспектов жизнедеятельности и развития человечества, это составляющая миропонимания и мировидения индивида. Важной составляющей традиционной культуры является обрядовый комплекс как совокупность обрядовых действий и действ, ритуализованных компонентов, элементов календарной обрядности, имеющих символическое, сакральное значение. Обрядовый комплекс как глобальная философская (онтологическая) единица требует пристального изучения и анализа. Для реализации цели исследования - семиотического анализа обрядового комплекса (на материалах Тамбовской области) — правомерно рассматривать обрядовый комплекс как текст.

Текст обрядового комплекса является очень гибкой структурой и представляет собой своеобразное моделирование и оформление обрядово-ритуальных компонентов. В зависимости от этого обрядовый комплекс как текст обладает не только способностью к свёртыванию до уровня одного языкового элемента, вбирающего в себя всю сложность смысловой нагрузки (в данном случае уместно ввести терминологическое обоснование «слово-имя»), но может включать в

себя и полный набор языковых средств. Если текст представляет собой непосредственную характеристику каждого компонента обрядового комплекса и как бы «растворён» в нём, то есть текст и составляющие обрядового комплекса изначально однородны в результате проявления первичного синкретизма, то такого рода тексты, по мнению представителей этнолингвистической школы (Л.Н. Виноградова, С.М. Толстая и др.), необходимо рассматривать как «текст - обряд» («текст – календарный праздник», «текст – ритуал»). Полное разграничение текста и явления культуры (обрядового комплекса, календарного праздника) в этом случае ошибочно не только из-за невозможности семантической интерпретации одного без другого, но и из-за их структурного взаимопроникновения и дополнительного функционального распределения: одно и то же содержание в одних случаях может быть выражено словом, в других - действием.

Обрядовый комплекс как текст отличается также набором обязательных так называемых элементов текстового построения. К таким элементам относятся герои, сюжет, композиция, образ автора. Текст, по утверждению С.А. Васильева, является «объективацией мысли и языка автора», поэтому «последний представлен в своём произведении гораздо полнее и многообразнее,

© О.Н. Андреева, 2013

чем адресат» [1, 60]. Образ автора является определяющим смыслообразующим звеном текста обрядового комплекса. Специфика текстов обрядового комплекса, как, впрочем, и многих лингвокультурных текстов, состоит в том, что образ автора в них представляет собой образ народа с его мироощущением, мировосприятием.

В науке уже утвердилась позиция об отнесении обрядового комплекса как текста, наряду с текстом календарного праздника, к группе прецедентных текстов [2, 216; 3; 4] как к законченным и самодостаточным продуктам речемыслительной деятельности.

В связи с тем, что семиотический анализ предполагает анализ вторичных языков - разнообразных языков культуры, возникающих на основании первичных естественных языков, то необходимо отметить, что определённые уровни текстовой структуры образуют более ёмкие глубинные и поверхностные структуры текста. Под глубинной структурой понимается наличие идейно-тематического содержания (так называемого «вторичного языка»). Поверхностная структура — форма текста, его формальное выражение (так называемый «первичный язык») [5, 56-57]. Все уровни текстовой структуры апеллируют к двум основным свойствам текста - к связности и цельности. Семиотический анализ, базируясь на категориальном аппарате текстуальности, определяет текст как явление, удовлетворяющее семи требованиям текстуальности: формальной когезивности, смысловой когерентности, интенциональности, воспринимаемости, информативности, ситуационности и интертекстуальности [6, 415; 7, 13-14]. Для обрядового комплекса как особого этнокультурного лингвосемиотического текста характерны перечисленные выше требования текстуальности, однако наиболее важными, по нашему мнению, должны быть прежде всего интенциональный и интертекстуальный уровни, так как именно они в большей степени определяют смысловую нагрузку текста.

Семиотический анализ по своему содержанию предполагает анализ двух структур — собственно языковой и культурной. Для проведения такого анализа необходимо избрать метод, который совмещал бы в себе признаковые характеристики языка и культуры. Одним из таких методов как способов познания какой-либо объективности, реальности является герменевтический метод исследования.

Герменевтический метод исследования необходимо рассматривать как метод, способствующий восстановлению и истолкованию текстов, как ономасиологическую этимологию. Герменевтический метод предполагает изучение языка в тесной связи с историей, культурой на-

рода (данные вопросы успешно решает направление Н.И. Толстого — этнолингвистика). Процесс семиотического анализа с использованием герменевтического метода носит глобальный характер, так как призван восстановить текст и его структурно-семантические составляющие, показать первоначальный замысел возникновения и структурирования текста.

С учётом вышесказанного проведём семиотический анализ некоторых компонентов обрядового комплекса на территории Тамбовской области (основой являются полевые материалы, собранные автором в 2003—2010 гг.).

Обряд «новой новины» в своём первозданном виде на тамбовской земле практически не сохранился. Только зафиксированные в некоторых районах свидетельства этого говорят о том, что когда-то этот обряд имел действительно важное значение: «Хлеб, приготовленный из муки нового урожая, ели на Ильин день, сначала носили на благословение в церковь» (Маторина А.В., 1927 г. р., с. Анновка Сампурский р-н). В другом случае этот обряд приурочивался к другим религиозным праздникам: «Хлеб из муки нового урожая — к Петрову дню» (Чуканова А.И., 1927 г. р., с. Бурнак Жердевский р-н).

Отголоском этого обряда остался обычай принесения в некоторых местах Тамбовщины хлеба в церковь для благословения: «Хлеб тут же из муки нового урожая пекли и носили его освящать в церковь, освящали и нас причащали. Потом его несли домой и ели. Кто посторонний идёт — тому хлебца подавали, побирушка какой» (Малява М.И., 1921 г. р., с. Семикино Сосновский р-н). «Хлеб из нового урожая носили. Они его оставляют в церкви и считают его святым, не берут и домой» (Постникова А.К., 1920 г. р., с. Яблоновка Знаменский р-н).

Коллективные трапезы (братчины), обряд, имеющий сакральный смысл, в своём первоначальном звучании на территории Тамбовской области автору зарегистрировать не удалось. Однако были найдены элементы, релевантные для структуры этого обрядового комплекса в целом. Чаще всего жертвоприношение совершалось либо к Ильину дню, либо на Ильин день.

Никаких ритуальных действий с кровью и костями животного на тамбовской земле уже не проводилось. Исчезли из функционирования и так называемые приношения «под свято», но сохранилась идея обряда, заключённая в замене божественной символики, так как главный элемент — «жертва» — символизировал Бога.

Самыми распространёнными структурными элементами обрядового комплекса на Тамбовщине являлись молебны, которые проводятся и по сей день. С именем святого Ильи-пророка на Тамбовщине связываются прежде всего обряды

окказионального типа, направленные на вызывание дождя. В семантике таких обрядов образ святого Ильи может выступать как имплицитно, так и эксплицитно.

Большое значение на тамбовской земле придавалось и соблюдению сельскохозяйственных обрядов и обрядовых действ.

Дожиночный обряд («завивание бороды») во всей полноте своих структурных компонентов практически не сохранился, хотя есть отголоски общерусских ритуальных композиций и в тамбовском варианте данного обряда. Чаще всего информаторы знают лишь способ «завивания бороды» и её отнесенность к тому или иному святому или «поверью». Обычно на Тамбовщине «бороду» посвящали святому Илье-пророку (необходимо заметить, что ни одна «борода» не посвящалась святому Николаю Угоднику, хотя принято этот обряд считать «никольским»): «Завязывали прямо узлом, даже дома обязательно завяжем. Говорили: «Илье на бородку, для него» (Налетова Е.К., 1915 г. р., с. Бурнак Жердевский р-н). «Вот куст ржи, из ржи сделают свеслу и связывают. Говорили: «Илье на бородку» (Сажнева Л.М., 1929 г. р., с. Чикаревка Жердевский р-н). «Они прямо кончают уборку, и на уголках оставляют колосья, узелком завяжут, так они и сидят — вот это самое. Илье на бородку оставляли» (Иноземцева Е.Т., 1919 г. р., рп. Мордово).

Некоторые информаторы отмечают, что «бороду» посвящали *Иисусу Христу*: «Немножко оставляли, говорили: «Христу на бородку» (Малява М.И., 1921 г. р., с. Семикино Сосновский р-н). Не менее важным было оставление колосьев и «Богу на бородку»: «Оставляли колоски Богу на бородку» (Аносова О.И., 1924 г. р., с. Бурнак Жердевский р-н).

В тамбовской дожиночной обрядности есть и свои уникальные элементы, отступающие от общерусского контекста и дополняющие его. Так, встречаются и наиболее архаичные именования адресата дожиночных обрядов: «Бывало, не скосят участок и говорили: «Ну, кто-то на люльку оставил». Косили бабы, а люльку-то кто качал — бабы, ведь в ней ребёночек лежал» (Чуканова А.И., 1927 г. р., с. Бурнак Жердевский р-н).

Своеобразными, архаичными элементами, свойственными только тамбовскому варианту обрядового комплекса, являются обряды, связанные с приношением хлеба: «Режут ломтик хлеба, в церкви освящают. Как окропят его святой водой и несут в поле, кладут на землю, чтобы птички съели, ну, несут его, чтобы Бог дал урожай. Говорят: «Господи, уроди нам урожай» (Кузнецова А.М., 1917 г. р., с. Ново—Русаново Жердевский р—н). «На Ильин день несёшь в лес хлеб, положишь на дерево, там, может, птица, а, может, нищий отрежут ломтик, посолят сольцой и водичку бу-

тылочку возьмут. Наложишь, Господи, допусти его нищему— или птичка какая склюёт, а гадюке не допусти» (Круглова Е.Т., 1906 г. р., с. Радищево Жердевский р—н).

Приношение хлеба на открытую местность на Тамбовщине имело семиотическую основу. Это могло являться прежде всего отголоском так называемого «основного мифа» о противоборстве Перуна и Волоса/Велеса. Не менее важна здесь и христианская символика, основанная на создании так называемого «многомерного храма».

Следует отметить, что только на территории Тамбовской области одним из распространённых обрядов на Ильин день являлся обряд «обливания водой» («обливушки»). «На Ильин день обливаются с ног до головы. Вот идёшь, а тебя ребята как обольют, все смеются» (Троянова К.А., 1934 г. р., с. Никольское Знаменский р-н). «На Ильин день водой обливались, ничего не признают, они прямо из колодца — кто кружкой, кто ведром обольют, кто и нарядный, кто и в обычной одежде» (Налетова Е.К., 1915 г. р., с. Бурнак Жердевский р-н). Анализируя обряд «обливания водой», можно обнаружить определённые противоречия. Так возникают контаминации - «действия, оказываемые одним элементом на другой, с которым первый связан или постоянно, или случайно таким образом, что между ними осуществляется скрещение» [8, 139]. «Обливушки» – действия, не свойственные календарному празднику в честь святого Ильи-пророка, они идут от праздника в честь святого Иоанна Крестителя и распространяются на календарный праздник в честь святого Ильи-пророка. «Обливушки», по мнению автора, являются отголоском многократного крещения славян, это не слишком стандартные формы, как, например, зарегистрированные факты купания на Ильин день [9, 30-31].

Анализ обрядовых компонентов и обрядовых действ, а также системы обрядов в структуре обрядового комплекса, выполненный на основе полевых материалов, собранных на территории Тамбовской области, показывает, что основные комплексы обрядов и обрядовых действ на территории Тамбовской области восходят к общерусскому фону, но содержат и специфические элементы (обряды с хлебом, обливание водой). Семиотический анализ позволяет рассматривать структуру и систему обрядового комплекса Тамбовщины как функционирующий и развивающийся текст, которому присущи не только своеобразные, архаические элементы, элементы сакральности, но и обязательные элементы текстопостроения. Они позволяют исследовать текст обрядового комплекса как этнолингвистический текст. Восстановлению смысла текста, а, соответственно, и обрядового комплекса, способствует

ОБРЯДОВЫЙ КОМПЛЕКС КАК ТЕКСТ В АСПЕКТЕ СЕМИОТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

использование герменевтического метода исследования в процессе семиотического анализа, который показывает «замысел» возникновения обряда и через него объясняет его значение.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Васильев С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста / С.А. Васильев. Киев : Наукова думка, 1988. 240 с.
- 2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. М.: Наука, 1987. 263 с.
- 3. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание / С.Е. Никитина. М. : Наука, 1993. 189 с.
- 4. Сорокин Ю.А. Что такое прецедентный текст? / Ю.А. Сорокин // Семантика целого текста. М.: Наука,

1987. – C. 144-145.

- 5. Тураева З.Я. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика: учеб. Пособие / З.Я. Тураева. М. : Просвещение, 1986.-127 с.
- 6. Николаева Т.М. От звука к тексту / Т.М. Николаева. М. : Языки русской культуры, 2000.-680 с.
- 7. Филиппов К.А. Лингвистика текста и проблемы анализа устной речи: учеб. Пособие / К.А. Филиппов. Л. : ЛГУ, 1989. 96 с.
- 8. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов: пер. с франц / Ж. Марузо. М. : Изд-во иностранной литературы, 1960.-436 с.
- 9. Дубровина С.Ю. Тамбовщина в контексте духовной культуры: Филологические очерки / С.Ю. Дубровина. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. 162 с.

Первый Тамбовский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Андреева Ольга Николаевна, докторант федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

E-mail: olga06-78@mail.ru

First Tambov Branch of Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education "Russian Academy of National Economy and State Service after the President of Russian Federation" Olga Nikolayevna Andreyeva, doctoral candidate of Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education "Russian Academy of National Economy and State Service after the President of Russian Federation"

E-mail: olga06-78@mail.ru

УДК 811.111'367

СВОБОДНО КОНСТРУИРУЕМЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ СОГЛАСИЯ/НЕСОГЛАСИЯ

© 2013 E.B. Apxunoва

Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина

Поступила в редакцию 10.12.2012.

Аннотация: Статья посвящена свободно конструируемым высказываниям, которые представляют собой имплицитный способ реализации согласия/несогласия в эпизодах речевого общения английского языка. Под имплицитными средствами понимаются высказывания, в семантической структуре которых отсутствует сема очевидного согласия/подтверждения либо несогласия/отрицания.

Ключевые слова: эпизоды речевого общения, речевой акт, согласие/несогласие, адресант, адресат, свободно конструируемые высказывания, эксплицитный/имплицитный.

Abstract: The article is devoted to the freely constructed utterances which can express implicit agreement/disagreement in the episodes of communication. Utterances lacking in actual semantic components of agreement/disagreement in their semantic structure but due to the situation of communication can be inferred as agreement/disagreement are treated as implicit types.

Key-words: episodes of communication, speech act, agreement/disagreement, addressee, addresser, freely constructed utterances, explicit/implicit.

В настоящее время лингвистами неоднократно подчеркивается тот факт, что содержание отдельного высказывания не сводится к значению, эксплицируемому его поверхностной структурой. В свете данной проблематики актуальным представляется выявление имплицитных способов реализации речевого акта согласия/несогласия (РА с/н) в диалогическом общении. Данный речевой акт (РА) занимает важное место в системе реагирующих речевых актов, обладает значительным разнообразием средств языкового выражения, которые можно типизировать на основе различий в лексико-синтаксическом способе выражения главной интенции.

Интенция говорящего может быть выражена как с помощью эксплицитных средств, так и имплицитно. К имплицитным средствам относятся средства невыраженного, подразумеваемого, скрытого характера. В этом случае скрытый смысл выводится коммуникантами из содержания высказывания, общей ситуации речи, а также общих фоновых знаний участников коммуникации. Результаты проведенного нами анализа практического материала в качестве имплицитных средств позволили выделить высказывания, выражающие РА с/н ситуативно, т. е. вне контекста, вне речевой ситуации такой РА не может быть определен как согласие или несогласие.

Одним из факторов, обусловливающих выбор тех или иных языковых средств выражения PA с/н, является тип предшествующего PA. В эпизодах ре-

чевого общения согласие/несогласие может инициироваться репрезентативными и директивными актами, которые выделяются в классификации Дж. Серля [1, 170]. В связи с этим актуальным представляется изучение эпизодов общения, содержащих РА с/н как реакцию на вышеперечисленные речевые акты с целью установления имплицитных возможностей его реализации. Кроме того, интересным, на наш взгляд, является выявление причин употребления немаркированных средств выражения речевого акта согласия/несогласия.

Обратимся к ситуациям, в которых возникновение согласия/несогласия инициировано репрезентативными речевыми актами. Реагируя на некое утверждение, мнение $A_{\rm L}$ адресат в ответном высказывании может представить обоснование своего согласия или несогласия, пересмотреть свои взгляды на обсуждаемое положение и присоединиться к точке зрения своего собеседника, привлечь его внимание к основной идее своего высказывания и т. д. В рассматриваемых нами эпизодах наиболее распространенными, передающими согласие/несогласие имплицитно, являются реплики представленных ниже типов.

В репликах-обоснованиях A_2 информирует A_1 о причинах, условиях, обстоятельствах согласия/несогласия. Ситуация общения, мнение об информированности собеседника позволяет A_2 делать акцент только на обосновании своей положительной либо отрицательной реакции. Например:

© Е.В. Архипова, 2013

"Lovely job, this one ... Good for another fifty thou..." — "The price is a bit steep for me, I'm afraid." [2, 51]. — 'Отличная работа... Достойна еще пятидесяти...' — 'Боюсь, цена непомерна для меня'.

Реплики-уступки также представляют собой распространенный способ выражения имплицитного согласия/несогласия. Уступка является результатом пересмотра адресатом его изначальной позиции в одностороннем порядке. Адресат «вынужден» отказаться от своего изначального мнения (принципов) и принять точку зрения А, в силу аргументов последнего. Это обусловливает выбор А, в пользу немаркированных средств выражения своей реакции: "... She'll give Judith security ...» — "Perhaps Judith needs more than security. "— "Such as?"— "Emotional space; freedom to grow in her direction." - "Well, <u>if you think so</u> ... "[3, 43]. — 'С ней Джудит будет под защитой' – 'Возможно Джудит нуждается больше чем в защите. '- 'Например?' - 'Эмоциональное пространство, возможность двигаться своим собственным путем' - 'Ну, если ты так думаешь...'

Усиление A_2 своей реакции согласия/несогласия, подтверждения/опровержения с инициальным утверждением посредством различного рода сопоставлений находит свою экспликацию в репликах-сравнениях. Не выражая согласие/несогласие вербально, A_2 тем самым акцентирует внимание собеседника на каких-либо качествах, характеристиках объекта разговора: "You can't argue with her." — "It would be like arguing with a dashed railway train." [4, 51]. — 'С ней невозможно спорить.' — 'Это все равно, что спорить с мчащимся паровозом'. В данном примере отсутствие необходимости эксплицитного выражения согласия обусловлена общим фондом знаний собеседников, на основе которого разворачивается ситуация.

Еще одним способом передачи имплицитного согласия/несогласия являются реплики, содержащие анафорическое употребление глаголов инициальной реплики, т. е. в ответе A_2 используются анафорические аналоги полнозначных глаголов, представленных в высказывании A_1 . В таких случаях можно говорить о действии закона языковой экономии, который, направлен на исключении повторения уже сказанного: "It looks a bit gloomy," Judith observed." — "Empty rooms always <u>do</u>..." [3, 81]. — 'Выглядит мрачновато,' заметила Джудит. — 'Пустые комнаты всегда так представляются'.

В репликах-перифразах смысл инициального высказывания передается посредством других слов с сохранением его содержательной неизменности. Например: "You two have been friends for many years." — "Soul mates," Edward said [4, 41]. — 'Вы двое уже много лет друзья' — 'Родственные души', сказал Эдвард'.

Pеплики, выражающие осведомленность A_2 относительно информации, сообщаемой ему A_I (в случае согласия), представляют собой сообщения,

в состав которых, как правило, входят глаголы know, understand, think, see, notice, hear. В подобных репликах адресат сигнализирует о том, что информация, представленная адресантом, в какой-то мере ему знакома, обдумывалась или допускалась прежде. Например: "Nurse Macpherson isn't very experienced... As well as being a lot too familiar with the patients ..." — "<u>I've noticed</u>" [2, 145]. — 'Сестра Макферсон не очень-то опытна... К тому же очень уж дерзит пациентам...' — 'Я заметил'.

Реплики-повторы являются достаточно частотным средством выражения согласия/несогласия. Реакция согласия/несогласия возникает на некий препозитивный компонент инициальной реплики, и именно он повторяется в ответном высказывании адресата в «чистом» виде либо осложненный дополнительными лексико-грамматическими единицами. Например: "A very attractive woman, Jasmine..." — "Most attractive, sir" [2, 62]. — 'Жасминочень привлекательная женщина' — 'Самая привлекательная, сэр'. В данном случае адресат согласен с мнением собеседника, с его оценкой третьего лица. Его реакция выражена коммуникативно значимым компонентом инициальной реплики 'attractive', которая сопровождается усилением 'most'.

Реплики-подхваты используются, как правило, для дополнения и детализации содержания предыдущего высказывания и являются его синтаксическим продолжением: "You know I gave up smoking." — "In between cigarettes, you did" [5, 4]. — 'Ты же знаешь, я бросил курить' — 'Бросил, до очередного перекура'. В данном примере реплика-подхват используется адресатом для разоблачения утверждения адресанта и имеет насмешливо-иронический оттенок.

Реплики-уклонения представляют собой переключение адресатом темы разговора или уход от нее (в случае реакции несогласия): "I can't get to work from here ... It'd take me hours to get in. And what about when I have to work late?... — "We'll talk about it later. Not now." [6, 18]. — 'Я не могу так добираться на работу... Это займет уйму времени. А если мне придется работать допоздна?' — 'Мы поговорим об этом позже, не сейчас'.

Реагируя на *директивные* речевые акты, A_2 может принять/не принять на себя обязательство выполнить требуемое, ссылаясь на какие-либо обстоятельства, акцентировать внимание собеседника на целесообразности/нецелесообразности действия, уместности/неуместности его выполнения, обсудить условия, сослаться на мнение третьего лица или некий авторитетный источник, выступить с контрпредложением. Посредством реплик следующих типов внимание собеседника акцентируется на том, что наиболее важно в данный момент.

С помощью реплик оценочного характера A_2 может выразить свое отношение как к обсуждаемому действию, так и к партнеру по коммуникации. По-

добные реплики могут содержать указание на своевременность/несвоевременность предлагаемого действия, акцент на его целесообразность либо нецелесообразность. Например: "You're missing the start of your favourite television show. Let me bring you a cup of coffee in the living room and leave me to do the dishes."—"Don't be ridiculous, boy," Polly snapped. "You should be be escorting this young lady home." [7, 133].—'Ты пропустишь свое любимое шоу. Давай я принесу тебе кофе в гостиную, а сам помою посуду.'—'Не глупи, мальчик мой,' сказала резко Полли.—'Тебе стоит проводить твою подружку домой'.

В качестве реакции на директивные речевые акты выступают также *реплики-обещания*, в которых A_2 заверяет своего собеседника в выполнении либо невыполнении искомого действия: "We're going to have a heavyweight game tonight, Greenbourne—a pond minimum. Will you join us?"...—"I'll join in," Solly said [4, 143].— 'Сегодня мы сыграем по-крупному, Гринборн,— минимум фунт. Присоединишься?'—'Присоединюсь,'— сказал Солли'.

В репликах-обоснованиях, А₂ информирует А₁ о причинах либо обстоятельствах своего согласия/несогласия. Информированность партнеров по коммуникации друг о друге обусловливает возможность А₂ эксплицировать только обоснование своей реакции: "... Tell you what, come to my flat with me. I'll read last Sunday's papers to you. "— Ruth ... picked up his hand, and dropped it lightly in his lap. "Married woman," she said. "As you well know" [6, 34]. — 'Bom что скажу, приходи ко мне. Почитаю тебе газету...' — 'Рут ... взяла его руку и легонько сбросила ее ему на колени' — 'Замужем, как ты знаешь'.

Посредством реплик-альтернатив A_2 , выражает свое несогласие и выдвигает контрпредложение, совет либо рекомендацию другого, более желательного плана действий: "The doorbell rang. "Ignore it," he said, and kissed her mouth." — "I'd rather keep you in suspense" [8, 103]. — 'Дверной звонок прозвенел.' — 'Не отвечай' — 'Я лучше задержу тебя'.

С помощью *реплик-условий* A_2 одобряет предложенный план действий, но при этом выдвигает некоторые условия его выполнения. В подобных случаях выражается частичное согласие: "D'you think you could feed the dog now? I think he's awake and hungry." — "I'll try, if you help me" [9, 781]. — 'Думаешь сможешь накормить собаку? Мне кажется, она уже проснулась и голодная.' — 'Попробую, если поможешь мне'.

Pеплики-ссылки отражают несогласие A_2 , который ссылается на мнение третьего лица, более

авторитетного, с его точки зрения, нежели присутствующий собеседник: "How about a drink?" asked Mr. Dinsdale..."— "Mr. Broomfield doesn't't believe in giving a drink after calving. Says it chills the stomach" [10, 14].— 'Может питье?' спросил мистер Динсдэйл.'— 'Мистер Брумфилд не одобряет питье после отела. Говорит, это может застудить желудок'.

Реплики, эксплицирующие фактическое выполнение действия адресатом, возникают в ситуациях, когда необходимое действие может быть выполнено немедленно. В таких случаях с целью экономии языковых средств согласие не выражается адресатом словесно, а вербальную реализацию получает только исполнение требуемого: "Quickly. Count the spots." — "Seven." [9, 11-12]. — 'Быстренько, сосчитай пятна' — 'Семь'.

Таким образом, употреблением имплицитных конструкций для выражения речевого акта согласия/несогласия достигается экономия языковых средств, устранение избыточных компонентов, без которых можно понять смысловое содержание высказывания. Кроме того, выбор имплицитных способов передачи информации обусловлен предварительным общим фондом знаний коммуникантов, лингвистическим контекстом употребления речевого акта согласия/несогласия, а также конкретным эпизодом общения.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1986. Вып. 17 : Теория речевых актов. С. 170-194.
- 2. Gordon R. Doctor at Large / R. Gordon. London : Michael Joseph, 1955. 208 p.
- 3. Pilcher R. Coming Home / R. Pilcher. London : Coronet Books, 1995. $1016\ p.$
- 4. Follett K. A Dangerous Fortune / K. Follett. London : Island Books, 1993. 570 p.
- 5. Harris S. Closure / S. Harris. Harper Collins Publishers, London, $2000.-420~\rm p.$
- 6. Gregory Ph. The Little House / Ph. Gregory. London : Harper Collins Publishers, 1998. 365p.
- 7. Hannay B. Her Playboy Challenge / B. Hannay. London: Mills and Boon, 2003. 185 p.
- 8. Follett K. The Modigliani Scandal / K. Follett. London : Pan Books, 1985. 280 p.
- 9. Stewart, M. Thornyhold / M. Stewart. London : Coronet Books, 1988. 224 p.
- 10. Herriot J. If only they could talk / J. Herriot. London : Pan Books, 1970. 208 p.

Архипова Елена Владимировна, старший преподаватель кафедры английского языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина», Республика Беларусь. E-mail: lena-1976@tut.by

Arkhipova Elena Vladimirovna, senior lecturer of the Chair of the English language and methods of teaching foreign languages, Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin, Belarus E-mail: lena-1976@tut.by

УДК 811.161.1'23

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИДИОМ КАК КОГНИТИВНАЯ ПРОБЛЕМА

© 2013 А. П. Бабушкин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 16.4.2012

Аннотация: Статья посвящена когнитивному аспекту интерпретации фразеологических единиц детьми младшего возраста, часто воспринимающих идиомы в их буквальном значении.

Ключевые слова: идиомы, восприятие фразеологических единиц, прямые и переносные значения, алогичный мир.

Abstract: The article is devoted to the cognitive aspect of idioms interpretation by children who often understand phraseological units in their direct meaning.

Keywords: Idioms, phraseological units comprehension, direct and indirect meanings, the world lacking common sense.

Как известно, идиомы — это обороты речи, значения которых не определяются отдельными значениями входящих в них слов; идиомы устойчивы в своем составе и воспроизводимы в виде готовых речевых единиц. [1, 377-378]

Когнитивный аспект анализа идиоматических выражений сопряжен с решением вопросов: какое из их значений воспринимается первым — буквальное или переносное? Существует ли вероятность интерпретации фразеологической единицы в два этапа: сначала постигается прямой смысл высказывания, затем этот смысл сверяется со знаниями реципиента о мире и только потом человек приходит к выводу о том, что перед ним фразеологизм? [2, 205]

Психологи сходятся во мнении, что понимание идиом не нуждается в двуэтапной процедуре — фразеологическая единица опознается изначально. Действительно, выражение взять быка за рога меньше всего ассоциируется с ситуацией на скотном дворе.

Однако зададимся вопросом, во всех ли случаях и все ли носители языка мгновенно дешифруют имплицитное содержание идиом?

Конечно, прежде всего, необходимо следующее условие: конкретная структура обязана входить в корпус устойчивых образных выражений, которыми располагает языковая личность.

Впрочем, бывает так, что кто-то, прекрасно знающий целостное значение идиоматического выражения, сознательно начинает «раскладывать» его «на части», как если бы оно представляло собой свободное сочетание слов.

На подобное толкование выражения *отвести душу* в горьковском романе «Жизнь Клима Самгина» в свое время указывал В.В. Виноградов:

© А. П. Бабушкин, 2013

Вот все ко мне [Дронову] ходят душу отводить. Что — в других странах отводят душу или нет? Пожалуй, это только у нас.

«Душу отвести» как Буяна в полицию. Или больную в лечебницу. Как будто даже смешно. Отвел человек куда-то душу свою и живет без души. Отдыхает без нее. [3, 130]

Но что если сказанное выше соотнести с языковым опытом не взрослого человека, а малолетнего ребенка?

В своей знаменитой книге «От двух до пяти» К.И. Чуковский писал: «<...> мы, взрослые, если можно так выразиться, мыслим словами, словесными формулами, а маленькие дети — «вещами», «предметами предметного мира». Их мысль на первых порах связана только с конкретными образами, потому-то они так горячо возражают против наших аллегорий и метафор». [4, 54]

Иллюстрируя сформированный им тезис, К.И. Чуковский приводит любопытный пример:

- «Спрашивает <...> одна женщина у своей Наташи четырех с половиной лет:
- Не скажешь ли ты мне, как понять, когда говорят, что один человек хочет другого в ложке воды утопить?
- Что ты! В какой ложке? Что это? Скажи еще раз.

Мать повторяет.

— Это не может быть!— возражает Наташа. — Никогда не может быть!

И тут же демонстрирует всю фактическую невозможность такого поступка: схватывает ложку и быстро кладет ее на пол.

Смотри, вот я!

Становится на ложку.

— *Ну, топи меня. Человек не поместится … весь сверху будет… ну, вот, смотри… нога больше ложки…*

И выражает презрение к подобным оборотам «взрослой» речи, искажающим реальную действительность:

— Не хочу я про это... Глупости какие-то...»

Для взрослого же образ идиомы оказывается стертым «от многолетнего вращения в мозгу», он не ощущается нами: тот, кто сказал про старуху, будто она «собаку съела», даже не заметил, что он упомянул о собаке. Тот, кто сказал о сварливых супругах, будто они «живут на ножах», не заметил в своей речи ножей». [4,63]

Примеры, подобные случаю с четырехлетней Наташей, можно приумножить, если обратиться к ряду отглагольных фразеологизмов типа: вешать лапшу на уши, навесить всех собак, лезть в бутылку, вылететь в трубу, сесть на шею, шевелить мозгами, лезть на стену и т. п.

Очевидно, при восприятии таких фраз детям кажется (опять же выражаясь языком взрослых), что они попадают в некий «театр абсурдов», герои которого бьются головой об стену, вставляют палки в колеса, держат камень за пазухой, сидят между двумя стульями, ломятся в открытую дверь, совершают другие нелепые действия, то есть они воочию сталкиваются с фрагментами алогичного мира (из набора всех «возможных миров»). Благо, что в нашей повседневной речи мы не так часто употребляем образные выражения.

Следовательно, отрицая ступенчатую последовательность в понимании идиом, западные психологи должны были оговорить и исходное существование «фразеологической tabula rasa» в голове человека «от двух до пяти».

Вместе с тем, сделать такую поправку еще не значит сказать что-то новое. Другое дело — сопоставить данное явление с процессом зарождения фразеологизма, его этимологией и сравнить механизм формирования идиомы с процессом постепенного «схватывания» ее смысла взрослеющими детьми.

Возьмем фразеологизм лезть на стену.

По лексикографическому источнику «Русская фразеология. Большой этимологический словарь» знакомимся с исторической справкой:

Оборот возник среди воинов старой Руси. Укрепленные города тогда обносились высокими каменными или деревянными стенами. Штурмовать их было крайне опасно и трудно: в атакующих сверху стреляли, их кололи, обливали кипящей смолой, забрасывали камнями. Лезть на стену значило проявлять особую храбрость, а также — иногда — и безрассудную горячность. [5,667]

А.П. Бабушкин

Воронежский государственный университет, заведующий кафедрой английского языка гуманитарных факультетов.
Доктор филологических наук, профессор

С течением времени выражение лезть на стену полностью утратило свой первоначальный образ, подводимый под сценарий военных действий. Сегодня оно означает «приходить в крайнее раздражение, исступление» — прототип фразеологической единицы и собственно идиому связывает лишь одна ассоциативная нить.

См. литературные примеры:

[Рудин] в душе был холоден и чуть ли не робок, пока не задевалось его самолюбие: тут он на стену лез (И. Тургенев. Рудин).

- Замолчи, дурак! рявкнул старший, хочешь, чтобы твой папаша на стену полез? Да еще бы в школу побежал, общественность привлекать к воспитанию (Ю. Одинцов. Проблемы роста).
- Ничего ты не понимаешь, Шишка! Да ведь я к слову сказал, а ты на стену полез (Д. Мамин-Сибиряк. Золото).

Однако уточним, что на процесс забвения прямого значения фразеологической единицы *лезть на стену* понадобилось не одно столетие.

В ситуации с детским восприятием — один и тот же фразеологизм в «готовом» виде снисходит до уровня денотативного значения слов, его формирующих.

Следовательно, в онтогенезе фразеологическая единица повторяет путь, проходимой идиомой в своем историческом развитии в сознании человечества, с той лишь разницей, что буквальное прочтение фразы (со стороны ребенка) отягощено его собственными бытийными представлениями: (Кто и в каком состоянии лезет на стену?). Необходимо время на то, чтобы в детской голове мир, лишенный здравого смысла, уступил место логически состоятельному миру, в котором имеется особая технология конструирования образной речи.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Изд. третье, испр. и доп. / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
- 2. The Blackwell Dictionary of Cognitive Psychology / Ed. by M. W. Eysenck. Cambridge. Massachusetts : Blackwell. 399 p.
- 3. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В.В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 118-139.
- 4. Чуковский К.И. От двух до пяти / К.И. Чуковский. М. : Детгиз, 1957. 367 с.
- 5. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. проф. В. М. Мокиенко. М. : Астрель; АСТ; Люкс. 2005.-927 с.

Babushkin A.P. Voronezh State University Head of English for Humanities Chair Doctor of Philology, Professor E-mail: apbabushkin@rgph.vsu.ru УДК 378

ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

© 2013 Т.И. Бочарова

Липецкий государственный технический университет

© 2013 М.И. Бочаров

Учреждение Российской академии образования «Институт информатизации образования» (ИИО РАО)

Поступила в редакцию 13 августа 2012 г.

Аннотация: В статье рассматривается понятие коммуникативной безопасности, ее проблемы в электронных средствах массовой информации, характеризуются положительные и отрицательные стороны речевого взаимодействия людей в Интернете.

Ключевые слова: электронные средства массовой информации, коммуникативная безопасность, нормы языка.

Abstract: In the article the concept of communicative safety, its problem of electronic mass media is considered, the positive and negative parties of speech interaction of people on the Internet are characterized.

Key words: electronic mass media, communicative safety, norms of the language.

Влияние средств массовой коммуникации на людей в современном мире чрезвычайно велико. Их аудитория, избалованная разнообразием информации, которую можно получить со всего мира, испытывает ощущение вакуума, если на какое-то время перестает быть соучастником гиперпространства массмедиа. В современном мире глобализация, охватившая практически все сферы общественной жизни, превратилась в существенный фактор мирового развития. В основе ее лежит новый информационный этап научно-технической революции, который внес кардинальные перемены во все области социума. Безграничное информационное поле является неотъемлемой частью нашей жизни, фоном, стилизующим краски повседневности. Интерактивное взаимодействие сближает людей, делает общение более свободным, паритетным, и мнение каждого становится интересным для всех участников коммуникативного гиперпространства. Поэтому не случайно в последнее время естественная свободная речь в публичной коммуникации значительно активизировалась. Электронные средства массовой информации (СМИ) все чаще отдают предпочтение раскрепощенной естественной коммуникации, которую можно наблюдать в различных программах на телевидении, радио и в Интернете.

© Т.И. Бочарова, М.И. Бочаров, 2013

Однако бесконтрольное распространение информации создает условия для проникновения в сознание человека не только полезных, но и вредоносных коммуникативных потоков. Разнообразные техники нейролингвистического программирования, используемые в рекламе и PR, создают угрозу для сознания адресата, которое под влиянием массированного информационного воздействия может быть подвергнуто разрушительным психическим процессам. При этом в целях пропаганды нередко используются грязные технологии, рассчитанные, как правило, на большой общественный резонанс и вызывающие бурный эмоциональный отклик у значительной части массовой аудитории. В результате формируется психолого-коммуникативная зависимость, «информационная мания», нивелирующая исторически сложившиеся культурно-социальные догматы внутреннего торможения и привносящая в общение речевую несдержанность и аффективность.

В последние десятилетия пресловутая свобода слова нередко превращается в речевую вседозволенность, что создает существенные проблемы для полезного интерактивного глобального общения, в котором преобладают речевой такт и порядочность, а не безудержный «информационный гедонизм».

Данная ситуация, сложившаяся в СМИ, требует значительных корректирующих действий, определяемых феноменом информационной безопасности, которая предполагает «способность субъекта сохранять свои системообразующие свойства, основные характеристики при патогенных дезорганизующих, деструктивных, разрушающих воздействиях на киберпространство, информационно-коммуникативные технологии» [1, 20].

Именно таким патогенным воздействием можно назвать информационные потоки, изобилующие некодифицированными языковыми средствами. Желание завоевать популярность, «распиариться» или иные субъективные и объективные причины заставляют известных людей демонстрировать речевую развязность и нормативный нигилизм. Поэтому намеренное использование в речи некоторыми деятелями шоу-бизнеса просторечных слов, арготизмов, инвектив служит дополнительным средством формирования имиджа, создания условий для паблисити и т. п. А средства массовой информации в свою очередь преподносят фрагменты с такими высказываниями в качестве лучшего кадра, «гвоздя программы».

Нередко в теле- или радиопередачах, в которых требуется импровизация, встречаются грубые ошибки, указывающие на недостаточный уровень владения нормами русской речи в официальной обстановке как журналистами, так и другими носителями кодифицированного литературного языка (писателями, учеными, режиссерами и пр.). Нарочито небрежная речь, фамильярный тон активно усваиваются массовой аудиторией и становятся своеобразным правилом естественного живого общения, поскольку именно речь популярных людей в области науки и культуры по традиции всегда воспринималась в качестве образцовой. И такие квазинормы входят в речь некоторых представителей нашей интеллектуальной элиты, которая, говоря о вполне серьезных социокультурных проблемах, может позволить себе использовать в телеэфире разговорно-сниженные лексические единицы типа "раздолбать", "стремно", "кидалово", "лохануться", «заморочки» и т. п.

Благодатную почву для данного процесса во многом обеспечил научно-технический прогресс, бурное развитие Интернета, глобальные коммуникационные технологии, благодаря которым общение стало в полной мере «живым», интерактивным, непосредственным и диалоговым. В данном случае взаимодействие в средствах массовой информации приблизилось к своему второму полюсу — отрицательному, когда оно переходит в словесную несдержанность и даже распущенность. Отражением такой «свободы слова» нередко служат каналы обратной связи, которые представлены на сайтах Интернета. Это

так называемые комментарии на прочитанную статью, просмотренный фильм или какое-то социально-политическое событие участниками форумов, чатов, социальных сетей и т. п. Оценки коммуникантов могут быть различны, начиная от выдержанных в нейтральном тоне и заканчивая стилистически сниженными. Причем внелитературные элементы стали обыденным делом практически во всех средствах массовой информации, однако в Интернете злоупотребление данными формами существования национального языка особенно наглядно. Отчасти этому способствуют псевдонимы, условные имена (аватары), используемые участниками форума, именно они и создают ощущение анонимности и свободы словоизъявления.

Что касается, к примеру, сайтов для детей и подростков, то и здесь ситуация не многим лучше. Развязное провокационное общение нередко более привлекательно, чем толерантное. А отсутствие жесткой речевой регламентации не способствует решению задач всестороннего культурного взаимодействия между участниками коммуникации. Правила сайтов в основном не устанавливают какой-либо значительной ответственности за сообщения на форумах или в чатах. Нередко дело ограничивается только замечанием в адрес нарушителя правил информационного ресурса (одним из которых является вежливое общение на русском литературном языке).

Эта проблема тем более остро встает в период нестабильности коммуникативных норм, детерминирующих неоднозначное отношение пользователей к родному языку, которое во многом формируется современными средствами массовой информации, популяризующими определенные коммуникативные образцы и алгоритмы дискурсивного поведения, нередко рассчитанные на моментальный экспрессивный эффект.

Итак, стремительное развитие информационных технологий, в частности Интернета, создало новые формы и возможности для взаимодействия между людьми, расширило их мировоззрение до глобальных масштабов. Однако недостаточно четкая контролируемость данного процесса государственными и общественными структурами обусловила ситуацию с множеством трудно разрешимых социокультурных и противоречий и угроз психолого-коммуникативной безопасности потребителей массовой информации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Шемякин В.П. Информационная безопасность в современных российских условиях (социолого-управленческие аспекты): диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук // В.П. Шемякин. — М., 2004.

ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Бочарова Т. И.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры социологии, Липецкий государственный технический университет,

E-mail: tanbocharova@rambler.ru

Бочаров М. И.

Учреждение Российской академии образования «Институт информатизации образования» (ИИО РАО), заведующий лабораторией, кандидат педагогических наук, доцент

E-mail: mi1@mail.ru

Bocharova T. I.,

Lipetsk State Technical University,

Candidate of Pedagogical Science,

Associate Professor of the department of Sociology Department

E-mail: tanbocharova@rambler.ru

The Institution of Russian academy of education «Institute of Information of Education» (IIE RAE), Bocharov M. I., The Head of Laboratory, Candidate of

Pedagogical Science, Associate Professor

E-mail: mi1@mail.ru

УДК 821.161.1-31 «18» Д

ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СВЕТСКИХ ПОВЕСТЯХ Н.А. ДУРОВОЙ

© 2013 И.В. Быкова

Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды

Поступила в редакцию 5 декабря 2012 года

Аннотация: Статья посвящена изучению пространственно-временных отношений в светских повестях Н.А. Дуровой, в том числе их временным координатам, особенностям использования психологического времени, приема ретроспекции и географического и социального пространства.

Ключевые слова: светские повести, пространственно-временные отношения, хронотоп, ретроспекция, психологическое время, географическое и социальное пространство.

Summary: This article is devoted to the study of the spatiotemporal relations in the society tales by N.A. Durova, and among them their temporal coordinates, features of the psychological time use, retrospection device, geographical and social space.

Key words: social tales, spatiotemporal relations, chronotopos, retrospection, psychological time, geographical and social space.

ВВЕДЕНИЕ

Надежда Андреевна Дурова (1783–1866) своей уникальной биографией известна во всем мире. Она вошла в русскую историю не только как женщина-офицер, кавалер Георгиевского ордена и участница Отечественной войны 1812 года. Неординарность этой прославленной женщины проявилась в способности переступить консервативные воззрения и бросить вызов русскому обществу начала XIX века своеобразием жизненной позиции, вечным поиском себя и своего места в жизни. И если военные заслуги кавалерист-девицы были оценены по достоинству и современниками, и последующими поколениями, то деятельность писателя, самобытного и талантливого художника слова, роль которого в нравственном, этическом, патриотическом воспитании трудно переоценить, была незаслуженно забыта.

Характеристику Н.А. Дуровой-писательницы как бесспорного таланта дал В.Г. Белинский в рецензии на книгу «Записки Александрова. Добавление к Девице-кавалерист», отмечая, что уже с первого выступления в «Современнике» «<...>литературное имя Девицы-кавалерист было упрочено» [1,148]. Кроме того, критик помещает имя Н.А. Дуровой в перечне имен «более или менее блестящих и сильных талантов» наряду с Н.М. Карамзиным, Е.А. Баратынским, А.А. Дельвигом, Д. Давыдовым, В.И. Далем, М.Н. Загоскиным, обращая внимание на то главное, что особенно заслуживает восхищения: «<...> боже мой, что за

чудный, что за дивный феномен нравственного мира героини этих записок» [1, с.148]. Отмечая литературное мастерство Н. Дуровой, В.Г. Белинский пишет: «И что за язык, и что за слог у Девицы-кавалериста! Кажется, сам Пушкин отдал ей свое прозаическое перо, и ему-то обязана она этою мужественною твердостию и силою, этою яркою выразительностию своего слога, этою живописною увлекательностию своего рассказа, всегда полного, проникнутого какой-то скрытою мыслью» [1, 149].

Однако роль писательницы в создании своеобразных с точки зрения идейно-художественного содержания, композиции, сюжета художественных текстов, в формировании эстетических взглядов и вкусов нескольких поколений читателей оценена литературоведами все еще недостаточно. Художественное наследие писательницы, несмотря на возрождение к нему интереса филологов, все еще не получило всестороннего осмысления. Предметом специального изучения до сих пор не стали и светские повести Н.А. Дуровой, представляющие несомненный историко-литературный интерес, являющиеся ярким свидетельством того, что как талантливый прозаик писательница видела и понимала проблемы современной России; выносила на суд читателей пороки светского общества, погрязшего в ничтожестве, холодном эгоизме и мелких страстях, критиковала героя без воли, неспособного противостоять губительным предрассудкам света, ратовала за более демократичные формы общественной и личной жизни, декларировала

© И.В. Быкова, 2013

нравственные и этические идеалы межличностных отношений в семье.

Известно, что в процессе эволюции романтической прозы в 20-30-е годы XIX века в русской литературе возникает особая внутрижанровая разновидность повести - светская повесть, которая на десятилетия становится одним из самых модных жанров того времени. В основе светской повести лежит любовно-психологическая драма, действие которой развивается в светской среде. Центральный конфликт происходит между «светом» и героем, желания и действия которого не всегда согласуются с законами высшего общества. Чаще всего эта коллизия определяет не только эмоциональный тон, но и сюжетное развитие светских повестей, взаимоотношения персонажей, их характеры, пространственно-временные отношения.

Цель данной статьи проанализировать особенности пространственно-временных отношений в светских повестях «Угол», «Игра судьбы, или Противозаконная любовь», «Павильон», «Граф Мавриций», «Оборотень».

Исследование и интерпретация пространственно-временной организации светских повестей Н.А.Дуровой до сих пор не были предметом специального изучения, что делает их анализ актуальным.

Разносторонними аспектами изучения проблем пространства и времени в художественном произведении занимались такие известные ученые, как М.М. Бахтин, В.Я. Пропп, В.Б. Шкловский, Д.С. Лихачев, А.Б. Есин, Ю.М. Лотман и др.

Ведущая роль в разработке этой проблемы принадлежит М.М. Бахтину, который в своих работах «Роман воспитания и его значение в истории реализма», «Формы времени и хронотопа в романе» ввел в литературоведение понятие хронотопа для обозначения «<...> существенной взаимосвязи временных и пространственных отношений художественно освоенных в литературе. Хронотоп определяет художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности» [2, 391]. М.М. Бахтин относит хронотоп к формально-содержательным категориям и считает, что «<...> всякое вступление в сферу смыслов свершается только через ворота хронотопов» [2, 406]. По мнению ученого, время в художественном произведении «сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории» [2, 125].

Согласно наблюдениям А.Б. Есина, по особенностям художественной условности пространство и время подразделяются на абстрактное

и конкретное. Причем абстрактным является хронотоп с высокой степенью условности, воспринимаемый как «всеобщий», с координатами «везде» и «нигде», а конкретное пространство и время имеет привязку действия к реальным историческим ориентирам. По мнению А.Б. Есина, «интенсивность художественного времени выражается его насыщенностью событиями» с использованием трех вариантов: «средняя, нормальная заполненность времени событиями; увеличенная интенсивность времени (вырастает количество событий на единицу времени); уменьшенная интенсивность (насыщенность событиями минимальная)» [3, 102]. Представленные варианты характерны как для произведений, концентрирующихся на внешних событиях, так и для текстов, насыщенных внутренними, психологическими событиями.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В процессе анализа светских повестей Н.А. Дуровой было установлено, что пространственно-временная организация произведений писательницы характеризуется присущей романтизму абстрактностью и размытостью. Художественное время в светских повестях не конкретизировано, хотя реальные исторические события иногда входят в сюжетную канву произведений, то есть временные ориентиры всетаки присутствуют. В связи с тем, что в светских повестях изображаются события современной писательнице жизни, то время их действия относится к началу XIX века. В повести «Игра судьбы, или Противозаконная любовь» об этом свидетельствует упоминание о войне 1812 года: «Отечественная война наша приходила уже к окончанию; неприятель пожимался от холода в древней столице нашей и совсем, кажется, был не рад, что так далеко зашел, как в буквальном, так и в переносном смысле» [4, 314]. Время действия повести «Павильон» тоже относится к периоду военных походов 1807-1812 годов, участником которых, как и в предыдущей повести, является повествователь Александров (псевдоним Дуровой). Временем действия повести «Оборотень» тоже можно считать конец XVIII - начало XIX века, когда 60-летнему рассказчику полковнику Астрееву было 22 года. В повести же «Угол» временные ориентиры несколько размыты, хотя и угадываются по стремлению купечества породниться со светской аристократией, по судьбе вольноотпущенной крестьянки Степаниды, купившей небольшой дом, комнаты которого она сдает в наем. Наибольшей абстрактностью характеризуется время действия в повести «Граф Мавриций», хотя можно предположить, что это начало XIX века.

Кроме социально-политического времени (упоминание о войне и походах, связанных с войной 1812 года), в светских повестях писательницы используется биографическое (почти во всех повестях приводятся некоторые биографические данные героев) и природно-циклическое время. Особую роль природно-циклическое время играет в повести «Угол», в которой писательница использует названия времен года и месяцев, чтобы подчеркнуть праздность времяпрепровождения представителей светского общества: «Настал июль; пора жары, купанья, мороженого, лимонадов со льдом, чаю в одиннадцать часов вечера»; «Прошло лето, настала осень, пасмурный сентябрь! Все готово, остается переехать и снова водвориться в городе: снова ездить на балы, собрания, концерты, в магазины; спать до полдня, смотреть на мелкий дождь, слушать городские новости; одним словом, жить, как и прежде» [5, 127]. Кроме того, писательница в светских повестях достаточно часто использует такие внешние формы художественного времени, как хронометрия - определение длительности события - и хронология - установление последовательности событий.

Известно, что в художественном произведении писатель воплощает определенную последовательность фактов, событий, развертывающихся во времени и пространстве. При возвращении в прошлое или обращении к будущему меняется время повествования, а также место действия, то есть осуществляется переход в иное пространство. Эта направленность на временной оси сформировала представление о ретроспекции и проспекции как составляющих пространственно-временного континуума текста. Во всех анализируемых светских повестях писательница неоднократно использует приём ретроспекции, останавливая течение художественного времени и возвращая читателя в прошлое. Например, история знакомства графа Мавриция с юной Юзефой прерывает повествование и возвращает читателя на три года назад. Сватовство Жоржа и Целестины произошло за несколько лет до того, как об этом узнал читатель: «Разговор этот был за три года до того гуляния, о котором теперь идёт речь. Целестине тогда было лет девятнадцать» [5, 70]. Особенно удачно писательница использует приём ретроспекции в повести «Угол», когда в кульминационный момент развития действия она прерывает рассказ о неожиданной встрече графини с годовалой внучкой на ковре в гостиной сына, чтобы раскрыть и изложить тщательно скрываемые в течение четырех лет перипетии в жизни главных героев. Ретардация (задержка) кульминации позволяет Н. Дуровой осветить те события, которые были скрыты от читателей, но происходили на самом деле.

Приём ретроспекции используется и в повести «Павильон», когда граф Эдуард, подстрекаемый евреем Шлёмкой, поселился у Валериана, чтобы выведать тайну павильона. Именно в этот напряжённый для повествования момент писательница возвращается на год назад, чтобы рассказать, где Валериан познакомился с Лютгардой и почему он решил увезти девочку из семьи воеводы Хмар***. В повести «Игра судьбы, или Противозаконная любовь» записи молодой приятельницы автора П** Н** о годах замужества Елены возвращают читателя на шесть лет назад. В основе сюжета повести «Оборотень» используется прием ретроспекции, когда Астреев почти 40 лет спустя рассказывает молодым гусарам о своем знакомстве с семейством Аллигурских и счастливой для него женитьбе на Розетте. С помощью приема ретроспекции мы возвращаемся в прошлое Эмилии и Розетты и узнаем историю их уродства и исцеления.

Светские повести Н. Дуровой насыщены драматическими коллизиями, однако в разных частях произведений их текстовая организация неоднородна. Так, в повести «Угол» писательница приводит хронологию каждодневных спокойных, казалось бы, ничего не предвещающих дней, смысл и интрига которых будут понятны позже. Например:«Через неделю она уехала на дачу»; «В продолжение этого времени ничего заметного не случилось, исключая, что Федулов отправил свою дочь в дальнюю северную губернию»; «В половине июня граф возвратился к своей матери», «Прошло три года, о Фетинье слухов нет» [5, 130]. И хотя это мерное течение недель, месяцев, лет наполнено обычными делами, у читателя нарастает тревожное ожидание: что же происходит с главными героями? Почему после таинственного исчезновения Фетиньи и постепенного забвения её в свете граф Тревильский по-прежнему весел и беззаботен? Слова о значении времени в жизни человека Н. Дурова вкладывает в уста графини Тревильской: «Дать тебе время! Но ведь оно-то и дорого, Жорж! Его-то и не надобно упускать; правда, что оно приносит многое, но и сколько ж и уносит! Не оно ль отнимает нашу красоту, силу, здоровье, богатство! Наши черные локоны, румянец, блеск очей, полноту, живость, радостный смех, милые затеи! Все, все берет у нас то время, которого ты не перестаешь просить у меня» [5, 128].

В светских повестях Н. Дуровой обращает на себя внимание еще одна особенность, о которой писал М.М. Бахтин, — наличие психологического времени, с характерным для него преобладанием внутренних, психологических событий над внешними. Показательна в этом отношении повесть «Игра судьбы, или Противозаконная любовь»,

в которой замедление динамики сюжета автор компенсирует повышением внимания к внутреннему миру героини, предельно насыщенному эмоциями и переживаниями. Два года неудачного замужества, отчаяние покинутой любовницы, безмятежное счастье во время преступной связи с татарским князем Гаметом — во всех этих эпизодах внешняя событийность подавлена психологической, то есть, повествуя о душевных переживаниях Елены, автор замедляет течение художественного времени.

Повесть «Угол» насыщена драматическими коллизиями, однако в моменты, повествующие о душевных переживаниях героев, время становится менее динамичным. Примером может служить эпизод во время мазурки на балу у князей Орделинских, когда графине Тревильской кажется, что время тянется бесконечно долго. Ее сын на глазах всего светского общества танцует мазурку не с невестой Целестиной, а с купеческой дочерью Фетиньей: «Графиня, разрываясь от досады, поминутно покушалась подойти к сыну и сказать, чтобы он кончил свой бесконечный танец». Бесконечно медленно тянется время и утром, после бала, когда графиня ждет и не может дождаться появления сына, чтобы поговорить с ним: «Вот уже и четвертый час пополудни – графа нет! Наступил вечер — графа нет!» [5, 124]. Томительно медленно тянется время и для графа Жоржа перед событиями, сыгравшими важную роль в его судьбе: «Наконец он возвратился в комнату и, приведя в порядок все свои бумаги, совершенно, однако ж, без нужды, а только, чтоб чем-нибудь занять время до семи часов. Услышав бой этого желанного числа часов, он поспешно сошел вниз и отправился в конюшню» [5, 124]. В этих примерах психологическое время взаимодействует с сюжетно-событийным, во время которого разворачиваются события и действия «существенно меняющие или человека, или взаимоотношения людей, или ситуацию в целом» [5, 103]. Как видим, повествование в зависимости от эмоциональной окраски эпизода то замедляется, то ускоряется, создавая неоднородность текстовой организации повестей писательницы.

Пространственные отношения в светских повестях Н.А. Дуровой характеризуются конкретностью. Писательница не использует в своих произведениях географическую экзотику. Так, действие повести «Игра судьбы, или Противозаконная любовь» происходит в глуши, в маленьком городке северной губернии, на родине автора, что следует из подзаголовка. Местом действия в повести «Угол» является столица, кроме того, в повести используются такие географические названия, как Иркутск и Камчатка. В повести «Павильон» местом действия является селение

Роз*** в Польше, чем объясняется национальный колорит повести: имена героев, обычаи, названия религиозных атрибутов, свойственных католической церкви, названия городов — Краков, Вильна, Варшава. В названии повести используется место трагических событий — старинный павильон в саду отставного унтер-офицера Рудзиковского.

В светских повестях Н.А. Дуровой прослеживается приуроченность ситуаций и событий к определенным местам, причем по отношению к герою «<...> эти «места» являются функциональными полями, попадание в которые равнозначно включению в конфликтную ситуацию, свойственную данному locusy» [6, 43]. И действительно, павильон становится главным топосом, в котором развертывается трагедия Валериана Тарнопольского и его бедной воспитанницы Лютгарды. Или угол в доме бывшей крепостной Степаниды не случайно выведен в название повести. Ведь именно бедный угол, в отличие от роскошного особняка графини Тревильской, стал для молодых влюбленных средоточием истинной доброты и человечности. Как видим, художественное пространство в светских повестях приобретает ключевое и даже иногда символическое значение. Главным топосом в повести «Оборотень» становится красный кирпичный дом, незатейливой архитектуры в три этажа на берегу реки Неман, в котором жила семья Аллигурских и происходили основные события повести. Кроме того, рассказчик называет город, где происходили события и даже дает ему характеристику: Гродно, пограничный город Белоруссии, «<...> незабвенный, милый, грязный, пыльный, а всего более суматошный Гродно» [7, 5]. Необходимо отметить, что все художественное пространство повести разделено на две неравные части. Первая – ограничена домом семьи Аллигурских, а вторая, почти не детализированная – весь остальной мир, обширный и неопределенный, в котором иногда пребывает рассказчик Астреев. Единство места действия свидетельствует о театральности художественного пространства повести. Не случайно, может быть, поэтому повесть «Оборотень» впервые была опубликована в журнале «Пантеон русского и всех европейских театров», где печатались, как замечает редактор, повести и рассказы «могущие служить сюжетом для драмы или комедии» [8, 7].

Место действия повести «Граф Мавриций» — деревня, недалеко от польской К-цы, где живет граф с молодой женой Людмилой и где во время прогулки в поле он встречает юную поселянку Юзефу. Графа Мавриция, согласно типологии героев Ю. Лотмана, через соответствующий им тип художественного пространства, можно отнести к героям «своего места (своего круга), героям пространственной и этической неподвиж-

ности, которые, если и перемещаются согласно требованиям сюжета, то несут вместе с собой и свойственный им locus» [9, 257]. Граф Мавриций приносит в жизнь Юзефы свойственный ему тип пространства — жизнь и нравы светского общества. Философию светских салонов об избранности представителей высшего света несет везде, где бы она ни появлялась, графиня Тревильская в повести «Угол». Лидин, герой повести «Игра судьбы, или Противозаконная любовь», после женитьбы на юной Елене привносит в ее дом свойственную ему ауру кутежа, пьянства, грубости и разврата.

Практически в каждой повести Н.А. Дуровой есть эпизоды, место действия которых имеет ключевое значение для развития сюжета. В повести «Угол» решение графа Тревильского жениться на купеческой дочери Фетинье происходит на балу. А бал как место действия — характерная деталь светских повестей. По замечанию Ю. Манна, бал — это «<...> образ пустой формы, этикетности, и арена соперничества, и холодная, леденящая стихия, и мир чувственных страстей» [10, 351]. На балу гусар Астреев принимает судьбоносное решение познакомиться с Аллигурскими, владельцами красного дома на реке Неман, так запавшего ему в душу.

Особенностью пространственной организации светских повестей Н.А. Дуровой является то, что пространство героя и противостоящего ему «света» - постоянная оппозиция, которая подчеркивает пространственную несовместимость их миров. Враждебный «свет» преследует Елену всюду. Даже в последние дни ее жизни светские дамы приходят в грязный подвал, где лежит изуродованная болезнями и пьянством Елена, чтобы посмотреть, во что превратилась бывшая первая красавица уезда. Не принимает высший свет купеческую дочь красавицу Фетинью, которая вынуждена вместе с мужем и детьми покинуть родину. Не принимает приглашений посетить представителей светского общества селения Скор*** и высокомерный служитель бога Валериан.

Описания быта героев в светских повестях очень реалистичны. Как отмечал М.М. Бахтин, «<...> все изображенные в произведении предметы имеют и должны иметь существенное отношение к герою. Все предметы соотнесены с внешностью героя, с его границами, и внешними и внутренними» [2, 88]. Писательница представляет интерьеры купеческого дома Федуловых, гостиные княгини Тревильской, павильон с любовью обставленный для Лютгарды Валерианом. Характерными для художественного пространства светских повестей Н.А. Дуровой топосами являются не только светская гостиная, будуар красавицы, бал, но и ветхая, вросшая в землю, с почерневшей кровлей хижина юной поселянки

Юзефы, скромный угол Степаниды, темный, грязный подвал бездомной Елены. Дурова старается через описание интерьера показать характер персонажа и, нарушив замкнутость светской жизни, столкнуть представителей светского общества с окружающей демократической средой. Она сочувствует маленькому человеку и показывает его жизнь без прикрас.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В пространственно-временных отношениях светских повестей Н.А. Дуровой нашли воплощение особенности романтического восприятия мира. Временные координаты в повестях, в большинстве своем, лишены социально-исторической конкретики: реальные исторические события редко включаются в сюжетную канву произведений. Значительную роль в повествовании играет психологическое время с преобладанием внутренних, психологических событий над внешними, и прием ретроспекции, помогающий осуществить переход в иное пространство и время. В повестях писательницы нет географической экзотики, она использует в своих произведениях реальные географические названия, а в качестве бытовых зарисовок – социальное пространство, которое придает своеобразный колорит реалиям того времени. Пространство героя и противостоящего ему «света» - постоянная оппозиция, которая подчеркивает пространственную несовместимость их миров. В светских повестях Н.А. Дуровой прослеживается приуроченность ситуаций и событий к определенным местам, которые по отношению к герою являются функциональными полями, попадание в которые равнозначно включению в конфликтную ситуацию, свойственную данному пространству.

В светских повестях Н.А. Дурова изображает знакомое русским читателям пространство и время, наполняя художественную ткань произведения социально-бытовыми реалиями российской жизни начала X1X века.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Белинский В.Г. Записки Александров (Дуровой) Добавление к Девице-Кавалерист / В.Г. Белинский // Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953-1959. Т. 3: Статьи и рецензии 1839-1840 годов. Художественные произведения. 1953.— С.148-157.
- 2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа / М.М. Бахтин // Очерки по исторической поэтике. М.: Худож. лит., 1975. С.87-116.
- 3. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: [учеб. пособие для студентов и преподавателей филолог. ф-та, учителей словесности]. 5-е издание / А.Б. Есин. М.: Наука, 2007.— 247 с.
  - 4. Дурова Н.А. Игра судьбы, или Противозаконная

ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОВЕСТЯХ Н.А. ДУРОВОЙ

- любовь / Н.А. Дурова // Избранное. М. : Современник, 1988. С. 259-313.
- 5. Дурова Н.А. Угол / Н.А. Дурова // Дача на Петергофской дороге. Проза русских писательниц первой половины X1X века. М.: Современник, 1986.— С.61-147.
- 6. Нехлюдов С.Ю. К вопросу о связи пространственновременных отношений с сюжетной структурой в русской былине / С.Ю. Нехлюдов // Тезисы докладов 2 Летней школы по вторичным моделирующим системам, 16—22 августа 1966. Тарту, 1966.— С. 41-45.

Быкова И.В.

Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды. Преподаватель кафедры практики английской устной и письменной речи факультета иностранной филологии e-mail: irina.bykova.78@mail.ru

- 7. Дурова Н.А. Оборотень, Рассказ шестидесятилетнего гусара // Пантеон русского и всех европейских театров. 1840. №4. С. 4-61.
- 8. Пантеон русского и всех европейских театров. 1840. № 4. С. 41.
- 9. Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя / Ю.М. Лотман // В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 251-292.
- 10. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя [2-е изд., доп.] / Ю.В. Манн. М.: Худож. лит., 1988. 413 с.

Bykova I.V.

Kharkiv National Pedagogical University by G.S. Skovoroda. Teacher at the department of English oral and written speech practice. Faculty of foreign philology e-mail: irina.bykova.78@mail.ru

УДК 81'373.611

К ПРОБЛЕМЕ ПОЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ АФФИКСОВ

© 2013 М.В. Владимирова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2.12.12

Аннотация: Настоящая статья посвящена вопросу структурирования семантики отрицательных аффиксов, в частности сделана попытка описания семантики аффикса с точки зрения полевой модели; в качестве иллюстрации были выбраны примеры из англоязычных романов В. Набокова и их переводов на русский язык.

Ключевые слова: полевая модель, словообразование, концептуальная семантика отрицательных аффиксов, контрастивная лингвистика, художественный перевод.

Abstract: The present article is devoted to structuring the semantics of negative affixes, in particular attempted to describe the semantics of the affix in terms of the field model. Sample sentences have been chosen from English novels by V.Nabokov and Russian translations.

Key-words: field-model, derivation, conceptual semantics of negative affixes, contrastive linguistics, literary translation.

Полевая модель используется в описании лексических, фразеологических, а в последнее время и синтаксических единиц. Закономерно обратить внимание и на *единицы словообразования*, в данном случае — аффиксы. Настоящая статья посвящена вопросу структурирования семантики отрицательных аффиксов.

Пожалуй, ни один способ словообразования в разных языках, в том числе и английском, не исследовался столь часто и детально, как аффиксация. И это закономерно: ведь в аффиксальном словообразовании семантические изменения, которые претерпевает производящая база, эксплицитно выражены и связаны с прибавлением к ней формальных показателей — аффиксов [7]. В аффиксе наглядно представлены определённые универсальные типы связей, по которым осуществляется концептуализация мира.

Образование новых единиц номинации обязательно связано с определенными, прежде всего семантическими, преобразованиями исходных единиц, и, соответственно, словообразовательное значение есть у всех производных. Производное слово, в отличие от простого слова, передаёт своё значение посредством указания на другое, уже имеющееся в языке наименование и черпает своё значение из мотивирующего слова [1,8].

Чрезвычайно сложно создать универсальную модель описания полевой структуры для

© М.В. Владимирова, 2013

отдельного аффикса, т. к., являясь условно самостоятельной семантической единицей, аффикс принимает часть семантики корня слова в каждом конкретном употреблении, которое, в свою очередь, подразумевает широкий контекст. Деривационный аффикс в производном, как указывает Е.С. Кубрякова, «не является обязательным компонентом его формы, однако там, где он налицо, там отличительные признаки производного слова выступают с особой наглядностью и очевидностью. Так, в морфологических структурах с суффиксом -less последний маркирует определённый тип отношения — отсутствие того, что обозначено производящей основой» [1,144].

Рассмотрим пример с данным суффиксом и его перевод на русский:

1) «Get into the car,» I said.

She obeyed, and I went on pacing up and down, struggling with *nameless* (курсив – B. M.) thoughts, trying to plan some way of tackling her duplicity(Nabokov V. Lolita, ch. 2, part 19) – [9, 224];

2) «Садись в машину», сказал я.

Послушалась; я же продолжал ходить взад и вперед по тротуару, борясь с *невыразимыми* (курсив — В. М.) мыслями и пытаясь найти какой-нибудь способ подступиться к изменнице [3, 309].

Общее значение для «nameless» — «невыразимыми»: — «слишком плохими, либо тяжёлыми, чтобы быть названными». Если для «name» основными значениями являются: 1) давать имя;

2) называть; 3) определить (цену); 4)назначить (день); 5) номинировать [8, 413], то для nameless -1) не иметь названия, быть неизвестным; 2) быть слишком плохим, чтобы быть названным. В таком случае, в данном примере -less выражает не *отсутствие* признака «быть названным», а подавление, намеренное приглушение этого признака. Для русского варианта «невыразимый» в словарном определении дано «такой, который трудно передать словами, непередаваемый» [6,401], т. е. в оценочном плане скорее «хороший», чем «плохой». Тем не менее, автор выбирает для перевода именно «невыразимый». Реализуемая в семантике слова периферийная сема «невыразимые» — «такие, для которых нет выражения, так как они слишком плохие, либо тия и позволяет заметить, что не только семантика корневых слов, но и семантика аффиксов в разных языках образует дифференцированную полевую структуру.

В следующем примере при переводе романа В. Набокова «Пнин» (1957) в одном случае было принято решение точно следовать авторскому эпитету «hermetic-looking» («There had been<...>that room in the eminently <u>hermetic-looking</u> Duke's Lodge, Waindellville<...>»[10,63]) — «герметичной на вид» («А еще была <...>комната в этой исключительно герметичной на вид Герцогской Резиденции в Уэйнделвилле<...>»[4] — перевод Б. Носика: 1991), в двух других заменить его на «непроницаемый»: «непроницаемый вид» («Была еще <...> другая комната в имевшем замечательно непроницаемый вид доме, называвшемся «Павильоном Герцога», в Вайнделлвилле<...>»[5] перевод С. Ильина: 1993) и «непроницаемом на первый взгляд» («Была ещё комната<...>в абсолютно непроницаемом на первый взгляд «Герцогском павильоне» в Уэндельвиле <... >»[2, 233] — перевод Г. Барабтарло: 1983).

По определению словаря, «непроницаемый — 1. Такой, который не пропускает сквозь себя чтонибудь (воду, свет, звуки); 2. Такой, куда нельзя проникнуть взглядом, а также недоступный пониманию, скрытый»[6, 409], т. е. либо нечто одно-двумерное (преграда), либо трёхмерное (ёмкость, контейнер). Наличие в семантике русского слова данного признака (замкнутое пространство) и позволило переводчикам использовать его в качестве эквивалента английскому «hermetic-».

Во втором ряде примеров, в подобном контексте, лишь перевод Григория Барабтарло оставляет то же слово: «One of the sweetest things about the place was the silence — angelic, rural, and **perfectly secure** <...>» [10, 144] — «Одним из самых восхитительных достоинств этого места была тишина — ангельская, деревенская и **совершенно непроницаемая** <...>»[2, 233].

И, наконец, в третьем примере технический термин «soundproof» переводится исключительно как «звуконепроницаемый»: 'You may laugh, but I affirm that the only way to escape from the morass — just a drop, Timofey: that will do — is to lock up the student in a soundproof cell {«запирать этого студента в звуконепроницаемой камере»[4] / «запереть студента в звуконепроницаемой келье»[2, 322] / «запереть студента в звуко-непроницаемой камере» [5]} and eliminate the lecture room.'[10, 161].

Таким образом, можно сделать вывод о ядерном для «непроницаемый» значении ёмкость, контейнер, однако, поскольку аффикс усиливает значение герметичности (проникнуть, проницать, проницаемый — куда-то и во что-то), это значение становится периферийным элементом семантики аффикса. Сравните английский синоним «impenetrable» (непроницаемый, непробиваемый, непроходимый, недоступный, беспросветный): The fort's defenses were thought to be impenetrable; the ancient temple was surrounded by vast stretches of impenetrable jungle — для него характерно значение двухмерной (внешней, а не внутренней) преграды.

Анализ семантики словообразовательных аффиксов помогает понять строение универсальных для всех языков связей, образующих членение действительности. Полевая структура слова подразумевает наличие полевой структуры и у составляющих её элементов, вопрос состоит в том, считать ли элементы семантики аффикса в контекстном употреблении самостоятельными.

На данном этапе исследования мы полагаем наличие у аффикса ядерных (наиболее эксплицированных) и периферийных (имплицитных, возникающих исключительно в конкретных словоупотреблениях) значений.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова. — М. : Наука, 1981, — 200 с.

2.Набоков В. Истинная жизнь Себастьяна Найта // В. Набоков. — М. : ООО «Фирма «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 1998, — 464 с.

3.Набоков В. Машенька, Лолита : Романы / В. Набоков. — Волгоград : Ниж.-Волж. кн. из-во, 1990, — 400 с.

4.Набоков В. Пнин [Электронный ресурс] / В. Набоков, пер. Б. Носика. — URL. : http://nabokovandko.narod.ru/Texts/Pnin_rus02.html (дата обращения: 19. 10. 2012).

5.Набоков В. Пнин [Электронный ресурс] / В. Набоков, пер. С. Ильина. — URL.:/http://nabokovandko.narod.ru/Texts/Pnin_rus03.html(дата обращения: 19. 10. 2012).

6.Ожегов С.И. Словарь русского языка // С.И. Ожегов/ Под. Ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1990. – 917с.

7. Харитончик З.А. Лексикология Английского Языка [Электронный ресурс]/З.А. Харитончик. — URL.: http://buga-

М.В. Владимирова

books.com/book/100-leksikologiya-anglijskogo-yazyka/35--1-affiksalnoe-slovoobrazovanie.htm $\underline{\bf 1}$ (дата обращения: 11.10.2012).

8. Hornby A.S. Oxford student s dictionary of current English / A.S. Hornby — M. : Просвещение; Oxford : Oxford University, — 1983.-772c.

9. Nabokov V. Lolita /. Vladimir Nabokov. — New York, NY: Vintage Books: A Division of Random House, Inc., 1989. — [8], 317 p.

10. Nabokov V. Pnin / Vladimir Nabokov. — London : Heinmann, 1969. — 190 [1]p.

Владимирова М.В.

Воронежский государственный университет, аспирант кафедры общего языкознания и стилистики филологического факультета.

E-mail: vladimirova2009@mail.ru

Vladimirova M.V.

Voronezh state university, post-graduate at Linguistics and Stylistics Chair of Philological Faculty. E-mail: vladimirova2009@mail.ru

УДК 821.161.1

«ВЛАСТЬ ЗЕМЛИ» В СУДЬБАХ ГЕРОЕВ М.А. ШОЛОХОВА И Ф.А. АБРАМОВА

© 2013 О.В. Голотвина

Липецкий государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 19 ноября 2012 г.

Аннотация: В статье на материале произведений писателей-реалистов XX века М.А. Шолохова и Ф.А. Абрамова рассматривается проблема взаимосвязи русского человека с землей в свете её традиционного восприятия, а также причины и последствия трансформации этой связи, ставшей возможной в результате глобальных исторических изменений.

Ключевые слова: земля, крестьянин-труженик, традиционное мироощущение, хозяйственность, исторические изменения, ответственность, авторская концепция.

Abstract: The article is devoted to the problem of russian man's correlation with land in his traditional, national perception which is considered on a material of works of M.A. Sholokhov and F.A. Abramov - writers-realists of the twentieth century. More over it is paid attention to reasons and consequenses of this connection transformation, which became possible due to global historic transformations.

Key words: the land, a toiler peasant, the traditional perception of the world, a thriftiness, historic transformations, a responsibility, an author's conception.

Для русского человека слово «земля» традиционно имело не столько физиологическое, сколько интуитивное и духовно-нравственное наполнение. А.А. Коринфский, один из известнейших отечественных этнографов, так писал об отношении нашего крестьянина к земле: «До окончания веков останется она все тою же матерью для живущего на ней и ею народа, своим внукам-правнукам заповедывающего одну великую нерушимую заповедь: о неизменном и неуклонном сыновнем почитании ее» [1, 17].

Однако с 1860-х годов стали складываться условия для процесса раскрестьянивания, денатурализации производства, толчок к которым дали реформы 2-й пол. XIX в. Изменения уже тогда заставляли задуматься о последствиях разрушения многовековой системы хозяйствования как формы жизни. Так, Г.И. Успенский, уже в 1882 г. писал: «...огромная масса русского народа до тех пор и терпелива, и могуча ...покуда над ним царит власть земли... Оторвите крестьянина от земли <...> добейтесь, чтоб он забыл «крестьянство», — и нет этого народа, нет народного миросозерцания, <...> настает душевная пустота...» [2, 213].

Перипетии XX века не только увеличили этот разлом, но и поколебали духовную ценность земли, а погоня за материальным благополучием сделала ее во многом предметом купли-продажи. Нарушив саму основу естественного развития

крестьянской жизни, породив необратимые изменения в ее генетической основе, «великий перелом» проявился во всех сферах — от хозяйственной до нравственной.

Будучи современниками, М.А. Шолохов и Ф.А. Абрамов на разном историческом материале рассматривали специфику человеческого сознания в условиях глобальных исторических изменений, в общей сложности охватив весь XX век.

М.А. Шолохов не скрывал своей приверженности к исконному мироощущению земледельца. От «Донских рассказов» до «Тихого Дона» и «Поднятой целины» образ земли, временами трансформируясь, выверяет характеры персонажей, отражает исторические изменения.

В донском цикле упоминание о земле есть практически во всех рассказах. Так, ее зов становится причиной захвата Крамским-старшим пустующей пашни («Коловерть»). Лишенный семян Степан («Обида») страшится взглянуть на «черную, распластанную трупом пахоту» [3, 252]. Тоскует лишившийся ног Аникей («Лазоревая степь»), потому что «...землю сроду не придется пахать» [3, 321], оттого прячась, обнимает «глыбу, лемешами отвернутую, к себе жмет, руками гладит, целует» [3, 321]. Подчиняясь ее властному призыву, возвращаются с легких кубанских хлебов бывшие погорельцы («Батраки»), призрачно надеясь заработать на новый инвентарь и зажить «своим хозяйством». «Манила <...> земля, звала по ночам» [3, 366] и деда Гаврилу («Чужая кровь»),

© О.В. Голотвина, 2013

заставляя не думать о «прахом дымящемся» хозяйстве. Кроме того, в рассказах «Родинка» и «Шибалково семя» упоминается архаичный обряд клятвенного поедания и целования земли как самого надежного гаранта, а положение земных поклонов — как высшей степени уважения либо смирения.

Уже в первых строках «Тихого Дона» образ земли заявляет о себе в старинной казачьей песне, становящейся лейтмотивом событий эпопеи:

«Не сохами-то славная *землюшка* наша распахана...» [4, 5] (выделено — O. Γ .).

Символика земли, земной тверди имеет в романе несколько уровней прочтения. Л.Г. Сатарова, рассматривая роль природы в философскоэстетической концепции романа, указывает на конкретный («...та земля, на которой пашут и сеют казаки и за которую они воюют в гражданской войне»), метафорический, возникающий в том случае, «...когда речь идет об обретении героем почвы <...> определенной социально-нравственной позиции в мире», и символический, когда она «... выступает в роли колыбели всего сущего, живого, в том числе и человека» [5, 10]. Н.Ю. Желтова, говоря об образе земли в романе, расширяет границы ее восприятия до национального топоса, условно поделенного на периферию родного пространства и пределы родного дома, где находится некий сакральный центр, в поисках которого герой ранее и отправляется в странствия [6, 243].

Критики советского периода активно рассматривали «власть земли» над судьбами патриархальной части казачества, изображенного М.А. Шолоховым, и, в первую очередь, над главным героем «Тихого Дона». Так, Ф. Бирюковым Григорий охарактеризован как «труженик, человек от земли» [7, 114], А. Бритиков считал, что «в Григорьевом чувстве земли – вся противоречивость его позиции, его сознания, его социальности труженика и собственника одновременно» [Цит. по 8, 179]. Л. Якименко говорил о «душе хозяйчика», о прошедшем через всю гражданскую войну мелеховском чувстве собственника в отношении к своему паю земли [9, 67] и др. В своей кандидатской диссертации (1951г.) Ф.А. Абрамов, находясь под идеологическим влиянием времени, также дал негативную оценку привязанности главного героя к земле как частной собственности: «Только тогда удается ему [Г. Мелехову. — O. Γ .] вырваться из плена земли, собственности, когда он приобщается к большой революционной правде <...> «власть земли» является одной из главных причин трагедии Мелехова <...> Совсем другие отношения между человеком и природой-землей в «Поднятой целине» [10, 322]. Интересно, что позже Ф.А. Абрамов пересмотрел свое отношение к данной проблеме. Его собственный герой, Михаил Пряслин, в романе 1978 года «Дом» будет привязан к земле ничуть не меньше Мелехова. Более того, причину бесхозяйственности в деревне автор «Братьев и сестер» увидит именно в разрыве связи с землей и традициями. А в выступлении 1981 года он предостережет: «... утрата связей человека с животными, с землей, с природой может обернуться очень серьезными последствиями <...> непредвиденным изменением национального характера» [11, 110].

Связь Григория с землей чувствуется на протяжении всего романа. Ее образ в контексте произведения выступает, в том числе, и как синоним дома, мирной жизни, традиционного уклада и благополучия. Вот почему герой не сразу решается покинуть родной хутор: « Ну, куда я пойду от хозяйства? <...> От земли я никуда не тронусь» [4, 61]. Когда же вместе с Аксиньей он все же уходит в Ягодное, отрываясь от корней, едва ли младший Мелехов чувствует себя счастливым человеком. Казалось бы, случайно, во время охоты, Григорий попадает на пашню, и сразу становится ясно: внутренне он не изменился. Таким образом, замыкается первый, малый круг его устремлений, поисков, расширяющийся по мере все новых и новых исканий, в которые он пускается не всегда по своей воле, и замыкающийся вновь и вновь на пороге родного куреня, но не на прежнем уровне, а, подобно спирали, поднимая героя на новую высоту жизненной, нравственно-бытийной правды.

Ведущим образ родной земли становится в третьей и четвертой книгах, так как именно «ревнивое чувство к земле» поднимает казаков на противоборство в лихолетья гражданской войны. Метафора «землица-любушка», встречающаяся в тексте не единожды, подчеркивает его значимость и полновесность. Верхнедонское восстание, даря и руша надежды, не могло заслонить собой естественного хода жизни. Земледельческий календарь то и дело вырывал казаков из боевого строя, занимал мысли командиров и рядовых. Григорий, будучи уже командующим дивизией, приезжает в хутор лечить свое «пришедшее в смятение сердце» пахотой. Татарские пехотинцы, возвращаясь на фронт с «побывки», с тоской глядят на сохнущую «делянку зяби», ждущую хозяина, чувствуют её притяжение, и жалеют, что подоспевшая земля, скорее всего, так и останется сиротеть, оттого «...каждый нагибался, брал сухой, пахнувший вешним солнцем комочек земли, растирал его в ладонях, давил вздох» [12, 289]. Подобно изболевшейся, истомившейся матери, земля звала помириться, опомниться, вернуться к истокам, оставить богатую жестокостями «игрушечную» войну, предлагая единственную правду, «под крылом которой мог бы посогреться всякий» [12, 194].

Неоднократно слова земля и война автором вводятся в оппозицию, подчеркивается благо и жизненная необходимость первого и грязь, боль последнего: «...заходило время пахать, боронить, сеять; земля кликала к себе звала неустанно день и ночь, а тут надо было воевать, гибнуть на чужих хуторах от вынужденного безделья, страха, нужды и скуки» [12, 288]. Возможно, именно поэтому многие казаки отказывались уходить от своих плетней, защищая чужие интересы, а командование «боялось дезертирства к началу полевых работ» [12, 273]. По этой же причине позже распадется и банда Фомина.

Метания и сомнения Григория, его «густая тоска» приводят к тому, что он теряет под ногами почву, «землю-опору», «пьяным кружалом пуская жизнь» [12, 271]. Отрезвление в полной мере приходит к нему в момент припадка. Осознание собственной вины сдирает с него коросту жестокости, мягчит давно зачерствевшее сердце-солончак, мешавшее прямо посмотреть в глаза ребенку. Сам он, подобно плачущему мальчишке, припадающему к груди матери в поисках поддержки и защиты, не чувствуя холода, бросается на снег и «...стоная, бился головой о взрытую копытами, тучную, сияющую черноземом землю, на которой родился и жил...» [12, 278].

Для выражения внутреннего состояния Мелехова уже после того, как тот «лишился всего, что было дорого его сердцу» [13, 482], автор вводит образ выжженной палами степи с потрескавшейся, мертвой землей, однако именно за землю как синоним жизни и «колыбель всего сущего» «судорожно цеплялся» Григорий, вспоминая о детях. В этом же контексте читается фраза деда Гришаки, понимающего и ждущего смерти как избавления от земных тягот и страданий, в то время как душа, оставив обращенное в прах тело, отойдет к Создателю, воссоединится с предками: «В землю хочу <...> Земля меня к себе кличет» [12, 291]. На мистическую связь человеческого тела и земли, выступающую на первый план в образе деда Гришаки, обратила внимание Н.В. Стюфляева, комментируя следующие портретные штрихи: «По пальцам, скрещенным над костылем, по кистям рук, по выпуклым черным жилам шла черная, как чернозем в логу, медленная в походе кровь» — «Такая близость самого воцеркованного персонажа «Тихого Дона» к земле не случайна: чем ближе человек к Богу, тем ближе он к той земле, которая освящена Им» [14, 4].

В целом «власть земли» в романе умиротворяющая, умудряющая. Труд на ней является точкой опоры для многих героев. Она представляется живой, напоминает мать, ждущую, пока её заблудшие дети, наконец, вернутся к своим корням и сменят оружие на плуги.

В «Поднятой целине» мы находим подобную мысль: «Была она [степь. — O. Γ .] теперь, как молодая кормящая грудью мать...» [15, 7]. Заметим, что данная и подобная ей картины нарисованы глазами автора, чье отношение к земле остается неизменным, однако на всём протяжении второго романа Шолохова «власть земли» над героями заметно ослабевает. Это стало отражением происходившего в стране процесса коллективизации и ломки традиционного уклада. Привязанность к земле теперь подавалась как склонность к частной собственности, с которой активно велась борьба.

На наш взгляд, в «Поднятой целине» нагляднее проступает потребительский, материальновещественный подход к земле, порожденный новой системой требований к селу и крестьянину-земледельцу. Главное ее восприятие – возделываемая пашня — обусловлено преобразующей деятельностью людей во имя новой жизни. Позиция «передового» человека, пришедшего, говоря словами С. Есенина, «зауздать землю» («Вот такой, какой есть»), выражена героем, вызывающим бесспорную симпатию: «У нас должны взойти! И, если нам потребуется, два раза будем сымать урожай. Наша земля, нам принадлежащая, что захотим, то из нее и выжмем, факт!» [16, 323]. В очерке «По правобережью Дона» (1931 г.) «алчущая обсеменения» [17, 61] земля также предстает покоренной пашней, с которой многочисленные машины ведут «борьбу» [17, 63].

В «Поднятой целине» не так много героев, власть земли над которыми была бы всё еще очень сильна. Если хозяйственность и трудолюбие отмечены у целого ряда героев (Давыдов, Майданников, Демид Молчун и др.), то понастоящему «знает <...> землю» [16, 115] только Яков Лукич Островнов, выбившийся в середняки именно благодаря грамотной работе на земле, за что и имел похвальный лист от окружного земельного управления, по этой же причине Давыдов выдвигает его в завхозы. Однако земля для него имеет ценность материального характера, это лишь объект обработки, «хворая баба» [16, 22], за которой надо ходить, а не «любушка», не «землюшка», не кормилица в своем поэтическом восприятии.

В прозе Шолохова более позднего времени, по замечанию Д.В. Поля [18], наблюдается дальнейшее угасание мотива земли, потеря ее магической силы и власти. Солдаты из романа «Они сражались за родину» мечтают вернуться к семьям, а не к пашне, как это наглядно демонстрировалось в «Тихом Доне». В контексте неоконченного романа, рассказов «Наука ненависти» и «Судьба человека» «земля—родина» имеет силу и власть иного рода, объединявшую

людей из разных уголков страны. Отсюда рождается наполненное положительной экспрессией однокоренное — «земляк».

Проблема связи человека с землей из границ насильственного отлучения, о котором, по сути, писал М.А. Шолохов, в произведениях Ф.А. Абрамова трансформируется в порицание добровольного отречения от нее в пользу комфорта. Писатель рассматривал землю через призму хозяйствования, для него она, прежде всего, пожня, пашня, «которая дает человеку жизнь» [19, 81] и которая нуждается в рачительном, умном хозяине. Наблюдения за деревней 1970-х г. привели его к выводу о коренном изменении отношения северянина к земле. Попытка разобраться в причинах происходящих пагубных изменений наиболее ярко выразилась в очерках «Пашня живая и мертвая», «О хлебе насущном и хлебе духовном», «От этих весей Русь пошла...», «На ниве духовной» и открытом письме «Чем живем-кормимся». Художественное же обрамление она получила в серии романов «Братья и сестры» и, в особенности, в последнем из них - «Дом».

Во всем цикле на фоне отечественной истории и сложных преобразований русской деревни автор рисует судьбы людей, живущих на земле, их приоритеты и ценности. Вся жизнь Михаила Пряслина, главного героя тетралогии, связана с землей, он умеет и хочет на ней работать. Правда, заключающаяся в том, чтобы жить и трудиться на земле, обретенная Григорием Мелеховым ценой душевных мук, скитаний и потерь, старшим из братьев Пряслиных не подвергается сомнению. Другая историческая реальность, лишенная апокалипсичности, позволяет героям сделать осознанный выбор.

Писателю интересен и важен не только результат, но и процесс труда на земле, соответствующие сцены наполнены оптимизмом, авторским любованием красотой земли и людей. Эстетика во многом определяется динамикой и интенсивностью, «споростью» самого процесса, возможно, поэтому Ф.А. Абрамов изобразил несколько соревновательных покосов, вспашку. На страницах первых трех романов Михаил Пряслин вместе с сотнями других пекашинцев работал на сенокосах, засевал хлеб, пахал, корчевал и видел в этом свое предназначение, свой долг и свою отдушину, однако в «Доме» он практически одинок в своей привязанности к земле, ее знании и особом мудром чувствовании.

Д.В. Поль указал на то, что уже в «Тихом Доне» М.А. Шолохов предугадал тот конфликт цивилизации с деревней, который станет позднее одним из предметов рассмотрения в деревенской прозе [18, 40]. Следуя данной логике, можно утверждать, что если Григорий Мелехов М.А. Шоло-

хова в силу исторических катаклизмов и вопреки полной пригодности к общему делу «первый лишний землепашец» [18, 40], то в последнем романе тетралогии Ф.А. Абрамова Михаил Пряслин — один из тех, кто идет следом за ним, несмотря на свое трудолюбие и озабоченность судьбой пашни.

Корни отрешения людей от земли и его историческое развитие в авторском видении целесообразно искать еще в первых трех частях тетралогии.

В романе «Братья и сестры» изображена жизнь деревни Пекашино в дни Великой Отечественной войны, складывающаяся из скоротечных передышек и тяжелейшей работы, превращающей тощие северные подзолы и супеси в «гектары победы» [20, 68]. Во второй и третьей книгах запечатлелось меняющееся отношение к земле. Если в военные годы сокращение посева, оставление полей «на годик-другой в пары» [20, 9] воспринималось как вредительство и подрыв фронта, то в конце 1940-х г. заброшенные поля, несмотря на увеличение рабочей силы и числа техники, на обеспокоенность такой ситуацией власти, всё же стали появляться во многих северных колхозах. Ф.А. Абрамов в «Путях-перепутьях» не без горечи писал: «...председателей мылили, песочили, отдавали под суд - ничего не помогало: пустошей становилось больше год от году» [21, 477]. В 4-й книге, действие которой относится к 1970-м годам, пустующая земля, увы, привычное дело. Когда Михаил возвращается из больницы домой, то по дороге видит и заброшенные поля, которые в годы войны до потери сил освобождали от осинника, и загубленную бездумной обработкой пашню, и равнодушного тракториста, слепо исполняющего распоряжение малограмотного агронома. И реакция Пряслина на «похороненные» семена и пашню естественна для рачительного крестьянина: «...как это он не имеет права? На твоих глазах убивают человека — неужели не вступишься? А тут не человека – жизнь в Пекашине убивают» [22, 718].

Стремление разобраться в причинах произошедшего приводит автора и читателей к целому ряду взаимосвязанных факторов. С одной стороны, писатель показывает людей, которые обессилели за время войны и теперь хотят спокойной жизни: «...народ другой стал. Не хотим рвать себя как прежде, все легкую жизнь ищут <...> Раньше людей работа мучила, а теперь люди работу мучают...» [22, 649], — говорит Лиза Пряслина, объясняя брату Петру, почему работящего Михаила недолюбливают в деревне.

С другой стороны, в послевоенные годы колхоз, практически ничего не давая взамен, продолжал «выжимать» крестьянина, который и после победы по-прежнему мечтает о хлебе. Работая на поле или пожне на износ, люди получали в десятки раз меньше, чем на сплаве леса или разгрузке продовольственных, промышленных товаров с баржи, которые, к слову, очень редко попадали в пустующую лавку колхозника. И «этот кремневый мужик, который и работать горазд, и в войну под расстрелом у немцев стоял, не может смириться с несправедливостью» [23, 41]. Свое пьянство один из героев, Петр Житов, так и объясняет: чтобы чувствовать себя человеком, потому что пьяный ничего не боится и может высказать начальству свое возмущение.

Наконец, молодежь слышит и видит жизнь более благополучную, яркую, не требующую изнурительного труда. Сопоставляя тяготы крестьянского существования и низкую отдачу земледельческого труда с благами городской цивилизации, Егорша, Татьяна, а за ними Лариса, дочь Михаила, и некоторые другие герои устремились в города. В этом нетрудно увидеть типичную для 1970-х годов тенденцию, при которой для большой доли сельского населения России труд и образ жизни предков вместе с материальным значением как единственно возможного способа существования теряли свою ценность.

Однако Ф.А. Абрамов не ностальгировал по старым временам. Еще в конце 1970-х г. он прямо говорил о том, что «тяжелый крестьянский труд с его мозолями и потом ушел в прошлое <...> в прежнем понимании крестьян нынче нет» [19, 82], что новое время требует нового человека, наделенного чувством хозяина земли, тем качеством, которое предполагает личную заинтересованность, порядочность, активность и ответственность за все, что происходит вокруг. Смысловое сращивание понятий земля, жизнь и ответственность увенчивает авторскую концепцию, характеризуя его самого как человека, не только помнящего о прошлом, но и думающего о будущем.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в творчестве М.А. Шолохова и Ф.А. Абрамова проблема связи человека с землей является одной из важнейших. В их произведениях запечатлелся и мотив поклонения земле, ее властвующая сила над жизнью и душой русских людей, и постепенное угасание этой тяги, а также попытка разобраться в причинах и последствиях произошедшего. Люди земли чувствуют свою близость к природе не только в процессе труда, они спаяны с нею корнями своего существования. Обращение к жизни и быту земледельца, связанного с природным миром, переплетается с умением обоих писателей глубоко раскрыть сущность русского национального характера в его связях с традициями классической литературы и народного творчества.

Герои романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» руководствуются традиционно-фольклорным восприятием земли, интуитивно ощущают и чувствуют ее притяжение, умудряющее влияние, в произведении прослеживается исконное почитание земли как кормилицы и пристанища духа. В «Поднятой целине» проявляется веяние нового времени с его потребительским отношением к чтимой автором и поэтически воспринимаемой земле. Ф.А. Абрамов, помимо гуманистических размышлений, ставит вопрос об ответственности человека за судьбу земли, за жизнь пашни и участи людей, живущих на ней.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Коринфский А.А. Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. Издание репринтное / А.А. Коринфский. М.: Издание книгопродавца М.В. Клюкина, 1901. 720 с.
- 2. Успенский Г.И. Власть земли: [сборник] / Г.И. Успенский / Сост., предисл. и примеч. А.П. Ланщиков. М.: Советская Россия, 1988. 395 с.
- 3. Шолохов М. Собрание соч.; в 9-ти т. Т.1. Рассказы / М. Шолохов. М.: Художественная литература, 1969. 432 с.
- 4. Шолохов М. Собрание соч. в 9-ти т. Т. 2. Тихий Дон. Роман в 4-х кн. Кн. 1 / М. Шолохов. М. : Художественная литература, 1969. 416 с.
- 5. Сатарова Л.Г. Природа в философско-эстетической концепции романа Шолохова «Тихий Дон»: автореф... канд. филолог. наук / Л.Г. Сатарова. М. : МГПИ им. Ленина, 1984. 16 с.
- 6. Желтова Н.Ю. Проза первой половины XX века: поэтика русского национального характера / Н.Ю. Желтова. Тамбов : Издательство ТГУ. 2004. 309 с.
- 7. Бирюков Ф. Художественные открытия Михаила Шолохова / Ф. Бирюков. М. : Современник, 1976. 350 с.
- 8. Хватов А. На стрежне века / А. Хватов. М. : Современник, 1975. 478 с.
- 9. Якименко Л. «Тихий Дон» М. Шолохова. О мастерстве писателя / Л. Якименко. М. : Советский писатель, 1954.-404 с.
- 10. Абрамов Ф.А. «Поднятая целина» М. Шолохова: дис. ... канд. филол. наук / Ф.А. Абрамов. Л., 1951. 375 с.
- 11. Абрамов Ф. Горжусь, что я из деревни. (Из встречи в Концертной студии Останкино, 1981 год) / Ф. Абрамов // 15 встреч в Останкине / Сост. Т. Земскова. М. : Политиздат, 1989. С. 88-117.
- 12. Шолохов М. Собрание соч. в 9-ти т. Т. 4. Тихий Дон. Роман в 4-х кн. Кн. 3 / М. Шолохов. М. : Художественная литература, 1969 г. 440 с.
- 13. Шолохов М. Собрание соч. в 9-ти т. Т. 5. Тихий Дон. Роман в 4-х кн. Кн. 4 / М. Шолохов. М. : Художественная литература, 1969г. 504 с.
- 14. Стюфляева Н.В. Символика донского пейзажа в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон»: учебно-методическое пособие / Н.В. Стюфляева. Липецк: ЛГПУ, 2006. 38 с.
  - 15. Шолохов М. Собрание соч. в 9-ти т. Т. 7. Поднятая

О.В. Голотвина

- целина. Роман в 2-х кн. Кн. 2 / М. Шолохов. М. : Художественная литература, 1969г. – 404 с.
- 16. Шолохов М. Собрание соч. в 9-ти т. Т. 6. Поднятая целина. Роман в 2-х кн. Кн. 1 / М. Шолохов. М.: Художественная литература, 1969г. 368 с.
- 17. Шолохов М. Собрание соч. в 9-ти т. Т. 8. Рассказы, очерки, статьи, выступления / М. Шолохов. М. : Художественная литература, 1969 г. 480 с.
- 18. Поль Д.В. Универсальные образы и мотивы в реалистической эпике М.А. Шолохова: автореф. дис... д-ра. филолог. наук / Д.В. Поль. М. : ИМЛ им. А.М. Горького, 2008.-52 с.
  - 19. Абрамов Ф. Слово в ядерный век: Статьи;

Голотвина О. В.

Соискатель кафедры литературы Липецкого государственного педагогического университета, г. Липецк; преподаватель литературы педколледж г. Усмань.

E-mail: golotwin@mail.ru

- Очерки; Выступления; Интервью; Литературные портреты; Воспоминания; Заметки / Ф. Абрамов. М. : Современник, 1987.-448 с.
- 20. Абрамов Ф. Братья и сестры. Кн.1 / Ф. Абрамов // Братья и сестры. Роман в 4 кн.– Л. : Советский писатель, 1982.-808 с.
- 21. Абрамов Ф. Пути-перепутья. Кн. 3 / Ф. Абрамов // Братья и сестры. Роман в 4 кн. Л. : Советский писатель, 1982.-808 с.
- 22. Абрамов Ф. Дом. Кн. 4 / Ф. Абрамов // Братья и сестры. Роман в 4 кн. Л.: Советский писатель, 1982. 808 с.
- 23. Золотусский И. Федор Абрамов. Личность. Книги. Судьба / И. Золотусский. — М. : Советская Россия, 1986. — 160 с.

O. V. Golotvina

The seeker of the department of literature of Lipetsk state teachers' training institute, Lipetsk

The literature teacher of Usman primary-school teachers' training college, Usman

E-mail: golotwin@mail.ru

УДК 882

EK 83.3 (2POC = PYC)

НАБОКОВ — ГОЙЯ: ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЕ КОРРЕЛЯЦИИ В РОМАНЕ «ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ» (1938)

© 2013 О. А. Дмитриенко

Санкт-Петербург, СПГУТД СЗИП

Поступила в редакцию 19.2.2013

Аннотация: Статья О.А. Дмитриенко посвящена интермедиальным аллюзиям и корреляциям — принципу взаимодействия романа В. Набокова «Приглашение на казнь» и серии офортов Ф. Гойи «Капричос». Основная идея «Капричос», явленная в листе N 43 с надписью «Сон разума рождает чудовищ» и подготовительных рисунках к нему; концепция, воплощенная в серии офортов — трагическое ощущение борьбы света и мрака, художника и мучающих его чудовищ, — очевидный интермедиальный источник романа Набокова «Приглашение на казнь». Интерес Набокова к Гойе мог быть как непосредственным, так и опосредованным: к творчеству Гойи обращались Теофиль Готье, Шарль Бодлер, офорты серии «Капричос» были чрезвычайно популярны в 10-е годы XX века. Формой «присутствия» Гойи в литературе чаще всего был экфрасис. В своей русскоязычной прозе Набоков избирает более свободные, в отличие от экфрасиса, формы взаимодействия литературы и изобразительного искусства — интермедиальные аллюзии и корреляции, рассчитанные на узнавание, разгадывание и активное сотворчество читателя.

Ключевые слова: Интермедиальные аллюзии, корреляции, традиция средневековых сакральных эмблемат, философское обобщение вневременного характера.

Summary: The article studies the interaction of the novel «Invitation to the Beheading» by Nabokov and the series of etching «Caprichos» by Goyawhich is based on intermedial allusions and correlations. Themainidea of «Caprichos» expressed in the etching №43 The Sleep of Reason Produces Monsters is the struggle the light and the dark that tortures the artist. It serves as intermedial sourcefor the novel "Invitation to the Beheading" by Nabokov. Nabokov might have been interested in Goyaei ther directly or indirectly as Theophile Gautier, Charles Baudelaire, had addressed to the artist's works. «Caprichos» were very popular at the beginning of the twentieth century. Ekphrasis ist he most frequently used type Goya's «presence» in literature. In the prose written in Russian Nabokov employs less strict means of interaction between painting and literature such as intermedial allusions and correlations.

Key words: Intermedial allusions, correlation, tradition of medieval sacred emblem, philosophical atemporal generalization.

В романе «Отчаянье» (1930—1931) Набоков, передоверяя герою-рассказчику размышления о границах литературы как вида искусств, формулирует тезис, определяющий интермедиальность как одну из эстетических установок его прозы: «по самой природе своей слово не может полностью изобразить сходство двух человеческих лиц, — следовало бы написать их рядом не словами, а красками, и тогда зрителю было бы ясно, о чем речь. Высшая мечта автора: превратить читателя в зрителя, — достигается ли это когда-нибудь?» [2; 342]. В романе «Приглашение на казнь» (1938) Набокову удается достичь этой мечты.

Агрессивная абсурдность и, вместе с тем, маскарадность мира «Приглашения на казнь» вызывает определенные интермедиальные ал-

люзии: представляется, что существует корреляция между романом Набокова и серией офортов Φ . Гойи «Капричос».

Как известно, «Капричос» — это целый мир образов, следующих один за другим на восьмидесяти трех листах. Трагедия перемешивается здесь с фарсом, действительный мир — с вымыслом. На многих листах возникают фантастические образы зла, лжи, произвола инквизиции, человеческих страданий, пороков и страстей. Листы серии были пронумерованы, снабжены подписями и комментариями. Таким образом, в офортах Гойи связываются воедино визуальный образ (рисунок) и вербальный (комментарий), развивается традиция средневековых сакральных эмблемат, для которых обязательным было присутствие «надписи» (titulus, inscriptio, motto, lemma), то есть короткой фразы на латинском

© О. А. Дмитриенко, 2013

или древнегреческом языке. Под ней помещался рисунок — картинка (picture), представлявший собой аллегорическое изображение, то есть перевод вербального ряда символов в визуальный. Все завершалось афористической «подписью» (epigramma, declaration, subscriptio). В результате взаимодействия «надписи», картинки и «подписи» формируется особый символический язык, при помощи которого метафизическая «идея идей» репрезентируется в целостном образе, где взаимодействуют визуальное и вербальное. Традиция эмблемат имеет фольклорно-фарсовый инвариант развития — испанский народный лубок алелуйас.

Среди алелуйас особого внимания заслуживает лубок «Перевернутый мир» («El mundo alreves»), сюжет, существовавший уже в XVI в. с текстом на испанском языке. (Таким «перевернутым» предстает и мир «Приглашения на казнь»). На сорока восьми квадратиках были изображены сценки - «небылицы в лицах»: бедный подает милостыню богатому (квадрат 44), ученики секут учителя (квадрат 27). Наиболее интересна аналогия знаменитого листа 42 «Капричос» с подписью «Не под силу тебе...», изображающего двух ослов со шпорами, сидящих на спинах двух согбенных крестьян, с квадратом 40-м лубка, где выгравирован осел, едущий на спине человека. Лубок «Перевернутый мир» был известен в Италии, Германии, Нидерландах. Помимо подписей под каждой картинкой, в раннем лубке бывал еще и отдельный комментарий в стихах, содержащий сатиру на церковь и знать, отражающий народные воззрения на несправедливое устройство мира.

«Капричос» условно можно разделить на две большие части: изображение чудовищ, уродов, исчадий ада — олицетворений власти церкви, инквизиции, знати — и изображение их жертв.

Рассмотрим, например, знаменитую сатиру на лицемерие и трюкачество монахов проповедников — лист 53 «Какие золотые уста»: Гойя изобразил проповедующего с кафедры попугая, окруженного уродливыми и льстивыми слушателями, выражающими жестами и мимикой свое восхищение. Исследователь «Капричос» Е. Лисенков, прослеживая связь между листом 53 и французской карикатурой «Отец Окэ, знаменитый капуцин-проповедник», обнаруживает, что смысл картинки основан на игре слов во французском языке: пэр Окэ (отец Окэ) — и перрокэ (попугай).

Очевидно, что лист 53 коррелирует со сценами, где палач м-сье Пьер выступает в главной роли «святого отца», как он себе ее представляет: «Не хочу хвастаться, но во мне, коллега, вы найдете редкое сочетание внешней общительности и внутренней деликатности, разговорчи-

вости и умения молчать <...> Кто утешит рыдающего младенца, кто подклеит ему игрушку? М-сье Пьер. Кто заступится за вдовицу? М-сье Пьер. Кто снабдит трезвым советом, кто укажет лекарство, кто принесет отрадную весть? Кто? Кто? М-сье Пьер. Все — м-сье Пьер» [3; 96]. Он показывает фотографии, в том числе и ту, где он «с птичкой разговаривает», рассказывает «анекдотцы», показывает фокусы, демонстрирует силу и ловкость циркового артиста. И неизменно вызывает восхищение директора тюрьмы и компании: «Из коридора доносился гул рукоплесканий [3; 115], <...> Родриг Иванович бешено аплодировал [3; 116], <...>Продолжайте, продолжайте, — зашептал Родриг Иванович [3; 139]. Это восхищение доходит до экзальтации в бенефисе м-сье Пьера, когда он открывает свой истинный лик палача перед многочисленным собранием чиновников в пригородном доме заместителя управляющего городом во время «прощального ужина»: «Браво, браво! – раздавались кругом крики, и сосед поворачивался к соседу, выражая патетической мимикой изумление, восхищение» [3; 161].

Набоков как будто осуществляет «перевод»вербализацию 53-го листа «Какие золотые уста» из серии офортов Гойи, с комментарием: «Когда он говорит, он настоящий златоуст, а когда выписывает рецепты – настоящий ирод!» Это оказывается возможным, вероятно, потому, что в «Капричос» политическая сатира, порожденная конкретным историческим временем (XVIII в.) и ситуацией в Испании, переплетаясь со сложной символикой и глубокой своеобразной фантастикой, выходит за рамки памфлета на отдельных лиц. Гойя создает собирательный образ всех человеческих пороков и страстей, темных сил и, прежде всего, мракобесия под лицемерной личиной, поднимаясь до высот социально-философского обобщения вневременного характера.

Ряд листов серии посвящен жертвам инквизиции. «Капричос» этой тематики полны глубоким сочувствием к невинно осужденным и протестом против насилия над ними. Например, на листе 23 «Этому праху!» Гойя изображает осужденного, посаженого на высоком помосте перед трибуналом инквизиции и слушающего неотвратимый приговор, который зачитывает ему стоящий на кафедре человек. Толпа, окружающая кафедру неоднородна. Среди безобразных ханжеских и злобных лиц выделяется лицо человека около кафедры, своей печальной внимательностью контрастирующее со звериными обликами соседей. В поднятых вверх глазах чувствуется осуждение того, что происходит. Для контраста Гойя помещает рядом отвратительный нечеловеческий лик, полный чванного самодовольства.

На голове осужденного высокий островерхий колпак-короса с языками пламени. По-видимому, он приговорен к сожжению с предварительным задушением «по великой милости» отцов-инквизиторов. Сложный, изощренный и страшный язык знаков инквизиции на коросах и санбенито хорошо понимал неграмотный народ. Если острия пламени были обращены вниз, то они показывали, что инквизиция согласна «смягчить» участь осужденного: он будет задушен и брошен в огонь уже мертвым. Языки пламени, взлетающие вверх, оповещали, что грешник будет сожжен живым; карикатурные фигуры чертей свидетельствовали, что они окончательно овладели душой нераскаявшегося, и что ему нет прощения.

Роман «Приглашение на казнь» начинается с объявления Цинциннату смертного приговора и его смутным припоминанием судебного процесса, инквизиторского по «духу и букве закона», доведенного Набоковым в травестийнотеатрализованном, гротескном изображении до абсурда: «Адвокат и прокурор, оба крашеные и очень похожие друг на друга (закон требовал, чтобы они были единоутробными братьями, но не всегда можно было подобрать, и тогда гримировались), проговорили с виртуозной скоростью те пять тысяч слов, которые полагались каждому. Они говорили вперемежку, и судья, следя за мгновенными репликами, вправо, влево мотал головой, и равномерно мотались все головы <...> Адвокат, сторонник классической декапитации, выиграл без труда против затейника прокурора, и судья синтезировал дело, <...> приблизившись вплотную, <...> произнес сырым шепотом: «С любезного разрешения публики, вам наденут красный цилиндр», — выработанная законом подставная фраза, истинное значение коей знал всякий школьник» [3; 54].

Можно предположить, что красный цилиндр как атрибут инквизиторской казни, смысл которого общеизвестен, - это короса нового времени, с претензией на эстетизм. Красный цвет, вероятно, отсылают к тому, что острия пламени взлетают вверх – Цинциннат не покаялся. Хотя его об этом не раз просили: «Покайся, Цинциннатик. Ну, сделай одолжение. Авось еще простят? А? Подумай, как это неприятно, когда башку рубят. Что тебе стоит? Ну – покайся – не будь остолопом» [3; 108]. «Послушай, – ну послушай меня минуточку, — продолжала она [Мар- ϕ инька — курсив мой. O. $\mathcal{J}$.] с таким жаром, что речь ее становилась вовсе невнятной, - откажись от всего, от всего. Скажи им, что ты невиновен, а что просто куражился, скажи им, покайся, сделай это, — пускай это не спасет твоей головы, но подумай обо мне» [3; 171].

На листе 24 показана несчастная, приговоренная к удушению и посмертному сожжению женщина, ее шею обнимает ошейник, на голове — короса с языками пламени, обращенными вниз. Офорт имеет комментарий: «Эту святую сеньору жестоко преследуют, огласив историю ее жизни, ей оказывают триумф. Но если это делают, чтобы устыдить ее, то зря теряют время. Невозможно устыдить того, кому нечего стыдиться». Надпись на листе 24 безутешна: «Нет помощи». Это утверждение Гойи в романе «Приглашение на казнь» оборачивается вопросом, которым задается набоковский узник:

- Неужели никто не спасет? вдруг громко спросил Цинциннат и присел на постели (рука бедняка, показывающего, что у него ничего нет).
- Неужели никто, повторил Цинциннат, глядя на беспощадную желтизну стен и все же держа пустые ладони [3; 122].

Принято считать, что ключ к «Капричос» — лист 43, вероятно, фронтиспис первоначального замысла, и два подготовительных рисунка к нему. На листе изображен художник, сидящий за столом в позе глубокого раздумья, сна или отчаянья. Голова, опущенная на бессильно скрещенные руки, касается столешницы. Его окружают чудовищные нетопыри, уродливые агрессивные совы, гигантские кошки. Офорт имеет надпись: «Сон разума рождает чудовищ». Комментарий Гойи продолжает эту мысль: «Автор спит. Его единственное желание состоит в том, чтобы стереть с лица земли пагубные суеверия и с помощью этого фантастического творения подготовить основу для торжества истины».

На подготовительном рисунке к этому офорту (Прадо, № 471) мысль Гойи выявлена яснее: «Художник изобразил себя в знакомой нам неудобной позе, но он, по-видимому, не спит. Может быть, он просто рухнул в отчаянии на рабочий стол, отбросив в сторону офортную доску. Пальцы судорожно сплетены, голова поникла. От нее исходит какое-то сияние, в котором возникают странные лица. Одно из них, несомненно, лицо Гойи, ироничное, даже насмешливое. Вот оно уже в другом ракурсе — перевернуто, а вокруг — безобразные маски, какой-то осел в человеческом одеянии, нетопыри и кот, хищно притаившийся позади» [5; 67].

Исследователь Гойи, искусствовед И.М. Левина, восстанавливая историю воплощения офорта № 43, обнаружила, что подготовительные рисунки к «Капричос» сделаны на обеих сторонах листка бумаги. На обратной стороне упомянутого рисунка набросан другой. Это первоначальный вариант листа № 6 «Капричос» (Прадо, 470) «Никто себя не знает»:тонкими штрихами намечая места теней и света, Гойя начертал фигуру чело-

века в маскарадном костюме, со шпагой на боку, склонившегося перед сеньорой с маской на лице. За ним намечены фигуры арлекинов в высоких колпаках. Глаза и непомерно длинный нос одного их них подняты к небу. Комментарий к рисунку гласит: «Мир — это маскарад. Лицо, одежда, голос — все притворно. Все хотят казаться не тем, что они есть на самом деле. Все обманывают друг друга, и никто себя не знает».

И.М. Левина делает чрезвычайно интересное предположение о том, что именно здесь «исходная точка «Капричос». Изобразив самого себя в трудную и горестную минуту раздумья, сидящим за рабочим столом, уронив голову на руки с судорожно скрещенными в душевной муке пальцами, Гойя мог перевернуть этот же самый листок и набросать другой рисунок, образно передающий мучавшую его мысль: мир — это маскарад. Дальше ему предстояло развернуть на многих листах показ ложности и уродства этого мишурного мира и противопоставить ему истину» [1; 105].

Из умозаключений Цинцинната: «Я окружен какими-то убогими призраками, а не людьми. Меня терзают, как могут терзать только бессмысленные видения, дурные сны, отбросы бреда, шваль кошмаров — и все то, что сходит у нас за жизнь. В теории — хотелось бы проснуться» [3; 63].

Представляется, что и основная идея «Капричос», явленная в листе № 43 и подготовительных рисунках к нему; и концепция, воплощенная в серии офортов: трагическое ощущение борьбы света и мрака, художника и мучающих его чудовищ, в маскарадных костюмах и без, разоблаченных, изображенных как клубящийся вихрь исчадий ада, - непосредственный интермедиальный источник романа Набокова «Приглашение на казнь». Значительное место в романе уделяется истории любви Цинцинната к Марфиньке, которая вновь отсылает к «Капричос». Несколько офортов серии связаны с личной любовной драмой Гойи. Знаменитый офорт «Сон лжи и непостоянства» не был опубликован. Исследователи Гойи считают, что здравый смысл и стыд за ожесточенное обвинение красавицы герцогини Альбы в распутстве и обмане удержали его. В музее Прадо есть предварительный рисунок к этому офорту. «На нем изображена на ложе молодая женщина, нежно склонившаяся над пожилым мужчиной, в котором угадываются черты самого художника. Он страстно сжимает руку красавицы, стараясь удержать счастливое мгновение, но лицо его искажено страданием. Левая рука возлюбленной, чье лицо раздваивается, словно лик Януса, откинута в противоположную сторону и тянется, сплетаясь с рукой упавшего перед ней на колени странного существа с женским телом, но явно мужским лицом. У «соперницы» лицо-маска

тоже двулика и лжива: она с презрением смотрит на страдающего влюбленного и смеется вместе с ведьмами, окружающими ее. Справа из-за ложа высовывается физиономия плута, приложившего палец к губам, пародия на Амура, а на переднем плане — ухмыляющаяся маска, змея и две жабы» [5; 61-62].

Из воспоминаний Цинцинната о Марфиньке: «Сосчитать, сколько было у нее... Вечная пытка: говорить за обедом с тем или другим ее любовником, казаться веселым, щелкать орехи, приговаривать, — смертельно бояться нагнуться, чтобы случайно под столом не увидеть нижней части чудовища, верхняя часть которого, вполне благообразная, представляет собою молодую женщину и молодого мужчину, видных по пояс за столом, спокойно питающихся и болтающих, — и нижняя часть — это четырехногое нечто, свивающееся, бешеное» [3; 81].

На листе 9 «Тантал» в женской обнаженной мертвой фигуре на коленях Тантала также узнается герцогиня Альба. Это один из подготовительных вариантов знаменитого портрета Альбы «Обнаженная Маха». В комментариях к гравюре Гойя дает свою версию разрыва отношений: «Если бы он был более учтив и менее навязчив, она, может быть, ожила бы, то есть не оставила бы его».

В античной мифологии Тантал – персонаж, осужденный богами на вечную жажду и голод, символ неудовлетворенного желания. Причина «танталовых мук» Цинцинната не столько вечные измены Марфиньки (интермедиальные параллели: лист 72 «Тебе не уйти» с комментарием «Конечно, не үйдет та, которая сама хочет быть пойманной»; лист 2 «Они говорят «Да» и протягивают руку первому встречному»), сколь невозможность оживить Марфиньку — куклу: «Марфинька, в каком-то таком кругу мы с тобой вращаемся, - о, если бы ты могла вырваться на миг, <...> на миг вырвись и пойми, что меня убивают, что мы окружены куклами и что ты кукла сама. Я не знаю, почему я так мучился твоими изменами, то есть, вернее, я-то сам знаю почему, но не знаю тех слов, которые следовало бы подобрать, чтобы ты поняла, почему я так мучился. <...> «Меня убивают!» — еще раз: «...убивают!» <...> но ничего, у меня хватит, Марфинька, силы на такой с тобой разговор, которого мы еще никогда не вели» [3; 133].

Марфинька для Цинцинната потенциальная несбывшаяся кукольная Мария Магдалина. Поэтому он писал ей, звал, кричал, надеясь через страх и боль сострадания оживить Марфиньку — куклу. Он верил, что его любовь способна на чудо, и тогда сбывшаяся Марфинька — Мария Магдалина — была бы спасена. «Танталовы муки» в том, что Марфиньку не спасти, не оживить, не вырвать из круга кукольной заданности.

Интерес Набокова к Гойе мог быть как непосредственным, так и опосредованным: к творчеству Гойи обращались Теофиль Готье, Шарль Бодлер, офорты серии «Капричос» были чрезвычайно популярны в 10-е годы XX века. Исследователь серебряного века, Р.Д. Тименчик пишет о том, что Гойя присутствовал «на всех этажах эстетической моды десятых годов» [4; 200-204]. Формой «присутствия» Гойи в литературе чаще всего был экфрасис.

В своей русскоязычной прозе Набоков избирает более свободные, в отличие от экфрасиса, формы взаимодействия литературы и изобразительного искусства — интермедиальные аллюзии и корреляции, рассчитанные на узна-

вание, разгадывание и активное сотворчество читателя.

ЛИТЕРАТУРА:

Левина И.М. Гойя / И.М. Левина. — Л.—М. : Искусство, 1958, 402 с.

Набоков В.В. Собр. соч.: в 4 т. / В.В. Набоков. — Т. 3. — М. : Правда, 1990. — 480 с.

Набоков В.В. Собр. соч. русского периода в 5 т. / В.В. Набоков. – Т. 4. – СПб. : Симпозиум, 2002. – 784 с.

Тименчик Р.Д. Портрет владыки мрака в «Поэме без героя» / Р.Д. Тименчик // Новое литературное обозрение. 2001.- № 52.- C. 200-204.

Я — Гойя. Жизнь Гойи в автопортретах / Составитель И.Н. Зорина. — М. : Радуга, 2006. — 312 с.

Дмитриенко О.А., доцент, кандидат педагогических наук СПб, СПГУТД СЗИП, кафедра технического перевода и профессиональной коммуникации E-mail: da_olga@mail.ru

Dmitrienko O.A., associate professo, PhD in Pedagogies North-West Institute of Printing Arts of St. Petersburg State University of Technology and Design E-mail: da_olga@mail.ru УДК 821

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В КНИГЕ «ВРЕМЕННИК» ИВАНА ТИМОФЕЕВА

© 2013 А.П. Дудко

Орловский государственный университет

Поступила в редакцию 18.1.13

Аннотация: В статье анализируются формы повествования в историческом сочинении Ивана Тимофеева «Временник». Применение автобиографической модели описания исторических фактов свидетельствует об особенной установке автора на воссоздание исторической перспективы.

Ключевые слова: автор, повествование, «Временник», субъективная форма, объективная форма, исторический факт, авторская интерпретация.

Summary: This article analyzes forms of narration in Ivan Timofeev's historical composition "Vremennik. The use of autobiographical model in the historical description of facts shows a special setting of the author directed on the reconstruction of historical prospect.

Key words: author, narration, "Vremennik", subjective form, historic fact, author's interpretation.

«Временник» Ивана Тимофеева, посвященный временам русской Смуты, — произведение с ярко выраженным автобиографическим началом. Его автор не только представляет часть событий через личное восприятие и воспроизводит их по памяти, но и передает свое внутреннее состояние, характеризует собственные поступки, объясняет их причины. Поэтому автобиографический материал, при общей его сюжетной целостности, не является единым по приемам изложения. Разнородность в представлении сведений личностного характера во «Временнике» Ивана Тимофеева позволяет выделить такие приемы организации автобиографического материала, как умолчание, самооправдание и исповедальность.

Особенность приема умолчания заключается в том, что автор, исходя из собственного жизненного опыта и идеологических установок эпохи, ограничивается лишь намеком на некоторые реальные события собственной биографии. Объясняется это тем, что Иван Тимофеев отдавал себе отчет в том, что не все события, произошедшие с ним, могут быть предметом повествования. На невозможность полного воссоздания биографии указывал автор «Временника», сообщая своим читателям, что они должны понимать его намеки и недоговоренности: «разсудливый се разумеет, аще чтущеи тою же немощию обложении, еже и мы» [1, 18], или «чтый да разумеет» [1, 88], «чтый, да разумеет» [1, 93].

В автобиографической части «Временника» Ивана Тимофеева есть несколько эпизодов, де-

монстрирующих неоднократное использование приема умолчания. Это касается службы Ивана Тимофеева при дворе Василия Шуйского. В тексте памятника автор упоминает о своей приближенности к нему: «Ту же и мне, мухоподобному, во тмах человеческого умножения соображающуся в соименных чине, заповеданиеми царских тогда велений етера хранящу» [1, 114]. Но о том, в чем заключались эти «веления», не распространяется. Отсутствие точных объяснений привело к возникновению различных точек зрения на пребывание Ивана Тимофеева в Москве в период воцарения Василия Шуйского. Р.Г. Скрынников считает, что Иван Тимофеев был одним из участников избрания на престол царя Василия [2, 42]. Я.Г. Солодкин, напротив, считает, что точных сведений о месте пребывания дьяка Ивана осенью 1606 года не обнаружено. «Неизвестно даже, был ли тогда Тимофеев в столице <...> Сообщение публициста о вступлении царя Василия на престол не обнаруживает впечатлений очевидца» [3, 15]. С последним утверждением невозможно согласиться, потому что во «Временнике» события, связанные с воцарением Шуйского, описаны человеком, знающим обо всех тайных перипетиях «избрания» очередного царя. Иван Тимофеев упоминает и о спешности этого воцарения, и о том, что во время присяги были только люди московские, и об отсутствии патриарха. В свойственной автору «Временника» манере детализации уточняется место наречения Василия царем: «нарещися первее во своем ему дворе...» [1, 101]

Обходит Иван Тимофеев молчанием и тот факт, что его служба была высоко оценена Шуй-

© А.П. Дудко, 2013

ским. Известно, что дьяк Иван за «московское сидение» был награжден вотчинами в Малоярославце и на Волоке («419 чети») [4, 23].

Использование умолчания в рассказе о собственной роли во время правления царя Василия можно объяснить чисто политическими причинами. «Временник» создавался в период воцарения и правления Романовых, а новая власть явно не благоволила к сподвижникам Шуйского. Не случайна в этом контексте и самохарактеристика «мухоподобный»: в ней выражено отношение к себе как к слишком незначительной персоне в государственной расстановке сил, стремление подчеркнуть, что от воли «мухоподобного» не зависело принятие каких бы то ни было решений.

Непроясненными в тексте остаются и причины, по которым Иван Тимофеев был направлен на службу в Новгород. В исторической науке сформировались диаметрально противоположные точки зрения на это назначение. Большая часть исследователей настаивает на том, что службу вдали от Москвы можно рассматривать как ссылку [5, 153]. Н.П. Долинин утверждает, что дьяк Иван «при Шуйском вызвал недоверие», за что и был отправлен из столицы [6, 144]. Л.В. Черепнин высказывается еще более категорично: «...отправка Тимофеева в Новгород была вызвана стремлением Василия Шуйского удалить его из Москвы, носила характер опалы» [7, 456]. Я.Г. Солодкин, напротив, отмечает: «Назначение в Новгород Тимофеев <... > рассматривал как неожиданное повышение по службе. Очевидно, правительство Шуйского сочло нужным направить туда опытного дьяка»[3, 16].

Столь противоречивые позиции объясняются тем, что фрагмент «Временника», на котором выстраивают свои предположения биографы писателя, отличается крайней противоречивостью и явной недосказанностью. Иван Тимофеев прямо указывает на то, что был отправлен в Новгород по решению Шуйского — «самохотне о мне изволися цареви». Но далее возникают противоречия: с одной стороны, автор утверждает, что был назначен: «кроме воля моея», а с другой — пишет: «послати мя умилися» [1, 114].

При этом значение Новгорода для страны автор «Временника» понимает, так как называет его «трикратное титло царевы место». Отдает он себе отчет и в важности возложенной на него миссии: «первоименным, иже мене предварившем, сначальствовати мним купно в градцких движениих повелевая он» [1, 114] Но это тоже не прояснят отношение самого Ивана Тимофеева к царскому поручению.

Необходимое для понимания отношения автора к назначению на службу в Новгород содержит упоминание о Божьем промысле: «и паче сего богови своими тварми чюдне промысл творяшу всяко ко оному и прочим» [1, 114]. Тем более, что далее в тексте следуют размышления о гневе Господнем и наказании: «И сим тако в тогда наставших бываемом, время же непреложного человеки совета божия о нас пришествием неведомее приближающемся, господьска гнева исполнь, и суд его на ны в прочее преди готовляшеся...» [1, 114]. Так сообщение о назначении в Новгород оказывается неразрывно связанным с идеей наказания за грехи, пронизывающей весь памятник.

Мотив наказания возникает в начале произведения: в рассказе о разорении Новгорода опричниками Ивана IV [1, 14]. Не менее значимой причиной наказания и гнева Бога является, по мнению Ивана Тимофеева, допущение к власти Бориса Годунова-цареубийцы и служба незаконному царю. Автор памятника обвиняет всех: и «величайшие», и не по достоинству награжденные «средние», да и самые обычные люди относились к незаконному правителю как к царю и молчаливо подчинялись ему. Писатель утверждает, что «... несть бо се забвенно пред богом, елма и долго зде терпит о нас» [1, 27], подчеркивая, что все последующие страдания были карой за эти грехи.

Философско-этическим обоснованием наказания становятся размышления автора о причинах бед, пришедших на Русь: «молчание предипомянутое», «крестопреступления беспоученную дерзость в клятвах», «сребролюбие несытне, и лихв ненаполняемя прибытки, и мзды незатворяемыя влагалища, числа не имущие, и братоненавидение самолюбное» [1, 92-93]. Поэтому как закономерность воспринимает автор «Временника» бедствия, связанные с появлением Лжедмитрия. Кроме того, Иван Тимофеев считает, что несчастья, постигшие страну, - это еще не самое страшное наказание за грехи, потому что все, совершенное до прихода лжецаря в Москву, заслуживает еще большего возмездия: «да не ради нашего нечювствия о гресех одолжил еще к сим камения и на ны...» [1, 98]. Мысль о неотвратимости наказания проходит через все повествование о страданиях Новгорода, захваченного шведами [1, 115; 125; 132].

Следовательно, Иван Тимофеев воспринимал назначение в Новгород и как наказание, и как испытание духа, объясняя все промыслом Божьим; поэтому автор памятника не называет виновником своей ссылки Шуйского.

Полное отсутствие комментирования решения царя во многом объясняется идейной позицией и политическими взглядами приказного дьяка Тимофеева. «Отправными принципами его убеждений были идеи «Степенной книги» о значении централизованной государственной власти, признании прав боярства на ведущую роль

в управлении государством...» [6, 137]. Даже если Иван Тимофеев и был не согласен с назначением в Новгород, то не считал себя вправе оспаривать это решение Шуйского, потому что мнил себя человеком государственным.

Прием умолчания играет существенную роль еще в одном важном для понимания биографии Ивана Тимофеева эпизоде. В тексте «Временника» автор упоминает о бесчестных единоверцах: «веде бо обыкших, яко естеством, от невоздержания другови поношающих, яве, яко от своего им презорства хотети о чюжих гресех непщевати вины» [1, 116]. Свет на эту фразу проливает «Дело по обвинению дьяка Ивана Тимофеева и протопопа Амоса в утайке образов из «опального» имущества М. Татищева», датированное апрелем 1611 года, обнаруженное среди документов Стокгольмского архива Л.В. Черепниным. Автор «Временника» никак не комментирует этот поворот в собственной биографии, но явно намекает, что его оболгали, и бросает упрек своим недругам за «поношение», обходя молчанием причины обвинения.

Как установило следствие 1611 года, после убийства Михаила Татищева из его имущества исчезли ценные иконы — «образы, образ Спасов до образ Николы чюдотворца, обложены золотом» [8, 164]. В листах переписи и оценки, составленных Иваном Тимофеевым, эти иконы названы не были. Но, как сообщает документ, присутствовавший при переписи Степан Иголкин образа видел, о чем и сообщил руководителям города — воеводе И.Н. Одоевскому (Большому), дьякам Корнилу Иевлеву и Семейке Самсонову.

Иван Тимофеев был вызван на допрос, где показал, что описание икон было передано Ивану Салтыкову, а сами образа — протопопу Амосу. Законность передачи икон, по словам Тимофеева, у него не вызывала сомнений, «потому что он (протопоп Амос. — А .Д.) Михайлу Татищеву был отец духовной» [8, 165].

После обыска в доме протопопа Амоса иконы и опись были найдены, а Ивана Тимофеева осудили за то, что хотел вместе с протопопом Амосом этими иконами завладеть. После разбирательства оба «злоумышленника» были наказаны большими штрафами.

Позже (в марте 1615 года) разбирательство по делу было продолжено. Иван Тимофеев настаивал на своей полной невиновности и вновь утверждал, что иконы были переданы протопопу Амосу по распоряжению Михаила Скопина-Шуйского.

К рассмотрению дела был привлечен даже Иван Никитич Одоевский (Большой). Именно он и дал окончательный ответ на вопрос о месте нахождения икон и наказании провинившихся:

«И те образы после роспросу у него, протопопа, выняты и отданы ему князю Ивану Никитичю по московской грамоте все целы, и он князь Иван Никитич те образы сослал к шурьям своим к Москве, а приговор и подрал, потому что он, князь Иван Никитич, был о тех образах челобитчик» [8, 175].

То, что иконы были спрятаны умышленно, не вызывает сомнений. Позиция и Ивана Тимофеева, и протопопа Амоса также вполне понятны: они хотели остановить начатый еще при Иване IV вывоз церковных ценностей из Новгорода. Сообщать об этом не только на расследовании, но и в своем сочинении Иван Тимофеев не стал. Пафос защитника новгородских ценностей был бы непонятен в правление основателей династии Романовых.

Обходит молчанием автор «Временника» и еще один неприятный факт своей биографии: разбирательство по делу о пропаже церковных денег. В сочинении он находит отражение во фразе о врагах: «И не точию тех иже град враждебно, яко змиеве, своими зубы держащих, но сих множество и своеверных, враждующих ми, стращахся, иже приседят о нас тайно в ловителех ко Еллином» [1, 119]. В крайне запутанном документе «Дело по челобитью дьяка Пятого Григорьева на дьяка Ивана Тимофеева о пропаже казенных денег», датированном мартом 1615 года, сообщается, что дьяк Пятой Григорьев уличил дьяка Ивана в воровстве. По одной из расписок, в ларце, опечатанном Иваном Тимофеевым, должно было храниться «27 рублев и тридцать алтын полтрети денги», но денег там не обнаружили. Позже выяснилось, что денег нет и в коробе, который хранился у дьяка Микифора и был также опечатан Тимофеевым. На обвинения последний отвечал, что передал все подьячему Микифору Коптеву. Объяснения, представленные в документе, носят противоречивый характер. Сначала Тимофеев утверждал, что «он де Иван Микифору те денги его Микифорова збору отдал в Розрядной избе ис коробье, а в те поры у той отдачи никого не было, а отдавал один на один. А отдал он Микифору те денги потому, что остались толко его збору денги и для береженья, чтоб того не беречь, а берег бы он Микифоровой збор сам», а потом поставил свою печать [8, 170]. Позже было установлено, что Иван Тимофеев «Микифору де он Коптеву денги из-за печати отдал вдруг», еще чуть позже уточняется, что опечатывал короб не только он, но и Анц Бракилев, а «в ларце денег не было, и запечатал тот ларец он, Иван, для числа, потому что у него ярлык, и в печатанье он у Анцы был, а Анцыну де печать снял он, Иван, а денги де в тот ларец клал Микифор после Анцыны печати, а было денег в ларце в трех мешечках» [8, 171]. Наконец в деле появился новый персонаж, который деньги у Тимофеева получил, расписку написал и «отдал он боярина и большого ратного воеводы Якова Пунтосовича Делегарда дворецкому Антонью, а в приходные де книги тех денег он в те поры, как взял, не писал» [8, 173].

Впрочем, и слова свидетелей, опрошенных по делу, не отличаются последовательностью и точностью: установить, кто и куда эти ларцы и короба переносил, кто и что из них брал, по документам следствия невозможно. Также трудно понять, кто из участников процесса какие расписки писал и куда эти расписки девались. Каждый из допрашиваемых ссылался на плохую память. Иван Тимофеев утверждал: «в денгах его збору росписался ли или нет, того де он не упомнит» [8, 170]. Дьяк Пятой Григорьев, устроивший разбирательство, тоже «не упомнит», когда проверял наличие денег, но точно помнит, что печать снимал сам Тимофеев и денег там не было. Дело, судя по опубликованным материалам, так и не было завершено, правые не установлены и виновные не найдены.

Рассмотренные эпизоды жизни Ивана Тимофеева и рассказ о них, представленный в форме объективированного повествования, показывают, что в силу объективных причин автор автобиографического сочинения не мог и не хотел акцентировать внимание читателей на сложных перипетиях своей жизни, поэтому и использовал прием умолчания. Объяснение обстоятельств личных неприятностей и их причин уводило бы писателя в сторону от главной цели труда — описания событий Смутного времени.

Большую роль в создании автобиографии играл прием самооправдания. На стремление авторов исторических сочинений о Смуте скорректировать представление о собственной роли неоднократно указывал Д.С. Лихачев: «...авторы не столько повествуют о событиях, сколько оправдываются в своей прошлой деятельности или выставляют свои бывшие (иногда мнимые) заслуги» [9, 69].

При этом некоторые исследователи считают, что принципиальное отличие сочинения Ивана Тимофеева от других произведений о Смуте заключается в том, что писателю не нужно было оправдываться, поэтому за автором «Временника» закрепилась репутация одного из самых объективных писателей эпохи: «То, что у Тимофеева не было нужды оправдываться, объяснять свое поведение и поступки, необыкновенно повышает и литературную и историческую ценность его работы» [10, 172], — пишет венгерская исследовательница М. Тетени. С этим утверждением невозможно согласиться, так как автобиографическое начало во «Временнике» включает в том числе и самооправдание.

Большая часть автобиографической части памятника посвящена обстоятельствам жизни писателя в занятом шведами Новгороде. При описании событий, происходящих в третьем городе страны, Иван Тимофеев рисует картины страданий Новгорода: «церкви святыя раскопаша, и великообительная с малыми места вся иноких развлекоша со основагьми, доброты же их, иже вся имяще град, зле расхитища и градожителей имении, и изнуривше муками, погубиша...» [1, 115]. Себя же автор представляет как одного из рядовых горожан: «К ним же убо нашего общерабства...»[1, 114] Иван Тимофеев не ограничивается констатацией фактов своей биографии о пребывании в занятом шведами городе, а создает художественный образ неволи. Своеобразными символами несвободы становятся сети на ногах «яко в сети, увязе ми нога» и вериги «яко о выи верига некая железна» [1, 114]. Но изображение страданий является отчасти и попыткой оправдаться перед читателями за неблаговидное поведение в период шведской оккупации.

В тексте памятника вскользь упоминается о том, что Иван Тимофеев «работством тамо» [1, 114], т. е. служил в Новгороде и при шведах. Понятно, что ничего о своей деятельности в оккупированном городе автор «Временника» не рассказывает. Но архивные материалы свидетельствуют, что он некоторое время продолжал заниматься привычной для себя работой — распределением и учетом церковных доходов.

Именно в целях самооправдания Иван Тимофеев переходит в одном из фрагментов автобиографии с первого лица на третье, а единичный личностный образ заменяет обобщенным: «нашего общерабства», «нашего несвобождения»; при этом — «аз огорчихся», «пребывая в себе, помышляя». Смена манеры повествования используется автором в нескольких рядом стоящих предложениях. Следовательно, Иван Тимофеев стремится подчеркнуть, что он был всего лишь одним из тех, кто вынужден был служить шведам.

При этом исторические факты доказывают, что в Новгороде были настоящие герои, оказавшие сопротивление захватчикам. Одним из них был протопоп Амос, о котором, по не совсем понятным причинам, автор «Временника» даже не упоминает. О героической смерти протопопа Софийского собора Амоса сохранилось множество документальных свидетельств. Известно, что шведы для устрашения горожан подожгли Розважский монастырь и Протопопов двор — центр сопротивления. Часть жителей была убита, другие погибли в пожаре, были и те, кто утонул в реке, пытаясь спастись на Торговой стороне. Как сообщает летопись: Амос «запершусь на своем дворе с своими советники и бьющеся

с немцами многое время и много немец побил» [11, 114]. «Амос отверг предложение сдаться и был заживо сожжен шведами — «ни единово не взяша живьем». Вместе с Амосом сожгли «детей его и людей». Новгородцы бережно хранили предание о подвиге протопопа» [12, 119], — пишет П.В. Седов.

Объяснение того, почему подвиг Амоса не нашел своего отражения в тексте «Временника», обнаруживается на страницах памятника. Автор оправдывается тем, что писал свое сочинение в занятом врагами городе и испытывал постоянное чувство страха: «несвободне нашего во страсе пребывания... обзираяся обоямо всюде во ужасе». Он боялся не только врагов, но и единоверцевпредателей: «И не точию тех иже град враждебно, яко змиеве, своими зубы держащих, но сих множество и своеверных, враждующих ми, стращахся, иже приседят о нас тайно в ловителех ко Еллином» [1, 119].

Надо отдать должное честности Ивана Тимофеева: себя героем он нигде не называет и, судя по тексту памятника, не считает. Напротив, он подчеркивает свою беспомощность перед лицом обстоятельств и оправдывается тем, что он-де обыкновенный человек, испугавшийся за свою жизнь.

Еще более неприятный для Ивана Тимофеева факт биографии, о котором упоминается в тексте, также стал поводом для самооправдания. Во «Временнике» указывается: «Мое же отсюду к преславному граду вспять возвращение, отнюду же преж им семо исходжение бысть, медлением зде на долзе закосне скудостию ми возможных к подъятию действ» [1, 114]. Именно безденежье, как утверждает автор, заставило его остаться в занятом неприятелем городе. «Скудостью средств» объясняет автор и причину, по которой он вынужден был служить шведам.

Но документ Стокгольмского государственного архива — «Дело об описи имущества «отъехавших» из Новгорода помещиков Г.П. и И.А. Загоскиных и о передаче ржи из поместья Г.П. Загоскина дьяку И. Тимофееву, а бобыльской ржи — А. Мякининой» — доказывает, что отношение дьяка Ивана к врагам было достаточно почтительным, а Якоба Понтуса Делагарди он воспринимал как законного правителя города. Этот архивный документ не только ставит под сомнение истинность страданий Ивана Тимофеева, но и доказывает, что автору «Временника», действительно, было за что оправдывать себя.

Документ является типичной по форме челобитной, с которой податель обращается к Якобу Понтусу Делагарди и просит передать ему урожай с земли бежавших из Новгорода дворян: «Пресветлейшему и высокороженному государю королевичу и великому князю Карлусу

Филиппу Карлусовичю бьет челом холоп твой Иванко Тимофеев.

Милосердый государь королевич, пресветлейший и высокороженный и великий Карлус Филип Карлусович, пожалуй меня, холопа своего беспоместново, непожалованого, в деревне Родионове Григорьевою рожью Загоскина, што сеял Григорей з бобылки, а Григорей Загоскин тебе, государю, изменил.

Государь, смилуйся!» [8, 167]

Написание подобных челобитных было делом обычным. «Наиболее часто в челобитных новгородских помещиков встречается фраза о том, что прежний помещик «отъехал во Псков» (вар.: «к Московским людям», «в Осташков»)... «Измена» ставится отъехавшим в вину и дает право претендовать на поместье, такое земельное владение приравнивается к выморочному. В качестве же собственной заслуги обычно указывается верность (как противоположность измене) и неустроенность... челобитчик почти автоматически получает такое изменничье поместье, ибо ответчик (то есть изменник) находится вне досягаемости политической власти правительства» [13, 7], — отмечает А.А. Селин.

То, что челобитная станет своеобразным доносом на бежавшего от захватчиков Григория Загоскина, Иваном Тимофеевым, очевидно, не учитывалось. Он преследовал личные цели: стремился если не разбогатеть, то хотя бы поддерживать привычный уровень жизни. Понимание того, что поведение в оккупированном Новгороде шло в разрез с декларируемыми им принципами, заставляет автора «Временника» вновь и вновь писать о страданиях в шведском плену.

«Новгородские» страницы произведения Ивана Тимофеева еще раз подтверждают мысль Д.С. Лихачева о том, что в исторических сочинениях о Смуте авторы «оправдываются в своей прошлой деятельности...» [9, 69] Иван Тимофеев, хоть и считается самым объективным автором эпохи, также прибегал к приему самооправдания. Но использование этого приема во «Временнике» было связано с больше этическими вопросами и политической ситуацией, чем с желанием обелить себя перед современниками и потомками. Иван Тимофеев ставил перед собой конкретную задачу – описать увиденное, и в этой гигантской панораме событий, изображенной на страницах «Временника», себя писатель представлял самым обыкновенным, во многом слабым человеком. Он оправдывался лишь в том, что был таким же, как другие.

В литературоведении неоднократно указывалось, что одним из признаков литературной автобиографии является стремление авторов раскрыть перед читателями сокровенные мысли и чувства.

Без исповедальности, попыток «объяснить себя», без самоанализа невозможно представить литературную автобиографию. «Следствием автобиографичности писателя нередко является его исповедальность — тут многое зависит от того, каких масштабов этот писатель достигает. Во всяком случае, если автобиографизм не всегда влечет за собой исповедальность, то без автобиографизма нет исповедальности» [14, 39].

Возникновение исповедальности как жанрообразующего признака автобиографии большая часть исследователей связывает с повышением интереса к внутреннему миру личности в литературе XVIII века [15, 71], но, по нашему мнению, уже во «Временнике» Ивана Тимофеева явно обнаруживаются элементы этого художественного приема.

В автобиографических фрагментах произведения исповедальность существует в двух тематических комплексах: в мироощущениях личности, находящейся в условиях несвободы, и в творческих исканиях писателя.

Автор «Временника» стремится донести до читателей все те мысли и чувства, которые вызывала у него оккупация Новгорода. Город на страницах произведения - образ персонифицированный. Именно потому уже в начало произведения помещена главка «О новгородцком пленении, о пролитии крови острия меча во гневе ярости царевы на град святый», в которой повествование ведется от лица Новгорода: «Множае же всея земля, ненавидимых царем всех, яже на люди моя ярость гнева своего некогда излия... яко нечестивно того бе на мя нашествия...яко же аз труда от господьствующаго мною...» [1, 13]. При этом и в автобиографических фрагментах автор также относится к Новгороду как к «великому граду порабощением в плен приятися Еллины» [1, 114], уподобляя его страдания чувствованиям живого существа. Данный художественный прием соединения собственных авторских эмоций с метафорически описываемым объектом является новаторским. Он усиливает исповедальное начало и дает возможность для более детализированного изображения внутреннего состояния автора.

«"Исповедь" толкала автора к художественной свободе, к нарушению литературных шаблонов, к психологической мотивированности рассказа» [16, 383], — писал о «Житии протопопа Аввакума» А.Н. Робинсон, но данное замечание в полной мере относится и к автобиографическим фрагментам «Временника» о разрушении Новгорода.

Именно психологическая составляющая становится основой автобиографического фрагмента текста, повествующего о плененном городе. Разорение Новгорода вызывает у автора «Временника»

целую гамму чувств. Причем их последовательность представлена в восходящей градации. Сначала это только огорчение при созерцании картин разрушения: «и убо купно по всего града опровершении аз огорчихся...» Но далее Иван Тимофеев показывает силу эмоций, полностью подчиняющих себе человека и порождающих мысли о недолговечности того, что казалось незыблемым: «зря и еже слыша некая местное таковое и неприкладное запустение, зжалихся, пребывая в себе, помышляя: како, яко в час всему разоршуся, бывшую пред малем неисповедимую толико града и яже о нем красоту, иже нами мняшеся она пребывати в век, яко до иже стихия расстаются, ныне же ю вмале яко не бывшу зрим, ниже бывающу?» [1, 115]

Наивысшей точкой в передаче смятения и боли становится упоминание о сумасшествии: «И во уме си мыслию слагах всегда по многи дни, не отлагая и в себе бывая, ходя бо, яко изступив умом, изгубление таковое граду присно мысля» [1, 115].

Не менее важно и то, что внутренние переживания автора, представленные в форме исповеди, выливаются в осмысление всего того, что происходит в стране. Ужас, граничащий с сумасшествием, вызвазанный разрушением Новгорода, распространяется на все происходящее: «А иже о самой главе царствия и всея земли что рещи?» [1, 115].

Второй тематический комплекс в «исповеди» Ивана Тимофеева раскрывает процесс создания его сочинения. В рассказе о возникновении творческого замысла центральное место занимает персонифицированный образ мысли: сначала она «во уме си мыслию слагах всегда», затем «бо ми часто и восхищением обуревая мысль облакоподобная по всему и скоролетящая высокопарнее, яко по воздуху птица, позыбанием же потрясая несостоятельное ми ума, и ниже в час даваше ему от служения препочити», «яко перстом тыкаше в моя ребра», «сия присно подвизая мя и памятию обновляя не отступая» [1, 115]. Важна сама последовательность, которую автор «Временника» использует при характеристике творческого процесса: от умозрительного образа «летящая, как птица по воздуху», до образа, переходящего на физиологический уровень описания — «как пальцем, тыкала мне в ребра». Мысль предстает как сила, полностью подчиняющая себе сознание и волю творческой личности: «Та же отрецанию моему не внимаша, но елико аз сию отревах, елико она безстудствуя ми належа. Аз же к неудобству свое уединение представих, глаголах ей всяко... еще ми она ими же родительных деяний простых притчю к сим судив сположи...» [1, 115]

Творчество, написание книги, по мысли автора — процесс трудный и противоречивый.

Все повествование о нем построено на передаче самых разных психологических состояний автора: нерешительность, сомнение, боязнь, внутреннее сопротивление, снова страх и, наконец, убежденность в правильности принятого решения: «мало что отчасти с прочими словесы воспомянути мысль спонужая мя, да не проходом лет мнозех забвится еже о сих память, их же еда вмале и жизнь померкнет» [1, 116].

Именно в этой сентенции автора заложено его понимание смысла творческого труда: сохранить память о событиях и современниках для потомков. По сути, Иван Тимофеев, обосновывая сущность творческого процесса, пришел к пониманию назначения мемуарной литературы, специфика которой заключается в том, что «мемуары — это рассказ по памяти о событиях, воспоминания о людях, с которыми встречался автор, раздумья о пережитом» [14, 7].

Исповедальность как художественный прием помогала автору «Временника» показать те чувства, которые испытывает человек в ситуации выбора, раскрыть перед читателями скрытые в глубинах подсознания процессы мысли и творчества. Кроме того, исповедальность придает произведению искренность, заставляет увидеть в авторе не всезнающего и всеведущего мудреца, а обыкновенного человека.

В целом же текст «Временника» показывает, что Иван Тимофеев стремился найти новые способы отражения современной ему действительности. Принципиальное новаторство писателя заключалось в том, что, помимо традиционных для исторических сочинений форм повествования от лица стороннего наблюдателя, он использовал и субъектную форму, которая напрямую соотнесена с автобиографическим началом.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Тимофеев Ив. Временник / Пер. и коммент. О.А. Державиной; Под. ред. В.П. Адриановой-Перетц / И. Тимофеев. М.: Наука, 2004. 512 с.
- 2. Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников / Р.Г. Скрынников. Л. : Наука, 1988. 255 с.
- 3. Солодкин Я.Г. «Временник» Ивана Тимофеева: Источниковедческое исследование / Я.Г. Солодкин. Нижневартовск, 2002.-179 с.
  - 4. Лукичев М.П. Новые данные о русском мыслителе

- и историке XVII в. Иване Тимофееве/ М.П. Лукичев // Советские архивы. 1982. $\mathbb{N}_2$ 3. С. 22—25.
- 5. Корецкий В.И. Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве историке и публицисте XVII в./ В.И. Корецкий // Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975. С. 145-167.
- 6. Долинин Н.П. Общественно-политические взгляды Ивана Тимофеева. (К вопросу об истории русской общественной мысли в начале XVII века) / Н.П. Долинин // Науч. зап. Днепропетровского гос. ун-та, т. XLII. Сб. работ ист. отд. историко-филолог. ф-та. Вып. 2. Киев, 1954 (на обложке 1953). С. 135—164.
- 7. Черепнин Л.В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции / Л.В. Черепнин // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. Н.А. Казакова. М.—Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. Т. 17. С. 454—481.
- 8. Черепнин Л.В. Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве авторе «Временника» / Л.В. Черепнин// Ист. архив, 1960. $\mathbb{N}$ 4. С. 162—177.
- 9. Лихачев Д.С. Своеобразие древнерусской литературы/ Д.С. Лихачев// Художественное наследие Древней Руси и современность / В.Д. Лихачева, Д.С. Лихачев. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. С. 52—70.
- 10. Тетени М. Об Иване Тимофеева писателе / М. Тетени // Studia Slavica. Hung. T. 24 Fasc. 1/4. Budapest : Acad. Scientiarum Hungaricae, 1988. Р. 169-177.
- 11. Полное собрание русских летописей. Дополнения к Никоновской летописи/ Под ред. С.Ф. Платонова и П.Г. Васенко. СПб. : Тип. М.А. Александрова, 1910. Т. XIV. Изд. 1-е. 158 с.
- 12. Седов П.В. Захват Новгорода шведами в 1611 г. / П.В. Седов // Новгородский исторический сборник. № 4(14). Спб. Новгород, 1993. С. 116—127.
- 13. Селин А.А. Об «изменах» в Новгороде 1611–1616 гг. / А.А. Селин// Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 2003. № 1(11). С. 5-13.
- 14. Антюхов А.В. Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII в. (Генезис. Жанрово-видовое многообразие. Поэтика): Дисс. ... докт. филол. наук / А.В. Антюхов. Брянск, 2003.-451 с.
- 15. Кочеткова Н.Д. Исповедь в русской литературе конца XVIII в. / Н.Д. Кочеткова // На путях к романтизма: Сб. науч. тр; Отв. ред. Ф.Я. Прийма. Л. : Наука, 1984. С. 71–99.
- 16. Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе XVII века / А.Н. Робинсон. М. : Наука, 1974. 405 с.

А.П. Дудко, аспирант кафедры русской литературы XI-XIX веков Орловского государственного университета

E-mail: dudalex1986@mail.ru

A.P. Dudko, graduate student of the Russian literature department (XI-XIX centuries) Orel State University E-mail: dudalex1986@mail.ru

УДК 820

«TO SOLITUDE» ДЖ. КИТСА И «SEHNSUCHT» Н.П. ОГАРЕВА: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

© 2013 А.Э. Дудко

Орловский государственный университет

Поступила в редакцию 11.2.2013

Аннотация: В статье анализируется стихотворение Дж. Китса, появившееся в русском переводе в середине XIX века. Представленный сравнительно-сопоставительный анализ сонета Дж. Китса «То Solitude» и стихотворения Н.П. Огарева «Sehnsucht», несмотря на различия в понимании авторами искусства, последовательно доказывает приверженность Огарева романтическим идеям Китса.

Ключевые слова: Китс, поэтический перевод, сонет, русско-английские литературные связи, английская силлаботоника, ритм 6-стопного ямба, система рифмования.

Summary: This Article analyses poem by John Keats which appeared in Russian translation in the mid-nineteenth century. The presented comparative analysis of Keats's sonnet «To Solitude» and Ogarev's «Sehnsucht» consistently proves Ogarev's commitment to Keats's romantic ideas, despite distinctions in understanding art by the authors.

Key words: Keats, poetic translation, sonnet, Russian-English literary ties, English accentual-syllabic, rhythm of six iambic feet, rhyme system.

В своей замечательной книге «Против энтропии» Евгений Витковский со свойственной ему ностальгической критичностью написал о судьбе творческого наследия Китса в России следующее: «Без Джона Китса наша родная, русская поэзия и в XIX, и в первой половине XX века была прекрасно представима <...> сто лет ушло у поэтовпереводчиков на то, чтобы целиком перевести хотя бы лирику и основные поэмы Китса; его драмы и неоконченные поэмы выходят по-русски только теперь». [1] В известной степени ему вторит Сергей Федосов, который даже не упоминает имени Китса в числе самых переводимых в России английских поэтов. [2]

Причины такого невнимания к одному из самых проникновенных и «классичных» английских романтиков до сих пор кажутся странными, тем более, что Байрона, начавшего свою литературную деятельность всего лишь на девять лет раньше — в 1807 году, стали переводить еще при жизни, Шелли − в середине XIX столетия. ¹ Неравномерность переводческого процесса в России, конечно же, во многом объясняется внутриполитической ситуацией, а точнее – цензурными запретами, которые русскими поэтами-переводчиками очень часто нарушались. И если Байрона, которого в начале XIX века называли бунтарем и «безбожником-стихотворцем» [4, 342], с восторгом переводили все², то к Китсу, ввиду неясности его политического имиджа, долгое время относились (1875) ему не нашлось места. Дата появления первого перевода стихотворений Китса переносилась уже как минимум дваж-

настороженно³. Даже в гербелевском издании

«Английские поэты в биографиях и образцах»

дата появления первого перевода стихотворений Китса переносилась уже как минимум дважды: долгое время первооткрывателем считался К. Чуковский⁴, который никак не комментировал свои публикации в приложении к журналу

«Нива» (1908). Только сравнительно недавно был обнаружен забытый перевод Н. Новича (Н.Н. Бахтин), который еще в 1895 году к столетию английского поэта опубликовал сонет «К моим братьям» в газете «Петербургская жизнь».

Но имя Джона Китса было известно русским читателям еще задолго до этого. Первым упоминанием в русской прессе, по свидетельству М.П. Алексеева, можно считать перевод книги Д. Вольфа «Чтения о новейшей изящной словесности» (1835), в которой по поводу стихотворений Шелли отмечалось: «Из числа поэтических творений его почитаю самым лучшим элегию «Adonais» на смерть одного друга < эта элегия, как гласит ее подзаголовок, написана «на смерть Джона Китса» и опубликована в 1821 г.>, нить жизни коего, во цвете лет, безжалостно пресекли неумолимые Парки». [4, 530]

Упоминания о Китсе встречаются в дореволюционных статьях и книгах Н.Г. Чернышевского (1854) [7, 93], Ю. Шмидта (1864) [8], А.В. Дружинина (1865) [9], Л.И. Мечникова (В. Басардин, 1880) [10], В.Ф. Корша (1892) [11,

© А.Э. Дудко, 2013

670-673], В.Д. Набокова (1896) [12, 18], Алексея Веселовского (1902) [13, 37 и 264], В.Я. Брюсова (1904) [14, 13-14], И.В. Шкловского (Діонео, 1908) [15, 65], Н.Е. Кудрина (Н.С. Русанов, 1908) [16, 266-267], Н.Я. Абрамовича (1908) [17] и т. д. Особенное место в этом ряду занимают статьи, посвященные непосредственно жизни и творчеству английского романтика: «Английские поэты, современные лорду Байрону» (1853) [18], «Джон Китс и современная английская поэзия» (1856) [19], «Джон Китс и его поэзия» З.А. Венгеровой (1889) [20], «Китс» Б.Л. Бразоля (1910) [21]. Соответствующие биографические разделы появились в «Истории западной литературы» под редакцией Ф.Д. Батюшкова (1912) [22], в пособии к лекциям, «читанным в университете и на Высших женских курсах» М.Н. Розанова (1915) [23, 179-184], в учебнике Ф. Де Ла-Барта [24, 204-207] и некоторых других энциклопедических изданиях. [25, 234-235; 26, 794]

Как видно из приведенного списка, вхождение Китса в русскую литературу происходило не совсем обычным путем: подготовленная переводными и русскими публикациями почва была готова к восприятию собственно поэтического слова английского классика, но никто из переводчиков словно бы не решался на этот последний шаг. Пожалуй, появление в 1862 году в «Русском вестнике» стихотворения Б.Н. Алмазова «Успокоение» с пометкой — «Подражание Китсу» [30, 750-752]6, с большой натяжкой можно считать одним из первых приближений к творчеству молодого поэта, «чье имя написано на воде»7.

Но и это еще не окончательный вердикт.

В 1980 году поэт и переводчик Григорий Михайлович Кружков опубликовал в журнале «Литературная учеба» статью, в которой доказывал, что «историю русского Китса, по-видимому, нужно начинать с 1856 года». [32, 198] Основанием для такого заявления послужило обнаруженное им чрезвычайное сходство образных линий сонета «To Solitude» Дж. Китса и стихотворения «Sehnsucht» Н.П. Огарева, а также то, что стихотворение русского поэта датируется 1856 годом, «годом переезда Н. Огарева в Англию». [32, 197] Такое предположение во многом зиждется и на огромном интересе русского революционера ко всей прогрессивной литературе [33], и на том факте, что сам он активно переводил немецких и английских поэтов, и в частности - «Стансы» Дж. Байрона («Ни одна не станет в споре / Красота с тобой...»).

Совпадение текстов «To Solitude» и «Sehnsucht» на уровне отдельных строк, действительно, удивительны:

O Solitude! **if I must** with thee dwell, O, **если бы** я мог хотя на миг **один**

Let it not be among the jumbled heap Отстать от мелкаго брожения людского, Of murky buildings; climb with me the steep, Я радостно б ушел, туда, за даль равнин, *Nature's observatory — whence the dell,* На выси горныя, где свежая дуброва Its flowery slopes, its river's crystal swell, Зеленые листы колышет и шумит, May seem a span; let me thy vigils keep Между кустов ручей серебряный журчит, 'Mongst boughs pavillion'd, where the deer's swift leap Startles the wild bee from the fox-glove bell. Жужжит пчела, садясь на стебель гибкий, But though I'll gladly trace these scenes with thee, И луч дневной дрожит сквозь чащи зыбкой. Yet the sweet converse of an innocent mind, Там соловей споет мне песню про весну; Whose words are images of thoughts refin'd, Забуду прошлое и, впредь не видя цели, Is my soul's pleasure; and it sure must be Almost the highest bliss of human-kind, Я лягу на траву душистую и сну When to thy haunts two kindred spirits flee. Предамся сладостно, как будто в колыбели. [28, 70] [34, 307]

 Γ .М. Кружков настаивает на том, что концовка стихотворения Огарева совпадает с концовкой другого сонета Китса — «Written on the blank space of a leaf at the end of chaucer's tale of «The flowre and the lefe» (1817):

I, that do ever feel athirst for glory, Там **соловей** споет мне песню про весну;

Could at this moment be content to lie Забуду прошлое и, впредь не видя цели

Meekly upon the grass, as those whose sobbings Я лягу на траву душистую и сну

Were heard of none beside **the mournful robins**. **Предамся сладостно**, как будто в колыбели. [35, 385]

Несмотря на замену обращения ко второму лицу на повествование от первого, дикой пчелы — на шмеля, малиновки — на соловья и т.д., Г.М. Кружков все же настаивает на генетической близости этих трех стихотворений. Не останавливает его даже то, что на формальном уровне между сонетами Китса и стихотворением Огарева нет почти ничего общего: первые написаны 5-ст. ямбом по итальянской модели⁸, огаревский текст выполнен 6-ст. ямбом (с вкраплением двух строк 5-ст. ямба) и представляет собой три четверостишия с разной системой рифмовки — аВаВ ссDD eFeF.

Многомысленные рассуждения переводчика вызвали бурную полемику⁹, но это не помешало составителям сборника стихотворений Китса в «Литературных памятниках» упомянуть его статью и привести в комментариях довольно вы-

разительный и точный перевод сонета «К Одиночеству». [6, 318] К высказанным возражениям можно было бы добавить и многие другие, из которых самым значимым, на наш взгляд, был бы вопрос о заголовочном комплексе стихотворения Н.П. Огарева, которое «замаскировано немецким названием». [32, 198] Во многом именно это обстоятельство позволяет вслед за Г.Г. Подольской в сближаемых текстах видеть «пример типологической общности, а не конкретного литературного контакта». [31, 38] Если бы не одно «но»...

Ю. Айхенвальд в книге «Силуэты русских писателей» так характеризует Н.П. Огарева: «поэт хандры, жизни прожитой; он - певец тоски, вечной Sehnsucht (страсти)». [36, 150] И это заставляет предполагать не просто характеристику, данную по названию произведения, а определенную идейно-эстетическую оценку. Еще Август Шлегель ввел в романтический обиход слово «Sehnsucht» («томление»), которое, на его взгляд, было присуще романтизму в противовес античности: «Die Poesie der Alten war die des Besitzes, die unsrig eist die der Sehnsucht». [37, 543] Н.Е. Никонова особо отмечает традиционные поэтизмы немецких романтиков — «süßes Sehnen» и «Sehnsucht», обозначающие «сладостное томление и тоску по милому идеалу, романтическое двоемирие» вошедшие «в генетический код русской поэзии благодаря Жуковскому». [38, 105]

История русских стихотворений с этим немецким названием, судя по всему, берет начало от переводов Гете¹⁰ и Шиллера¹¹. Стихотворение последнего с одноименным названием было переведено самим В.А. Жуковским и опубликовано в «Вестнике Европы» в 1813 году. [40] Спустя 45 лет А.В. Дружинин в статье «Шиллер в переводе русских писателей» приводил несколько строф из перевода В.Г. Бенедиктовым «Богов Греции», «исполненных прелести, пропитанных тем великим поэтическим Sehnsucht, для определения которого нет ясных названий на языке нашем». [41, 441]¹² У К.С. Аксакова есть перевод стихотворения Фридриха Готлиба Ветцеля «Sehnsucht» из цикла «Leben und Liebe», опубликованное в 1839 году под названием «Стремление» [43, 8-9], и к тому еще оригинальное стихотворение «O, Sehnsucht», написанное даже раньше перевода в 1836 году.

Таким образом, можно говорить о том, что выбор Н.П. Огаревым в качестве единственного элемента заголовочного комплекса поэтизма «Sehnsucht» не является следствием «маскировки» стихотворения (как минимум, для чего и от кого?), а указанием на устойчивую романтическую традицию, неким концептуальным обобщением, указывающим не на ту или иную национальную художественную систему, а на мировоззренческую позицию. И в таком случае ничто не мешает вос-

принимать указанные Г.М. Кружковым сонеты, да и многие другие стихотворения Дж. Китса, в качестве возможных претекстов.¹³

Показательно в этом отношении, что в сборнике английского поэта Артура Хью Клафа (Arthur Hugh Clough, 1819-1861) в цикле «Poems on Life and Duty» помещено стихотворение с немецким названием — «Sehnsucht», в котором сквозным рефреном дается строчка «Whence are ye, vague desires?» [«Откуда вы, смутные желания?»]:

Whence are ye, vague desires, Which carry men along, However proud and strong; Which, having ruled to-day, To-morrow pass away? Whence are ye, vague desires? Whence are ye? [45, 149]

Мы далеки от мысли сопоставлять это длинное стихотворение с огаревским, но все же нельзя исключить возможности знакомства русского поэта, только что приехавшего в Англию, с творчеством близкого друга Лонгфелло и Эмерсона, поэтом, получившим известность благодаря безнравственной и прокоммунистической, как отмечали критики, поэме «Bothie of Tober-na-Vuolich» (1848).

В контексте представленных рассуждений совсем иначе выглядят предположения Г.М. Кружкова, в пользу которых можно привести дополнительные соображения. Прежде всего – Н.П. Огарев, как и многие поэты-демократы из круга, близкого к Н.В. Станкевичу, с подозрением относился к различным формальным украшениям стиха, эстетическим излишествам¹⁴. Именно потому в его поэтическом арсенале очень мало сонетов¹⁵. В первую очередь Николая Платоновича интересовали мысли и чувства, а не форма их подачи, которая не должна была отвлекать от прогрессивного содержания. В сонетах Дж. Китса, если он был знаком с ними (в чем довольно сложно сомневаться ввиду приведенных соображений), Огарев мог увидеть квинтэссенцию романтического мировосприятия, родственного, например, лермонтовскому «Сну» – одному из самых инфернальных, по мнению Д.С. Мережковского, стихотворений в истории русской поэзии. [47] То, что эта тема интересовала юного Огарева, доказывают близкие по настроению стихотворения 40-х годов: «Смутные мгновенья», «Разлад» и особенно — «Полдень» (1841), в котором выстроен очень похожий на сонет «To Solitude» и стихотворение «Sehnsucht» образный ряд: темный лес, даль небес, щебечущие птицы, жужжащий жук («И звуки все так полны тайной...»). Особенно показательна концовка этого стихотворения, максимально приближенная по мысли к сонету английского романтика:

В то время странным чувством мне Всю душу сладостно объемлет; Теряясь в синей вышине, Она лесному гулу внемлет

И в забытьи каком-то дремлет. [48, 20]

Думается, что совершенно не случайно это стихотворение было опубликовано в книжке стихов Н.П. Огарева 1858 года одним из первых наряду со знаменитым, наполненным лондонскими впечатлениями стихотворением «Встреча» («Друзья они смолоду были, / но рано расстались они...»).

Второе соображение, не совсем бесспорное, касается необычной формы стихотворения 1856 года. Из трех входящих в его состав четверостиший срединное резко отличается не только системой рифмования (смежная вместо перекрестной), но метрическими перебоями: за двумя строками 6-стопного ямба, доминирующего во всем тексте стихотворения, следуют две строки 5-стопного ямба, рифмующиеся между собой («Жужжит пчела, садясь на стебель гибкий, / И луч дневной дрожит сквозь чащи зыбкой»), что вызывает определенные ассоциации с примененной Китсом системой кольцевой рифмовки, также сближающей строки одного образного ряда. Наибольшее количество совпадений с образами «To Solitude» находится именно в этих и предшествующих им двух строчках, причем в целом линейная динамика развертывания образов очень показательна: горы – долины – зеленеющие склоны – река (ручей) — ветви — пчела — трава.

Необычное строфическое решение и образный строй сближают «То Solitude» и «Sehnsucht» с упомянутым стихотворением «Полдень»: написанное 4-стопным ямбом, оно своей причудливой рифмовкой (AbAbCddCeeFFgHgHH) еще больше напоминает сонет Китса, а с другой стороны — вынесенными в рифменную область соседствующих строк глаголами — стихотворение 1856 года. Это позволяет предположить, что у обоих огаревских текстов, представляющих вариацию одной темы, мог быть и общий источник, например — упомянутое в связи с библиотекой А.С. Пушкина парижское издание 1829 года «The poetical works of Coleridge, Shelley, and Keats: complete in one volume».

Кажется, против этой версии ничто не говорит...

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Витковский Е. Против энтропии. (Статьи о литературе) / Е. Витковский. М., 2002 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bookz.ru/authors/evgenii-vitkovskii/s_entropia/page-9-s_entropia.html
- 2. Федосов С. Английская классическая поэзия в русских переводах / С. Федосов // Новая Русская Книга. 2002. №1

- // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ. ru/nrk/2002/1/fed.html
- 3. Венгерова 3. Джон Китс и его поэзия: Из истории английской литературы / 3. Венгерова // Вестник Европы. $1889. \mathrm{Kh}.10. \mathrm{C}.539-573.$
- 4. Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (18 первая половина 19 вв.) / М.П. Алексеев // Литературное наследство.— T.91.-M., 1989.-863 с.
- 5. Демурова Н. О переводах Байрона в России / Н. Демурова // Байрон Дж. Г. Избранное / 2 изд. М.: Прогресс (Progress Publishers), 1979. С.399-426.
- 6. Китс Джон. Стихотворения. «Ламия», «Изабелла», «Канун св. Агнесы» и другие стихи /Джон Китс. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1986.-391 с.
- 7. Чернышевский Н.Г. Новости / Н.Г. Чернышевский // Отечественные записки. 1854. Т.95. Кн.8. Отд. VII. С.81-120.
- 8. Шмидт Ю. Обзор английской литературы XIX-го столетия: Пер. с нем. СПб.: тип. И. Бочкарева, 1864. 212 с.
- 9. Дружинин А.В. Собр. соч.: В 7 т. СПб., 1865. Т.3. — 587 с.
- 10. Басардин В. Перси Б. Шелли // Дело. 1880. № 9. С.107-145.
- 11. Всеобщая история литературы / Под ред. В.Ф. Корша. СПб. : изд. К.Л. Риккера, 1892. Т.4. Литература «просвещения». Нидерландская литература. Скандинавская литература. Турецкая литература. Очерки истории литературы XIX столетия. 1081 с.
- 12. Набоков В.Д. Сборник статей по уголовному праву. СПб., 1904. 321 с.
- 13. Веселовский А. Байрон: Биографический очерк. М.: Типо-литография А.В. Васильева и K° , 1902. 305 с.
- 14. Брюсов В. Ключи тайн / В. Брюсов // Весы. 1904. № .1. С.3-21.
- 15. Діонео. Вторая слава // Русское богатство. 1908. №12. С.48-77.
- 16. Кудрин Н.Е. Красота на служении человечеству / Н.Е. Кудрин // Современные записки. 1906. №. 1. С. 143-287.
- 17. Абрамович Н. Эстетизма и эротика / Н. Абрамович // Образование. 1908. №4. С.73-108.
- 18. [Б.и.] Английские поэты, современные лорду Байрону // Отечественные записки. 1853. Т. 86. №2. Отд. 6. С. 59-72.
- 19. [Б.и.] Джон Китс и современная английская поэзия // Пантеон. 1856. Т. 27. № 6. Отд. 3. С. 1-21.
- 20. З.В. [Венгерова З.А.]. Джон Китс и его поэзия: (Из истории английской литературы) // Вестник Европы. 1889. Кн. 10. С. 539-573; Кн. 11. С. 62-88.
- 21. Бразоль Б.Л. Китс (1795 1821) // Бразоль Б.Л. Критические грани. СПб. : «Родник», 1910. С. 104-112.
- 22. Венгерова 3. Джон Китс (1796—1821) // История западной литературы (1800—1910): В 4 т. / Под ред. проф. Ф.Д. Батюшкова. М. : Мир, 1912. Т. 2. С. 80-95.
- 23. Розанов М.Н. История английской литературы XIX века: Пособие к лекциям, читанным в университете и на Высших женских курсах в 1914/15 акад. Году / М.Н. Розанов. —

- М.: печатня А. Снегиревой, 1915. 196 с.
- 24. Де Ла-Барт Ф. Литературное движение на Западе в первой трети XIX столетия: 1780-1830 / Ф. Де Ла-Барт. М. : Просвещение, 1914.-245 с.
- 25. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1895. Т.15. 493 с.
- 26. Большая энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знаний / Под ред. С.Н. Южакова. СПб., 1902. Т.10. 796 с.
- 27. Подольская Г. «Сны фантазии» С.Т. Колриджа и заповедь «Не убий» // Галина Подольская. Официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://galinapodolsky.com/sny-fantazii-c-t-kolridzha-i-zapoved-ne-ubij/.
- 28. The poetical works of John Keats // The poetical works of Coleridge, Shelley, and Keats. Complete in one volume. Paris: 1829. P.1-75.
- 29. Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина / Б.Л. Модзалевский. СПб. : тип. Императорской Академии наук, 1910.-442 с.
  - 30. Русский вестник. -1862. -T.38. -C.750-752.
- 31. Подольская Г.Г. Джон Китс в России. Новые переводы / Г. Подольская. Астрахань : Изд-во Астраханского педагогического института, 1993. 302 с.
- 32. Кружков Г. Первый русский перевод из Джона Китса / Г. Кружков // Литературная учеба. 1980. №4. С.195-198.
- 33. Огарев Н.П. Предисловие / Н.П. Огарев // Русская потаенная литература XIX столетия. Лондон, 1861. Ч. І. С. І-XVI.
- 34. Стихотворения Н.П. Огарева / Под ред. М.О. Гершензона. М.: изд. М. и С. Сабашниковых, 1904.-447 с.
- 35. Life, letters, and literary remains, of John Keats / Ed. ву R.M. Milnes. New-York : G.P. Putnam, 1848. 393 р.
- 36. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей / Ю. Айхенвальд. М.: Республика, 1994. 591 с.
- 37. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии / Вступит. статья А. Аникста. Л. : Художественная литература, 1973.-568 с.
- 38. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и его немецкие друзья: новые факты из истории российско-германского межкультурного взаимодействия первой половины XIX в. / Н.Е. Никонова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 336 с.
- 39. Жуковский В.А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1959. Т. 2: Баллады, поэмы и повести / Подгот. текста и примеч. И.М. Семенко. 487 с.
  - 40. Вестник Европы. 1813. № 7, 8.
- 41. Дружинин А.В. Собр. соч.: В 7 т. СПб., 1865. $T7 = 787 \, c$.
- 42. Никонова Н.Е. Переписка В.А. Жуковского и семьи Аделунгов: публикация и научный комментарий / Н.Е. Никонова // Вестник Томского государственного университета. -2012. -№ 362. -C.11-16.
  - 43. Московский наблюдатель. -1839. 4.2. C.8-9.
- 44. Тик Л. Любовные песни немецких миннезингеров / Л. Тик // Литературные произведения западно-европейских романтиков / Под ред. А.С. Дмитриева. М. : Изд-во Моск. Ун-та, 1989. С.108-117.

- 45. The poetical works of Artur Hugh Clough. N.Y.; Boston: Thomas Y. Crowell and C° , [1900?] 396 c.
- 46. Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика / М.Л. Гаспаров. 2 изд., доп. М.: Фортуна Лимитед, 2000. 352 с.
- 47. Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // Мережковский Д.С. М. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М.: Советский писатель, 1991. С. 378—415.
- 48. Стихотворения Н. Огарева. Лондон : изд. И. Трюбнера и К $^{\circ}$, 1858. 442 с.

примечания:

- 1. См.: «В то время как последний (Байрон. А. Д.) сразу приобрел первоклассное значение во всемирной литературе, а Шелли, непонятый современниками, был признан великим поэтом после смерти, третий из них, Джон Китс, мало известен за пределами своего отечества. Английская критика давно уже сумела оценить по достоинству оригинальное дарование юноши-поэта, внушающего глубокую симпатию как своим творчеством, так и печальной судьбой, и безусловно считает его классическим писателем». [3, 540].
- 2. См.: «С самого начала своего знакомства с Байроном Россия начала его переводить. Переводили самозабвенно, переводили восторженно десятки самых различных людей. Переводили гимназисты и генералы от инфантерии, переводили землемеры и присяжные поверенные, служащие лесного и прочих департаментов, чиновники по делам инородцев, инспекторы сиротских домов и императорских училищ, учители, министры, философы, медики, литераторы». [5, 421].
- 3. Н.Я. Дьяконова объясняет этотак: «Вдореволюционной России его знали очень мало. Одной из главных причин была сложность, косвенность его реакции на центральные общественные проблемы века и вместе с тем необычайная образная насыщенность его стиха, дерзость словесных находок. Воспроизвести их средствами другого языка можно только ценой усилий по меньшей мере героических и только при таком высоком общем уровне переводческой культуры, какого не было и не могло быть в те годы». [6, 310]
- 4. Именно так отмечено в «Материалах к библиографии русских переводов стихотворений Китса», составленных одним из лучших его переводчиков и автором диссертации о переводе «шекспировских» сонетов Дж. Китса С. Сухаревым. [6, 384]
- 5. По свидетельству Г. Подольской, «в личной библиотеке А.С. Пушкина рядом с произведениями Дж. Байрона стояло парижское издание «Поэтических произведений С.Т. Колриджа, П.Б. Шелли, Дж. Китса» (1829)». [27] В книге Б.Л. Модзалевского «Библиотека А.С. Пушкина» в перечне эта книга «The poetical works of Coleridge, Shelley, and Keats. Complete in one volume» [28] отмечена под № 762. См.: [29, 198].
- 6. Г.Г. Подольская отмечает по поводу этой публикации следующее: «По стихотворению Б.Н. Алмазова даже невозможно определить, какому конкретно «посланию» он «подражает», ибо текст русского варианта весьма отдаленно соотносится с Китсом <...> Интригующий подзаголовок

А.Э. Дудко

(подражание Китсу), вероятно, отчасти смущал и самого Б.Н. Алмазова, привыкшего «переводить», а не «подражать». Это подтверждают переиздания стихотворения в 1874 и 1892 годах, где «Успокоение» публикуется уже без отсылки к Китсу, как собственное произведение поэта». [31, 41]

- 7. Надпись с надгробия поэта в Риме приведена полностью в парижском издании 1829 года вместе с выразительной самоэпитафией: «Here lies one whose name was writ in water».
- 8. «To Solitude» имеет систему рифмования abbaabba cddcdc, а второй сонет abbaabba CDDCEE (редкий для английской сонетистики пример использования сплошных женских рифм в терцетах).
- 9. В частности Г.Г. Подольская справедливо указывает на такие слабые аргументы, как «скомпрометированные классицизмом» олицетворения (Одиночество, Природа), «реалистические подробности места действия», техницизм «обсерватория Природы» и т. д., а главное отмечает использование в качестве возможного источника огаревского подражания варианта сонета «К Одиночеству», который был опубликован только в 1874 году. [31, 38-39]
- 10. Два знаменитых стихотворения Гете имеют в своем названии это слово «Sehnsucht» и «Selige Sehnsucht».
- 11. И.М. Семенко в комментарии к балладе В.А. Жуковского «Рыцарь Тогенбург» особо отмечает:

- «Шиллеровская баллада была программным преромантическим произведением об идеальной любви, вечном «томлении» («Sehnsucht»). Этот смысл ее передан Жуковским, причем «томление духа» даже усилено». [39, 461]
- 12. Ср.: «...некоторые слова («Sehnsucht, Edel, Ernst, Gemüth und Staat, // Malen und Anbeten»), <...> так и не были воссозданы в русском языке по своей внутренней форме, не калькированы. Они замещены синонимами, образованными от иных основ и, соответственно, имеют иной глубинный смысл». [42, 12]
- 13. На возможность такого понимания слова «Sehnsucht» указывает фраза Л. Тика по поводу миннезингеров: «Эти песни поэтому могут доставить лишь скромное, неполное наслаждение, и только повторное и внимательное прочтение делает их проникновенными и благозвучными, в противном случае ничто так не способно, как они, возбудить то неопределенное *томление* скуки, в духе которой пишут сравнительно много в последнее время». [44, 115]
- 14. См.: «Крупнейшие поэты остаются к сонету холодны: твердая форма представляется им не в меру сковывающей. Три пушкинских сонета (1830: «Суровый Дант...» с комплиментом Дельвигу, «Поэту» и «Мадонна») все имеют неканоническую рифмовку; у Жуковского, Вяземского, Языкова, Лермонтова с трудом можно найти по одному сонету...» [46, 165]

А.Э. Дудко, аспирант кафедры русской литературы XI-XIX веков Орловского государственного университета

E-mail: gunner_33@mail.ru

A.E. Dudko, graduate student of the Russian literature department (XI-XIX centuries) Orel State University E-mail: gunner_33@mail.ru

УДК 821.161.1

О.М. СОМОВ И РАЗВИТИЕ РУССКОЙ КРИТИКИ

© 2013 Т.Ю. Зайцева

Омская гуманитарная академия

Поступила в редакцию 17.03.2013

Аннотация: данная статья посвящена роли О.М. Сомова (литературного деятеля XIX в.) в формировании русской критики. К середине 1820-х гг. сложилась эстетическая программа Сомова, что характерно для эпохи, когда литературное сознание неизменно опережало творческую практику. Эта программа складывалась в эпоху романтизма, которая была нацелена на духовное самовыражение личности. В статье делается попытка осмысления основных принципов романтизма сквозь призму полемики литературных деятелей XIX в.

Ключевые слова: романтизм, народность, историзм, единство формы и содержания, полемика.

Abstract: the article is devoted to the role of O.M.. Somov (literary figure of XIX C.) in the formation of Russian criticism. By the mid-1820-ies has developed the aesthetic programme Somov, which is typical for the epoch when the literary consciousness has consistently outpaced the creative practice. This program has been formed in the epoch of romanticism, which has focused on the spiritual self-expression of the person. This article is an attempt to understand the basic principles of romanticism through the prism of controversy literary figures of the XIX century.

Key words: romanticism, nationalism, historicism, the unity of form and content of the debate.

Новый этап в истории русской критики связан с формированием в конце 1820—1830-х гг. широкой читательской аудитории. В это десятилетие возникают издания качественно нового типа - литературно-критические, «толстые» журналы, первым из которых был «Московский телеграф» (1825-1834) Н.А. Полевого. За ним последовали «Московский вестник» (1827-1830) М.П. Погодина — орган кружка любомудров, «Телескоп» (1831-1836) Н.И. Надеждина, «Европеец» (1832) И.В. Киреевского, закрытый властями на втором номере, «Библиотека для чтения» (1834-1865), созданная О.И. Сенковским, «Московский наблюдатель» (1835-1839) и др. Наиболее читаемым журналом этого рода были «Отечественные записки» (1839-1867) А.А. Краевского, известность которому в 1840-х принесли статьи В.Г. Белинского. Менее успешны были «Маяк» (1840-1845) С.К. Бурачка, «Финский вестник» (1845-1847) Ф.К. Дершау и др. На первый план выдвигается такой жанр, как критический обзор. Критические обзоры писали Н.И. Греч, А.А. Бестужев-Марлинский, В.А. Жуковский, В.Г. Белинский, О.М. Сомов. Имя популярного в свое время русского писателя и журналиста О.М. Сомова известно очень узкому кругу читателей и исследователей. Деятельность его до сих пор не получила должного освещения в отечественном литературоведении.

С 1817 г. Сомов сотрудничает в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств, а с начала 1818 г. заявляет себя в Вольном обществе

ческой программе О.М. Сомова:
1) единство формы и содержания;

2) индивидуальность стиля поэта и писателя;

любителей российской словесности. Сочинения

и переводы Сомова печатаются в журналах этих

обществ — «Благонамеренном» и «Соревнователе просвещения и благотворения». Заграничное

путешествие 1819—1820 гг., во время которого

Сомов посетил Польшу, Австрию, Францию,

Германию, расширило его эстетический кругозор

и дало материал для литературной деятельности. Стихотворные опыты, неустанная работа пере-

водчика приучили Сомова к точности и ясности

выражений, заставили овладеть разными стилями

от «метафизического» языка литературного тракта-

та до стихии живой разговорной речи. Журнальная

проза Сомова – путевые письма, размышления,

описания, литературные анекдоты, «характеры»,

появляющиеся в печати с 1818 г. и особенно ум-

ножившиеся после возвращения из-за границы, -

развивала наблюдательность писателя и точность

его описаний, приучала схватывать резкие черты

оригинальных, контрастирующих между собой

характеров. К середине 1820-х гг. сложилась и

эстетическая программа Сомова, что характерно

для эпохи, когда литературное сознание неизменно

опережало творческую практику. Эта программа

складывалась в эпоху романтизма, которая была

нацелена на духовное самовыражение личности.

Принципы романтизма сфокусированы в эстети-

- 3) историзм;
- 4) народность.

© Т.Ю. Зайцева, 2013

Важнейшая тема романтизма — интерес к истории. В начале XIX века произошел пересмотр правил классицистической эстетики, осознание того, что искусство тесно связано с историей и просвещением. Романтизм претендовал на универсальность взгляда на мир, на всеобъемлющий охват и обобщение всего человеческого знания. Поэзия романтизма создала тип нового человека, способного на глубокие духовные переживания, стремящегося к абсолютному идеалу. Именно эти эстетические идеалы утверждал Сомов, сначала сотрудничая с декабристами, участвуя в булгаринской «Северной пчеле» и одновременно в «Северных цветах», а затем с А.С. Пушкиным и А.А. Дельвигом.

Анализ статей Сомова («О романтической поэзии»; «Обзор российской словесности за 1827 год»; «Обзор российской словесности за 1828 год»; «Антикритика»; «Мои мысли о замечаниях г. Мих. Дмитриева на комедию «Горе от ума» и о характере Чацкого») убеждает в том, что он выступал за самобытную русскую литературу и критику. Основная мысль многих статей Сомова заключается в том, что «истинный талант должен принадлежать своему отечеству; человек, одаренный таковым талантом, если избирает поприщем своим словесность, должен возвысить славу природного языка своего, раскрыть его сокровища и обогатить оборотами и выражениями, ему свойственными» [1, 546]. Сомов был провозвестником исторического принципа в изучении литературы. Говоря о своеобразии классической и романтической словесности, критик анализирует романтическую поэзию, различая в ней разнообразные тенденции. Путь к созданию самобытной русской литературы критик видит в обращении к национальному прошлому, к фольклору, к нравам, обычаям народов, населяющих «все пространство родного края» [1, 545].

Свои мысли о задачах русской художественной литературы Сомов высказывает в статье «О романтической поэзии». В этом трактате автор впервые в обобщенной форме сформулировал эстетические принципы романтизма. Цель статьи автор видит в намерении показать, что русскому народу «необходимо иметь свою народную поэзию, неподражательную и независимую...» [1, 562]. В этом трактате также возникает полемика с классицистами. Автор говорит о несоответствии образных представлений древних эпох и современной поэзии. Сомов подчеркивает, что литература каждого народа имеет свое национальное своеобразие. Учитывая воспитательную функцию литературы, автор выдвигает требование народности и самобытности

Зайцева Т.Ю., аспирант Омской гуманитарной академии, преподаватель ГБОУ ВПО ОмГМА Министерства здравоохранения Российской Федерации, E-mail: zaya77-omsk@mail.ru

литературы как непременное условие ее влияния на широкие читательские круги.

Сомов считает, что каждый поэт должен обладать творческой свободой. Требование свободы распространяется на выбор жанров, форм художественного творчества, поэтических тем, сюжетов, изображаемых мыслей и чувств. Этот принцип требовал новизны в творчестве, выражений чувств и мыслей человека, проникновения в его внутренний мир. Представителями романтической литературы являлись, по мнению Сомова, Д. Г. Байрон и особенно У. Шекспир, который показал «глубокое познание человеческого сердца», явился «искусным живописцем человеческой природы и страстей: он верный источник нравов и обычаев тех времен и мест» [1, 552].

Критик с гордостью говорит о выдающихся русских писателях. Среди них он особо выделяет Г.Р. Державина как основоположника современной литературы, так как именно Державин сообщил новую силу русскому языку, разгадал его средства и возможности. Его поэзия, по мысли Сомова, неподражательна и неподражаема. Но развития и совершенствования русская литература, как убежден критик, достигла в творчестве Пушкина.

В эстетике и критике Сомова с принципом народности, национальной самобытности связан принцип свободы литературы от «ярма правил», от подражательности. В этой связи показательна борьба Сомова с элегической поэзией, которую он считал неоригинальной, унылой, беспредметной и излишне мечтательной. Позиция О.М. Сомова совпадает с точкой зрения В.К. Кюхельбекера. Кюхельбекер также считает, что романтические элегии в русской литературе довольно однообразны: «Трудно не скучать, когда Иван и Сидор напевают нам о своих несчастиях...» [2, 276]. Оба критика выступают против догматических правил эстетики и поэтики классицизма, выделяют воображение как главную способность души.

Таковы основные принципы русского романтизма, романтической литературы и искусства, сформулированные Сомовым. Эти принципы нашли отражение и дальнейшее развитие в работах других русских романтиков.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Сомов О.М.. О романтической поэзии / О.М. Сомов // Русские эстетические трактаты 1/3 XIX века : В 2 т. М. : Художественная литература, 1974. Т. 2. С. 545 569 .
- 2. Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи / В.К. Кюхельбекер. Л. : Наука, 1979.

Zaitseva T.Y., post-graduate student of Omsk Humanitarian Academy, teacher of State Budget Educational Institution of Higher Professional Education «Omsk State Medical Academy» of Ministry of Heath (Russian Federation). УДК 801.73

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ БЛОКОВ СОДЕРЖАНИЯ И СМЫСЛА ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ТИПА МОДАЛЬНОЙ ПАРТИТУРЫ ТЕКСТА

© 2013 Е.В. Ильина

Тверской государственный университет

Поступила в редакцию 7.10.2012

Аннотация: В статье рассматривается взаимовлияние содержательного и смыслового уровней при построении модальной партитуры распредмечивания смыслов текста согласно коррелятивной стратегии регулирования таких отношений.

Ключевые слова: содержание, смысл, смысл-модализация, модальное значение, модальная партитура текста.

Abstract: The article is on the study of mutual influence between contents and sense levels in the modal score of sense dematerializing constructed on the basis of correlative type of such interplay organization.

Key words: contents, sense, sense-modalization, modal meaning, textual modal core

Термины «содержание» и «смысл» применительно к исследованиям текстов художественной литературы часто используются как взаимозаменяемые или частично перекрывающие друг друга. При таком подходе к определению роли и статуса двух указанных конструктов смысл перестает быть тем, что управляет процессом текстопостроения, от исследователей ускользает момент обязательной динамичности смысла вкупе с возможностью трактовать смысл как то, что направляет речепорождение в большинстве ситуаций коммуникации и обеспечивает саморазвитие системы языка.

Поскольку и содержание, и смысл рассматриваются в большинстве работ как относящиеся к плану идеального в его противопоставлении плану материального, то еще одним термином, обнаруживающим соотносительную связь с первыми двумя, будет языковое значение (в первую очередь лексическое).

Г.П. Щедровицкий рассматривал смысл как ту конфигурацию связей и отношений между разными элементами ситуации деятельности и коммуникации, которая создаётся или восстанавливается субъектом, воспринимающим и осваивающим текст. Значения, или, точнее, их объединения в определенные структуры, обеспечивают сворачивание смысла, его облечение в слова, предложения, тексты при говорении с последующим распредмечиванием в процессе понимания [1, 90-101].

Г.И. Богин для характеристики зависимости смысла и значения вводит понятие содержания

как набора предикаций в рамках пропозициональных структур. Значение в его концепции связано со смыслом через содержание. Наиболее частотные, ставшие частью культуры носителей конкретного языка смыслы застывают в значениях, зафиксированных в словарях. Далее эти значения вместе с несущими их звуковыми образами наполняют пропозиции как мыслительно-языковые рамки, при этом из получившихся структур в процессе понимания родятся смыслы [2, 91-100]. Данная трактовка взаимозависимости понятий «содержание» и «смысл» принимается за основу в настоящей работе, поскольку в этом случае содержанию отводится более устойчивая, связанная с интерпретаций значений, семантическая функция, тогда как смысл представляется как динамический конструкт, не связанный напрямую со словом в единстве его формы и значения. Смысл при таком подходе все же можно подвергнуть научному анализу, так как его распредмечивание при всей возможной вариативности определяется интендирующими текстовыми средствами, в которых в конкретном тексте этот смысл свернут.

В настоящей статье нас также интересует соотношение содержания и смысла как основных уровней идеального в тексте с модальностью, которая рассматривается как универсальное метасредство, управляющее процессом взаимодействия указанных уровней в результате включения в ход их обработки сознанием системы языка. Модальность также рассматривается как поле языкового сознания, где хранится алгоритм формирования модальных партитур речевых сообщений (текстов).

© Е.В. Ильина, 2013

Партитуру модальных составляющих текста будут формировать два плана компонентов. С одной стороны, это модальные смыслы, т.е. смыслы-модализации, с другой стороны, объединяемые ими в блоки смыслы безмодальные, или, точнее, пассивно модальные. В процессе рефлективного действования с текстом каждый смысл блока активизируется, модально окрашивается под влиянием смысла-объединителя.

Помимо того, принимая во внимание рассмотренное выше различение сфер применения понятий «значение» и «смысл», представляется возможным попытаться переосмыслить понятийные основания модальности в аспекте терминологического уточнения понятий «модальное значение» и «модальный смысл». По нашему мнению, следует говорить не о типах модальности, а о различных модальных значениях, которые могут быть выражены с помощью средств различных уровней языковой системы. Указанные значения есть продукт существования человека в мире смыслов, значительная часть которых образует смысловую основу феномена языковой модальности в виде категоризированной системы языковых модальных значений. Что касается понятия «модальный смысл» или «смысл-модализация», то имеются в виду смыслы-способы преобразования мира в тексте в виде задаваемых координат упорядоченного создания/воссоздания/изменения такой реальности. Указанные смыслы-способы заключают в себе возможности последующего адекватного восстановления смыслового замысла автора читателем.

Взаимодействие между блоками содержания и смысла внутри текста, согласно нашей концепции, может строиться согласно наиболее общим стратегиям реализации отношений противоположности, противоречия (с парадоксальным подтипом), пресуппозиции и корреляции. Противоположный и противоречивый типы отношений между блоками содержания и смысла предполагают осознания их конфликта и необходимости либо максимального напряжения (в виде полного отрицания содержания смыслом) или, наоборот, сглаживания такого конфликта (в виде разрешения включения содержательных выводов в конечную смысловую интерпретацию) соответственно. Крайним вариантом стратегии противоречия является парадоксальный подтип, когда возможен выбор между двумя противоречивыми интерпретациями: на основе содержания или на основы смысла. Пресуппозитивная организация указывает на одностороннюю детерминированность смысла содержанием, а коррелятивная стратегия определяет выстраивание отношений между содержанием и смыслом при формировании такой модальной партитуры, где содержание и смысл текста взаимно определяют связи внутри друг друга.

Основанием того, что особенности взаимоотношений содержания и смысла определяются модальностью, является тот факт, что, как будет показано ниже, тип модальной партитуры с зафиксированным способом сопоставления содержательных и смысловых связей определяет последующую категоризацию смыслов-модализаций каждого кластера в направлении определенных типовых модальных языковых значений. Последнее обеспечивает устойчивость и универсальный координирующий статус модальности как явления языка.

Следующий стихотворный текст является примером коррелятивной организации взаимодействия блоков содержания и смысла в рамках модальной партитуры текста:

(В.Я. Брюсов)

Римскими цифрами обозначены строфы, ударные слоги обозначены знаком `, а безударные – знаком ~. Размер стихотворения – четырехстопный хорей. Простая форма двухсложника разбавляется постановкой пиррихиев, которые в 1-й, 5-й, 6-й, 7-й строфах и во втором стихе 2-й строфы падают на третью стопу. Однако в первом стихе 2-й строфы, 3-й строфе, и, дополнительно, в 7-й строфе пиррихий помещается на первую стопу. В 7-й строфе, таким образом, оказывается целых два пиррихия и только два ударных слога, что вполне понятно, поскольку там только по два семантически наполненных слова. Кроме того, ударение на первом слоге выглядит несколько ослабленным в 4-й и 5-й строфе, причем во втором стихе 5-й строфы также можно обойтись без ударения на второй стопе. Такое ритмическое оформление этих строф придает дополнительный семантический вес словам, на которые падают метрические ударения. Этому способствует и внутренняя рифма, не всегда точная — смерть — твердь; тишина — луна; гаснут гибнут; невзлелеянные — осмеянной; сны — весны.

Интересно взаимодействие размещения пиррихиев с гипердактилической рифмой: при ударном первом слоге окончание имеет именно такой вид, но при отсутствии ударения на первом слоге, или при его ослаблении в клаузуле возникает мужская отрывистая рифма (3-я, 4-я и 5-я строфы). Какие содержательно-смысловые связи можно выявить, приняв во внимание, что «пиррихий в первой стопе звучит более легко» [3, 30], гипердактилические рифмы «звучат напевнее» [3, 47]?

Содержательно оказываются связанными строфы с гипердактилическими окончаниями с одной стороны и строфы с мужскими рифмами с другой. Содержание первой группы строф выполняет роль семантического фона для содержания строф второй группы. Структурно это подкрепляется тем, что три двустишия с мужскими рифмами окружаются строфами с гипердактилическими окончаниями. Тогда гипердактилические рифмы помимо функции ритмического замедления способствуют опредмечиванию смысла «зима сродни забвению». Метафорическая основа этого смысла раскрывается не только в отмеченном структурном приеме, но и в персонификации абстрактного: холод сковывает и очаровывает душу. Персонификация распространяется и на описание зимнего ночного пейзажа: протягиваются, притрагиваются, словно и части холода как члены человеческого тела. Убаюкивающая интонация 6-й и 7-й строф сочетается с уменьшением метрических ударений в стихе в связи с сокращением числа знаменательных слов. Мир вместе с наполняющими его предметами-референтами стирается в видении героя так, что последним образам он не успевает (и не хочет) дать имени (святыми недосказанностями). Забвение в последних строфах становится почти ощутимым: снег все засыпает, скрывает, как смерть — хоронит.

Содержательная связь, возникающая между метафорическим фоном описания забвения и состоянием души автора, перебрасывается на основной содержательный костяк стихотворения — с 3-й по 6-ю строфы. Слово смерть там присутствует. Оно помещается, как указывалось выше, во внутренне рифмующийся ряд, создающий эффект соединения двух содержательных линий – семантического фона персонификации холода и метаморфоз в человеческой душе. Здесь снова присутствует «луна» со своим холодным «блеском», с которой приходит ночь и «тишина», все застывает, останавливается, перестает жить, коченеет («твердь»). Реальность превращается в «сны». Ночь и холод одерживают верх уже в 4-й строфе. Далее реальность заменяется «сном», начинается процесс разложения - сознание «гаснет», тело «гибнет». Но это лишь анализ содержательных связей, построенных на взаимосвязи лексических значений единиц стихового ряда. Создаваемая метафора не принадлежит только плану смыслов, ей в равной степени управляет и содержание. В плане же освоения смысла значимым является интенсификация эмоционального напряжения за счет смены метрико-рифмического оформления центральных двустиший. Отрывистость мужских рифм в сочетании с легким звучанием пиррихиев в первой стопе динамизируют действие. Это контрастирует с пассивностью героя, который не вмешивается в распространение власти смерти в фоновых строфах. Он не противится действию внешних сил, а, наоборот, по своей воле (!) им предается. Присутствие смысла «желание покориться чужой воле» опредмечивается именно в сочетании ритмико-интонационного и рифмового оформления фраз, что вытекает, естественно, из расстановки в стиховом ряду слов, составляющих своими значениями содержание текста. Содержание же в результате создания яркого метафорического подтекста поддерживает устанавливающиеся смысловые связи.

Таким образом, конструируемая модальная партитура состоит из двух кластеров — семантического «фона» и основного действия, один из которых поглощает другой. Смыслом-модализацией является при этом только указанный смысл осознания собственного желания героя, который управляет как безмодальными смыслами «фона», так и смыслами в рамках основного кластера. Поэтому в этом случае о поглощении говорить нельзя — это не холод подчиняет себе человека, это он сам, по своей воле подчиняется ему. При последующей категоризации ядерного модального смысла, естественно, результирующим модальным значением будет значение волеизъявления, чему способствовала консолидация всего плана смыслов в тексте.

Вышесказанное обусловливает следующие выводы:

В стихотворном тексте специфические для такого типа речевого построения текстовые средства (тип концевой рифмы, особенности ритмико-метрического строения и т. п.) наиболее тесно связаны с опредмечиванием ядерных смыслов-модализаций в модальной партитуре распредмечивания смыслов текста;

Используемые для опредмечивания узловых смыслов-модализаций стиховые текстообразующие средства органично комбинируются с тропеическими элементами, что говорит об общей основе для формирования модальной партитуры в поэзии и прозе;

Связи между содержанием и смыслом, координируемые в тексте модальной партитурой, обеспечивают содержательно-смысловое единство произведения.

Е.В. Ильина

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Щедровицкий Г.П. Смысл и значение // Проблемы семантики. [Текст] / Г.П. Щедровицкий. М. : Наука, 1974. С. 76-111.
  - 2. Богин Г.И. Типология понимания текста // Г.И. Богин

Обретение способности понимать : Работы разных лет. [Текст] / Г.И. Богин. — Тверь : Тверской гос. ун-т, 2009. — С. 77-151.

3. Холшевников В.Е. Основы стиховедения. Русское стихосложение: учеб. пособие. [Текст] / В.Е. Холшевников – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996. – 184 с.

Ильина Елена Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры английской филологии Тверского государственного университета, доцент кафедры европейских языков Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета

E-mail: lpuchkova@mail.ru

Ilina Elena Valerjevna - Candidate of Philology, Docent, doctorate course student of Tver State University, associate professor of European Languages Chair of Linguistics Institute in Russian State University for the Humanities E-mail: lpuchkova@mail.ru

УДК 802.0

СПОСОБЫ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ИНАКОСТИ

© 2013 Е.Ю. Кислякова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Поступила в редакцию 13 февраля 2012 г.

Аннотация: Целью данного исследования является описание англоязычных грамматических средств, объективирующих категорию инакости как категорию лингвистики. Вербализация категории инакости грамматическими средствами английского языка происходит в концептуальной взаимосвязи с категорией Другой.

Ключевые слова: языковая категория, грамматические способы, концептуальная метонимия, прямое цитирование, косвенное цитирование, непрямое цитирование, синтаксические конструкции клефтинга, языковые структуры сослагательного наклонения, двойственная предикация.

Abstract: The aim of this study is to present English language grammar means that express the notion of otherness as a linguistic category. The grammar means of manifesting the category of otherness are conceptually interrelated with the notion "somebody/something else".

Key-words: linguistic category, grammar means, conceptual metonymy, direct speech, indirect speech "speech within speech", cleft-sentences, subjunctive mood patterns, dual predication.

Данная статья посвящена лингвистическому анализу и описанию англоязычных грамматических форм репрезентации инакости как категории языка. Эта категория метафорически выражает когнитивные состояния определенного типа, доминантные ментальными представлениями о понятийной сфере «иного».

При структурировании концептуального каркаса категории инакости выделяется еще одна базовая категория «другого», в рамках и посредством которой осуществляется языковая рефлексия проблемы «иного». Обе категории сосуществуют во взаимореференциальном смысловом континууме, что, в свое время, позволило прийти к философскому осмыслению инакости как универсальной категории в терминах проблемы Другого [1]. Широта и сложность исследуемой категории обусловили необходимость обращения к исследовательскому инструменту, известному как «концептуальная метонимия». Под метонимией имеется в виду референциальный способ понимания, когда одна сущность используется для представления другой, связанной с ней в реальной действительности [2]. Кроме этого, суть метонимии лежит в возможности устанавливать связь между сущностями, сосуществующими в пределах некой единой концептуальной структуры [3]. В таком более широком понимании метонимия уже не просто выполняет референциальную (отсылочную) функцию, а становится одним из фундаментальных процессов развития значения, расширения категории и динамической концептуализации [4]. В рамках проводимого исследования феномен концептуальной метонимии рассматривается как когнитивный механизм переноса фокуса внимания с одного компонента сложного концепта на другой. В этом случае «концептуальная метонимия» как инструмент анализа позволяет выявить и объяснить многочисленные связи и переходы внутри целостных структур категорий Иной и Другой.

Рассматриваемые в работе категории могут быть классифицированы как выделенные ранее в науке «эгоцентрические категории» [5]. Лингвофилософский аспект последних вытекает из признания ощущения и осознания своего внутреннего индивидуального «Я» в качестве одной из важнейших концептуальных констант европейской культуры и европейской ментальности, «сложившейся как равноденствующая целого комплекса различных исторических факторов и культурных влияний» [6, 114]. Кроме этого, анализируемые категории связаны с феноменом расщепления говорящего, представленным в виде декомпозиции говорящего на семантическом и синтаксическом уровнях. В результате научного обобщения данного феномена сложились теория цитации, косвенной, прямой и «непрямой речи» (там же). Всякое ци-

© Е.Ю. Кислякова, 2013

тирование есть не что иное, как одновременное понимание реальности другого в реальности себя. Это первый шаг рефлексии, отражающий наше осознание близости иного, чужого, что явствует из нижеприведенного примера:

'Would you like to press the button for our floor, the top floor...?' she asks. Matthew remains silent. Lily waits politely, then presses the button for floor five and the doors to the lift slide creakily shut.

No crows gathering. No gangs with knives, no welcoming party of any kind, not even a net-curtain twitching. Lily smiles meaninglessly at her son, a habit she has developed of late, handy to disguise the fact that she is studying him; his celery-coloured woolen hat pulled low to his eyes, which in the sharp artificial strip-light inside the lift are two dark, contracting points, deeply suspicious (Dawson).

Во втором абзаце, несмотря на формальные признаки повествования от третьего лица (например, главная героиня Лили остается объектом-референтом автора), с помощью эллиптических конструкций, являющихся признаками разговорного стиля, слышен другой голос, голос самой Лили, которая, вероятно, не без цинизма цитирует свою «предрассудительную» мать, испытавшую глубокие переживания в связи с переездом дочери и внука в Лондон. При этом в антецеденте непрямой цитаты вербализация опасений могла быть более эмотивной, а в самой цитате – только ключевые слова и фразы (например, gangs with knives — бандиты с ножами). Также в дескрипции мальчика имеются признаки непрямого цитирования внутренней речи главной героини, например, употребление неформальной, разговорной лексемы handy (подручный) и оценочных прилагательных sharp, suspicious (резкий, подозрительный). Это заставляет задуматься, не сама ли героиня замечает и вербально фиксирует все нюансы своего поведения (smiles meaninglessly... to disguise the fact that she is studying him — бессмысленно улыбается..., чтобы скрыть тот факт, что она его изучает) и, тем самым, подчеркивает свои индивидуальные особенности [7]. Автору удается описать Лили так, будто бы она видит саму себя со стороны.

М. Льюнг объясняет суть феномена расщепленного эго (split ego) как изменение точки зрения: «Говорящий видит себя не с обычной эпистемологической точки зрения, а как другой человек» [8, 52], рефлексирующий над самим собой, своими ментальными состояниями, оценивающий себя со стороны. Как указывает Г. Зиммель, взаимоотношения двух субъектов можно перенести на самого индивида благодаря «способности нашего ума противопоставлять себя самому себе и рассматривать себя как кого-либо $\partial pyroro$ » (курсив мой. — E. K.) и таким образом превращать неявное знание в явное, то есть переводить «самосознание в рефлексию» [цит. по: 9, 259]. Грамматически рефлексивное апеллирование к иному «Я» оформляется в структурах сослагательного наклонения. Рассмотрим следующий пример:

'You will never know how much it meant to me, Father, that you came to the hospital so quickly. Christina's parents arrived later that evening. They were magnificent. He begged for my forgiveness — begged for my forgiveness. It could never have happened, he kept repeating, if he hadn't been so stupid and prejudiced' (Archer).

Процитированный отрывок иллюстрирует встречу главного героя Бенжамина с родителями своей возлюбленной, Кристины, которые на протяжении многих лет препятствовали браку своей дочери с человеком другой национальности. После смерти Кристины произошло примирение Бенжамина с родителями жены благодаря их искреннему раскаянию и сожалению по поводу своего прежнего отношения к молодым супругам. Отец Кристины выражает самокритику посредством языковой модели

 $\underline{S1 + could \text{ have done, if} + S2 + had (not) \text{ been}}$ (It could never have happened, if he hadn't been so stupid and prejudiced).

(Это никогда бы не произошло, если бы он не был таким глупым и «предрассудительным»).

Данная модель является вторым типом нереальных сослагательных конструкций и она доминантна значением «сожаление», реализуемым с помощью двойной актуализации смыслов «этот, здешний, действительный» (движимое эмоциями, ситуативно обусловленное «Я», мой реальный объективный мир) и «иной, метафизический» (благоразумное, рефлексирующее «Я», мой нереальный, но более совершенный мир). Другое «Я» при этом представлено в деперсонифицированной форме, не столько как реальность, сколько как возможность.

Категория инакости концептуально сопряжена с категорией возможного, основным механизмом реализации которой является деконструкция, опирающаяся на различия и стремящаяся уничтожить самость в субстанциональном плане (бытие, идею, феномен) [10]. Если сущее и должное выражается с помощью изъявительного и повелительного наклонений, то языковая манифестация возможных миров осуществляется посредством сослагательного наклонения, представленного первым типом нереальных сослагательных конструкций. Например:

If Romanov were still in Switzerland, Scott might still be alive (Archer).

Конструкции такого типа являются вербализованным результатом моделирования вооб-

ражаемой ситуации, реальность которой либо маловероятна, либо абсолютно невозможна. Применение форм прошедшего времени усиливает прагматический эффект отдаленности и отличия воображаемого от действительности.

Исследователь Т.И. Семенова выделяет особые высказывания, которые характеризуются модусом кажимости [11]. В грамматических терминах данные высказывания представляют собой синтаксические конструкции с глаголами-связками, обозначающими чувственное восприятие: look, appear, seem, имеющие способность принимать в качестве актанта местоимение первого лица, выступающего в роли подлежащего, например, I seem to be right (Кажется, я прав). Подобные конструкции наделены прагматическим эффектом, поскольку на синтаксическом уровне в качестве наблюдаемого объекта субъект речи выделяет во внешнем мире самого себя, хотя прототипически он не может становиться в позицию наблюдателя по отношению к самому себе, следовательно, такие обороты речи, как приведенный в примере, свидетельствуют о концептуализированном «раздвоении» целостного «Я» на Эго-субъективное и объективное и опредмеченного синтаксическими средствами языка. При этом сохраняется тождественность обеих ипостасей «Я» в референтном плане.

Ретроспективные контексты с употреблением видо-временных форм Past Simple и Present Perfect являются еще одним языковым средством манифестации феномена когнитивного «расщепления» говорящего на «Я-субъект» и «Я-объект». Это также обусловлено рефлексивным характером ситуации «возвращения назад», когда говорящий как бы «расслаивается» на два временных среза, что позволяет ему ссылаться на себя в прошлом как на другое лицо. Рассмотрим следующий пример:

'Did you mean what you said in the police station?' About me being a useless father?'

'Oh, I dunno. Not really'.

'Because I know I haven't been great.

'No. Not great' (Hornby).

Приведенный текстовый фрагмент из романа Ника Хорнби является кульминационным моментом в контексте-покаянии отца перед сыном за упущенные возможности и нереализованные силы в воспитании своего ребенка. Осознающее «Я», субъект ментального действия, выраженный эпистемической пропозицией *I know (я знаю)*, осуществляет оценочную деятельность по отношению к «Я в прошлом», к субъекту опыта, выраженному экзистенциально-оценочной пропозицией *I haven't been great (as a father) (Я был плохим (отцом))*.

Особый случай представляет собой синтаксическая конструкция used to, имплицитно семантизирующая признак «иного, другого» посредством грамматического значения "repeated actions in the past which no longer happen". Употребление данной конструкции всегда предполагает отсутствие акционального, бытийного или перцептивного опыта в настоящем, который имел место в прошлом, что маркировано инфинитивом или инфинитивным оборотом, согласующимся с used to:

We used to have to say 'I will pray to God to forgive your sins' (Spark).

Данный пример иллюстрирует переход в иное бытийное измерение современного британского человека, когда религиозные ценности утрачиваются и меняется вербальное поведение.

Таким образом, основными способами грамматикализации категории инакости в английском языке выступают синтаксические конструкции, являющиеся средствами оформления цитирования (прямого, косвенного и непрямого), языковые структуры сослагательного наклонения первого и второго нереального типов, синтаксические обороты с двойственной предикацией для актанта первого лица, свидетельствующие о когнитивном «расщеплении» говорящего, а также употребление разных видо-временных форм в рамках одного контекста.

Резюмируя, следует особо подчеркнуть, что анализ способов вербализации категории инакости грамматическими средствами английского языка осуществлялся в терминах концептуальной взаимообусловленности категорий Иной и Другой. Следовательно, описанные англоязычные способы не являются полностью исчерпывающими, поскольку категория Иной может также вступать в метонимические связи с категорией отличия (неподобия). Данный аспект составляет перспективу нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Малахов В.С. Парадоксы мультикультурализма / В.С. Малахов. Иностранная литература. 1997. № 11. С. 171-174.
- 2. Lakoff George and Mark Johnson. Metaphors we live by / George Lakoff. Chicago: University of Chicago, 1980.
- 3. Taylor John. Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory / John Taylor. Oxford: Clarendon Press, 1989.
- 4. Макарова Е.А. Лингвистические аспекты взаимосвязи категории experience с категорией knowledge в современном английском языке / Е.А. Макарова. Иркутский гос. лингв. ун-т. Иркутск, 2008.
- 5. Падучева Е.В. Говорящий: субъект речи и субъект сознания / Е.В. Падучева // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
  - 6. Баранов А.Н. Заметки о дескать и мол / А.Н. Баранов

Е.Ю. Кислякова

- // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 114-124.
- 7. Magpie by Jill Dawson. A commentary with annotations / Edited by Karen Hewitt. Perm, 2008.
- 8. Ljung M. Reflections on the English Progressive / M. Ljung // Gothenburg Studies in English. -1980. Vol. 46. P. 48-127.
- 9. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание / В.А. Лекторский. М.: Наука, 1980.
- 10. Кутырев В.А. Философия иного, или Небытийный смысл трансмодернизма / В.А. Кутырев // Вопросы философии. 2005. № 12. С. 3-19.
- 11. Семенова Т.И. Методологический статус другого и его роль в концептуализации внутренней сферы человека / Т.И. Семенова // Этносемиометрия ценностных смыслов: коллективная монография. Иркутск : ИГЛУ, 2008. С. 169-185.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Кислякова Евгения Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка института иностранных языков,

E-mail: kisjen@rambler.ru

Volgograd State Social Pedagogical University Kislyakova Evgenia Yurievna, associate professor at the English language department of the institute of modern languages,

E-mail: kisjen@rambler.ru

УДК 81.1

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

© 2013 Н.А.Козельская, И.А.Стернин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 24 декабря 2012 г.

Аннотация: в статье исследуется отношение молодежного языкового сознания к жаргону и инвективной лексике.

Ключевые слова: молодежь, метаязыковое сознание, жаргон, инвективы.

Abstract: the article studies the problem of reflection of sleng and invectives in youth metalingual consciousness. **Key-words:** youth, metalingual consciousness, sleng, invectives.

Одной из актуальных проблем современной лингвистики является описание реального языкового сознания людей. Его исследуют традиционная лингвистика, психолингвистика, нейролингвистика, психология, логопедия, в какой-то степени — методика обучения языку.

Мы рассматриваем языковое сознание как компонент когнитивного сознания, «заведующий» механизмами речевой деятельности человека; это один из видов когнитивного сознания, обеспечивающий такой вид деятельности, как хранение языка и оперирование им. «Сознание «вообще» мы предлагаем назвать когнитивным, подчеркивая его ведущую «познавательную» сторону - сознание формируется в результате познания (отражения) субъектом окружающей действительности; содержание сознания представляет собой знания о мире, полученные в результате познавательной деятельности субъекта (его когниции). Когнитивному сознанию противостоит *языковое*» [1]. Соотнося языковое сознание с когнитивным сознанием и когнитивной картиной мира, можно следующим образом определить языковое сознание: языковое сознание есть часть когнитивного сознания, выраженная в языковой форме.

Языковое сознание формируется у человека в процессе усвоения языка и совершенствуется языков. Языковое сознание – это все сведения о языке, являющиеся достоянием сознания личности, и именно они дают ему возможность автоматизированно, а если надо, то и осознанно осу-

всю жизнь по мере пополнения им знаний о правилах и нормах языка, новых словах, значениях, по мере совершенствования навыков коммуникации в различных сферах, по мере усвоения новых ществлять номинацию, строить высказывания и речевые произведения, осуществлять речевое воздействие на собеседника.

Одним из компонентов языкового сознания является метаязыковая деятельность индивида, его способность осознанно рефлексировать над языком, размышлять и оценивать слова, выражения, значения, рассуждать о своем языке, предполагать этимологии слов, интересоваться правильным словоупотреблением и под.

Языковое сознание носителя языка всегда является обыденным, то есть сформировавшимся естественно. Научные знания о языке всегда являются дополнительными для носителя языка: в школе он может плохо усвоить русский язык, но говорить и писать он будет в любом случае и именно на обыденном уровне, по своему разумению, хотя рефлексивно может признавать свой низкий уровень владения языком.

Таким образом, метаязыковое обыденное сознание является составной частью обыденного языкового сознания.

Обыденное языковое сознание развивается преимущественно стихийно, под влиянием речевой деятельности окружающих. Однако именно оно обеспечивает реальное функционирование речевой деятельности человека.

В рамках проекта по изучению языкового сознания молодежи г. Воронежа мы провели экспериментальное исследование метаязыкового сознания молодых людей на примере их отношения к употреблению жаргона и нецензурной лексики.

Испытуемым (100 студентов ВГУ) предлагалось написать первые пришедшие на ум слова, ассоциирующиеся у них со словом жаргон. Полученные результаты обрабатывались методом семантической интерпретации, после чего выде-

© Н.А.Козельская, И.А.Стернин, 2013

лялись семы, составляющие значение этого слова в обыденном сознании.

Наиболее яркими признаками значения слова «жаргон» оказались следующие: *лексика 21, используемая в тюрьме 13, сленг 8, нецензурная 6.*

Жаргон определяется испытуемыми как лексика 21, сленг 8, мат 6, социальный диалект 3, арго 3, говор 2, способ общения 1.

Носителями жаргона являются молодежь 4, воры 3, блатные 2, гомики 1.

Используется жаргон в тюрьме 13, в разговоре5, на улице 2.

Оценивается отрицательно: $\it грубый 1$, $\it некра \it сивый 1$

Оценивается положительно: вкусный 1, ништяк 1, эксклюзивная речь 1.

Итак, по результатам свободного ассоциативного эксперимента, *жаргон* понимается в первую очередь как лексика нецензурная, ограниченная использованием в местах заключения. Другими словами, по нашим данным, в обыденном метаязыковом сознании молодежи нет четкой границы между жаргоном и нецензурной лексикой, сквернословием, с одной стороны, и сленгом — с другой стороны. Оценка жаргона двойственна: и положительная, и отрицательная.

Выполняя задание направленного ассоциативного эксперимента, студенты должны были дать 3 реакции: *жаргон* — *какой*.

Данный эксперимент позволил испытуемым более дифференцированно, хотя и противоречиво, атрибутировать жаргон. Самыми яркими признаками (до 40% выделивших) оказались: профессиональный, тюремный, молодежный, указывающие на две ключевые сферы функционирования жаргона и основных его носителей. В ближней периферии (до 20% ответов) находятся признаки, также указывающие на сферу использования: воровской, уличный и дающие нормативную нецензурный и эстетическую оценку явлению: негативную - грубый, непонятный, ненужный и позитивную - интересный. Дальняя периферия (1-9% ответивших) содержит разнообразные признаки, среди которых обращают на себя внимание позитивные оценки: модный, красивый, нужный, экспрессивный, вежливый, забавный, книжный, умный, эффектный.

Третий эксперимент относился к категории лингвистического интервьюирования — испытуемым предлагалось ответить на вопрос: жаргон -для чего нужен? что дает?

Анализ данных ответов респондентов позволяет сделать предположение, что в метаязыковом сознании молодежи существует двойственность в оценке функций жаргона. С одной стороны, есть понимание того, что жаргон как языковой феномен является фактором порчи, засорения

языка (Не дает ничего хорошего, полезного 19. Ведет к порче, разрушению языка 17. Ведет к деградации личности 14. Ведет к обеднению языка 3.)

С другой стороны, жаргон позитивно оценивается как важный инструмент социализации личности и компенсаторное средство выражения мыслей и общения для тех носителей языка, которые плохо владеют им (Для общения в своей компании 21. Для более простого выражения мысли 16. Дает лучшее взаимопонимание 15. Для выражения эмоций, чувств 12. Для самовыражения 7. Дает место среди своих 5. Дает авторитет, уважение 2. Чтобы разговаривать как все 2.)

Для лингвистического интервью студентам ВГУ, музыкального колледжа и молодым сотрудникам Группы компаний Хамина г. Воронежа также были предложены вопросы о практике использования жаргона. Приведем вопросы и ответы, данные 200 молодыми респондентами в 2012 году.

1. Кто, на ваш взгляд, чаще всего употребляет жаргон:

Мужчины — 33% Женщины — 0% Сверстники- 39% Школьники — 6%

Малообразованные люди — 10% Bce — 12%

2. Как вы относитесь к активному употреблению жаргона в современном обществе?

Не замечаю -9% Равнодушно -28% Считаю допустимым -36% Считаю проявлением бедности языка -20% Мне нравится -7%

Проанализировав полученные ответы, мы пришли к выводу, что молодежь достаточно ясно представляет себе ограниченный характер бытования жаргона, его грубость и ненормативность. Вместе с тем очевидно очень лояльное отношению молодых людей к использованию жаргона в общении. Жаргон не представляется молодежи таким безусловно отрицательным (пусть даже только теоретически) явлением, как нецензурная брань. Парадоксальным образом эта установка на оправдание жаргона в своей речевой практике соседствует в сознании молодых людей с прочной ассоциативной связью понятия жаргон с преступной сферой деятельности.

Неотъемлемым требованием культуры речи в русском языке является запрет на сквернословие в любых ситуациях. Сквернословие представляет собой нарушение исторически сложившегося табу — матерная брань, имеющая культовую функцию в славянском язычестве, обличалась в посланиях патриархов и митрополитов, запрещалась царскими указами. В советском и российском законодательстве употребление нецензурной брани квалифицируется как хулиганство и влечет за собой административную ответственность.

В постсоветское время, как известно, с ликвидацией идеологической цензуры, отсутствием редакторской и корректорской правки в СМИ, тенденцией к демократизации языка в средствах массовой информации, использование ненормативной лексики приобрело массовый характер. Прошло более 25 лет после периода «перестройки», сформировалось поколение людей в условиях либерализации языковой нормы, вульгаризации языка, поэтому закономерен интерес исследователей к тому, как современное общество относится к употреблению ненормативной лексики, актуально ли вековое табу для людей XXI века?

Было проведено специальное исследование отношения к нецензурным словам молодежной возрастной группы. Исследование проводилось в 2008 и 2012 годах в форме опроса (анкетирования) молодых людей г. Воронежа. В анкетировании приняли участие студенты первых курсов Воронежского кооперативного института (филиала) Белгородского университета потребительской кооперации в 2008 г. (анкетирование провела И.К. Воронина). Было опрошено 457 студентов, из них 104 юноши, 353 девушки. Аналогичная анкета была предложена в 2012 году студентам 1 курса факультета международных отношений ВГУ (отделение мировой экономики), 3 курса факультета философии и психологии (отделение культурологи), 5 курса исторического факультета (отделение социологии), 1-3 курсов Воронежского музыкального колледжа имени Ростроповичей, молодых сотрудников Группы компаний Хамина — всего опрошено 405 человек, в том числе 179 юношей и 226 девушек.

В результате исследования выясняется, что в 2012 году молодые люди на 8% чаще стали слышать вокруг себя нецензурную брань. В 2012 году чаще всего с нецензурной бранью молодые люди сталкиваются не в местах отдыха, как в 2008 году (52%), а в общественном транспорте (66% против прежних 43%). Вместе с тем не может не радовать тот факт, что сквернословие стало реже звучать в стенах университета и в семье.

С глубоким сожалением приходится констатировать, что основными «носителями» сквернословия в 2012 году оказались женщины (80% против прежних 26%). Возможно, этот факт отчасти объясняется увеличением количества мужчин среди участников опроса. Главной причиной сквернословия в 2012 г., как и в 2008 г., остаются неудачи и огорчения — 46,6%, в случае радости студенты используют нецензурную лексику на 2% больше, на 5,8% возросло употребление бранных слов в зависимости от ситуации и на 2% чаще используется нецензурная лексика для связи слов. Отрицательное отношение к тем, кто употребляет

ненормативную лексику, высказали 60% (против 53,33% в 2008 г.), на 5% меньше стало равнодушных респондентов.

Оценивая собственную языковую практику, в 2012 г. больше опрошенных (63,4%), чем в 2008 г. (57,5%) признались, что употребляют нецензурную брань; без сквернословия могут обойтись 69% человек, уже обходятся 27% (было 24,4%) и только 4% (было 7,3%) никогда не смогут отказаться от ругательств. Позитивные сдвиги наметились в противодействии бранящимся, особенно друзьям. В два раза стало больше тех, кто делает замечания (60%) и в два раза (16,7%) меньше людей, безразличных к брани близких.

Молодые люди достаточно хорошо осведомлены об ответственности за употребление ненормативной лексики, хотя таких в 2012 г. отмечено на 17,5% меньше, чем в 2008 году; на 23% возросло количество тех, кто (46,25%) уверен, что надо бороться с нецензурной бранью, так как она разлагает общество, обижает и унижает людей, засоряет язык. На треть уменьшилось количество скептиков (11% против 18,75%).

В способах борьбы со сквернословием приоритет стабильно отдается административной ответственности (52% - 48,7% респондентов), на втором месте — средства массовой информации (27% - 23,3%); уменьшилась вера в агитационные материалы (10% - 22,5%), беседы (9,8% - 17,5%), а также художественную литературу (1,2% - 5%).

В ответах на вопрос о том, кто является образцом речевой культуры, поменялись приоритеты: в 2012 году на первое место респонденты ставят преподавателей (60%), а на второе — родителей (40%). По-прежнему более половины респондентов (63,3%) уверены, что использование в речи нецензурной брани объясняется недостатком воспитания, в то же время заметно увеличились проценты у показателей, отражающих влияние общества (40%) и фактор моды (20%).

В целом в ответах недавних выпускников школ немало противоречий. С одной стороны, молодые люди отчетливо осознают, что ненормативная лексика, нецензурная брань портят речь человека, оскорбляют окружающих и осуждаются обществом. Половина опрошенных студентов поддерживает негативное отношение к бранящимся и считает необходимым применение административных мер борьбы со сквернословием. С другой стороны, в своей собственной языковой практике молодые люди привыкли использовать ненормативную лексику, причем именно в общественных местах, особенно часто в общественном транспорте, на отдыхе и в учебном заведении (!). Последнее косвенно свидетельствует о попустительстве окружающих, их

Н.А.Козельская, И.А.Стернин

опасении попасть в конфликтную ситуацию и подвергнуться, в свою очередь, речевой агрессии. Вместе с тем сами молодые люди активно реагируют на сквернословие близких и более равнодушны к этому явлению в речи посторонних людей.

Интересно отметить, что более половины респондентов не чувствуют «зависимости» от нецензурных слов и готовы обойтись без них. Не делают этого, видимо, потому что в обществе нет жесткого неприятия сквернословия. Используя нецензурные слова, студенты поступают как все, следуя сложившейся практике словоупотребления. Молодые люди как бы снимают с себя ответственность за брань, борьбу с ней ожидают от общества. Показательно, что молодые люди признают роль семьи в формировании отношения к нецензурной лексике, но не спешат брать пример с родителей. Без малого 100% молодых респондентов выступают за бережное отношение к языку, однако начинать с себя готовы единицы.

Таким образом, можно констатировать, что на уровне рефлексивного сознания (Н.В. Уфимцева) у молодежи сформировано знание о недопустимости употребления ненормативной лексики и нецензурной брани, в частности, в публичных местах. Но табу на сквернословие в настоящее время не срабатывает; оно формируется, по нашему глубокому убеждению, на бытийном уровне сознания, который усваивается в детстве бессознательно и соблюдается бессознательно всеми членами общества, чего мы не наблюдаем в последние десятилетия.

ЛИТЕРАТУРА:

1 Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка: монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — Воронеж : Истоки, 2006. — 226 с.

2 Стернин И.А. Проблема сквернословия / И.А. Стернин. — Изд. 4, испр. и доп. — Воронеж : Истоки, 2008. — 21 с.

Стернин Иосиф Абрамович, зав.кафедрой общего языкознания и стилистики ВГУ.

E-mail: sterninia@mail.ru

Козельская Наталья Алексеевна, доцент кафедры общего языкознания ВГУ.

E-mail: sternin@phil.vsu.ru

Sternin I., A., head of the department of general linguistics and stylistics.

E-mail: sterninia@mail.ru

Kozelskaja N.A., docent of the department of general

linguistics and stylistics.

E-mail: sternin@phil.vsu.ru

УДК 81:001.12/.18

МЕТОДИКА СОСТАВЛЕНИЯ РУССКО-ФРАНЦУЗСКОГО КОНТРАСТИВНОГО СЛОВАРЯ

© 2013 И.П. Конопелько

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 4 мая 2012 года

Аннотация: В XX веке из сопоставительного языкознания выделилось особое лингвистическое направление — контрастивная лингвистика, которая изучает отдельные явления и единицы родного языка в сопоставлении со всеми возможными средствами передачи их в изучаемом языке. Контрастивные исследования позволяют провести процедуру дифференциальной семантизации контрастивных пар двух языков с целью выявления национальной специфики семантики лексических единиц. В языках выявляются национально-специфические семемы, которые: являются безэквивалентными; содержательно отличаются в сравниваемых языках; полностью отсутствуют в изучаемом языке по сравнению с языком сравнения. На базе полученных описаний может быть создан контрастивный дифференциальный двуязычный словарь, в котором приводятся семантические компоненты, дифференцирующие переводные соответствия и составляющие национальную специфику семантики данных лексических единиц.

Ключевые слова: контрастивная лингвистика, контрастивная пара, национальная специфика, дифференциальный словарь.

Abstract: In the 20the century contrastive linguistics gave birth to a separate new linguistic trend — contrastive linguistics, which studies separate phenomena and units of the native language in contrast with possible ways of reproducing them in a foreign language. Contrastive studies can help to carry out a procedure of differentiating seme analysis of the contrastive pairs of two languages in order to discover the national peculiarities of the lexical units' semantics. Languages contain nationally specific sememes which are equivalent-lacking, differ in their content in the two languages, are absolutely absent in one language in comparison with the other one. The resulting descriptions may serve as a basis for creating a contrastive differentiating dictionary containing semantic components which differentiate translation options and are specific national semantic characteristics of the lexical units in question.

Key-words: contrastive linguistics, contrastive pairs, nationally specific, differentiating dictionary.

Создание контрастивных словарей разных языков, описывающих детальные семные различия между возможными переводными соответствиями, представляет собой актуальную научную задачу, особенно в условиях расширения межкультурной коммуникации между народами [1; 2; 3; 7]. Покажем на конкретном примере принципы создания такого типа словарей.

Нами была проанализирована лексическая группировка наименований процесса труда и наименований лиц по отношению к труду в русском и французском языках. Выделенная группировка насчитывает 123 лексические единицы. Исходным в исследовании выступал русский язык.

Анализ национальной специфики семантики слова предполагает ее описание в терминах компонентов значения. Это, в свою очередь, требует подхода к значению как к дискретной структуре, которая образована семантическими компонентами разных типов и значимости.

© И.П. Конопелько, 2013

И.А. Стернин в работе «Значение слова и его компоненты» отмечает, что сознание человека отражает действительность в чувственной и рациональной формах [4, 5]. Результат рационального познания закрепляется в денотативной части значения, оценка и эмоциональное отношение представлены коннотативной частью значения. Таким образом, речь идет о двух макрокомпонентах: денотативном и коннотативном. Они могут быть расчленены на более мелкие компоненты микрокомпоненты значения, семы. В семантике разграничиваются также ядерные и периферийные семы. Ядерные семы являются основой различных лексических группировок в системе языка, они выделяются методом анализа словарных дефиниций. Периферийные семантические компоненты в традиционных толковых словарях не отражаются, что делает необходимым их выявление с помощью специальных методик. Так, в слове «бездельник» периферийной является сема «уклоняется от работы»; в слове «ріqueassiette» периферийной является сема «незваный».

В ходе анализа значения слова также выделяются слабые и вероятностные семы, находящиеся на периферии значения. Так, в субстантивном наименовании «волынщик» яркой является сема «лицо, выполняющее работу в замедленном темпе»; слабыми являются семы «затягивает дело», «медлительный». В слове «bacleur» яркая сема — «избегает добросовестной работы»; слабые семы — « выдает брак за хорошую работу», «не желает прилагать усилия» и «не заинтересован в достижении хорошего результата». Все типы сем должны быть учтены при контрастивном описании семантики слова.

Контрастивная методика описания национальной специфики семантики слова предполагает ряд шагов и этапов.

Этап 1. Выделение лексической группировки в исходном языке.

Шаг 1. Установление базового списка.

Шаг 2. Синонимическое расширение базового списка.

Шаг 3. Структурно-семантическая классификация выделенной лексики.

Этап 2. Установление лексических соответствий исследуемых единиц двух языков.

Шаг 1. Установление переводных соответствий.

Шаг 2. Установление межъязыковых соответствий.

Этап 3. Компонентный анализ семем контрастивных пар в сопоставляемых языках.

Шаг 1. Компонентный анализ единиц исходного языка в рамках выделенных подгрупп методом анализа словарных дефиниций.

Шаг 2. Компонентный анализ единиц языка сравнения методом анализа словарных дефиниций.

Этап 4. Опрос информантов по выявлению и верификации отдельных сем.

Этап 5. Семантическое описание контрастивных пар.

Этап 6. Дифференциальная семантизация слова.

Проведенное исследование показало, что сфера трудовой деятельности в русском и французском языках по-разному расчленена. Недобросовестные работники, отрицательное отношение к трудовой деятельности и уровни достижения мастерства более дифференцированно обозначены в русском языке, а наименования добросовестного работника, общие понятия трудовой деятельности и ее наименования по степени тяжести более дифференцированно обозначены во французском языке.

Контрастивная методика показала свою эффективность как средство выявления национальной специфики семантики лексических

единиц двух языков на семемном и семном уровнях. Разработанная методика дифференциальной семантизации позволяет несколько типов контрастивных переводных словарей русского и французского языков.

Приведем образцы словарных дефиниций таких словарей.

Контрастивный семный русско-французский словарь

Описывается полный семный состав переводных соответствий двух языков. *См. табл. 1.*

Контрастивный толково-переводной русскофранцузский словарь

Описывается семный состав слова родного языка и приводится возможное переводное соответствие.

ЗАНЯТИЕ целенаправленная деятельность, производимая с применением личного труда;

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, общераспространенное, современное, употребительное.

= OCCUPATION.

Контрастивный переводной русско-французский словарь

Указываются несовпадающие семантические компоненты русского слова и его французского переводного соответствия.

ГОЛОВОТЯП невнимательный, устаревшее; ср. **GANACHE** не хватает профессиональных знаний, современное.

Указанные типы словарей могут быть эффективно использованы переводчиками, так как они предлагают достаточно точное описание семных несоответствий слов двух языков.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Бархударов Л.С. К вопросу о типах межъязыковых лексических соответствий (на материале английского и русского языков) / Л.С. Бархударов // Иностр. яз. в шк. 1980.- № 5.- С.11-17.
- 2. Брагина А.А. Лексика языка и культура страны: изучение лексики в лингвострановедческом аспекте / А.А. Брагина. М.: Рус.яз., 1981. 176 с.
- 3. Стернин И.А. Очерки по контрастивной лексикологии и фразеологии / И.А. Стернин, К. Флекенштейн. Галле : ун-т Мартина Лютера Галле, 1989. 129 с.
- 4. Стернин И.А. Значение слова и его компоненты / И.А. Стернин. Воронеж : Истоки, 2003. 19 с.
- 5. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под редакцией А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1981. Т. 1 987 с.; Т. 2 1070 с.; Т. 3 1008 с.; Т. 4 1090 с.
- 6. Раевская О.В. Новый французско-русский и русскофранцузский словарь: 100000 слов и словосочетаний / О.В. Раевская. — 5-е изд., стер. — М.: Рус.яз., 2001. — 1200с.
- 7. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика : Монография / И.А. Стернин. М. : АСТ Восток-Запад, 2007. 288 с.

МЕТОДИКА СОСТАВЛЕНИЯ РУССКО-ФРАНЦУЗСКОГО КОНТРАСТИВНОГО СЛОВАРЯ

ТАБЛ. 1

виртуоз	virtuose
лицо	лицо
в совершенстве владеет техникой своего дела	в совершенстве владеет техникой своего дела
высококвалифицированный	высококвалифицированный
преимущественно в сфере умственного труда	преимущественно в сфере умственного труда
одобрительное	одобрительное
положительно-эмоциональное	положительно-эмоциональное
межстилевое	межстилевое
общенародное	общенародное
современное	современное
употребительное	употребительное
общераспространенное	общераспространенное

Конопелько И.П.

Воронежский государственный педагогический университет преподаватель кафедры французского языка факультета иностранных языка E-mail: inessazlenko@ rambler.ru

Konopelko I.P. Voronezh State Pedagogical University Teacher of French chair, department of foreign languages E-mail: inessazlenko@ rambler.ru УДК 811.161.1

ББК 81.2

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КАРТЫ

© 2013 Е.В. Кузнецова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Поступила 11 декабря 2011 г.

Аннотация: В статье говорится об одном из аспектов изучения лексики региона, нанесенной на лингвистическую карту. Технические возможности в комплексе с анализом языковых и внеязыковых факторов, влияющих на формирование и развитие говоров региона, открывают новые перспективы лингвогеографических исследований.

Ключевые слова: говор, диалект, диалектология, диалектная лексика, лингвистическая география, лингвогеографический ландшафт.

Summary: The article describes one aspect of study the vocabulary of the region marked on the linguistical map. Technical potentialities on the whole with the analysis of linguistic and extralinguistic factors that influence the forming and development of the dialects of the region, open new prospects for linguo-geographical researches.

Keywords: dialect, dialectology, dialectal vocabulary, linguistic geography, linguo-geographical landscape.

Анализ диалектной лексики методами лингвистической географии с опорой на современные информационные технологии становится особенно актуальным в русской и европейской лингвистике последних десятилетий: создаются электронные базы данных диалектов, электронные словари и атласы. Одновременно диалектология и лингвистическая география в Европе и России, столкнувшиеся в начале XXI в. с острой необходимостью инвентаризации и интерпретации накопленных за 100 лет языковых данных, пришли к выводу о том, что методология научного осмысления картографических данных в ареальном аспекте проработана слабо [4, 9].

Профессионально составленная, информативно насыщенная диалектологическая карта может не только представить ареалы слов, но и послужить источником для изучения диалектной картины мира.

Источником нашего исследования служит электронный «Лексический атлас Волгоградской области» (http://dialekt.vspu.ru/node/2/). Эта система создана в ВГСПУ для обработки диалектного языкового материала и преобразования его в диалектологические карты [11].

Материал, визуализированный в виде диалектологических карт, позволяет прослеживать функционирование лексических единиц диалекта в пространственном аспекте, методом рекартографирования [4] «читать» лексические карты. Проект находится на стадии разработки, однако уже готовые карты могут служить источником научного исследования.

Семантическое варьирование лексем необходимо прослеживать по нескольким картам (т.к. все анализируемые карты — лексические, а рассматриваемые слова фиксируются более чем на одной карте), структурные же преобразования, результаты словотворчества диалектоносителей возможно проследить по одной отдельной карте.

Несмотря на общий переселенческий характер говоров Волгоградской области, они не однородны. На территории региона представлены все три типа переселенческих говоров, описанные Л.И. Баранниковой [1, 23]: (а) ранние переселенческие говоры, сформировавшиеся в XVI–XVII вв., – донские казачьи южнорусские по своей основе говоры, на западе Волгоградской области; (б) собственно переселенческие говоры, сформировавшиеся в XVIII-XIX вв. – волжские говоры, неоднородные вследствие пестроты заселения, расположенные в центральной и восточной части области; (в) поздние переселенческие говоры, сформировавшиеся в конце XIX – начале XX в. – крайние восточные (заволжские) районы Волгоградской области [7]. Последние формировались в условиях активного «распада диалектов», утраты ими наиболее специфических признаков, развивались в особенно сложных и противоречивых условиях. По мнению Л.И. Баранниковой,

© Е.В. Кузнецова, 2013

эти говоры можно охарактеризовать как «полудиалекты» или «территориальные варианты просторечия» [1, 24].

Указанные особенности диалектологической карты области реализуются и «читаются» в конкретных примерах на картах атласа. Рассмотрим карту 533 «Засушливая погода, засуха» (http:// dialekt.vspu.ru/index.php?q=object/533/). B Tpëx восточных районах на карте (Ленинский, Палласовский и Старополтавский) зафиксирован словообразовательный вариант жари'ха (ср. с разг. жарища [10, I, 472]). На карте также отмечена единичная фиксация варианта жаруxa — в Палласовском районе. СРНГ указывает на лексему жариха с тем же значением 'жара, засуха', зафиксированную в говорах Прионежья [9, 9, 78]. В. Даль даёт оба варианта (жариха и жаруха) со значением 'жара, засуха' без указания территории бытования [5, I, 527]. Поскольку ареал лексем жариха и жаруха ограничивается крайними восточными говорами, можем говорить о принадлежности этих словообразовательных вариантов именно указанным территориям в связи с особенностями формирования говоров в условиях позднего и пёстрого заселения. Основываясь на данных СРНГ, можем предполагать, что эти слова попали на территорию Волгоградской области из северных диалектов.

Интересным является тот факт, что на этой же карте 533 «Засушливая погода, засуха» зафиксирована лексема жарынь, образующая компактный ареал из 5 фиксаций в северо-западной части области, т.е. на исторической территории донских (ранних переселенческих) говоров. По данным СРНГ, вариант жарынь бытует в воронежских и тульских говорах с тем же значением 'жара, засуха' [9, 9, 85]. Этот факт вполне закономерен с точки зрения истории формирования донских говоров как южнорусских по своей основе: южнорусские (тульский и воронежский) варианты на территории донских диалектов. Кроме этого, вкупе с фиксациями жариха и жаруха, этот факт своим наличием иллюстрирует переселенческую специфику говоров Волгоградской области в целом.

В говорах позднего формирования особенно много примеров сосуществования разносистемных единиц. Вначале они сосуществуют, а далее их отношения могут развиваться по-разному вплоть до исчезновения диалектизма [2, 100]. Однако исчезновение отдельных лексем не свидетельствует об исчезновении русских диалектов в целом.

Т.И. Вендина говорит о динамичности славянских диалектов, которая проявляется в том, что они способны к активному порождению эксклюзивных лексем. Особенно ярко это, по словам

исследователя, проявляется в русских диалектах. Значительная часть таких единиц сформировалась в глубокой древности, однако среди эксклюзивных единиц немало таких, которые сформировались позже, их ареалы обладают высокой плотностью и ровными контурами, их словообразовательная структура (все они являются производными) также свидетельствует о более позднем характере возникновения. Более поздний характер таких единиц подтверждается их отсутствием в словарях древнерусского языка [3, 19].

Появление эксклюзивных единиц и развитие вариантов различного характера — яркая особенность говоров позднего формирования. Л. И. Баранникова, исследуя переселенческие говоры, отмечала, что вариантность как важное свойство языковых и диалектных систем особенно характерна для говоров переходных и смешанных и является результатом влияния как лингвистических, так и экстралингвистических факторов [1, 28].

Рассмотрим карту 535 «Холодная погода» (http://dialekt.vspu.ru/index.php?q=object/535/). Существительное холодина на этой карте показывает 10 фиксаций преимущественно в восточной части региона, кроме крайних восточных районов, т. е. в собственно переселенческих говорах. В крайних же восточных районах видим 4 фиксации словообразовательного варианта холодун. Ареалы этих лексем практически не пересекаются (за исключением двух районов). Здесь же (крайний юго-восток) сконцентрированы три фиксации лексемы холодрыга.

Разг. холодина 'очень сильный холод' [6, 866] упоминается, однако, в СДГВО со значением 'очень холодная погода' [8, 631]. То, что эта единица образует обширный и неплотный ареал на карте, свидетельствует в пользу её диалектнопросторечного характера и функциональных особенностей в системе диалектов в отличие от сферы разговорной речи. Образование ареала — показатель «диалектности», т. е. присутствия какого-либо диалектного различия. Возможно, в данном случае диалектное различие заключается в отсутствии семы 'очень' в значении слова. Вопрос карты сформулирован как «холодная погода», а не «очень холодная погода».

Существительное холодрыга, (прост. 'сильный мороз, пронизывающий холод' [6, 866]) как нам кажется, также диалектно-просторечное, поскольку часто употребляется в городском просторечии, но образует компактный ареал на рассматриваемой нами карте. Считаем, что ограничение бытования здесь, так же как и в предыдущем случае, связано с оттенком семантики.

Лексема *холодрыга*, благодаря своей словообразовательной структуре, безусловно, является

эмоционально окрашенной и экспрессивно заряженной (в гораздо большей степени, чем упомянутое выше слово холодина) и в большей степени подходит для наименования явления, проявляющегося в значительной или крайней степени (очень холодная погода), нежели явления нейтрального характера (просто холодная погода).

Вариант холодун является собственно диалектным образованием, поскольку не упоминается в словарях литературного языка и образует, как сказано выше, четкий ареал на востоке. Можем предположить, что слово это образовалось под действием влияния лексемы колотун, которая тоже зафиксирована на рассматриваемой карте (в 9 районах) преимущественно в западной части области, образуя разреженный ареал, что также, как и в предыдущих случаях, объясняется семантическими преобразованиями слова в диалектной речи (ср. с просторечным колотун 'дрожь, озноб').

Необходимо отметить, что лексемы холодина, холодрыга, холодун не упоминаются в словаре Даля, что свидетельствует, как нам кажется, об их более позднем образовании. Отсутствие же слова холодун кроме того и в словарях литературного языка (с пометой разг. или прост.) доказывает, по нашему мнению, еще более позднее его образование по сравнению с двумя другими рассмотренными единицами.

Жизнеспособность диалектов и активное словотворчество их носителей ярко иллюстрируется наличием в тематической лексике говоров отдельных единиц и, более того, словообразовательных моделей на месте лакун литературного языка. Снова примеры этого мы видим на карте в восточной части волгоградского региона, на территории волжских говоров.

Так на карте 548 «Сопровождаемый метелями, вьюжный (день, погода)» (http://dialekt.vspu.ru/index.php?q=object/548/) наблюдаем ареал прилагательного заносливый, образуемый 5 фиксациями на востоке и северо-востоке области (6-я фиксация — дистантная). Эта лексическая единица восполняет в диалектах лакуну литературного языка: «прилагательное, характеризующее погоду, день и пр. по реализации действия, названного глаголом заносить». Модель образования прилагательных с суффиксом —лив— (по типу общерусских дождливый, засушливый) регулярна и продуктивна в диалектной метеорологической лексике [12].

Примером уникальной диалектной словообразовательной модели является построение в метеорологической лексике глаголов с общим значением 'начаться чему-либо' или 'стать каким-либо', представляющих собой эквиваленты общерусских описательных конструкций. Глаголы

такие образуются, как правило, от существительных и прилагательных при помощи префикса за-. Подобный глагол запасмурнеть видим на карте 551 «Становиться (стать) пасмурной, хмуриться» (7 фиксаций, 6 из которых — в восточных районах области) (http://dialekt.vspu.ru/index.php?q=object/551/). На карте 552 «Становиться (стать) ненастным (о дне, погоде)» (http://dialekt.vspu.ru/index.php?q=object/552/) видим: заслякотеть, замокреть, заненастить.

Итак, в настоящем исследовании мы сфокусировали взгляд на одной из частей диалектологической карты региона (поздних переселенческих диалектах) и на одном из аспектов функционирования диалектной лексики (словообразовательное варьирование). Анализ диалектной лексики при таком сочетании аспектов, с учетом факторов формирования и развития говоров региона показал, что в поздних переселенческих говорах чаще образуют ареалы именно структурные варианты лексем, нежели семантические варианты. На территории поздних переселенческих говоров фиксируется большая часть новообразованных эксклюзивных лексем. Как правило, это образования от общерусских корней по общерусским словообразовательным моделям. Ярким примером диалектного словотворчества являются, кроме того, лексемы и словообразовательные модели, не имеющие однословных эквивалентов в литературном языке, фиксирующиеся как в ранних, так и в поздних переселенческих говорах.

Анализ функционирования лексики диалектов сквозь призму пространственной соотнесенности допускает абсолютно разные аспекты изучения и может быть применен на любой другой территории. Материал, визуализированный в виде карты, в большей степени даёт возможность комплексного взгляда на жизнь диалектов, возможность учета экстралингвистических факторов их развития.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Баранникова Л. И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации [Текст] / Л.И. Баранникова // Вопросы языкознания, 1975. № 2. С. 22-31.
- 2. Баранникова Л. И. Русские народные говоры в советский пери-од [Текст] / Л. И. Баранникова. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1967. 206 с.
- 3. Вендина Т.И. Русские диалекты в настоящем и будущем: социокультурный аспект [Текст] / Т.И. Вендина // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2010 / Ин-т лингв. исслед. СПб. : Наука, 2010. С. 6—38.
- 4. Вендина Т.И. К вопросу о диагностических возможностях карты [Текст] / Т.И. Вендина // Лексический

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ И ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИЧЕСКАЯ КАРТА

атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2009 / Ин-т лингв. исслед. – СПб. : Наука, 2009. – С. 7–30.

- 5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. [Текст] / В.И. Даль. М.: Рус. яз., 2000. Т. 1—4.
- 6. Ожегов С.И Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; РАН. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
- 7. Орлов Л.М. Русские говоры Волгоградской области [Текст] / Л.М. Орлов: учеб. пособие. Волгоград: Издво ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1984. 96 с.
- 8. Словарь донских говоров Волгоградской области [Текст] / авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун; под. ред. проф. Р.И. Кудряшовой. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с. (СДГВО).

- 9. Словарь русских народных говоров [Текст] /Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз., Словарный сектор. М.: Наука, 1965 2010. Вып. 1 43. (СРНГ)
- 10. Словарь русского языка: в 4 т. [Текст] / РАН, Ин-т лингв. исслед.; под ред. А.П. Евгеньевой. -4-е изд., стер. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. Т. 1-4. (MAC).
- 11. Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011 / Ин-т лингв. Исслед. СПб.: Наука, 2011. 468 с.; или здесь: Грани познания: электронное периодическое издание. Научнообразовательный журнал. Основан в 2008 г. URL: http://grani.vspu.ru/files/publics/1311757938.pdf.
- 12. Кузнецова Е.В. Мотивационный потенциал диалектного слова (на материале метеорологической лексики донских говоров): дис. ... канд. филол. наук / Кузнецова Е.В. Волгоград, 2005.

Кузнецова Елена Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент. Доцент кафедры общего и славяно-русского языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, докторант.

E-mail: kev7-78@mail.ru

Kuznetsova Elena Valentinovna, Candidate of Philology, Associate Professor. Department of General and Slavonic-Russian Linguistics, Volgograd State Sociopedagogical University. УДК 82.6

СТИХОТВОРЕНИЕ В.М. ШУКШИНА «О РЕМЕСЛЕ»: ОТ ТЕКСТОЛОГИИ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ

© 2013 Д.В. Марьин

ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет»

Поступила в редакцию 15.1.13

Аннотация: В статье приводится текстологический анализ стихотворения В.М. Шукшина, а также показаны пути интерпретации данного произведения.

Ключевые слова: Русская литература XX в., творчество В.М. Шукшина, стихотворения, текстология, интерпретация.

Abstract: The article provides a textual analysis of the poem of the famous russian writer V.M. Shukshin, and shows the ways of its interpretation.

Key words: Russian literature of the XX'th century, creation work of V.M. Shukshin, poems, textology, interpretation.

Тот факт, что В.М. Шукшин писал стихи, наверное, у сегодняшних поклонников творчества писателя может вызвать некоторое удивление. Однако для современников, особенно тех, кто был близко знаком с Шукшиным, его увлечение стихосложением секретом отнюдь не было. О.М. Румянцева, редактор журнала «Октябрь», вспоминала, что у нее дома, в один из новогодних вечеров 1961 г. начинающий писатель читал собственные стихотворения: «Свет погасили, Вася сел на краешек дивана и стал читать... Все увлеченно слушали его. "Но что это он читает? – подумалось мне. – Такого поэта я не знаю!" И вдруг меня осенило: ведь это его стихи! Он свои читает!.. Это было совершенно неожиданно, я не знала, что Вася пишет стихи» [1, 286]. По свидетельству А.С. Макарова, в марте 1963 г., находясь в Сростках в рамках творческой поездки по Сибири «Молодые кинематографисты – народу», В.М. Шукшин со сцены сельского клуба «читал свои стихи о Степане (Разине. – Д. M.) и его никак не отпускали, хотя время шло, а одна кинопрограмма занимала у нас два часа с привесом» [2, 177]. Установлено, что писатель включал небольшие стихотворные фрагменты в свои прозаические произведения, тем самым подчеркивая синтетический (не только эпический и драматический, но и лирический) характер своего творчества. Биограф Шукшина В.И. Коробов писал: «Все же очень и очень жаль, что до сих пор не удалось разыскать тетрадок со стихами Шукшина <...>. Пока же мы знаем как принадлежащее перу Шукшина приведенное выше лирическое

стихотворение (оно дано как эпиграф к рассказу "И разыгрались же кони в поле") и некоторые песни в романе "Я пришел дать вам волю"» [3, 71].

Но, несмотря на все вышесказанное, стихи никогда не рассматривались исследователями как особая часть творческого наследия В.М. Шукшина. Отчасти виной тому недоступность рукописей, содержащих поэтические опыты писателя. И вот в 2009 г. к 80-летнему юбилею В.М. Шукшина на его малой родине, Алтае, было опубликовано восьмитомное собрание сочинений писателя. В восьмом томе этого издания [4], составление и редактирование которого было поручено автору данной статьи, впервые были напечатаны 13 стихотворений Шукшина. Из этого числа абсолютное большинство – 12 стихотворений, были переданы редколлегии собрания сочинений лично вдовой писателя Л.Н. Федосеевой-Шукшиной в виде сделанных ею и отредактированных рукописных копий с черновиков писателя. Более того, согласно предъявленным вдовой условиям договора с издательством, публиковаться тексты стихотворений должны были исключительно в ее редакции. При этом, к сожалению, членам редколлегии не были представлены автографы Шукшина, содержащие его стихотворения, что не позволило провести их текстологический анализ, сделать вывод о степени проведенной обладателем авторских прав редакторской правки и, в конечном итоге, несомненно, помешало их адекватной интерпретации.

Тем не менее, одно стихотворение все же печатается нами в составе 8 тома собрания сочинений по шукшинской рукописи. В 2008 г. вдова писателя передала на временное хранение

© Д.В. Марьин, 2013

в фонды Всероссийского мемориального музея-заповедника В.М. Шукшина (с. Сростки Бийского р-она Алтайского края) две рабочие тетради писателя. Одна из этих тетрадей (амбарная книга) содержит черновик 2-й части 1-й книги романа «Любавины», а также 12 рабочих записей и одно стихотворение. Содержание двух записей позволяет определить время работы Шукшина с материалами тетради: август 1961 г. Обратимся к черновику стихотворения. В настоящее время — это единственный известный (и доступный для изучения) исследователям автограф с текстом стихотворения Шукшина. Транскрипция рукописи стихотворения выглядит следующим образом:

О ремесле

Делайте, что хотите.

Музы!.. [к]¹ [сволочи!] [Я измучился...]

[что] Душу надо?

[Все, что имею.] Могу [отдать.] продать.

[Могу отдать,] Славу встречу!

[Славу встречу!] [Научите]

Научите

Словом, как дротиком попадать.

После сводки получаем основной текст про-изведения:

О ремесле

Музы!.. Делайте, что хотите.

Душу надо? Могу продать.

Славу встречу!

Научите

Словом, как дротиком попадать.

Обращение к черновому тексту позволяет увидеть сложную картину умственного и эмоционального состояния автора в ходе работы. Текст стихотворения, как видим, претерпел в процессе работы ряд изменений. Первые строки (позже перечеркнутые автором) в начальном варианте выглядели иначе:

Музы!.. Сволочи! Я измучился...

Все, что имею

Могу отдать.

Славу встречу! и далее по тексту.

Как видим, в начальном варианте традиционное для художника-творца обращение к Музам сопровождается неожиданной инвективой (Сволочи!) в их адрес. Повышенная эмоциональность первой строки подчеркивается и словами «Я измучился...». Очевидно, что Шукшин передает здесь ошущение творческого кризиса, которое также найдет выражение в близком по времени к созданию записи письме к И.П. Попову от 12 ноября 1961 г.: <...> Зарылся я в мелкие делишки по ноздри — прописка, жилье, лживый кинематограф... Ни глоточка вольного ветра. Горизонта месяцами не вижу. Пишу — вычерпываю из себя давние впечатления.<...> [4, 221]. Сам Шукшин здесь,

по сути, констатирует наличие творческого кризиса, в котором оказался. Действительно, вторая половина 1961 г. стала крайне «неурожайной» для Шукшина-писателя в аспекте публикации произведений. Напомним, что первый рассказ Шукшина был опубликован в 1958 г. в журнале «Смена». Однако далее последовало почти трехлетнее молчание. Если опереться на неудачный опыт контактов Шукшина в 1960-1961 гг. с редакцией журнала «Знамя»², в котором он хотел опубликовать свои рассказы, то можно сделать вывод о том, что начинающий автор не смог в это время заинтересовать своими произведениями редакции «толстых» литературных журналов. В 1961 г. впервые после трехлетнего затишья в номере газеты «Труд» от 26 марта публикуется рассказ «Правда», а в мартовском же № 3 журнала «Октябрь» выходит подборка «Три рассказа», включавшая рассказы «Правда», «Светлые души» и «Степкина любовь». Однако затем вновь наступает период молчания: до конца 1961 года ничего не публикуется, следующее по времени появление Шукшина в печати – рассказ «Приглашение на два лица» в газете «Комсомольская правда» от 1 января 1962 г. Это молчание, вполне возможно вызванное творческим кризисом, начинающий писатель, переживал очень остро: имея за плечами только 5 опубликованных рассказов, Шукшин, тем не менее, претендовал на звание писателя, о чем свидетельствует отрывок из того же письма И.П. Попову (от 12.11.1961): «<...> Как мне хочется, Ваня, чтоб ты довел эту работу, не бросил бы. Она трудна, знаешь чем? – покоем своим. Сужу об этом, как литератор и актер <...>». Отсюда и эмоциональность автора в обращении к музам. Музы, по всей видимости, услышали призыв молодого литератора: следующий 1962 год оказался необычайно продуктивным для Шукшина-писателя в плане публикации произведений. В течение 1962 года 11 рассказов были напечатаны как в известных толстых журналах: «Октябрь», «Москва», «Молодая гвардия», так и в центральных газетах: «Труд», «Комсомольская правда» и «Советская Россия». Очевидно, что эти рассказы в большинстве своем были подготовлены Шукшиным в конце 1961 — начале 1962 гг.

Теперь обратим внимание на следующие 2 строки первоначального варианта: «Все, что имею / Могу отдать». Это «все, что имею» в финальном варианте называется прямо: «Душу надо? Могу продать». Да и позиция автора в отношении цены договора с «Музами» в окончательном варианте стихотворной рабочей записи уже более радикальна: вместо зачеркнутого «отдать» следует «продать»! Однако прецеденты продажи души Музам в литературе, пожалуй, неизвестны, а вот Сатане — да. Причем речь идет именно о договоре: в шукшин-

ской записи ясно прописаны контрагенты (автор и «Музы»), а также обязанности договаривающихся сторон («Музы» дают славу и учат владению словом, автор платит продажей души). Согласно Ю.М. Лотману, в русской культурной традиции «договор возможен только с дьявольской силой или с ее языческими адекватами (договор мужика и медведя)» [7, 345]. По Лотману договорное сознание, магическое по своей основе, предполагает взаимность и эквивалентность обязанностей контрагентов. Этим оно противопоставлено религиозному акту, в основе которого лежит не обмен, а безоговорочное вручение себя во власть. «Одна сторона отдает себя другой без того, чтобы сопровождать этот акт какими-либо условиями, кроме того, что получающая сторона признается носительницей высшей мощи» [7, 346]. Мотив продажи души, конечно же, не только придает шукшинской записи метафизический смысл, но и актуализирует интертекстуальные связи рабочей записи с целым рядом произведений русской и мировой литературы: «Повесть о Савве Грудцыне», «Фауст» И.-В. Гёте, «Портрет» Н.В. Гоголя, «Портрет Дориана Грея» О. Уальда, «Дьявольская бутылка» Р.Л. Стивенсона, «Доктор Фаустус» Т. Манна и др., в которых поднимается тема сговора героя с нечистой силой. Тексты, затрагивающие вопросы покупки художником за душу творческого успеха (гоголевский «Портрет» и др.), оказываются максимально близки по смыслу и мотивам шукшинской записи³. Интертекстуальные связи переходят в транстекстуальные: тема чертовщины неоднократно встречается в творчестве самого Шукшина, принимая разные способы воплощения в рассказах «Капроновая елочка», «Свояк Сергей Сергеич», «Крепкий мужик», в сказке «До третьих петухов» и др. В сказке «До третьих петухов» мотив заключения договора с чертом представлен явно: Иван подсказывает чертям, как войти в монастырь, в обмен на обещание устроить встречу с Мудрецом. Причем воздействие на стражника осуществляется словом — через песню, которая «рвала душу». Завуалированный договор Шукшина с дьявольской силой, конечно же, не следует воспринимать буквально. Скорее это экзальтированный всплеск нереализованного желания полноценного вхождения в литературу, гипертрофированного стремления к славе.

«Славу встречу!» — эта строка неизменной перешла в финальный вариант стихотворения. Автор, очевидно, здесь не колебался ни в содержании тезиса, ни в способе его выражения в словесной форме. Стремление Шукшина к славе отмечают многие, кто был знаком с ним (см., например, [8, 13]). Об этом же свидетельствуют и строки из письма Шукшина к сестре, Н.М. Зиновьевой, датированное ноябрем 1961 г.: «<...> Мы все где-то ищем спасения. Твое спасение в детях.

Мне — в славе. Я ее, славу, упорно добиваюсь. Я добиюсь ее, если не умру раньше <...>» [4, 224].

«Научите / Словом, как дротиком попадать». Автор стихотворения просит у «Муз» не только славы самой по себе. Для него важен путь к славе через мастерство владения словом. Данная строка перекликается с рабочими записями, в которых Шукшин говорит о принципах языка и поэтики литературного произведения: «Надо уважать запятую <...>»; «Что такое краткость? Пропусти, но пусть это будет и дураку понятно что пропущено <...>» и др. Обратим внимание на то, что писатель в своей стихотворной рабочей записи говорит не об искусстве владения словом, а о мастерстве, ремесле (что отражено уже в заглавии). Характерно, что отзывы рецензентов журнала «Знамя» [9], относящиеся к 1960 г., выделяя талант начинающего писателя, в качестве слабой черты указывали на недоработку рассказов, что, конечно, можно объяснить недостатком мастерства. Сугубо «технический» аспект писательской деятельности подчеркнут сравнением его с мастерством метания дротика. «Военная» семантика в описании процесса литературной работы характерна для Шукшина, вспомним его рабочую запись: «Один борюсь. В этом есть наслаждение. Стану помирать - объясню». Видится здесь и перекличка с творчеством В.В. Маяковского, у которого достаточно часто соотносятся военная семантика и тема творчества: от знаменитых строк «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо» <...>до почти батальной панорамы: «Поэмы замерли, / к жерлу прижав жерло / нацеленных / зияющих заглавий. / Оружия/ любимейшего / род, / готовая / рвануться в гике, / застыла / кавалерия острот, / поднявши рифм / отточенные пики»⁴). «Попадать дротиком» — значит если не убить, то ранить. В этом смысле не будем забывать шукшинское восхищение перед строкой из пушкинского «Пророка»: «Самые великие слова в русской поэзии: "Восстань, пророк, и виждь, и внемли... Глаголом жги сердца людей!", в которой также мотив ранения словом вынесен на первый план. Принятие «боевой» метафорики, свойственной Маяковскому, отсылает нас к эстетике литературы 1920-х: активное воздействие на социум и человека с целью их преобразования.

Итак, стихотворение отражает пассионарность Шукшина, его огромное, выходящее на уровень метафизических категорий, стремление к славе и не менее страстное желание овладеть ремеслом писателя. Вместе с тем, как нам кажется, статья вполне убедительно доказывает необходимость знакомства с черновиками Шукшина, обязательное проведение текстологического анализа при изучении его поэтических опытов.

СТИХОТВОРЕНИЕ В.М. ШУКШИНА «О РЕМЕСЛЕ»; ОТ ТЕКСТОЛОГИИ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Румянцева О. Говорить правду, только правду / О. Румянцева // О Шукшине: Экран и жизнь. М., 1979.
- 2. Макаров А.С. Побывка в Сростках. Документальный рассказ / А.С. Макаров // Шукшинский вестник. Вып. 1. Сростки, 2005.
  - 3. Коробов В. Василий Шукшин. М., 1984.
- 4. Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 8 т. / Под общ. ред. О.Г. Левашовой. Т. 8: Публицистика. Статьи. Интервью. Беседы. Выступления. Письма. Рабочие записи. Автографы. Документы. Стихотворения. / Под ред. Д.В. Марьина. Барнаул: ООО «Издательский Дом «Барнаул», 2009.
- 5. Бонди С.М. Черновики Пушкина. Статьи 1930-1970 гг. / С.М. Бонди. М., 1978.
- 6. Марьин Д.В. К истории переписки В.М. Шукшина с редакцией журнала «Знамя» / Д.В. Марьин // Ве стник Томского государственного университета. 2012. № 359 Июнь С. 22-24.
- 7. Лотман Ю.М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 3. Таллинн, 1993. С. 345-355.

- 8. Гордон А.В. Не утоливший жажды: об Андрее Тарковском / А.В. Гордон. М.: Вагриус, 2007.
  - 9. РГАЛИ Ф. 618 «Знамя». Оп. 17. Ед. хр. 243. Л. 70. 10. Архив ВГИК. Ф. 1. Оп. 24. Ед. хр. 3822. Л. 40-41.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1. В соответствии с принятой в текстологии системой обозначения [5, 19], в квадратных скобках заключается зачеркнутое автором.
  - 2. См. об этом подробнее [6].
- 3. Согласно положениям черной магии, договор с Сатаной действует ровно 13 лет. Удивительным совпадением тогда оборачивается сопоставление даты написания текста стихотворения (не ранее августа 1961 г.) и даты смерти писателя (октябрь 1974 г.), которые разделяет промежуток как раз в 13 лет.
- 4. Из вступления к поэме «Во весь голос» (1930). Поэму Шукшин цитирует во вгиковском вступительном сочинении по литературе на тему «В.В. Маяковский о роли поэта и поэзии» [10], а также в статье «Вопрос самому себе» (1966).

Марьин Д.В.

ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», филологический факультет, кафедра русской и зарубежной литературы, кандидат филологических наук, докторант кафедры русской и зарубежной литературы

E-mail: dvmaryin@mail.ru

Maryin D.V.

FGBOU VPO «Altai state university», Faculty of Philology, Department of Russian and Foreign Literature, Candidate of philology, Doctoral candidate, Docent

УДК 81 '37

ТИПОЛОГИЯ ЛАКУН РАЗЛИЧНОЙ ЧАСТЕРЕЧНОЙ ОТНЕСЕННОСТИ

© 2013 А.А. Махонина, М.А. Стернина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 августа 2012 г.

Аннотация: На основе анализа русско-английских субстантивных, адъективных и глагольных межъязыковых лакун предлагается единая типология межъязыковых лакун различной частеречной отнесенности. Выделяются обобщающие, конкретизирующие, обобщающе-конкретизирующие лакуны и их подтипы.

Ключевые слова: лакуна; типология лакун; обобщающие, конкретизирующие и обобщающе-конкретизирующие лакуны.

Abstract: Basing on the analysis of substantive, adjective and verbal Russian-English lacunae different part-of-speech lacunae typology is proposed. Generalizing, specifying, generalizing-specifying lacunae and their subtypes are singled out.

Key-words: lacuna; lacunae typology, generalizing, specifying and generalizing-specifying lacunae.

Исследования русско-английских межъязыковых лакун, проведенные на материале субстантивных [1], адъективных [2] и глагольных [3] лакунарных лексем, позволили построить типологию межъязыковых лакун различной частеречной отнесенности.

Как показали результаты исследований, к русско-английским лакунам различной частеречной отнесенности применима типология, разработанная первоначально для субстантивных лакун [1, 55] и основывающаяся на причине лакунарности, т. е. причине, по которой в исследуемом языке наблюдается лакуна. Такой причиной является отсутствие в исследуемом языке (русском) либо соответствующего обобщения, либо соответствующей конкретизации по определенному признаку. Согласно данной типологии, все межъязыковые лакуны подразделяются на две большие группы: обобщающие и конкретизирующие.

Обобщающие лакуны выделяются на основании отсутствия в исследуемом языке соответствующего обобщения. Например, *предмет, похожий на гусиную шею, изогнутый в виде буквы* S — cp. gooseneck; *длинный и мягкий (о траве и т. п.)* — cp. lank; yвлечь u oбмануть — cp. jilt.

Конкретизирующие лакуны выделяются на основании отсутствия в исследуемом языке соответствующей конкретизации по определённому признаку. Например, *человек в возрасте между 70 и 79 годами* — ср. septuagenarian; *монтируемый на автомобиле* — ср. *carborn; разбавлять вино водой, более дешёвым вином* — *ср. load*.

© А.А. Махонина, М.А. Стернина, 2013

В ходе изучения русско-английских глагольных лакун О.В. Сухановой [3] был выделен ещё один тип — обобщающе-конкретизирующие лакуны, определяемые на основании отсутствия в исследуемом языке одновременно как обобщения, так и конкретизации: *тимательно проверять*, осматривать — ср. overhaul.

Как показал проведенный анализ, подобное явление характерно и для субстантивных, и для адъективных лакун, где также наблюдаются случаи одновременного отсутствия как обобщения, так и конкретизации: предмет, лежащий поверх другого предмета — ср. rider; сделанный или происходящий на снегу, поверх снега или на льду — ср. oversnow. Таким образом, можно констатировать, что выделенный тип лакун характерен для лакунарных лексем всех трех изученных частей речи. На основании этого представляется необходимым расширить типологическую классификацию межъязыковых лакун, выделив в ней три типа: обобщающие, конкретизирующие и обобщающе-конкретизирующие лакуны.

С точки зрения типологии межъязыковых лакун большой интерес вызывают выделенные типологические подтипы.

Так, например, в группе обобщающих глагольных лакун О.В. Сухановой [3, 52] были выделены следующие подтипы: симультанные, вариативные и консекутивные.

Под симультанными обобщающими лакунами понимаются такие, у которых обобщение выражено глагольными лексемами, обозначающими разные действия, происходящие одновременно. Например: идти и разглядывать — ср. тому. В данном случае действия идти и разглядывать происходят симультанно.

Под вариативными обобщающими лакунами понимаются такие, у которых обобщение представлено вариативно с использованием разделительного союза *или* и выражено лексемами, обозначающими разные действия: *задвигаться или отодвигаться ср. shoot*. В данном случае обобщение *задвигаться или отодвигаться* представлено вариативно.

Консекутивные обобщающие лакуны выделяются на основании отсутствия обобщения, выраженного лексемами, которые обозначают разные действия, происходящие последовательно. Например: *надеть и застегнуть* происходят последовательно, друг за другом.

Как показал анализ, у субстантивных и адъективных обобщающих лакун также можно выделить симультанные и вариативные подтипы. Так, симультанными обобщающими лакунами являются субстантивная лакуна что-либо липкое и сладкое - cp. goo и адъективная лакуна высокий и заостренный – ср. spiral. Субстантивная лакуна что-либо измельченное или раздробленное ср. pounding и адъективная лакуна тупой или вздер $нутый (o \ hoce)$ — cp. snub являются вариативными обобщающими лакунами. Показательно, что консекутивных обобщающих лакун у существительных и прилагательных не наблюдается, что, видимо, обусловлено тем, что последовательность более характерна для ориентированной на время глагольной категории, в то время как существительные и прилагательные характеризуются, как правило, исключительно одновременными признаками, а не их последовательностью.

Согласно Ж.В. Петросян [2, 59] в группе обобщающих адъективных лакун были выделены типологические подтипы эксплицитно-обобщающих и имплицитно-обобщающих лакун.

Под эксплицитно-обобщающими адъективными лакунами понимаются такие, у которых обобщение выражено эксплицитно в словарной дефиниции переводного словаря: сплющенный или *сжатый у полюсов – ср. oblate.* В данном случае обобщение *сплющенный или сжатый* эксплицитно присутствует в словарной дефиниции. Под имплицитно-обобщающими адъективными лакунами понимаются такие, у которых обобщение не выражено в словарной дефиниции переводного словаря, но может быть понято благодаря денотативным семемам лексем, входящих в словарное определение: без надписи, без тиснения – ср. letterless. В данном случае имплицитно подразумевается обобщение существующий, продающийся, сделанный и т.д. без надписи, без тиснения.

Отметим, что подобных типологических подтипов у субстантивных лакун не наблюдается, обобщение в их словарных дефинициях

выражено только эксплицитно — либо обобщающими словами «что-либо», «нечто», «то, что» (что-либо, починенное на скорую руку — ср. vamp), либо словами «предмет» или «вещь» (вещь, полученная напрокат или во временное пользование (автомобиль, часы и т. п.) на время ремонта) — ср. loaner). У глагольных лакун обобщение в словарной дефиниции переводного словаря также выражено только эксплицитно: громко петь или играть — ср. skirl; подбирать и анализировать синонимы — ср. synonymize, поэтому мы можем говорить только об эксплицитно-обобщающих глагольных лакунах.

Проведенный Ж.В. Петросян [2] анализ показал, что у эксплицитно-обобщающих адъективных лакун обобщение может быть выражено конъюнкцией или дизъюнкцией, в результате чего можно говорить о дизъюнктивных и конъюнктивных эксплицитно-обобщающих лакунах. Дизъюнктивные обобщающие адъективные лакуны выделяются на основании отсутствия обобщения, представленного в виде альтернативы между двумя родовыми признаками: заросший или обсаженный ивняком — ср. willowed. Конъюнктивные обобщающие адъективные лакуны выделяются на основании отсутствия обобщения, выраженного совокупностью родовых признаков: густой и курчавый (о волосах) — ср. woolly.

Проведенное исследование также дало возможность выделить одну дизьюнктивную адъективную лакуну с конъюнкцией — спелый и мягкий или сладкий и сочный (о фруктах) — ср. mellow. Таким образом, констатируется наличие дизьюнктивноконъюнктивной обобщающей адъективной лакуны.

Отметим, что обобщение у субстантивных и глагольных лакун также может быть выражено дизъюнкцией или конъюнкцией. Примерами дизъюнктивных обобщающих могут служить субстантивная лакуна что-л., прикреплённое за один конец, свешивающееся или развевающееся на ветру — ср. flap и глагольная лакуна согревать, сушить или охлаждать дыханием — ср. blow. В качестве примера конъюнктивных обобщающих субстантивных и глагольных лакун приведем следующие: что-л. дискредитирующее, позорящее, вредящее репутации — ср. libel; распластать и обжарить в сухарях — ср. spitchcock.

Среди конкретизирующих субстантивных лакун выделяется отдельный подтип — конкретизирующие лакуны с денотативным ограничением [1,70]. Такое ограничение может быть представлено либо в виде закрытого списка денотатов (животное, птица или рыба, питающиеся падалью — ср. scavenger), либо указанием на исключение отдельного денотата из денотативной отнесенности лексического соответствия (промысловая рыба (кроме камбалы) — ср. roundfish).

А.А. Махонина, М.А. Стернина

Анализ корпуса глагольных лакун показал, что среди конкретизирующих и обобщающе-конкретизирующих лакун встречается отдельный подтип — лакуны с денотативным расширением [3, 61]. В случае лакун с денотативным расширением список денотатов расширяется за счёт использования сочетания «и т.п.» и остаётся открытым. Примерами такого рода лакун могут служить конкретизирующая лакуна попрошайничать в питейных заведениях и т.п. — ср. beachcomb и обобщающе-конкретизирующая лакуна запасать и хранить в погребе вино и т. п. — ср. lay down.

Отметим, что лакуны с денотативным расширением наблюдаются также и у субстантивных и адъективных лакун: что-либо, не отвечающее стандарту, не соответствующее установленному размеру и т. п. — ср. under; снедаемый желанием, любопытством и т. п. — ср. prurient.

В целом, типология русско-английских межьязыковых лакун, построенная на исследовании лакун различной частеречной отнесенности (субстантивной, адъективной и глагольной), может быть представлена следующим образом. Выделяется три типа лакун: обобщающие, конкретизирующие и обобщающе-конкретизирующие. Среди обобщающих лакун выделяются симультанные, вариативные и консекутивные (только у гла-

гольных лакун) подтипы. Обобщающие лакуны могут быть эксплицитно-обобщающими (субстантивные, адъективные и глагольные лакуны) и имплицитно-обобщающими (только адъективные лакуны). Среди обобщающих лакун выделяются также дизъюнктивные, конъюнктивные и дизъюнктивно-конъюнктивные (только адъективные) лакуны. Конкретизирующие и обобщающе-конкретизирующие лакуны могут характеризоваться денотативным расширением, а субстантивные лакуны — и денотативным ограничением.

Представляется, что предложенная типология русско-английских межъязыковых лакун может быть с успехом применена и для описания лакун в других языках.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Махонина А.А. Проблема описания лексической лакунарности (на материале русско-английских субстантивных лакун): дис. ... канд. фил. наук. / А.А. Махонина. Воронеж, 2006. 191 с.
- 2. Петросян Ж.В. Проблема адъективной лакунарности (на материале русско-английских адъективных лакун): дис. ... канд. фил. наук / Ж.В. Петросян. Воронеж, 2011. 184 с.
- 3. Суханова О.В. Лакунарность глагольной лексики (на материале русско-английских глагольных лакун): дис. ... канд. фил. наук. / О.В. Суханова Воронеж, 2012. 205 с.

Воронежский государственный университет Махонина Анна Александровна Преподаватель кафедры английского языка в профессиональной международной деятельности канд. филол. наук, доцент Е-mail: anna.makhonina@mail.ru Стернина Марина Абрамовна Зав. кафедрой английского языка естественно-научных факультетов доктор филол. наук, профессор Е-mail: sternina@ymail.ru

Anna Makhonina
Teacher of the Department of English for International
Relations
Associate Professor, Ph.D. (Linguistics)
E-mail: anna.makhonina@mail.ru
Marina Sternina
Head of the English Chair
for Science Departments
Professor, Doctor of Linguistics
E-mail: sternina@vmail.ru

УДК 821.161.1

ФУНКЦИИ ЗАГЛАВИЯ И ЭПИГРАФОВ В КНИГЕ К.Д. БАЛЬМОНТА «ЯСЕНЬ. ВИДЕНИЕ ДРЕВА»

© 2013 Н.А. Молчанова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 23.1.13

Аннотация: В статье раскрывается роль заглавия эпиграфов в малоизвестной книге К.Д. Бальмонта «Ясень. Видение Древа».

Ключевые слова: заглавие, эпиграф, поэтическая книга, символ.

Abstract: In this article the object of the study are role of title and epigraph in the little known book of K.D. Balmont «Ash-tree. Vision of the tree».

Key concepts: *the title, epigraph, poetic book, symbol.*

Лирика Бальмонта 1910-х годов до сих пор остается серьезным пробелом в изучении творчества поэта и традиционно оценивается под знаком «упадка», усугубившегося распадом русского символизма как единого литературно-эстетического направления. Между тем, в «Зареве зорь» (1912), в «Белом Зодчем» (1914), а особенно в книгах «Ясень» (1916) и «Сонеты Солнца, Меда и луны» (1917) поэт раскрывает совершенно неожиданные грани своего таланта, сохраняя приверженность символизму и одновременно своеобразно перекликаясь с постсимволистскими тенденциями литературы. Думается, что наиболее значимая и в то же время самая сложная из бальмонтовских поэтических книг этого периода — книга «Ясень», имеющая подзаголовок «Видение Древа». Данный подзаголовок призван обозначить зачатки единого лирико-мифологического сюжета, воссоздающего панораму истории человеческой цивилизации от «утра вселенной» до апокалипсиса, причем в развитии этого сюжета активную роль играют архаические древние мифы, христианские идеи, естественнонаучные и философские концепции XIX-XX веков. В связи с такой «всеобъемлющей» установкой в «Ясене» поэт отказался от дробления на разделы, присущего многим предшествующим книгам.

Книге предпослан эпиграф, взятый из египетской «Сказки о двух братьях»: «Ибо я зачарую мое сердце и помещу его на вершине Древа в цветке». В русских переводах этой сказки даются различные конкретные названия деревьев: акация, кедр, пиния. Бальмонту было очень важно обобщить их в Древо,

ибо речь шла о Древе жизни – Иггдразиле. Символ «мирового Древа» в трагической ипостаси впервые появился у поэта в книге «Злые чары» (1906), чуть позднее он трансформировался в идеализированное «Славянское Древо» (книга «Жар-птица», 1907). Это один из основополагающих символических образов бальмонтовской лирики. С одной стороны, образ «древа жизни» гарантировал «целостный взгляд на мир, определение человеком своего места во вселенной» [8, 405], с другой – был призван воплотить важнейшие качества поэзии самого Бальмонта. «Дерево в кроне экстенсивно, каким Бальмонт был тематически, а в корнях "генетивно", как бальмонтовское устремление к источникам-космогониям», справедливо отмечал В.Ф. Марков [6, 134].

Название древа жизни - «Ясень» - связано с весьма существенным в книге скандинавским мифологическим пластом, в ориентации поэта на древние космогонии на первый план выступает «Эдда». С «Эддой» Бальмонт, очевидно, познакомился в начале 1890-х годов, когда он переводил норвежских писателей и "Историю скандинавской литературы" Горна-Швейцера. Именно так надо понимать слова поэта в письме к М.В. Сабашникову от 30 января 1913 года: «Была у меня также с детства жажда перевести на русский язык "Эдду", но, кажется, ее уже переводят для тебя» [5, 142]. В соответствии со «Старшей Эддой» у бальмонтовского Иггдразиля-Ясеня "три корня":

Один до Богов устремляется,

Другой к Исполинам драконится,

А третий идет в Дымосвод [1, 49].

В «славянских» поэтических книгах Бальмонта в качества древа жизни обычно высту-

© Н.А. Молчанова, 2013

пал «дуб». В «Ясене», помимо скандинавского мифологического источника, в небольшом цикле стихотворений об Индии поэт находит другое, совершенно новое название "древа жизни":

В моей индусской роще есть древо деодар, Своим стволом высоким восходит ввысь оно, Его расцвет походит на призрачный пожар, Голубоваты ветви, внизу у пня темно [1, 82].

Символика «цветка» была не менее близка поэту, она прошла через все его творчество, постепенно приобретая архетипическое значение [7]. Не случайно "верхняя" часть древа жизни, органично ассоциируясь в книге «Ясень» с небесным царством, усыпана «цветами»:

И вершину Ясеня венчая, Сонмы нежных маленьких цветков Уходили в небо вплоть до Рая, По пути веков и облаков [1, 212]

Сказочный мотив «чарования» неразрывно соединен с бальмонтовским пониманием «Поэзии как волшебства». Уместно вспомнить, что параллельно с написанием «Ясеня» шла работа над лекцией-манифестом с таким названием. Скорее всего, строки из египетской сказки как-то связывались в сознании Бальмонта еще и с эзотерическим учением, согласно которому «человек сначала существует потенциально в теле дерева, а позднее расцветает в объективные манифестации...» [9, 399]. Таким образом, эпиграф был концептуально важен для «стихийного гения», раскрывающего неожиданный «лик» поэта-мыслителя.

Внутри книги эпиграфов сравнительно немного, они предваряют лишь несколько стихотворений, однако это тексты ключевые для понимания мифопоэтического «сюжета» «Ясеня». В частности, двум сонетам, объединенным названием «Дуга», предпослан эпиграф из «детской игры» (а точнее из книги А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу»): «Радуга-дуга, не пей нашу воду». Бальмонт не случайно трансформирует «магическое заклинание воды» в «детскую игру». «Кто Вечности ближе, чем дети?» – спрашивал поэт в стихотворении «Зимой ли кончается год...». Вопрос звучал риторически, утвердительный ответ мыслился сам собой: ребенок ближе всего к вселенской истине, его душа способна видеть в окружающем мире, природе, жизни незримое, вечное. «В детстве, – писал поэт в автобиографическом рассказе «Белая Невеста» (1921), - мы без слов знаем многое из того, к чему потом целую жизнь мы пытаемся, и часто напрасно, приблизиться лабиринтной дорогой слов» [2, 181]. Вот почему в своем творчестве Бальмонт всегда стремился сохранить детскость, первозданность восприятия как непосредственное и истинное проникновение в мир, в «Ясене» же детскость ассоциировалась с мотивом «утра жизни» всей человеческой цивилизации.

В сонетах «Дуга» речь идет о дроблении света на семь цветов радуги:

В нем семь мгновений связного рассказа: — Кровь, уголь, злато, стебель, лень долин, Колодец неба, синеалый сплин,

Семи цветов густеющая связа [1, 96]

Число «семь» — универсальное в поэтике символизма, оно воплощало в себе идею единства вселенной. Для Бальмонта это число связывается с долго вынашиваемой им мыслью о цельности — раздельности мироздания и в конечном счете — высшей «свободе» творческого самоопределения:

Семь струн моих, и в них едино пенье, Но каждая есть вольная струна [1, 97]

Эпиграфом к двум сонетам «Сглаз» послужил маленький фрагмент из «халдейской таблицы» (В.М. Марков справедливо указывает, что более верный перевод — «халдейская скрижаль»): «...Люди с лицами воронов...» [1, 156]. Ассиро-вавилонский миф о сотворении мира богиней злого хаоса Тиамат, создавшей странных существ «with the faces of ravens» [6, 187], «русифицируется» в первом сонете в фольклоризированный образ злого «сглаза», способного наслать порчу на «дом твой» и на «дух твой». Во втором сонете поэт задается неразрешимым вопросом об истоках происхождения зла в человеческой душе:

А если в том, что вот я пью и ем, Хочу, стремлюсь, свершаю в днях стяженье. Сокрыт ответ на голос вопрошенья?.. И не сильней ли всех огней алмаза

Законность притяженья в чаре сглаза, Когда скользят беззвучно птицы дыр?[1, 137]

В стихотворении «Превозмогшая» эпиграфмонолог боярыни Морозовой «Хочет меня Господь взять от этой жизни. Не подобно телу моему в нечистоте одежды возлечь в недрах матери своей земли» (с.191) содержит в себе отсылку к цитате из Откровения Иоанна Богослова: «Сии, облеченные в белые одежды, — кто они и откуда пришли?» Облеченная «в белую сорочку» героиня твердо верит в истинность выбранного пути:

В веках возникши правильной обедней, Здесь в земляную ввержена тюрьму, Я всю дорогу вижу через тьму,

Ия уже не та в свой час последний [1, 192]

Лирический герой поэта в «Ясене» наделен вещей прапамятью, позволяющей ему соединять разнообразные культурно-исторические пласты сознания. Кроме того, он обладает "колдовским"

даром перевоплощения, легко переносящим его "через века", и магической способностью "читать бесчисленные знаки, начертанные мыслью вековой" («Знаки»):

Я был на зиккуратах Вавилона,

Бог Солнца жег меня своим лучом...

Я был везде. Я древле был Варяг.

Вся кровь моя есть красный путь к Валгалле... Я был жрецом на грозном теокалли... [1, 201]

Эпиграф к стихотворению «Преображение», из которого были процитированы строки, взят из драмы Кальдерона «В этой жизни — все истина и все ложь»: «En esta vida todo es verdad...». В этом сложном стихотворении «зеркально» преломляются разные символы: «капля» и «океан», «грань» и «безграничность», «бог» и «жертва», «псалом» и «стон». Бальмонт находит здесь исчерпывающе краткое определение личного понимания процесса мирового развития и собственного «движения»:

В вертеньи круга — радость и печаль, Но в высь ведет змеиная спираль [1, 203].

Философски значимый смысл имеет эпиграф к венку сонетов «Адам», взятый автором сразу из нескольких древнеегипетских источников: «Я бог Атуму, сущий, я был один...Атуму, бог Солнцеграда, сотворитель людей и делатель богов... Атуму, Солце ночное» [1, 132]. Бог Атуму неоднократно упоминается Бальмонтом в книге «Край Озириса» (1914), в очерке «Солнечное единобожие» он дословно воспроизводит описание этого бога, прочитанное им в Абидосском храме Рамзеса: «Один из древнейших богов и главнейших. Ипостась ночного солнца. Творитель людей и делатель богов. Самосозданный» [3, 52].

Идея «самосозданности» — узловая в бальмонтовском венке сонетов, видимо, вследствие этого древнейший египетский бог здесь причудливо переплетается с библейским первочеловеком Адамом, причем к божескому провидению оказывается причастным еще и темный демиург:

Адам возник в раю из красной глины,

И был он слеплен божеской рукой.

Но в этом колдовал еще другой,

И все его стремленья не едины [1, 212].

Раздвоен также образ «белокурой жены» Евы, ей противостоит «ночная» Лилит. Драматически «многолик» и лирический герой поэта: «Лик мой — рознь. В себе я не единый» [1, 215]. Если в своей самой «звездной» книге «Будем как Солнце» (1903) Бальмонт стремился «оправдать» мир, сотканный «из различности сочетаний», видел в этой «различности» залог непрестанного творческого горения, то теперь его позиция уже не вполне соответствует символистскому нравственному релятивизму. Лирический герой венка сонетов «Адам» надеется

вновь «найти дорогу к раю», «самосоздать» себя по Божьему «закону». Любопытно заметить, что на «Адама» откликнулся сонетом «Бальмонту» Вяч. Иванов, закончив его строками: «Ты по цветам найдешь дорогу к раю» [4, 220].

Лирический цикл «Равный Ису», воспевающий Париж (это пять сонетов, обрамленных двумя стихотворениями не сонетной формы), предваряет довольно длинный эпиграф из неназванной «старинной летописи»:

«И был тот город Ис всех светлее городов и счастливее. Было в нем цветов и благовоний в изобилии. Любились в нем так, как будто тела суть души.

И великая с Моря волна затянула однажды морскою водой город Ис, где он и доныне со всеми своими башнями» [1, 204].

Думается, что этот эпиграф имеет отношение не только к затонувшей Атлантиде и покоящемуся на дне озера легендарному Китежграду. Он может быть воспринят и осмыслен в контексте всей книги «Ясень», которая завершается апокалипсической картиной гибели мирового древа:

Зеленое древо нездешнего сева, быть может, с Венеры,

быть может, с Луны,

Цвело, расцветало, качалось, качало, и птицами пело,

и реяли сны.

Топор был веселый, жужжащие пчелы летели, бросая

свой улей навек.

Удар был упорный, припевно-повторный, и звонкую

песню пропел дровосек.

Мы все это знали из дыма печали, из пенья и тленья

пылающих дров.

Так будет и с нами, горящими в Храме, так будет С мирами во веки веков [1, 232].

Такой финал одной из лучших бальмонтовских книг лишен безнадежного пессимизма, ибо он сопровождается «звонкой песней». Вместе с тем ему предшествует исполненный острого драматизма цикл «Ордалии», где лирический герой, пройдя целый ряд посвятительных испытаний, предчувствует новое «воскресение», ощущает себя «малым звуком» в великом «Пасхальном гуле». «Рожденный от Солнца» и вкусивший «мёд веков», он надеется оставить свой «след» в «Видении Древа» — человеческой истории:

И запоздавшему столетью, Его предчувствуя в тоске, Черчу рассказ я тонкой сетью На мастадонтовом клыке [1, 88].

Н.А. Молчанова

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Бальмонт К.Д. Ясень. Видение Древа / К.Д. Бальмонт. М., 1916.
- 2. Бальмонт К.Д. Белая Невеста // К.Д. Бальмонт. Где мой дом. Стихотворения, художественная проза, статьи, очерки, письма. М., 1992.
- 3. Бальмонт К.Д. Край Озириса. Египетские очерки / К.Д. Бальмонт. М., 1914.
- 4. Иванов Вяч. Стихотворения. Поэмы. Трагедии / Вяч. Иванов. СПб., 1995. Кн. 2.
- 5. Из переписки М.В. и С.В. Сабашниковых с авторами // Книга: Исследования и материалы. М., 1979. Т. 38. Книга «Эдда. Скандинавский эпос» вышла в издательстве

Сабашниковых в 1917 г. в переводе С. Свириденко.

6. Markov V. Kommentar zu den Dichtungen von K.D. Bal'mont / V. Markov. – Köln, Weimar,

Wien.: 1992. – T. 2. – S. 134.

- 7. См.: Петрова Т.С. Семантика образа цветка в лирике К.Бальмонта / Т.С. Петрова // Материалы междунар. лингв. науч. конф. — Тамбов, 1995.
- 8. Топоров В.Н. Древо мировое / В.Н. Топоров // Мифы народов мира. М., 1991. Т. 1.
- 9. Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии / М.П. Холл. Новосибирск, 1992.

Сведения об авторе

Молчанова Наталья Александровна, проф. каф. русской литературы XX и XXI веков ВГУ. E-mail: molchanova47@mail.ru

Molchanova Natalja Aleksandrovna, professor of Russian literature of the XX-XXI centuries of philological faculty of the Voronezh State University. E-mail: molchanova47@mail.ru УДК 882 - 311.4

«СЕМАНТИКА ВОЛКА» ОБРАЗА ГРИГОРИЯ МЕЛЕХОВА В РОМАНЕ «ТИХИЙ ДОН» (МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

© 2013 Е.М. Никитина

Воронежский областной институт повышения квалификации и переподготовки работников образования

Поступила в редакцию 20.2.2013 года

Аннотация: Рассмотрены анималистические характеристики образа Григория Мелехова в соотнесении с мифопоэтическим аспектом национальной и мировой художественной культуры. Выделены типологические слагаемые «семантики волка» в образе героя «Тихого Дона», исходя из устойчивых смысловых определений, отрефлексированных в различных источниках и исследованиях.

Ключевые слова: анимализм, мифопоэтика, странничество, ликантропия, пограничность, аксиоло-гическая двойственность.

Abstract: Animalistic characteristics of Grigoriy Melikhov's character are considered in the article in relation to the mythopoetic aspect of the national and world cultures. Typological sums of the "semantics of the wolf" of the hero's character of "Tikhiy Don" are marked out on the basis of stable semantic definitions reflected in various sources and researches.

Key-words: animalism, mythopoetics, pilgrimage, lycanthropy, borderline state, axiological duality.

В шолоховедении неоднократно отмечалось, что на страницах «Тихого Дона» присутствуют множественные анималистические характеристики человеческих образов-персонажей. Это наблюдается как в авторских определениях, так и в характеристике героями друг друга. Как показывает проведенный нами частотный анализ, здесь представлено около 90 видов животных (включая птиц, насекомых, пресмыкающихся, рыб и т. д.), образы которых используются для проекции непосредственно на человека. В этом ряду среди диких животных, безусловно, лидирует образ волка, причем большинство таких «проекций» направлено на образ главного героя — Григория Мелехова.

В связи с этим закономерно, что современные исследователи в отдельных случаях акцентируют присущее образу Григория «волчье начало». Указывается, например, что «Человеку-волку присущи такие стержневые качества, как бесстрашие, благородство, бескомпромиссность, активность жизненной позиции, борьба за правду, высокие нравственные идеалы. Он никогда не смирится с несправедливостью и будет отстаивать свою веру и убеждения в честном бою. Таков и характер Григория» [1, 272]. В других случаях анализ образа Григория Мелехова как «человека-волка» закономерно приводит к выводу о том, что волчьи черты, присущие шолоховскому герою изначально, «укрупняют», «ужесточают» образную картину Гражданской войны в контексте литературного процесса 1920—1930 х гг. [2, 211, 221]. Заслуживают, на наш взгляд, внимания и отмечаемые исследователями черты своеобразного «странничества» героев романа в еще более широком контексте национальной и мировой художественной культуры [3, 13].

В связи с этим актуальным представляется рассмотрение характеристик образа Григория-«волка» в мифопоэтическом аспекте. В обширном своде мифологических представлений о волке мы считаем возможным выделить и обобщить некоторые устойчивые смысловые определения, отрефлексированные в различных источниках и исследованиях.

Как известно, культ волка очень древен и сложен. Волки некогда считались священными животными бога богатства и плодородия Велеса; «Велесовы дни» приходившиеся на зимние святки, называли также «волчьим праздником». Представления о волке, выступающем одновременно в роли жертвы (изгоя, преследуемого) и хищника (убийцы, преследователя), объединяет многие мифы и соответствующие обряды. Особый интерес представляет «ликантропия» — оборотничество людей в волков с возможностью обратного превращения в человеческий облик. Такие поверья широко распространены у русских, украинцев, белорусов, поляков, болгар. Вместе с тем волк – символ воинской доблести, эмблема предводителя военной дружины и даже бога войны, а также родоначальника племени. В патриархальных обществах образ волка тесно связался с ролью жениха или похитителя женщин, соответственно насыщаясь эротической символикой. В средневековье волк из

© Е.М. Никитина, 2013

символа воинской доблести становится эмблемой злобы, жадности и ереси, а волчица воспринимается как олицетворение похоти и блуда. В русском фольклоре волк обычно жаден и глуп, но в ряде сказок выступает как чудесный помощник героя.

В разных культурах образ волка связан с пересечением границ, различными пограничными и переломными периодами или моментами. Помимо этого ему традиционно приписывались функции посредника между «этим» и «тем светом», между людьми и богами или нечистой силой, вообще силами иного мира [4, 486; 5,85-86; 6,46; 8,237-239; 9, 183-185; 10].

Таким образом, двойственность позитивно-негативных оценочных характеристик, пограничность по отношению к различным топосам и «мирам», постоянное движение-пересечение их границ в тех или иных формах («поиска»/»бегства»), — выступают доминирующими характеристиками «волчьего начала». В соответствии с намеченной типологией развертываются в романе и анималистические характеристики образа Григория Мелехова.

Сердце героя неоднократно сравнивается в романе с «волчиным» [7, I, 311, 343-344; III, 313]. «Волк», «бирюк» — такие определения окружающих множественны на всем протяжении повествования (III, 237; III, 385, IV, 299). «Волчье», «звериное», «звероватое»— рефрен и авторских определений героя [7, I, 15; I, 243; I, 347; III, 141; III, 221].

Вместе с тем к финалу повествования у Мелехова все более нарастает неприятие жизни, в которой люди — «как звери» (IV, 418). И постоянное пересечение им границ (как пространственных топосов, так и социально маркированных лагерей — «красного», «белого», «вольного казачьего» и т. п.) акцентируют именно человеческие смыслопоисковые интенции — прежде всего поиск «правды», «под крылом которой мог бы посогреться всякий» [7, III, 188].

В связи с этим рассмотрение «странничества» героя-волка может быть дополнено еще одним немаловажным содержательным аспектом. Мелехов не просто «странствует» по необъятным просторам России в поисках правды, — он мечется между разными социальными лагерями как загнанный зверь. Можно представить, что социально расколотый мир как бы предпринимает своеобразную «облаву» на героя, где разные силы стремятся «заполучить» его, уверить и приблизить к своей правде. Раскрывая драматизм внутренних переживаний Григория

Никитина Е.М., методист музея истории народного образования Воронежской области при ВОИПКи-ПРО, Воронежский областной институт повышения квалификации и переподготовки работников образования

E-mail: belousova15@mail.ru

накануне восстания, автор приводит весьма показательное сравнение: «Зачем металась душа, как зафлаженный на облаве волк, — в поисках выхода, в разрешении противоречий?» [7, III, 188]. Но Григорий, ожесточенный, как загнанный зверь, каждый раз снова и снова «порывается за флажки» этих классово ограниченных правд — к своей человеческой сущности к ценностям дома, семьи, любви. Такая развернутая метафора, на наш взгляд, органично ассоциируется со смысловой полиаспектностью «волчьего» начала героя.

В финале романа Григорий, окончательно лишенный, казалось бы, смысложизненных ориентиров, пытается жить в лесу (естественное обитание зверя/волка), но быстро понимает, что это не жизнь, и идет в родной хутор (к людям, в социум), чтобы еще раз постоять на родном базу, подержать на руках сына [7, IV, 463]. Лишившись почти всего, что было дорого его «волчиному сердцу», Григорий все же не теряет окончательно связь с миром и людьми. Онтология его бытия трагична («быть или не быть?») и по-своему неоднозначна в ценностном плане, где аксиологическая двойственность «волчьего начала» играет важную художественную функцию.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Желтова Н.Ю. Проза первой половины XX века: по этика русского национального характера: монография / Н.Ю. Желтова. Тамбов : ТГУ, 2004. 386 с.
- 2. Муравьева Н.М. Проза М.А. Шолохова: онтология, эпическая стратегия характеров, поэтика. Монография / Н.М. Муравьева. Борисоглебск : БГПИ, 2007. 381 с.
- 3. Поль Д.В. Универсальные образы и мотивы в реалистической эпике М.А. Шолохова / Д.В. Поль: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2008. (http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filologiya/a575.php).
- 4. Символы. Знаки. Эмблемы / сост. В.М. Рошаль. М.: Эксмо, 2005. 576 с.
- 5. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Междунар. отношения, 2002. 512 с.
- 6. Тресиддер Д. Словарь символов. / Д. Тресиддер. М. : ФАИР ПРЕСС, 1999. 448 с.
- 7. Шолохов М.А. Собр. соч.: В 8 т. / М.А. Шолохов. М. : Правда, 1975. Т. І. 384 с.; Т. ІІ. 376 с.; Т. ІІІ. 408 с.; Т. ІV. 464 с.
  - 8. Эмблемы и символы. М. : ИНТРАДА, 1995. 367 с.
- 9. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М. : Эксмо; СПб. : Мидгард, 2007. 608 с.
  - 10. http://www.gnozis.info/?q=book/export/html/6011.

Nikitina E.M., methodologist of the Museum of History and Public Education of Voronezh Region, VRITTR. Voronezh Regional Institute of Teachers Training and Retraining (VRITTR)

E-mail: belousova 15@mail.ru

УДК 821:111(091)

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ БРИТАНСКОЙ СТОЛИЦЫ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА МАЙКЛА МУРКОКА «ЛОНДОН, ЛЮБОВЬ МОЯ»

© 2013 А.В. Соснин

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики — Нижний Новгород

Поступила в редакцию 6 марта 2013 г.

Аннотация: На примере романа современного английского писателя М. Муркока «Лондон, любовь моя» в статье рассматривается популярный в постмодернистской литературе способ текстового представления урбанизированного пространства — психологическая география. Лондонское пространство при этом, в противовес официальной упорядочивающей топографии, оказывается сотканным из индивидуальных впечатлений индивидов, которые они получают в ходе прогулок по столице. Коллективная ментальная репрезентация города, таким образом, оказывается ассоциативной и фрагментарной, но в то же время динамической, что, по мнению сторонников психогеографии, является наиболее адекватным представлением городского пространства. Статья выполнена в русле проводимого автором исследования лондонского текста английской литературы.

Ключевые слова: психологическая география, Лондонский текст, вербальные репрезентации пространства, постмодернизм.

Abstract: Taking the novel "Mother London" by the contemporary English writer M. Moorcock as an example, the author has conducted a study into the concept of psychological geography — a popular way of representing urban spaces in postmodern literature. As opposed to the official schematizing topography, London appears here to be woven from individual impressions of its dwellers, which they get when walking its streets. The collective mental vision of the city turns out to be dynamic, albeit associative and fragmentary, which is the most appropriate way of representing urban space, according to apologists for psychogeography. The article has been written within the scope of the author's broader studies of the London text of the English literature.

Keywords: psychological geography, London text, verbal representations of space, postmodernism.

To invigorate literary mind, start moving literary feet! Joyce Carol Oates, Ontario Literary Review, 1999

На протяжении всей новой истории Лондона и особенно в последние полтора века исследователи из самых разных областей пытаются понять и упорядочить социокультурное и экономическое многообразие британской столицы, каталогизировать его и составить подробные и достоверные карты-описания этого гигантского мегаполиса. Их задача ясна: сделать чрезвычайно запутанный, хаотичный Лондон-лабиринт¹ «читаемым» и выразить городское пространство в логичной, иерархически организованной текстовой форме.

Первой масштабной систематизацией викторианского Лондона по праву считается четырехтомный труд английского журналиста, критика и драматурга Генри Мэйхью (1812—1887) «Рабочий люд и бедняки Лондона» (London Labour and the London Poor [7]), вышедший в 1851—1862 гг. Мы может говорить лишь об относительной

социологической строгости метода, используемого Г. Мэйхью: в своем труде он предлагает четкую классификацию типажей, которые принадлежат к лондонскому дну; однако его выводы основаны в первую очередь на личных впечатлениях, полученных в ходе посещений криминальных районов Лондона, в частности трущоб в приходе Спитэлфилдс и в районе Уайтчэпел, а также воровского притона в районе Сент-Джайлс². Одна из глав труда показательно называется «Экскурсия по воровским притонам округа» (A Ramble³ among the Thieves' Dens *in the Borough* ^{4}). Во время подобных «экскурсий» Г. Мэйхью, по его словам, всегда сопровождали «пара крепких друзей или полисмен». Идея «экскурсионности»⁵, наблюдения является ключевой в подходе Мэйхью, равно как и его стремление пространственно «локализовать» преступную деятельность в Лондоне, строго прикрепив ее к конкретному топосу. Однако подход исследователя несколько дискредитируется за счет присутствия представителя закона: возникает

© А.В. Соснин, 2013

вопрос о непредвзятости полученных сведений, а чистое наблюдение подменяется контролем ^{6} .

Следующей серьезной попыткой картографического описания Лондона стало исследование английского общественного деятеля Чарльза Бута (1840—1916) «Жизнь и труд жителей Лондона» (Life and Labour of the People in London [10]), начатое в 1886 г. и к 1903 г. разросшееся до 17 томов. В своем труде, представляющем масштабную панораму социально-бытовых условий жизни в британской столице, Бут использовал данные переписи 1881 г., информацию, собранную лондонским школьным комитетом⁷, а также сведения, которые он почерпнул из личных бесед с представителями беднейших слоев населения. В отличие от Мэйхью, Бут не выделяет социальные типы, а предлагает таксономическую классификацию общественных классов. Так, по его классификации, из 900 тыс. жителей Ист-Энда 314 тыс. относились к «беднякам» [10, том 1, с. xxvii].

Самым важным достижением исследователя стало, без сомнения, составление цветных карт Лондона, наглядно демонстрирующих распределение жителей по доходам: специальными цветами отмечены общественные классы, превалирующие в том или ином районе (с точностью до улицы!). Карты Бута, безусловно, делают городское пространство легко «читаемым»: изучающий их человек получает четкое представление о социально-экономической стратификации Лондона. Однако, как и в описаниях Мэйхью, город предстает на них схематичным, статичным и закрытым к изменениям в диахронической перспективе.

Карты Чарльза Бута анализируются в книге современного итальянского литературоведа Франко Моретти «Атлас европейского романа с 1800 по 1900 гг.», вышедшей в 1997 г. Эти карты помогают исследователю проследить социальную подоплеку английского романа XIX в. и сделать вывод о том, что функционирование и развитие литературных форм во многом обусловливается тем пространством, на котором они существуют. Объясняя свой метод, Моретти пишет следующее: «Что может исследователь литературы найти на картах местности? Собственно, две вещи. Во-первых, из них становится очевидным, что литературные формы являются по своей природе топологически ограниченными9: у каждой есть собственный пространственный рисунок, свои границы, излюбленные маршруты и запретные зоны. Во-вторых, карты раскрывают внутреннюю логику повествования - ту семиотическую область, вокруг которой строится сюжет» [12, 5].

Из карт Моретти, действительно, можно узнать многое, но достоверность его «картографического» метода в литературоведении ставится

под сомнение по следующим соображениям. Составители карт вроде Ч. Бута претендовали на абсолютную научную объективность, однако способы отбора данных для карт и то, как эти данные на них отображались, было неотделимо от колониальной модели мира с ее социальными, экономическими и идеологическими установками. Карты, таким образом, всегда «ангажированы» и не могут рассматриваться литературоведами в качестве единственно объективного инструмента; они также не вполне адекватно описывают городское пространство.

С учетом этих оговорок все же будет любопытно посмотреть, как карты Бута используются в книге Моретти. По утверждению исследователя, на них наглядно отражено то, как литературные произведения вбирают в себя и критически переосмысляют пространство Лондона. Моретти также отмечает, что на картах представлена двоякая модель распределения жителей Лондона по их доходам. С одной стороны, на «глобальном» уровне богатство сосредоточено в Уэст-Энде, а бедность – в Ист-Энде, что не является открытием; с другой стороны, на уровне отдельных улиц, участки богатства и зажиточности, отмеченные золотым и красным цветами соответственно, непосредственно соседствуют с зонами крайней бедности, показанными черным цветом¹⁰. Очень часто их разделяют всего лишь пара сотен метров или несколько кварталов. Именно этим, заключает Моретти, объясняется столь популярный в романе XIX в. мотив смятения, страха и неопределенности, которые испытывал человек, впервые прибывший в Лондон.

Итак, в своем труде Франко Моретти демонстрирует, как благодаря описанным в литературе маршрутам городское пространство становится читаемым и как карты, в свою очередь, способствуют пониманию пространственного аппарата литературных произведений.

Остановимся более подробно на способах представления, воспроизведения городского пространства в форме текста. В своей работе «Практика повседневной жизни» (глава «Прогулки по городу») французский историк и социальный философ Мишель де Серто (1925–1986) противопоставляет представление о городе, полученное в результате обзора его панорамы сверху, с последнего этажа небоскреба, восприятию города миллионами его жителей, живущих повседневной жизнью внизу. Вид на город сверху подобен его карте: по мнению исследователя, это лишь обобщенное представление о городе, его схематизация, «которая позволяет прочесть город во всей его сложности и фиксирует его непостижимую изменчивость в виде понятного текста» [13]. «Город-панорама, — отмечает

де Серто, — это теоретический (т. е. визуальный) симулякр или изображение, возможное лишь при условии забвения и непонимания практики» [Ibid.], это образ, который скрывает истинную, проживаемую людьми природу городского пространства. «Жизнь горожан протекает внизу; <...> они пешеходы, исходившие город вдоль и поперек; они пишут городской текст, но сами прочитать его не в силах» [Ibid.]. По де Серто, практика повседневной жизни отсылает к такой форме спациализации, которая отличается от «геометрически организованного» пространства схем и карт, а именно к антропологическому, поэтическому и мифологическому переживанию пространства.

С этих позиций опыт переживания Лондона, пожалуй, ярче всего описан в романе современного английского писателя Майкла Муркока (род. в 1939 г.) «Лондон, любовь моя» (Mother London, 1988 [14]). Муркок однозначно предпочитает бездушной карте реальный городской пейзаж, а общему схематизирующему представлению о Лондоне – разрозненные впечатления его жителей, пешеходов. Автор отмечает в романе: «Жители города создают затейливую, сложную геометрию, географию, уходящую за сферу физики, в ее метафизическую изнанку. Здесь уместны музыкальные термины или абстрактные формулы: ничто иное не способно прояснить соотношения между дорогами, рельсами, водными и подземными путями, сточными трубами, тоннелями, мостами, виадуками, электрическими сетями, между любыми возможными видами пересечения. <...> они [лондонцы] все идут и идут, кто напевая, кто посвистывая, а кто тараторя, и каждый добавляет что-то свое в общую гармонию, вносит свой мотив в эту волшебную, спонтанно родившуюся музыку, которая наполняет реальный мир» [15, 14]. Из этих впечатлений, полученных в ходе перемещения людей по Лондону, складывается новый «алфавит» для описания пространства британской столицы. В итоге мы обнаруживаем в романе альтернативную, динамическую модель прочтения городского текста: модель, приоритет в которой отдается мифологическому, подсознательному, глубинному - всему тому, что, в терминах де Серто, лежит «ниже порога обозримости».

Однако отметим, что субъективные моменты здесь переплетаются с объективными, а психологическое — с материальным. Из свободных «хождений» и фрагментарных впечатлений людей вырисовывается некоторая упорядоченная структура маршрутов — предпочитаемых и нежелательных, путей больших надежд и отчаяния. Город предстает как когнитивная карта¹¹ коллективного сознания. Более того, эти маршруты таят в себе скрытую историю Лондона, и из них вы-

рисовывается его неофициальная культура — в отличие от того «спектакля», который навязывается идеологией и средствами массовой информации.

Метод прогулки, фланирования по городу и сбора воедино разрозненных ассоциаций индивидов характерен для психологической географии (психогеографии) — критической дисциплины, образованной на стыке психологии, социальной теории, искусствоведения, географии и картографии. Цель дисциплины — создать психогеографические карты города, которые будут отражать его сущность, переживаемую людьми, а также систематизировать и критически осмыслить ощущения и идеи, вызываемые конкретными урбанистическими пейзажами [16].

Используя в своем романе психогеографический метод, М. Муркок заставляет читателя посмотреть другими глазами на Лондон, который в книге предстает искусно сотканным из, казалось бы, разрозненных фрагментов действительности, топографических реалий и человеческих эмоций. На протяжении всего повествования в него то тут, то там вмешиваются голоса посторонних людей, не героев романа, которые говорят о чем-то своем и зачастую невнятно 12— they babble. Вкрапления постороннего текста могут, однако, представлять и поток сознания главных героев.

В лондонском тексте признак babble «непонятная речь», «болтовня» > «многоголосье», «полифония» близок к компоненту Babel. Таким образом, Лондон в романе являет собой вавилонское столпотворение, а автором делается попытка представить британскую столицу во всем ее необъятном многообразии.

Основная сюжетная линия строится вокруг жизни трех главных героев: писателя и городского антрополога Дэвида Маммери, эстрадного артиста и иллюзиониста Джозефа Кисса и Мэри Газали, женщины, которая 15 лет провела в летаргическом сне, после того как в 1940 г. в ее дом попала немецкая бомба. Все трое обладают телепатическими способностями¹³, наблюдаются у психиатра и много ходят по Лондону.

Вот один из постоянных маршрутов Маммери (так он ходит на занятия группы пациентов в психиатрическую клинику): Хай-стрит — Паддингтонский вокзал — Вестбурн-гроув — Ноттингхилл; затем на метро до «Хай-стрит-Кенсингтон», где он пересаживается на Уимблдонскую районную линию и едет в полупустом грохочущем вагоне до «Патни-бридж». «Оказавшись на Рэйнлаг-гарденз, между странными терракотовыми домишками, он на мгновение испытывает приступ клаустрофобии, но торопится дальше к деревьям, шпилям, к гаму, несущемуся с моста, на котором стоит в пробке поток пересекающих Темзу машин, и оказывается на остановке следующе-

го в южном направлении автобуса № 30. Он впрыгивает на площадку в тот момент, когда тот уже трогается с места. Его взору открываются река, гостиница «Звезда и подвязка», традиционные кирпичные дома на том берегу. В луче света серебрится вода. Чайки кружат над мостом» [15, 17].

Маммери еще любит наблюдать за движением лондонцев по улицам: «за этими допотоными жителями, которые поднимаются со станций метрополитена (из своих окопов и нор) и семенят по тротуарам к сотням автобусов, ожидающих их, чтобы развести в тысячу разных мест. Туман рассеялся. Теперь холодное солнце освещает это извержение душ» [15, 13].

Джозеф Кисс исходил весь Лондон: в разное время он «проживал между Вест-Эндом, Кенсингтоном и Челси, Сити, Ист-Эндом, западными пригородами, в основном Чизиком, Актоном и Хаммерсмитом, а также северными пригородами от Кэмдена до Финчли; южными: Баттерси, Брикстоном, Норвудом и так далее, и восточными, до самого Дагнема и Апминстера» [15, 58]. Сейчас у Кисса четыре маленькие квартиры в совершенно разных районах Лондона.

Пока Мэри Газали спала, ей снилось, что она ходит по улицам волшебным образом трансформированного Лондона в сопровождении известной английской актрисы Мерль Оберон. Там она встречается и с другими кинозвездами конца 30-х годов: Рональдом Коулменом, Оливией де Хэвилленд, Джун Хэвок и Грир Гарсон. Сознание часто рисует идеальные города, создавая воображаемые ландшафты. Бегство в невиданные грады и земли — одна из самых известных форм духовного эскапизма.

Первая глава романа открывается словами Дэвида Маммери, который пишет: «У каждого великого города есть свои особые мифы. Для лондонцев, с недавних пор, стала важна история нашей стойкости, история Блица¹⁴» [15, 11]. Муркок по-новому трактует этот страшный период и легендарную стойкость жителей Ист-Энда, на который упала большая часть бомб: для него это важнейшая часть современной истории Лондона, вокруг которой формируется настоящее. Блиц служит и отправной точкой повествования. Маммери, например, уверен, что, когда он был ребенком, его чуть не убила немецкая ракета Фау-2, которая упала рядом, но чудом не взорвалась.

Метафору Лондона, возродившегося из пламени, находим в судьбе Мэри Газали. В 1940 г., когда в их с мужем дом попала бомба, тот погиб мгновенно, а она не пострадала и невредимой прошла сквозь стену огня с маленькой дочерью на руках. После этого она потеряла память, а затем на 15 лет заснула летаргическим сном.

«Лондон, любовь моя» характеризуется концентрической структурой повествования. Оно начинается в Лондоне 1980-х гг., затем движется назад во времени к 1940-м гг., к периоду Блица, и оттуда – назад в 80-е. Главы первой части романа носят названия «Пациенты», «Дэвид Маммери», «Мэри Газали», «Джозеф Кисс»; главы заключительной шестой части — «Джозеф Кисс», «Миссис Газали», «Дэвид Маммери» и «Торжествующие». Каждая из промежуточных четырех частей включает в себя шесть глав. Вторая и пятая части являются зеркальным отображением друг друга и содержат главы, которые носят названия лондонских пабов15. Действие второй части начинается в 1957 г. и заканчивается в 1985 г.; действие пятой начинается в 1985 г. и постепенно движется назад в 1959 г. Как бы объясняя такой подход, Муркок пишет в романе: «Похоже, все мы движемся сквозь время на разной скорости, и нас может потревожить лишь столкновение чьего-то хронологического восприятия с нашим собственным. Варианты выбора тонки и сложны, но все же возможны, тем более в таком городе, как Лондон. <...> В Лондоне прошлое и будущее сливаются в настоящее, и это одна из его самых привлекательных черт. <...> Я считаю, что Время похоже на драгоценный камень с бесконечным числом граней, которые не разложишь по полочкам» [15, 590].

Последняя глава третьей части «Поздние цветы 1940» и первая глава четвертой части «Ранние разъезды 1940» являются центральными в романе и единственными с последовательным развитием действия. В них Джозеф Кисс, нарядившийся волонтером сил ПВО и наполовину обезумевший от воздушного налета и лондонских голосов, которые не дают ему покоя 6 обезвреживает неразорвавшуюся бомбу, упавшую в северном Кенсингтоне в сад коттеджа, который принадлежит сестрам Бет и Хлое Скараманга.

Непосредственно перед падением бомбы Бет и Хлоя чувствуют, что время остановилось: «...весь мир затих в ту же секунду. Ни звука не доносилось ни со стороны газохранилищ, ни с канала. Не было слышно машин с Ладброук-Гроув, поездов с железной дороги, проходившей по ту сторону газгольдеров. Стих и легкий ветерок, шелестевший листвой тисов. <...> В самом центре цветка, словно в ожидании, застыла пчела. Казалось, будто само Время остановилось и все застыло, кроме нее, Хлои. Чтобы проверить это, она пошевелила пальцами. Она подумала, что, если захочет, может встать, но тут со стороны канала раздался всплеск. Это означало, что на канал остановка Времени не распространяется. Или Время двигалось вспять?» [15, 271]

Так же как и читатель, Хлоя не может понять, линейно ли время или фрагментарно, остановилось ли оно или продолжает течь, но уже в разных направлениях. Таким образом, в романе Муркока можно обнаружить характерные черты магического реализма, такие как искаженное течение / коллапс времени (когда оно становится цикличным или кажется отсутствующим, когда настоящее повторяет прошлое или настойчиво отсылает к нему), а также перекрывание и взаимное наложение пространств. Лондон становится полуфантастическим, гибридным пространством, который вбирает в себя все эпохи. Действительно, как отмечал философ урбанизма, Иван Владимирович Щеглов (1933–1998), предложивший термин «психогеография», «[в городе] мы движемся в закрытом ландшафте, достопримечательности которого постоянно тянут нас в прошлое» [17]. Соответственно, герои романа, творя свой собственный Лондон, не могут избавиться от настойчивой и, несомненно, мощной мифологии, которую бывшая столица Британской империи накладывает на их сознание. Джозефа Кисса, например, часто посещают видения из истории Лондона - о том, как крестьяне длинной вереницей направляются к Лондонскому мосту, чтобы накормить тех, кто толпится на другом берегу реки. Их процессия движется, накатываясь прямо на него. Кисс понимает, что вся страна постоянно находится в движении, а «Лондон – это как будто ось, вокруг которой вращается все остальное. Это упорядочивающая, цивилизующая прогрессивная сила, которая влияет в первую очередь на «домашние графства», затем на «дальние графства» и наконец на Империю, а через Империю и на мир в целом. Это город, обладающий большей властью, чем все города прошлого, и, может быть, большей властью, чем все будущие города» [15, 263]. В представлении героя, «Лондон — это последняя столица эпохи больших городов, но его золотой век подошел к концу, он уже определенно достиг своего зенита и обречен закатываться подобно Афинам или Риму» [15, 264]. Кисс, так же как и автор романа, уверен, что память о Лондоне будет долговечнее, чем его камни. Муркок здесь не идеализирует колониальное прошлое, а говорит о том, что Лондон это палимпсест различных эпох, а архитектура, ритуалы и многое другое, что остается от прошлого, обнаруживают себя как скрытые программы, которые позволяют нам непрерывно воспроизводить тексты истории. Город – это механизм, который постоянно порождает свое собственное прошлое так, что оно оказывается одновременно с настоящим и сопоставимо с ним.

Как известно, палимпсест — это древняя рукопись, написанная по счищенному, еще

более древнему письму. Дэвид Маммери, который «увлекается тем, что сочиняет летопись легендарного Лондона» [15, 11], пытается восстановить этот древний соскобленный слой. Он собирает городские легенды и мифы, а его квартира как Лондон в миниатюре: она «походит на музей, заполненный листами афиш с эфемерными новостями поздневикторианской эпохи, посудой с эдвардианскими виньетками, стопками журналов двадцатых годов, плакатами Фестиваля Британии, с массой вещей военного времени, с игрушечными королевскими гвардейцами, грузовичками и свинцовыми аэропланчиками, беспорядочно наползающими друг на друга разнородными слоями, в которых не в силах разобраться и сам владелец» [15, 12].

Маммери еще исследует маршруты подземного Лондона с его лабиринтом заброшенных тоннелей и древних рек, заключенных в коллекторы¹⁷. Он уверен, что под Лондоном «обитает забытое племя троглодитов, спустившееся под землю во время Большого пожара, пополнявшее свои ряды за счет воров, бродяг и беглых заключенных и получившее массу свежих рекрутов во время Блица, когда столь многие искали спасения в метро» [15, 414]. С долей иронии Муркок описывает, как Маммери пытается установить с ними контакт, оставляет подарки, но оказывается, что их забирают лазающие по тоннелям школьники.

«Лондон, любовь моя» — это попытка воссоздать «потерянный», «забытый», маргинальный 18 Лондон сквозь призму восприятия трех главных героев и на основе их перемещений в лондонском пространстве. Здесь неважно, соответствует ли их Лондон объективной «онтологической» реальности; скорее, важно, что он ей не соответствует и творится заново.

Это и попытка «артикулировать» лондонское пространство в текстовой форме, воссоздать многообразие городской жизни, «вскрыть» различные слои лондонского палимпсеста, избежав при этом характерного для традиционных карт обобщения. В традициях постмодернистского романа читателю предлагается принять участие в этом процессе, сформировать свой собственный ментальный ландшафт британской столицы на основе нехронологического, фрагментарного, ассоциативного повествования.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Defoe D. A Tour thro' the Whole Island of Great Britain / D. Defoe. 1724. http://www.gutenberg.org/browse/authors/d#a204
- 2. Quincey de, T. Confessions of an English Opium-Eater / T. de Quincey. 1822. http://www.gutenberg.org/etext/2040
- 3. Krout M.H. A Looker-On in London / M.H. Krout. 1899. http://www.victorianlondon.org

- 4. Machen A. The Hill of Dreams / A. Machen. 1907. http://www.gutenberg.org/files/13969/13969-8.txt
- 5. Ackroyd P. The Great Fire of London / P.Ackroyd. London: Abacus, 1984. 169 p.
- 6. Ackroyd P. Hawksmoor / P.Ackroyd. London : Hamish Hamilton, 1985. 218 p.
- 7. Mayhew H. London Labour and the London Poor / H. Mayhew // Ed. R. Douglas-Fairhurst. Oxford: Oxford University Press, 2010. 472 + Ii p.
- 8. Гревс И.М. К теории и практике «экскурсий» / И.М. Гревс. СПб. : Сенат. тип., 1910. 48 с.
- 9. Лихачев Д.С. Образ города и проблема исторической преемственности развития культур / Д.С. Лихачев // Раздумья о России. СПб.: Logos, 2001. С. 552-570.
- 10. Booth Ch. Life and Labour of the People in London (in 17 vol.) / Ch.Booth. London: Macmillan and Co. Ltd., 1903.
- 11. Акройд П. Лондон: биография / П. Акройд. М. : Изд-во О. Морозовой, 2005. 893 с.
- 12. Moretti F. Atlas of the European Novel (1800-1900) / F. Moretti. London : Verso, 1998. 206 + xiv p.
- 13. Серто де М. Практика повседневной жизни Часть III. Пространственные практики. Глава VII. Прогулки по городу / М. де Серто // «Прогнозис» № 1, 2010. М. : Журнальный клуб «Интелрос» ttp://www.intelros.ru/pdf/ Prognozis/1%2820%29 2010/7.pdf
- 14. Moorcock M. Mother London / М. Муркок. London : Secker & Warburg, 1988. 496 p.
- 15. Муркок М. Лондон, любовь моя / М. Муркок. СПб. : Домино; М. : Эксмо, 2006. 656 с.
- Бренер A. London Calling (памяти Джо Страммера)
   А. Бренер, Б. Шурц // Логос. № 3-4, 2002. С. 58-91.
- 17. Щеглов И.В. О новом урбанизме. Свод правил / И.В. Щеглов // Перевод с фр. Э. Богдановой. 1953 (1968) . http://npj.netangels.ru/belegorn/new_urbanism

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1. Лондон никогда не строился по единому градостроительному плану, всегда отличался крайней хаотичностью застройки, а все проекты по его реконструкции и упорядочению неизбежно проваливались. Соответственно, в английской литературной традиции Лондон очень часто концептуализуется как лабиринт, как хаотичное пространство: «It is the disaster of London <...> that it thus stretched out in buildings <...> and this has spread the face of it in a most straggling, confused manner, out of all shape» [1]; «the mighty labyrinths of London» [2]; «... the sight of its tangled streets is like surveying an interminable labyrinth, which is without beginning and without end» [3]; «... every step in London but leads deeper and deeper into the labyrinth» [4]; «... those long, tree-lined streets which transform London into a kind of maze» [5, c. 78]; «the apparent chaos of London streets and alleys» [6, c. 26].
  - 2. The rookery of St. Giles досл. «грачовник».
- 3. Ramble досл. длительная прогулка, пешее путешествие.
- 4. Имеется в виду лондонский округ Borough of Tower Hamlets.
  - 5. Вспомним экскурсионный метод русского историка

- и краеведа Ивана Михайловича Гревса (1860—1941) в изучении Петербурга, впоследствии развитый Николаем Павловичем Анциферовым (1889-1958). Экскурсии ценились Гревсом и как неотъемлемая составляющая общего образования, и как «необходимый вид исторического семинария», поскольку ими открывается возможность «идти навстречу подлинным следам мировой культуры» [8, с. 24]. В работах Анциферова образ Петербурга сливается из образов отдельных районов, улиц, домов, садов и парков. Исследователь составлял очерки-экскурсии по определенным маршрутам, и читатели могли пользоваться этими очерками как путеводителями. Как вспоминает Д.С. Лихачев, Анциферов пропагандировал пешие прогулки и всегда представлял своих читателей гуляющими по описываемым им местам. Он выбирал обзорные точки и изучал открывающиеся перспективы с позиций прошлого и настоящего, будучи уверенным, что эти временные планы неразрывны [9, с. 560].
- 6. Традиционная картография, таким образом, отражает точку зрения власти и может рассматриваться как один из механизмов угнетения масс.
- London School Board. Основной задачей комитета было дать бесплатное начальное образование детям из беднейших лондонских семей.
- 8. По словам английского журналиста и писателя Уильяма Бланшара Джерролда (1826—1884), автора книги «Паломничество в Лондон» (London: A Pilgrimage, 1872), «стариков, сирот, хромых и слепцов в Лондоне довольно, чтобы населить город обычных размеров» [цит. по: 11, с. 649]. Город, целиком составленный из убогих и страждущих идея поистине диковинная. Но именно таковым, в немалой своей части, был Лондон. Число детей и бродяг, безучастно сидящих на улицах, было несметным [Ibid.].
- 9. Здесь Моретти использует немецкое слово ortgebunden.
- 10. В 1890-е годы Ч. Бут писал: «Если есть тьма африканская, то есть, похоже, и тьма английская... Не отыщется ли параллель у самых наших дверей, не увидим ли мы в двух шагах от наших соборов и дворцов ужасы, подобные тем, что исследователи Африки обнаружили в необозримых экваториальных лесах?» [цит. по: 11, с. 660]
- 11. Когнитивная карта это субъективное представление о пространственной организации окружающей среды, ее ментальная репрезентация.
  - 12. В тексте романа эти включения выделены курсивом.
- Эти способности ослабевают по мере удаления от Лондона!
- 14. Период массированных бомбардировок английских городов военно-воздушными силами фашистской Германии с 7 сентября 1940 г. по 21 мая 1941 г. Для англичан это стало настоящей трагедией. Примечательно, что 28 марта 1941, измученная борьбой с приступами безумия и потрясенная разрушением Лондона этого «сокровенного сокровища», покончила с собой Вирджиния Вулф.
- 15. В общей сложности, названия лондонских пабов носят 12 глав романа (например, «Королева Боудика», «Веселый монарх», «Голова старого брана»). Это показательно в том смысле, что, с одной стороны, паб как public house

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ БРИТАНСКОЙ СТОЛИЦЫ

- это средоточие общественной жизни, а с другой, на него отчасти не распространяется упорядочивающее воздействие официальной культуры.
- 16. Далее в романе мы узнаем, что способность «слышать голоса» и читать мысли помогала Джозефу Киссу находить людей под завалами разрушенных домов во время войны.
- 17. Вполне в рамках представления о городе как о палимпсесте М. Муркок замечает, что намеки на существование Лондона под Лондоном разбросаны по самым разным текстам со времен Чосера.
- 18. Эта линия представлена в романе, в частности, похождениями Джона Фокса и его сестры Рини. Джон мелкий антрепренер, рэкетир и контрабандист, а Рини его пособница. Еще они интересуются недвижимостью и хотят заполучить «Прибрежный коттедж» сестер Скараманга, потому что это выгодное место для застройки. Джон и Рини хотят напугать сестер и незаконно снести коттедж до того, как через суд ему будет присвоен статус «охраняется государством». Зная, что это решение вот-вот будет вынесено, и стремясь выиграть время, Джозеф Кисс вызывается провести Джона

и Рини через подземные тоннели к коттеджу и оставляет их блуждать в темноте в лондонских катакомбах. Выберутся они только через два дня, а между тем сестры Скараманга получают решение суда и справедливость торжествует. Вообще, Муркок признает, что существование маргинальных, деклассированных и преступных элементов — это неотъемлемая характеристика лондонской жизни, но относится он к ним с долей презрения и не может избавиться от «классовости» восприятия. Так. в уста Кисса он даже вкладывает инвективу против людей из пригородов, которые переезжают в центр и постепенно вытесняют коренных Лондонцев: «Вечно на все жалуясь, эти малограмотные тунеядцы заполоняют Фулем и Финчли своими сопливыми, дурно воспитанными детьми <...>. Их следовало бы держать в резервациях, не пуская дальше Южного Кента и Челси и не разрешая им перемещаться в Клапем и Баттерси. А они еще стонут, мол, старожилы вмешиваются в их дела! <...> Они тут чужие. И пытаются превратить Лондон в какой-нибудь провинциальный Доркинг. Надо установить шлагбаумы и проверять каждого, кто сюда въезжает. <...> Распространение пригородного духа. Отвратительно!» [15, с. 454-455]

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики — Нижний Новгород Соснин А.В., к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков НИУ ВШЭ — Нижний Новгород; докторант кафедры английской филологии НГЛУ им. Н.А. Добролюбова

E-mail: alexsosnin@mail.ru

National Research University Higher School of Economics – Nizhny Novgorod

Sosnin, A.V., PhD, associate professor, Dept. of Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod; post-doctoral research fellow, Dept. of English Philology, Nizhny Novgorod Linguistics University УДК 81

АНАЛИЗ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ РУССКОЙ КЛАССИЧЕКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ГЕРОЕВ ПЬЕСЫ А.Н. ОСТРОВСКОГО «ВОЛКИ И ОВЦЫ» МУРЗАВЕЦКОЙ М.Д. И БЕРКУТОВА В.И.)

© 2013 Т.В. Степаненко

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Поступила в редакцию 16 сентября 2012 г.

Аннотация: В статье рассматриваются приемы речевого воздействия с использованием интегрированных методов изучения. Акцент делается на манипулятивной стратегии. Объектом изучения являются коммуникативные личности Мурзавецкой Меропы Давыдовны и Беркутова Василия Ивановича, пьеса А.Н. Островского «Волки и овцы». Исследуется соотношение вербального и невербального способов воздействия, а также рассматриваются наиболее характерные для данного персонажа приемы.

Ключевые слова: коммуникативная личность, речевое воздействие, способы воздействия, приемы воздействия

Abstract: The article deals with the impact of verbal techniques using integrated methods of study. The emphasis is on manipulative strategies. The object of study is the communicative personality of Murzavetskaya and a Berkutov in A. Ostrovsky's "Wolves and Sheep". We investigate the relationship between verbal and nonverbal ways of verbal influence, and the most specific techniques of the characters.

Key-words: communicative personality, verbal influence, methods of influence, ways of influence

Коммуникативная личность понимается как одно из проявлений личности, обусловленное степенью ее коммуникативных потребностей, когнитивным диапазоном, сформировавшимся в процессе познавательного опыта, и собственно коммуникативной компетенцией — умением выбора коммуникативного кода, обеспечивающего адекватное восприятие и целенаправленную передачу информации в конкретной ситуации [1, 7-8].

При анализе коммуникативной личности с точки зрения психолингвистики большое значение имеет понятие *речевое воздействие*. Под речевым воздействием понимается воздействие человека на другого человека или группу лиц при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели [4, 12-13].

В нашей статье мы проанализируем коммуникативную личность с точки зрения используемых приемов речевого воздействия и выявим способы применение стратегии манипулирования.

Объектом нашего исследования в данной статье станут коммуникативные личности Мурзавецкой Меропы Давыдовны и Беркутова Василия Ивановича. Предмет исследования — приемы речевого воздействия героев (верабльное и невербальное)

© Т.В. Степаненко, 2013

Первым персонажем, чье речевое поведение мы рассмотрим, является Меропа Давыдовна.

Вербальное речевое воздействие

K нему относятся следующие приемы, выявленные в рассматриваемом материале:

ВОЗВЫШЕНИЕ СЕБЯ НАД СОБЕСЕД-НИКОМ

Это выражается:

в приказах

Что ты расселся? Не видишь? (Поднимая костыль) Встань!

(Чугунову) Садись!

(Чугунову) Вот теперь садись, когда приказывают (стучит палкой). Садись!

Смотреть за Аполлоном Викторовичем, чтоб ни шагу из дому! Вели людям сидеть в передней безвыходно! Тебе я приказываю, с тебя спрошу! Убери все платье! В халате не уйдет.

в прямом указании на собственное превосходство

Так у вас свои законы, у меня свои

в угрозах

(Чугунову) Знаешь, что могу тебя и с места теплого турнуть и из городу выгнать, — проказ-то немало за тобой

ПРИНИЖЕНИЕ СОБЕСЕДНИКА

в апелляции к стыду собеседника

(Чугунову) У тебя совести нет. (Стучит костылем.) У тебя совести нет.

(Купавиной) Уж, ау! Матушка! Продала себя. А это не хорошо, грех.

(Купавиной) У вас тут хромовый праздник неподалеку; а ты, чай, и не знаешь?

(Беркутову) Денег, что ль больших ищешь? Так стыдно тебе. А ты душу ищи!

ДЕМОНСТРАЦИЯ ЛЮБВИ К СОБЕСЕД-НИКУ

(Купавиной) Ты меня слушай, благо мне забота об тебе припала. Не обо всякой я тоже хлопотать буду, а кого полюблю.

Добрая у тебя душа, Евлампеюшка! Дай тебе бог счастья (шепотом), мужа хорошего! Ведь вот как я тебя люблю, словно ты мне дочь.

Я ведь любя.

Нет, ты виновата, виновата, у меня сердце болит глядеть на тебя.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРЕТЬИХ ЛИЦ С ЦЕ-ЛЬЮ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НЕОБХОДИМОГО ЧЕЛОВЕКА

(Анфусе) Очерни его (Лыняева) перед ней, а Аполлона хвали!

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ШАНТАЖ

А ты его принимай хорошенько! Вот я и узнаю твое расположение ко мне: коли ласково его принимать будешь, значит меня любишь; коли ты его обидишь, значит, меня хотела обидеть.

НАВЕШИВАНИЕ ЯРЛЫКОВ

Телепень (про Анфусу)

Здравствуйте, богатая барыня (про Купавину)

Распетушье какое-то (про Лыняева)

Крыса (про Чугунова)

РЕЗКИЙ ПЕРЕХОД К ДЕЛУ

Мурзавецкая (Купавиной): Как поживаете? Купавина: Скучаю, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая: Замуж хочется?

Невербальное речевое воздействие

Указание на невербальное речевое воздействие в основном ограничивается ремаркой автора «стуча палкой».

Далее разберем речевое поведение Василия Ивановича Беркутова.

Вербальное речевое воздействие

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭТИКЕТНЫХ ФОР-МУЛ

Как ваше здоровье, почтенная Анфуса Тихоновна?

(целуя руку Купавиной) Честь имею представиться! изволите помнить?

Очень приятно вас видеть. Как поживаете, Вукол Наумыч? Я вас от дела не отвлекаю?

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЛИМЕНТА ДЛЯ НАЧАЛА РАЗГОВОРА

(Мурзавецкой) Еще в Петербурге поставил для себя долгом по приезде явиться сюда, нимало не откладывая, явиться к вам засвидетельствовать свое почтение. От кого же еще я могу получить

более верные сведения и более справедливые отзывы, как не от вас.

(Купавиной) Моя торопливость простительна, я так давно не видал вас.

ВОЗВЫШЕНИЕ СОБЕСЕДНИКА

Это выражается:

в указании на безусловный авторитет собеседника

Меропа Давыдовна, если бы я служил, я бы без вашего совета ничего не сделал.

И своим-то умом бог не обидел, да с вашими советами... да тогда вся губерния была бы у нас с вами в руках.

Беседа с Вами так назидательна

ДЕМОНСТРАЦИЯ СОБСТВЕННОГО ПРЕ-ВОСХОДСТВА

Это выражается:

в принижении образа жизни собеседников

Провинциалы любят уголовщину, уж это известно. Вам скучно без скандалов, подкапываетесь друг под друга; больше вам делать-то нечего.

Вы, провинциалы, мало читаете.

ОСТРОЖНОСТЬ В ОЦЕНКЕ ОКРУЖАЮ-ШИХ

(Лыняеву) В вашем обществе Меропа Давыдовна должна стоять выше подозрений.

Лыняев: По-твоему, и Чугунов хороший человек?

Беркутов: А что же Чугунов? Подьячий как подьячий, — разумеется, пальца в рот не клади.

УГАДЫВАНИЕ ТАЙНЫХ СТРАХОВ СОБЕСЕДНИКА И ИХ ВЕРБАЛИЗАЦИЯ

Вы теперь женщина богатая и свободная, ухаживать за вами не совсем честно; да и вы на каждого вздыхателя должны смотреть, как на врага, который хочет у вас отнять и то, и другое, то есть богатство и свободу.

ДЕМОНСТРАЦИЯ РАВНОДУШИЯ И ОТ-СТРАНЕННОСТИ

Поберегите кокетство для других обожателей: у вас будет много. Побеседуем, как деловые люди! Я приехал продать усадьбу.

Беспощадное время уносит все!

СОЗДАНИЕ ОЩУЩЕНИЯ БЕДСТВЕН-НОСТИ ПОЛОЖЕНИЯ

Купавина: Какое же мое положение?

Беркутов: Незавидное. Вы очень богатая женщина, но эти тридцать тысяч могут расстроить ваше состояние, что вам его никогда не поправить.

НЕНАВЯЗЧИВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ВЫ-ХОДА ИЗ СИТУАЦИИ

Если хотите, я Вам помогу. ...Поговорю о вашим деле, может быть, оно и не так страшно, как кажется издали. Вы мне доверяете?

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЗАВЕДОМО НЕПРИЕМ-ЛЕМОГО РЕШЕНИЯ

Т.В. Степаненко

Беркутов: выходите поскорее замуж.

Куп: Замуж? за кого?

Беркутов: За Мурзавецкого. Куп: Вы меня оскорбляете.

Беркутов: И в помышлении не имел ничего, кроме доброго расположения к вам.

ЗАВУАЛИРОВАННАЯ УГРОЗА

Им терять нечего. А этакую даму почтенную видеть на скамье подсудимых! Вся губерния будет смотреть.

В последнее время много стало открываться растрат, фальшивых векселей и других бумаг.

Сравнивая коммуникативные личности Мурзавецкой и Беркутова, мы можем отметить, что для них мало характерно использование невербального общения. По количеству используемых приемов более интересным является речевое поведение Беркутова. У него мы отмечаем в данной статье 14 используемых приемов, у Мурзавецкой ровно в два раза меньше. Также, если у Беркутова приемы довольно разнообразны, то у Мурзавецкой можно отметить, что все они основаны на принижении собеседника и демонстрации собственного превосходства над ним. У Мурзавецкой, в отличие от Беркутова, практически отсутствуют этикетные формулы в речи.

Василий Иванович в разговоре часто использует комплимент как средство начала разговора, чем сразу располагает к себе собеседника. В конце пьесы мы видим, что коммуникативное поведение Беркутова является более эффективным, так как он достигает тех целей, которые себе поставил.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Гавра Д.П. Основы теории коммуникации / Д.П. Гавра. 1-е изд. СПБ.: Питер, 2011.
- 2. Конецкая В.П. Социология коммуникации / В.П. Конецкая. М.: МУБ и У. 1997. С. 164-200.
- 3. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века / Г.Г. Почепцов. М., 1999.
- 4. Стернин И.А. Речевое воздействие как интегральная наука / И.А. Стернин // Речевое воздействие. Сборник научных трудов. Воронеж; Москва, 2000. 82 с.

Степаненко Т.В., соискатель, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

E-mail: stv.vvk@mail.ru

Stepanenko T.V. Postgraduate student Yaroslavl State Pedagogical University. KD Ushinskogo E-mail: Stv.vvk@mail.ru УДК 82.03; 82:81'255.2

ПЕРВЫЙ ЭПИЗОД РОМАНА ДЖЕЙМСА ДЖОЙСА «УЛИСС» В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ 1930-Х ГГ.

© 2013 C.H. Cmenypa

Томский государственный университет

Томский политехнический университет

Поступила в редакцию 23 ноября 2012 г.

Аннотация: Впервые исследуется специфика перевода романа Джеймса Джойса «Улисс», осуществленного в 1930-х гг. коллективом Первого переводческого объединения под руководством И.А. Кашкина на материале первого эпизода. Перевод эпизода изучается в аспекте его соответствия сложному замыслу автора, разъясненному им в специальных схемах романа.

Ключевые слова: Дж. Джойс, роман «Улисс», перевод, И. А. Кашкин

Abstract: For the first time the specificity of the translation of the James Joyce novel «Ulysses» that had been implemented in 1930s by the team of the first translational association under the direction of I.A. Kashkin is being investigated. The material of the analysis is the first episode. Its translation is being studied in the aspect of its compliance with the complex design of the author which had been explained by him in special schemes of the novel.

Key words: James Joyce, «Ulysses», translation, I.A. Kashkin

Роман Джеймса Джойса «Улисс», опубликованный в Париже в 1922 г., состоит из восемнадцати эпизодов, каждый из которых восходит к определенному эпизоду «Одиссеи» Гомера. Работая над романом, Джойс составил две его схемы. Первая была сделана еще до окончания работы над романом, вторая – одновременно с окончанием романа. В своем письме от 21 сентября 1920 г. Джойс пишет следующее: «As to Mr. Dessy's suggestion I think that in view of the enormous bulk and the more than enormous complexity of my damned monster-novel it would be better to send him a sort of summary – key – skeleton – scheme (for home use only) ... <>. It is the epic of two races (Israel-Ireland) and at the same time <> a little story of a day (life)» — «Что касается предложения м-ра Дэззи, я думаю, что, ввиду большого объема и еще большей сложности моего проклятого романа-монстра, было бы неплохо отправить ему что-то вроде конспекта – ключа – наброска – схемы (только для личного пользования) ... <>. Это эпическая поэма о двух народах (Израиль-Ирландия) и, в то же самое время <> описание дня (жизни)» (перевод мой. — C. C.) [1, 271]. Это письмо Джойса было адресовано Карло Линати, другу и переводчику его пьесы «Изгнанники» на итальянский язык. Поэтому данную первую схему, составленную приблизительно в 1920 г., называют схемой Линати. Согласно А.Н. Фаргноли и М.П. Джиллеспи, вторая схема была вручена Джойсом Валери Ларбо в 1921 г. для подготовки публичной лекции о романе «Улисс». На протяжении 1920-х гг. данная схема распространялась среди самых близких друзей Джойса. Валери Ларбо, вместе с Огюстом Морелем и Стюартом Гилбертом, принял активное участие во французском переводе «Улисса», опубликованном в 1929 г. [2]. А.Н. Фаргноли и М.П. Джиллеспи также указывают на то, что участие Стюарта Гилберта в переводе «Улисса» подтолкнуло его к написанию специального исследования романа, которое создавалось под руководством самого Джойса. В 1930 г. Стюарт Гилберт опубликовал книгу «James Joyce's Ulysses», в которой предлагался анализ каждого эпизода романа, и в ней была подчеркнута важность использования поэмы Гомера в качестве структурного каркаса романа «Улисс» [2]. Эдмунд Уилсон в своем труде «James Joyce» также утверждает, что значение персонажей и эпизодов в романе «Улисс» не могут быть поняты надлежащим образом без опоры на Гомера [3]. Седрик Уоттс во введении к изданию «Улисса» на английском языке подчеркивает, что Джойс созданными им схемами сознательно помогает прояснить смысл событий романа, указывая, что каждый его эпизод имеет не только четкое соотношение с Гомером, но определяется также и специальными смысловыми доминантами: это фиксированное место и время действия, вид науки или искусства, цвет, символ и пр. [4].

© С.Н. Степура, 2013

В 1935—1936 гг. в журнале «Интернациональная литература» (Москва) были опубликованы первые десять эпизодов «Улисса». Их перевод был осуществлен Первым переводческим объединением И.А. Кашкина, куда входили такие известные мастера слова, как И. Романович, Л. Кислова, А. Елонская, В. Топер, Н. Волжина, Е. Калашникова, Н. Дарузес, О. Холмская. (В 1937 г. работа над переводом романа была остановлена.) Перевод «Улисса», выполненный «кашкинцами», представляет особый научный интерес, поскольку это была первая попытка целостного перевода романа на русский язык, осуществленная непосредственно в эпоху его создания, в эпоху Джеймса Джойса, т. е. в эпоху, известную таким направлением в искусстве и литературе, как модернизм. Эстетической установкой модернизма был разрыв с предшествующим историческим опытом, а целью его было утверждение новых начал в искусстве, которые выражались, в том числе, в структурных и лингвистических экспериментах. Таким образом, перед первыми переводчиками «Улисса» стояла трудная задача — работа со сверхсложным произведением модернизма.

В переводческой деятельности 1930—1940-х гг. наблюдались два противоположных подхода: буквальный и творческий. Для буквального подхода было важно соблюдение всех элементов формы оригинала, для творческого — воссоздание образа оригинала [5]. Определить направление, в котором «кашкинцы» работали над переводом, представляется предельно важным, в том числе для воссоздания целостной картины развития перевода и переводоведения в России в XX веке. Но, несмотря на это, перевод романа «Улисс» до сих пор не был предметом специального изучения.

Очевидна особая значимость первого эпизода как начала «Улисса»: в нем представлены те основные мотивы и образы, которые будут развиваться далее на всем протяжении романа. Цель данной работы — анализ перевода первого эпизода романа «Улисс», выполненного И.К. Романовичем, в аспекте его соответствия замыслу Джойса, разъясненному в схемах романа.

Ввиду опоры Джойса на «Одиссею» Гомера, каждый эпизод «Улисса» имеет неформальное название. Название первого эпизода — «Телемах». Одновременно данный эпизод является первой главой т. н. «Телемахиды», состоящей из трех глав и посвященной Телемаху, т. е. Стивену Дедалусу.

Параллели между Стивеном Дедалусом и сыном Одиссея Телемахом приводят к тому, что основным символом эпизода становится «наследник». В свою очередь, ложный друг Стивена Бак Маллиган соотнесен с Антиноем. Так с самого начала в романе формируются мотивы, которые

будут развиваться на протяжении всего «Улисса», и наиболее важные из них — это тема потерянного отца и образ ключа (кто станет хозяином Башни).

Наука в первом эпизоде представлена теологией. Теология пронизывает всю главу: это и неуверенность Стивена относительно своего отношения к церкви и Богу, и богохульство Маллигана, и др.

Все события романа происходят 16 июня 1904 года; первый эпизод начинается в 8 часов утра. Место действия — Башня Мартелло в пригороде Дублина — Сэндикове. Стивен Дедалус только что проснулся. Он живет в Башне, которую снимает вместе со студентом-медиком Баком Маллиганом и англичанином Гэйнсом, который приехал в Ирландию изучать фольклор.

Душевное состояние Стивена, около года назад потерявшего мать, определяется бессознательными поисками духовного отца (его биологический отец жив). Но Стивен пассивен, не проявляет активности, и это подчеркивается тем, что именно Бак Маллиган начинает действие романа, уговаривая Стивена принять «прагматичную, менее открытую программу интеллектуального бунта» [2, 165-166].

Тем не менее, Стивен намеревается покинуть Башню и именно это, по мысли Джойса, позволяет соотнести его с Телемахом. Телемах у Гомера решает оставить Итаку, чтобы найти своего давно пропавшего отца Одиссея, в надежде, что вместе они смогут выгнать женихов, преследующих его мать Пенелопу и разрушающих их королевство.

У Джойса Стивен Дедалус – Телемах чувствует, что его выживают из Башни Гэйнс и Маллиган; в конце главы он называет Маллигана «узурпатором» [6, 296]. Антиной — один из женихов Пенелопы, самый знатный и самый наглый из них. Джойс использует соответствия Маллиган — Антиной и Стивен — Телемах для создания ситуации, в которой дружеские отношения между Стивеном и Маллиганом невозможны. С самого начала романа Маллиган ведет себя со Стивеном грубо, высмеивает его греческое имя и постоянно напоминает ему об его отказе от молитвы у постели умирающей матери. Так Маллиган увеличивает то чувство вины, которое будет мучить Стивена на протяжении всего романа: «You could have knelt down, damn it, Kinch, when your dying mother asked you, Buck Mulligan said. I'm hyperborean as much as you. But to think of your mother begging you with her last breath to kneel down and pray for her. And you refused. There is something sinister in you...» [7, 5].

Дословно: Ты мог бы стать на колени, черт побери, Кинч, когда твоя умирающая мать просила тебя, Бак Маллиган сказал. Я гипербореец/северянин/сверхчеловек, как и ты. Но думать

о твоей матери, просящей тебя на последнем вздохе опуститься на колени и помолиться за нее. И ты отказался. В тебе есть что-то зловещее...

Перевод И.К. Романовича: «Черт возьми, Кинч, неужели ты не мог стать на колени, когда умирающая мать просила тебя? — сказал Бак Маллиган. — Я такой же гипербореец, как и ты. Но когда подумаешь о матери, и о последней просьбе ее встать на колени и помолиться за нее... А ты отказался. Есть в тебе что-то недоброе, Кинч» [6, 279].

Слово «hyperborean» означает «северный», «северянин». Так Бак Маллиган называет себя и Стивена, пытаясь показать их сходство между собой и, тем самым, скрыть свое истинное отношение к Стивену. Однако, маловероятно, что в данном контексте имеется в виду именно значение «северный». В своих комментариях С.С. Хоружий пишет следующее: «В первоначальном смысле гиперборейцы – народ, обитавший, по греческим мифам, «за пределами Борея» (северного ветра) и, стало быть, в краю вечной весны и благоденствия. Однако Ницше в «Антихристианине» (1895), истолковав «гиперборейский» как «ультранордический», назвал гиперборейцем своего «сверхчеловека», поставившего себя выше традиционной христианской морали. Разумеется, у Маллигана — второй смысл» [8, 790]. Перевод слова «hyperborean» как «гипербореец» не доносит до читателя этого смысла.

Но в конце эпизода Маллиган вновь называет себя и Стивена одним словом на двух языках: это немецкое «Uebermensch» и английское «supermen», что означает «сверхчеловек»: «My twelfth rib is gone, he cried. I'm the Uebermensch. Toothless Kinch and I, the supermen» [7, 21].

Дословно: Моего двенадцатого ребра больше нет, он закричал. Я супермен. Беззубый Кинч и я супермены.

И.К. Романович: «Мое двенадцатое ребро исчезло. Я сверхчеловек. Мы с беззубым Кинчем — сверхчеловеки» [6, 296]. Отсутствие двенадцатого ребра указывает на Адама, первого человека на земле. Из этого ребра была сотворена Ева. Подобным сравнением Маллиган в очередной раз стремится доказать свою и Стивена уникальность.

Использование в переводе слова «сверхчеловек», а также перевод библейской аллюзии выполняют необходимую функцию — повторяют и подтверждают заявленную Маллиганом идею о том, что он и Стивен — гиперборейцы, т. е. сверхчеловеки. Таким образом, Романович доносит до читателя мысль о том, что Маллиган стремится доказать, что Стивен от него ничем не отличается.

На самом же деле, Маллиган и Стивен противопоставлены друг другу, и это противопоставление организует первый эпизод в целом:

Антиной против Телемаха, циник против идеалиста, ученый против художника.

Противопоставление Маллигана и Стивена реализуется с помощью многочисленных религиозных символов. В качестве примера можно указать на роль Маллигана как ложного священника.

Цитата из псалма, произнесенная им на латыни с верхней площадки лестницы: «Introibo ad altare Dei» («Войду в алтарь Господень») воспроизводит традиционную католическую мессу времени Джойса, в которой священник в самом начале службы поднимается на несколько ступенек вверх. Джойс здесь отводит Маллигану роль первосвященника, ставя тем самым Стивена в подчиненное положение. Эта аллюзия напоминает церемонию причастия, она же говорит и о том, что даже свободный студент медик, несмотря на свое богохульство, не может избавиться от влияния богословия: «Solemnly he came forward and mounted the round gunrest. He faced about and blessed gravely thrice the tower, the surrounding country and the awaking mountains» [7, 3].

Дословно: Важно он прошел вперед и поднялся на круглую площадку для оружия. Он обернулся и благословил серьезно трижды башню, окружающую местность/территорию и пробуждающиеся горы.

И.К. Романович: «Торжественно прошел он вперед и поднялся на круглую *площадку*. Повернувшись, он с серьезным видом трижды благословил башню, окрестный берег и пробуждающиеся горы» [6, 277].

По всей видимости, слово «gunrest» было образовано самим Джойсом путем соединения двух слов в одно: «gun rest» - опора, подставка, стойка или площадка для оружия на башне или деревянном судне. Авторское существительное «gunrest» свидетельствует о напряженной ситуации и о необходимости защиты уже на самой первой странице романа. Идея о необходимости защиты поддерживается также тем историческим фактом, что изображаемая здесь башня, артиллерийские башни Мартелло были построены по всему побережью Ирландии с целью защиты от возможного вторжения Наполеона, в частности ее площадка сравнивается с высоким местом в церкви, которое занимает священник. Его изображает Маллиган-Атиной, представляющий собой скрытую угрозу для Стивена.

В переводе дано только существительное «площадка», в русском языке нет слова, равнозначного «gunrest». Возможно, для переводчика информация о том, что площадка башни была предназначена для защиты и связана с оружием, не имела смысла. В этом случае, русский перевод упрощает предполагаемый смысл, заложенный в существительное «gunrest».

Также немаловажным является цвет этого эпизода, заявленный Джойсом в его схемах. Данному эпизоду, по мысли писателя, соответствуют цвета белый и золотой. Выбор такой цветовой гаммы неслучаен. Во время литургии, на которой совершается таинство евхаристии, священнослужители облачены в одежды с элементами белого и золотого. Эти цвета использованы при описании внешности Маллигана: «his even white teeth glistening here and there with gold points» [7, 3].

Дословно: Его ровные белые зубы блестели тут и там золотыми точками.

И.К. Романович: «Золотые коронки поблескивали на его ровных белых зубах» [6, 277]. В оригинале отсутствует прямое упоминание о коронках Маллигана, в переводе же появляется слово «коронки», что является свободной интерпретацией оригинального текста. Но цвета, сопутствующие эпизоду, белый и золотой, сохранены.

Религиозным символом предстает также чаша для бритья Маллигана, которая соответствует, в данном случае, чаше для причастия. Когда Маллиган закончил бриться и пошел готовить завтрак, Стивен на некоторое время остается один, наедине с самим собой. При этом он обращает внимание на оставленную чашку для бритья и сравнивает ее с «корабликом» для ладана. Относя чашу для бритья вниз, Стивен исполняет роль прислужника в процедуре причастия: «The nickel shavingbowl shone, forgotten, on the parapet. Why should I bring it down? Or leave it there all day, forgotten friendship? <>. So I carried the **boat of incense** then at Clongowes. I am another now and yet the same. A servant too. A server of a servant» [7, 11].

Дословно: Никелированная чаша для бритья блестела, забытая, на парапете. Почему я должен нести ее вниз? Или оставить ее здесь на весь день, забытую дружбу? <>. Так я носил корытце с ладаном/кораблик тогда в Клонгаусе. Я другой теперь и все тот же. Слуга тоже. Прислужник слуги.

И.К. Романович: «Никелированная чашка для бритья блестит, забытая на парапете. Почему я должен нести ее вниз? Может быть, оставить ее здесь, забытую дружбу? <>. Так носил я **кадило** в Клонгаусе. Теперь я другой, но я все тот же. И тоже служка. Прислужник служки» [6, 285].

Рассмотрим словосочетание «boat of incense», где существительное «boat» имеет значения «корытце», «лодка», «желобок», а существительное «incense» — «ладан», «фимиам». И.К. Романович использует слово «кадило», которое является для перевода этого словосочетания нейтральным (и соответствует, скорее, реалиям православной церкви), однако у Джойса все намного острее. Тот факт, что Стивен осознанно относит «кораблик» — «boat of incense» — вниз, говорит о том, что он по-прежнему ощущает

себя служкой и никакие другие действия пока выполнять не способен.

Стивен не верит в традиционный католицизм, но он не способен выносить богохульство Маллигана: «What have you against me now? <>. What did I said? I forget. — You said, Stephen answered, *O, it's only Dedalus whose mother is beastly dead*» [7, 7-8].

Дословно: Что ты имеешь против меня сейчас? <>. Что я сказал? Я забыл. — Ты сказал, Стивен ответил, О, это только Дедалус, чья мать зверски (отвратительно, безобразно) мертва.

И.К. Романович: «За что ты на меня злишься? <>. Ну и что же я сказал? Не помню. — Ты сказал, — ответил Стефен: — «О, это всего только Дедалус, у которого **подохла мать»** [6, 282-283].

В вопросе Маллигана «What have you against me now?», который буквально можно перевести следующим образом: «Что ты имеешь против меня сейчас?» И. Романович использует глагол, отсутствующий в оригинале — «злиться»: «За что ты на меня злишься?». Причин сердиться на Маллигана много, так как он старается задеть Стивена всеми доступными ему средствами. Согласно Д.В. Дмитриеву, глагол «злиться» обычно употребляется, когда говорящий сердит, недоволен чем-либо или кем-либо или испытывает неприятные эмоции по отношению к чему-либо или кому-либо [9]. Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова следующим образом дополняет значение глагола «злиться»: испытывать злость и раздражение с примесью злобы [10]. Т.Ф. Ефремова так определяет значение слова «злоба»: это чувство гневного раздражения, враждебности по отношению к кому-либо.

В словаре синонимов рядом со словом «злоба» стоят существительные «зло» и «желчь» [11]. С болезнью матери Стивена связан, в частности, часто используемый автором мотив желчи. Стивен сердит, прежде всего, на самого себя, он испытывает неприятные эмоции, вспоминая о том, что не помолился об умирающей матери, когда она просила его об этом. Поэтому суть вопроса Маллигана следующая: за что ты злишься на меня, ты сам виноват. Таким образом, И.К. Романович своим использованием глагола «злиться» не уходит от авторского смысла, более того, делает его шире в контексте всего эпизода и даже романа в целом.

Следующее предложение «O, it's only Dedalus whose mother is beastly dead» особенно сложно перевести. Трудность заключается в словосочетании «beastly dead», где «beastly» как прилагательное имеет такие значения как «зверский», «ужасный», «гадкий», «животный», «непристойный». Но, скорее всего, в данном случае это наречие со следующими значениями: «ужасно», «отвратительно», «безобразно». Прилагательное «dead» переводится

как «мертвый», «дохлый», «неподвижный» и т. д. Словосочетание «зверски/безобразно мертвый» не является нормой для русского языка. Поэтому переводчик использует другой ход: заменяет прилагательное «мертвый» глаголом «подохла». С помощью нейтрального глагола «умирать» нельзя передать то, что говорит Маллиган о матери Стивена. Романович использует слово с ярко выраженной экспрессивной окраской: «О, это всего только Дедалус, у которого подохла мать».

Но «зверски мертва» может означать и «мертва как зверь», т. е. смерть без молитвы, без надежды на вечность и на спасение. Эта фраза Маллигана могла сильно задеть Стивена именно потому, что он не молился о своей умирающей матери. Глагол «подохнуть» в русском языке употребляется в тех случаях, когда говорят о смерти или гибели животных или когда хотят подчеркнуть, что человек умер не по-человечески, но как животное. Так переводчик, изменив форму высказывания, сохранил вложенный в него смысл.

Итак, Стивен с трудом выносит дерзость и богохульство Маллигана, однако именно это во многом и привлекает его, так как за этими чертами характера Маллигана скрывается смелость, решимость и способность действовать, то, чего не хватает самому Стивену.

После завтрака Маллиган и Гэйнс идут купаться на берег, и Маллиган при этом высмеивает Стивена за то, что тот редко моется, в то время как сам Маллиган получает удовольствие от плавания в холодном море. Маллиган в очередной раз задевает Стивена, назвав его «нечистым бардом» [6].

«Is this the day for your monthly wash, Kinch?» [7, 15].

Дословно: Это день для твоего ежемесячного купания (раз в месяц), Кинч? Перевод И.К. Романовича: «Скажи, Кинч, прошел уже месяц с тех пор, как ты мылся?» [8, 289].

В вопросе Маллигана в переводе И.К. Романовича появляется глагол «скажи», которого нет у автора. Это обращение создает неофициальную атмосферу, подчеркивая тем самым, что Маллиган и Стивен близко знают друг друга, в то время как данный вопрос в оригинале носит более нейтральный характер. Неофициальный стиль общения в оригинале проявляется в обращении к Стивену не по имени, а по прозвищу «Кинч», которое придумал сам Маллиган. Это обращение у автора стоит в конце предложения, в переводе же оно занимает место в начале предложения после глагола «скажи». Также переводчик заменяет здесь глагол «is» глаголом в прошедшем времени — «прошел», в результате чего в переводе Маллиган более подчеркнуто удивляется тому факту, что прошел уже месяц, как Стивен не мылся. Маллиган полагает, что Стивен делает это не просто так, что для него это не частный вопрос купания, а в целом - это проявление его «открытой программы интеллектуального бунта». С одной стороны, в этом проявляется отказ Стивена от совместных действий с людьми, с которыми он уже планирует расстаться, т. е. отдать ключи от Башни. С другой стороны, это отказ Стивена от очищения и прощения: окунуться в воду, искупаться может означать очиститься духовно, стать другим, расстаться со злобой к себе и окружающим.

Кроме всего прочего, Маллиган насмешливо называет Стивена «poor dogsbody» [7, 6] – «Бедный песик» [6, 280]. Это словосочетание напоминает известное изречение Джойса о том, что «God», «Бог», — это «dog», «собака», наоборот [12]. «Dogsbody» означает «мальчик на побегушках», «принеси подай»; пренебрежительное – «ишак», «работяга». Отношение Стивена к самому себе как к «служителю слуги» — «server of a servant» — вводит в роман тему Ирландии, которая, в восприятии Джойса, являлась служанкой двух великих держав-тиранов, Англии и Италии (Рима). Это выражение также восходит к одному из титулов Папы – «Servus Servorum Dei», как «Раб Рабов Божьих» или «Прислужник Слуг Господа» [13], в чем также проявляется ирония. Фраза Маллигана «Ah, poor dogsbody» передает его намек на богословское образование Стивена и на его внутреннюю зависимость от церкви: он духовно все еще ее слуга, несмотря на попытки бунта. Перевод И.К. Романовича «Бедный песик» сохраняет прямое значение слова «dog» – «собака». Игра, связанная со словами «God» и «dog», незаметна для русского читателя, однако насмешка Маллигана и его пренебрежение точно передаются с помощью слова «песик», которое представляет собой уменьшительно ласкательную форму существительного «пес». С ним часто используются такие прилагательные как «сторожевой» или «цепной». Согласно толковому словарю С.И. Ожегова, словосочетания «сторожевой пес» или «верный пес» могут быть использованы как в прямом, так и в переносном смысле, очень часто с презрительным оттенком и со значением «прислужник» [14]. Таким образом, насмешливая фраза Маллигана в переводе И.К. Романовича «бедный песик» тождественна оригиналу – «poor dogsbody».

В течение всего последующего разговора Маллиган продолжает насмехаться над Стивеном: «Ah, poor dogsbody, he said in a kind voice. I must give you a shirt and a few noserags. How are the secondhand breeks?

They fit well enough, Stephen answered.

Buck Mulligan attacked the hollow beneath his underlip.

The mockery of it, he said contentedly, secondleg they should be. God only knows what poxy bowsy left them off » [7, 6].

Дословно: А, бедный работяга/мальчик на побегушках, он сказал добрым голосом. Я должен дать тебе рубашку и несколько носовых платков. Как подержанные штаны?

Они подходят достаточно хорошо, Стивен ответил.

Бак Маллиган атаковал ямочку под нижней губой.

Насмешка в том, он сказал довольно, второй ногой они должны быть. Бог только знает, какой никудышный (человек)/какой дурак оставил их.

- **И.К. Романович:** «Бедный песик, сказал он ласково, придется подарить тебе рубашку и несколько платков. А как ты чувствуешь себя в подержанных штанах?
  - *Прекрасно*, ответил Стефен.

Бак Маллиган перешел к ямочке под нижней губой.

- **Все несчастье в том**, - сказал он довольным тоном, - *что никогда не*

знаешь, кто носил их до тебя» [6, 280] (в настоящее время установилось такое прочтение английского имени «Stephen» как «Стивен», но в переводе 1930-х гг. это «Стефен»).

«Тhe mockery of it» И.К. Романович переводит как фразу «все несчастье в том», которая носит нейтральный, отчасти, даже дружеский характер и не передает заложенной здесь насмешки. Существительное «mockery», кроме значения «несчастье», имеет значения «насмешка», «издевательство», «глумление» и т. д. Но издевательская позиция Маллигана передается содержанием всего абзаца в целом.

Существует очевидная сложность перевода на русский язык некоторых фраз, например, шутки Маллигана о «secondhand breeks» и «secondleg». Слово «secondhand» означает вещь, которая переходит из рук в руки, буквально — вторая рука (второй хозяин). Романович нашел замену этому слову — «подержанные». Но шутку о «secondleg» — о «второй ноге» — воспроизвести невозможно, поскольку она восходит к слову «secondhand», не имеющему соответствующего варианта в русском языке, и его буквальный перевод переводчик упускает и поэтому вообще не переводит предложение «secondleg they should be» (второй ногой они должны быть).

Таким образом, можно утверждать, что все вышеперечисленные примеры действительно

Ст. преподаватель Томского политехнического университета. Аспирант филологического факультета Томского государственного университета

E-mail: Lana3670@rambler.ru

свидетельствуют о сложных отношениях между Баком Маллиганом и Стивеном Дедалусом как между Антиноем и Телемахом.

Анализ же этих примеров позволяет говорить о том, что И.К. Романович отдавал предпочтение творческому переводу, что было характерно для всей группы переводчиков И.А. Кашкина. Поэтому, с одной стороны, на русский язык не были переданы все детали и нюансы оригинального текста, но, с другой стороны, именно благодаря творческому подходу к процессу перевода И.К. Романовичу в целом удалось воспроизвести основную проблематику первого эпизода романа Джеймса Джойса «Улисс», восходящего к ІІ главе «Одиссеи» Гомера и определяющегося такими смысловыми доминантами, как теология и наследник.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Selected letters of James Joyce, ed. Richard Ellmann. London: Faber and Faber, 1975. – 440 pp.
- 2. Fargnoli A. Nicholas, Gillespie Michael Patrick. Critical companion to James Joyce: A literary reference to his life and work / A. Fargnoli. New York: Infobase Publishing, 2006. 450 pp.
- 3. Wilson Edmund. James Joyce // Literary opinion in America. Vol. I. New York, Evanston, 1962. P. 183-206.
- 4. Watts Cedric. Introduction // James Joyce. Ulysses, Wordsworth Editions Limited, 2010. P. V-XLIX.
- 5. Топер П.М. Перевод художественный // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, Т. 5. 1968 C. 656-665.
- 6. Джойс Джеймс. Избранное / Джеймс Джойс. М. : Радуга, 2000. 624 с.
- 7. James Joyce. Ulysses, Wordsworth Editions Limited $2010.-682~\mathrm{pp}.$
- 8. Хоружий С.С. Комментарий / С.С. Хоружий // Джеймс Джойс. Улисс. СПб. : Азбука-Классика, 2009. С. 779-984.
- 9. Злиться. Толковый словарь русского языка Дмитриева / URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/1538
- 10. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков М. : ЛадКом, 2011. 848 с.
  - 11. Злоба / URL: http://tolkslovar.ru/z5979.html
  - $12. \ \ James \ Joyce's \ Ulysses \ / \ URL: \ http://loki.stockton.edu$
- 13. Раб Рабов Божьих // Латинско-русский и руссколатинский словарь крылатых слов и выражений/URL: http:// dic.academic.ru/dic.nsf/latin_proverbs/5142
- 14. Пес // Толковый словарь Ожегова/ URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/159030

Tomsk Polytechnic University (readership)
Post-graduate of philological faculty of Tomsk State
University

E-mail: Lana3670@rambler.ru

УДК 882 - 311.4

Н. БЕРДЯЕВ И М. ГОРЬКИЙ: О «ДУХАХ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» И СУДЬБАХ КУЛЬТУРЫ

© 2013 А.Б. Удодов

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 2.3.2013

Аннотация: Рассмотрены ключевые аспекты полемики М. Горького с Н. Бердяевым о роли и значении культуры для процессов социального и духовного преобразования российского общества. Намечена динами-ка различий и сходства в их воззрениях на различных этапах общественно-исторического и личностного развития.

Ключевые слова: культура, революция, интеллигенция, политическая целесообразность, духовное самоусовершенствование, диалогическая парадигма.

Abstract: The main aspects of controversy between M. Gorky and N. Berdjaev over the roal and meaning of culture for the social and spiritual transformashions in Russian society are examined. The evolution of difference and similarity of their opinions in diverse phases of socio-historical and personal progress is outlinead.

Key-words: culture, revolution, intelligentsia, political suitability, spiritual self-help, dialogical paradigm.

Фигуры Н. Бердяева и М. Горького в процессах общественного восприятия ХХ столетия достаточно традиционно представали своего рода антиподами, персонифицирующими разные «полюсы» ценностных ориентиров и векторов развития российской общественной мысли. В немалой степени этому способствовали однозначность и категоричность определений и оценок, стремление к нахождению непременно «объективных» и конечных истин, - как на уровне обыденного сознания, так и в научно-критической рефлексии. В последние десятилетия, когда уже достаточно ясно видится непродуктивность былых социологизированных мифологем («революционный пролетарский писатель», «реакционный религиозный философ» и т. п.), сопоставление указанных фигур в поле российской культуры актуализирует диалогическую парадигму выявления здесь многосторонних связей (прямых и опосредованных) на уровне определенного динамического единства.

В качестве одного из частных аспектов такой общей задачи показательно рассмотрение моментов полемики М. Горького с Н. Бердяевым о роли и значении культуры для процессов социального и духовного преобразования российского общества. В первые годы XX столетия М. Горький, стремительно обретающий на литературном поприще общероссийскую известность и громкую славу, жадно вслушивается в «голоса» отечественной общественно-философской мысли; отмечает при этом, что, хотя «философия

не моя специальность», «это место все сильнее болит у меня» [6, 227]. Именно в этот период начинают публиковаться и первые программные работы Н. Бердяева. В частности, самая первая его книга «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» (СПб., 1901), где ставилась задача расширения и определенной коррекции философских оснований марксизма, вызвала резко критическую реакцию радикального крыла социально-демократического лагеря («Социал-демократы относились ко мне враждебно...и нередко поносили меня насмешливо-иронически» [3, 379]).

Не оставался здесь в стороне и М. Горький. Для писателя, достаточно нигилистически настроенного в то время по отношению к «традиционным» общественно-философским концепциям и учениям (в числе которых, впрочем, позиционировался и марксизм), актуальной представлялась задача выработки непременно новых воззрений и ориентиров: «И как можешь ты принять что-то чужое, раз ты сам – и Бог и Кант, и источник всякой мудрости и пакости»? [6, 170]. В этом контексте, где намечались истоки известного горьковского «богостроительства», критические реплики в адрес Н. Бердяева (имевшие, как нам кажется, по-своему «ревнивый» характер) были достаточно кратки («Вот Струве и Бердяев и иже с ними пытаются создать религию. Жалкие люди!» [6, 170]). Публикация же еще одной работы молодого философа — «Борьба за идеализм» (Мир Божий. — 1902. — июнь) — породила со стороны М. Горького развернутую полемику, на содержании которой

© А.Б. Удодов, 2013

следует остановиться особо. Здесь писатель прежде всего дифференцирует российскую интеллигенцию, указывая, что «в данный момент в империи нашей есть две группы людей, нуждающихся в свободном слове. Первая (к которой М. Горький относит и Н. Бердяева, призывавшего опираться на «вершины» духовно-исторического опыта, накопленного культурой прошлого. — А. У.) — велика, разнообразна <...> Она — умная. Но — трусливая. Вот она, видя рост демократии, испугалась сего явления..., испугалась за культуру, которую демократ якобы не пощадит в случае победы его, и ныне проповедует необходимость «аристократов духа», идеализма и прочих штук» [6,224-225] (Здесь и далее подчеркнуто нами. — А. У.).

Альтернативой же для писателя предстает «другая интеллигенция», которая «только что вылупилась из яичка, находится в периоде отрочества, но уже инстинктивно чувствует, что ей надо». Для неё, по мнению М. Горького, опора на ценности культуры и путь к самоусовершенствованию» — это «поворот назад». «Теперь — совершенный человек не нужен, нужен боец, рабочий, мститель. Совершенствоваться мы будем потом, когда сведем счеты» [6, 224-225].

Стоит напомнить, что вышеприведенные высказывания, произвольно вырываемые из контекста эпистолярного и публицистического наследия писателя начала XX века, на протяжении многих последующих десятилетий оказались тысячекратно растиражированы в горьковедении как основания для формирования мифа о «пролетарском писателе», «буревестнике революции», восходившем в своем развитии по однозначноспрямленной линии к идеалам революционной борьбы и построения «нового мира». Констатируя ныне спорность такого подхода, не выдержавшего испытания временем, отметим то, что представляется значимым: писателем было верно уловлено наличие, по его определению, «двух психических величин», маркирующих позиции двух лагерей интеллигенции — «культурников» (презрительно названных тогда «мещанами») и «героически настроенных демократов», - которые «расходятся все дальше» [6, 227].

Указанное «расхождение», персонифицированное на тот момент фигурами М. Горького и Н. Бердяева, обозначено в дальнейшем развитии, с одной стороны, продолжавшимися критическими горьковскими высказываниями в адрес «оппонента» («Думаю изображать современную «буржуазно-материалисти-ческую интеллигенцию», как выражается Бердяев. Очень хочется подарить «всем сестрам по серьгам», в том числе Бердяеву небольшие» [6, 259]). С другой стороны, Н. Бердяев, отмечая, в свою очередь, указанное «расхождение» двух лагерей российской интел-

лигенции [4, 13-15], последовательно критиковал «маниакальную склонность оценивать философские учения... по критериям политическим» [4, 17], а в «освобождении от гнетущей власти политики» видел необходимое условие для «культурного возрождения России» [4, 30]. Но на этом пути, по мысли Н.Бердяева, необходимо «довести политику до идеального минимума, до растворения ее в культуре...Вот что должно быть нашим регулятивом...» [2, 171-172].

В написанной по горячим следам революционных потрясений работе «Духи русской революции» (1918) Н. Бердяев, констатируя свершившуюся социальную «катастрофу» [1, 250], обозначает в качестве ее своеобразных пророков» крупнейших представителей русской литературы – Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого. Как представляется, в этом ряду вполне уместно мог быть назван и М. Горький – с его клишированным для определенного времени имиджем «буревестника революции». Но, как известно, с этим «духом» в указанный исторический момент происходила парадоксальная (на первый взгляд) метаморфоза, воплотившаяся в «Несвоевременных мыслях» писателя – публицистике 1917-1918 гг.

Несколько десятков горьковских статей, опубликованных в петроградской газете «Новая жизнь», проникнуты ощущением трагичности происходящего и тревогой за будущее страны. В революционных катаклизмах писатель угадывал перспективу создания таких жестких и антигуманных форм общественного устройства, каких ещё не знала российская история. И весьма знаменательно, что одной из узловых насущных проблем для М. Горького здесь выступает проблема судеб культуры - как основной точки отсчета и критерия закономерности и «праведности» происходящих перемен. Как можно видеть, проблема эта для писателя была не нова и своеобразным лейтмотивом проходила через все этапы формирования его историософских и социально-эстетических воззрений, - где вместе с тем обнаруживается отчетливая динамика в изменении его ценностноориентированных позиций.

Основной лозунг «Несвоевременных мыслей», декларируемый автором: «Граждане! Культура в опасности!», — поскольку его «поражает и пугает то, что революция не несет в себе признаков духовного возрождения человека» [5, 56]. Если вспомнить об осуждении Горьким представителей «бердяевского» лагеря, «испугавшихся за культуру» пятнадцатью годами ранее, то видим, что наступил через «пугаться» и былому критику такой позиции. Его пугает также и то, что «революция... не делает людей честнее, прямодушнее и не повышает их самооценки...» [5, 56], — то есть

не происходит того «самоусовершен-ствования», которое ранее в полемике с Н. Бердяевым осуждалось как «ненужный поворот назад».

Показателен для «Несвоевременных мыслей» и некий обобщающий вывод: «Где слишком много политики, там нет места культуре» [5, 60], — что почти дословно перекликается с вышеприведенными высказываниями Н. Бердяева и с его размышлениями о «духах русской революции».

Таким образом, можно видеть, что пресловутое «расхождение» «двух интеллигенций» во многом теряет в кульминационный момент революционных потрясений былую антагонистическую остроту (чтобы затем вновь обозначиться в разных видах — для «советской» и «эмигрантской», «официальной» и «альтернативной» ипостасей российской общественной мысли). И, как представляется, намеченная в таком контексте динамика расхождений и схождений взглядов двух духовных лидеров отечественной культуры по-своему демонстрирует специфику российского

социокультурного феномена, маркированного формулой «соединения несоединимого» в общем национальном поле общественно-исторического бытия.

ЛИТЕРАТУРА:

- Бердяев Н.А. Духи русской революции / Н.А. Бердяев//
   Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 250-289.
- 2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма/ Н.А. Бердяев. — М.: Правда, 1996. — 242 с.
- 3. Бердяев Н.А. Самопознание / Н.А. Бердяев. М. : ЭКСМО-ПРЕСС; Харьков : Фолио, 2000. — 624 с.
- 4. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда / Н.А. Бер-
- 5. Дяев // Вехи. Из глубины. М. : Правда, 1991. С. 11-30.
- 6. Горький М. Несвоевременные мысли / М. Горький // Пророки вне закона, или апокалипсис революции. Воронеж: ВГПИ, 1992 С. 54-65.
- 7. Горький М. Собр. соч. : В 30 т. / М. Горький. М. : ГИХЛ, 1954. Т.28. 600 с.

Воронежский государственный педагогический университет. Удодов А.Б., профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы

E-mail: kaf 214 @yandex.ru

Voronesh State Pedagogical University. Udodov A.B., professor of the chair of the Russian language, Russian and foreign literature

E-mail: kaf 214 @yandex.ru

УДК 821.161.1-1

РУССКИЙ БЫТОВОЙ РОМАНС В РАННЕЙ ЛИРИКЕ С.А. ЕСЕНИНА

© 2013 Е.В. Чернова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2.3.2013

Аннотация: В статье рассматривается вопрос об особенностях функционирования элементов русского бытового романса в стихотворениях Сергея Есенина 1911—1915 годов и о влиянии данного жанра фольклора на поэтику его ранней лирики.

Ключевые слова: С. Есенин, бытовой романс, жанр, лирика, литература и фольклор.

Abstract: The article discusses the features of the Russian urban romance's elements' functioning in the Sergei Yesenin's pieces of poetry, dated 1911–1915 years, and the impact of this folklore genre on his early poetry.

Keywords: S. Yesenin, urban romance, a genre, poetry, literature and folklore.

Поэтическое творчество Сергея Есенина, его противоречивый и притягательный образ стали одной из вечно живых легенд русской культуры. «Нежный отрок» и «похабник и скандалист», «златокудрый Лель» и «московский озорной гуляка» — все это лики поэта, на котором, как известно, лежит «роковая печать».

Пожалуй, не менее мятежен и противоречив и русский романс, столь же плотно окутанный дымкой легендарности. Лирический романс, воспевающий счастливую утопию, жестокий романс, с надрывом повествующий о гибельной страсти, — у этих песен о любви немало ярких масок. И во всех видах он любим народом, отводящим романсу почетное место в песенном репертуаре. Такой романс становится массовым, иначе говоря — бытовым, и его исходные «стати» шлифуются фольклорным бытованием в угоду канону жанра.

Русский романс был известен поэту, так как именно в период с середины 1890х до конца 1920х переживал расцвет и исполнялся повсеместно как в камерно-академической форме (классический романс), так и в массовом бытовании – и издавался в многочисленных сборниках. Бытовой романс, который определяется М. Петровским как «совокупность всех романсовых разновидностей, кроме камерного» [5, 21] — это и цыганский, и народный лирический, и жестокий романс. Именно на время стремительного сближения и взаимопроникновения традиционной семейнобытовой, а также лирической народной песни и бытового романса, литературного (или подражающего литературе) по форме и происхождению, но фольклорного по форме бытования, приходится

период становления поэтического таланта Сергея Есенина, его первых поэтических опытов. Принимая во внимание известную близость Есенина к народной поэзии (песенная слава села Константиново) и живой интерес поэта к фольклору и литературе, естественно предположить, что бытовой романс с его глубокой лиричностью и острым драматизмом, а также контрастной по отношению к традиционной песне откровенностью в разработке темы любви и некой «литературностью» формы был чрезвычайно интересен и близок юному поэту. За доказательствами к этому тезису направимся непосредственно к текстам стихотворений, датированным 1911-1915 годами, и к авторитетным сборникам популярных бытовых романсов. Наша задача – проследить вплетение в творческую канву ранней лирики Есенина мотивов, образов и деталей русского бытового романса и выявить особенности синтеза элементов этого жанра фольклора в заявленном периоде творчества поэта.

В стихотворении «Под венком лесной ромашки» (1911) мелодично перекликаются фольклорные мотивы традиционных жанров (сказки, лирической песни) и голос «новой песни», а именно – городского романса и новой баллады (подробный комментарий к жанровому определению новой баллады дает Н.П. Копанева, отмечая, что «новая баллада как жанр лиро-эпический отличается от романса, жанра лирического» [6, 94]). Лирический сюжет стихотворения, посвященного теме любви, организуют яркие жанровые маркеры романса: мотив разлуки, измены, самоубийства. Однако в художественной ткани произведения начиная с самой завязки сюжета переплетаются мотивы и средства изобразительности городского романса и традиционной народной песни:

© Е.В. Чернова, 2013

Под венком лесной ромашки Я строгал, чинил челны, Уронил кольцо милашки В струи пенистой волны. [1, 19]

Лирический герой напевно, легко и откровенно рассказывает нам свою историю от первого лица, и это в сочетании с формой произведения (катрены с перекрестной рифмовкой), словом «милашка» (сигнальным звоночком «новых песен» романсного и балладного строя) и явно обозначенной сюжетностью данной песни о любви, дает нам основание задуматься о близости стихотворения к бытовому романсу и новой балладе.

Завязкой сюжета служит популярный мотив народных песен о золотом колечке, символе любви и верности. Потеря кольца в народных песнях издавна была предзнаменованием тяжелых испытаний любовного чувства, в этом же плане данный мотив активно разрабатывался как в творчестве поэтов XIX века (у В.А. Жуковского – «Кольцо души-девицы» и А.В. Кольцова – «Перстень», «Кольцо»), - так и в бытовом романсе (яркий пример - «Потеряла я колечко»). Примечательно, что именно стихотворение Жуковского стало основой для возникновения нескольких народных романсовых вариантов: «Кольцо» [4, 272] и «Несчастный родился, несчастный возрос» [3, 48], – которым явно близко стихотворение Есенина. Они разворачивают традиционный символический мотив «потеря кольца = потеря любви» в абсолютно романсной сцепке с мотивами разлуки и измены:

Колечко потускло,

И дева моя

С другим улетела

В чужие края. [4,273]

Аналогичную сюжетную схему использует Сергей Есенин:

...Унесла колечко щука,

С ним — милашкину любовь.

Не нашлось мое колечко,

Я пошел с тоски на луг,

Мне вдогон смеялась речка:

«Умилашки новый друг». [1, 19]

Более того, в есенинском стихотворении находит наиболее полное воплощение мотивная структура «идеального» жестокого романса, так как автор приводит лирического героя к решению о самоубийстве: «Повенчаюсь в непогоду/ С перезвонною волной». [1, 19]

Таким образом, стихотворение «Под венком лесной ромашки» «замешано» на классической формуле жестокого романса: связке мотивов тоски, измены и самоубийства. Даже в качестве художественного штриха-сравнения поэт использует фразу, отсылающую к народному романсу:

«Лиходейная разлука, / как коварная свекровь». Эта морфологическая единица имеет прямое отношение к константному мотиву бытового романса, на основе которого С. Адоньева и Н. Герасимова выделяют группу песен «Неполученное благословение» в морфологических таблицах к сборнику «Современная баллада и жестокий романс» [3, 368].

Но тональность стихотворения заметно отличается от романсной — в нем нет надрыва и острой драматичности. Есенин не следует слепо канону жанра, а смягчает диктуемую мотивной структурой «жестокость» романса стилистическими средствами традиционной народной поэзии, её символами и образами. Так, об измене возлюбленной герою сообщает не коварная подружка, цыганка или просто молва, а смеющаяся речка. Мотив самоубийства так же подается своеобразно: по-романсному — из уст самого героя, в форме высказанного решения, но в символическом ключе, что характерно для традиционной песни:

Я иную молодую

Выберу жену:

В чистом поле на просторе

Гибкую сосну. [3,174].

Благодаря такому интересному переплетению жанровых примет жестокого романса, традиционной песни и сказки (щука, колечко) и авторского начала стихотворение приобретает объемное лирическое звучание и индивидуальность.

Анализ стихотворения «Под венком лесной ромашки» позволяет наблюдать то интереснейшее явление, которое М. Петровский назвал «круговоротом романса в русской культуре» и определил как «одну из форм выработки общезначимого эстетического языка» [5, 24]. Мотивы русской народной песни в романсовом ключе воплощаются в творчестве поэтов первой величины (в нашем случае, В.А. Жуковского) и в этой форме вновь «уходят в народ», порождая в ходе фольклорного бытования и в переработках неизвестных авторов ряд новых бытовых романсов, которые в свою очередь обновленными мотивами входят в «большую поэзию» А. Блока, С. Есенина и многих других авторов.

Художественной моделью при написании известного стихотворения «Хороша была Танюша, краше не было в селе...», очевидно, послужили «новые» песни романсного и балладного строя. Произведение представляет собой объективированный рассказ о случае, что вкупе с выраженной фабулой и трагической развязкой позволяет сделать заключение о его близости к форме «новой баллады», родственной жестокому романсу. С этим жанром роднит есенинское стихотворение и его речевая композиция, а именно — прямой диалог героев:

Вышел парень, поклонился кучерявой головой: «Ты прощай ли, моя радость, я женюся на другой».

Побледнела, словно саван, схолодела, как роса. Душегубкою-змеею развилась ее коса.

«Ой ты, парень синеглазый, не в обиду я скажу, Я пришла тебе сказаться: за другого выхожу». [1. 21]

Сюжет стихотворения типичен для бытовых романсов и новых баллад: он складывается из мотивов измены и убийства. Чрезвычайно распространена и ситуация «брак с другой/другим». Подобное несчастливое для лирического героя/ героини романса или новой баллады разрешение любовного треугольника изображено в таких известных песнях, как «Нигде я милого не вижу», «На Муромской дорожке»:

Не зови ты меня дружечкой, Я теперича не твой, Я теперича не твой, Я женился на другой. [3, 32] Однажды мне приснился Ужасный, страшный сон, Что милый мой женился, Нарушил клятву он. [3, 33]

В романсе «На Муромской дорожке» изменник «возвратился с красавицей женой», в стихотворении же Есенина изображена свадьба героя. Созвучны психологические детали, определяющие оценку ситуации в романсе и в авторском стихотворении: «Увидел мои слезы,/ Глаза он опустил» [3, 33]. Ср. у С. Есенина: «Скачет свадьба на телегах, верховые прячут лик. [1, 21].

Эти детали — предвестники трагедии, которая непременно последует по канону жанра. «Погибель через любовь» — один из ключевых мотивов жестокого романса и новой баллады:

Забейте крест до медных слов, Что умерла через любовь. [7, 147]

Олю нашли у залива; Надпись была на груди: «Олю любовь погубила». [7, 351]

Стихотворение «Хороша была Танюша» идеально ложится на сюжетную канву жестокого романса и новой баллады, и трагическая нота, заданная ещё в первой строчке, звучит завершающим аккордом и закольцовывает композицию стихотворения:

Не кукушки загрустили — плачет Танина родня, На виске у Тани рана от лихого кистеня. Алым венчиком кровинки запеклися на челе, Хороша была Танюша, краше не было в селе. [1, 21]

Однако, несмотря на близость сюжетных схем, произведение С. Есенина заметно отстоит от типичных романсов и баллад подобного рода. Следуя поэтике устного народного творчества, Есенин осуществляет уникальный авторский синтез фольклорных сюжетов и средств выразительности с индивидуальными художественными идеями. С. Есенину удается, придерживаясь объективированного повествования, тонко отметить и мастерски, лаконично выразить движения души оскорбленной изменой девушки. Читатель понимает, что её реплика в диалоге — защита, попытка сохранить достоинство перед лицом предателя. Такой сложный психологизм, многоуровневость смысла чужды жестокому романсу и новой балладе, где всё проговаривается прямо и откровенно — в прямой или внутренней речи героев. Более того, убийство Танюши окутано тайной – автор не раскрывает нам ни виновника трагедии, ни его мотивов. Не следует наказание или сентенция дидактического характера. В «новой песне» же, будь то жестокий романс или баллада, как правило, всегда ясно сказано - кто, кого и зачем погубил и какую мораль слушатель должен уяснить, чтобы самому избежать столкновения с непреодолимым и губительным водоворотом страстей. Недосказанность и лаконичность, а также гармоничный синтез разнообразных традиционных средств выразительности (отрицательные и прямые сравнения, параллелизм, устойчивые эпитеты) делают стихотворение «Хороша была Танюша» оригинальным и цельным, мелодичным и глубоко лиричным.

Сближению творчества Сергея Есенина с эстетикой романса способствует ярко выраженная песенность лирики поэта. Подготавливая в 1925 году «Собрание стихотворений», автор вводит для стихотворения 1910 года название «Подражание песне», хотя в «Радунице» (1916) данное произведение не имело заголовка. В. Коржан справедливо отмечает, что стихотворение «не является художественной обработкой народных песен... Есенин создает оригинальное произведение, лишь ориентируясь на стиль народных лирических песен» [8, 38]. Эту мысль развивает другой исследователь, подчеркивая, что стилеобразующим началом в данном случае «явилась не только лирическая народная песня, но семейно-бытовая баллада» [9, 20]. В комментариях к семитомному собранию сочинений А. Козловский дополняет круг источников стихотворения и городским романсом, «стилистика которого также явно чувствуется здесь» [1, 449]. Действительно, это стихотворение, одно из самых ранних произведений Есенина, выполненных отчетливо в романсно-балладном ключе, многосоставно по своей стилистике. Очевидна его связь и с литературой

(современники поэта иронизировали над тем, как «по-бальмонтовски» «змейно» ветерок треплет кудри героини), и с фольклором - лексика и образы, двустишия, где каждая строка — законченная фраза, и др. Стихотворение звучит романсно благодаря форме лирического монолога героя и любовной тематике. С балладой «Подражание песне» роднит мотив смерти возлюбленной, картина похоронной процессии. Важно, что она преломляется через призму романсного мироощущения: во-первых, процессия проходит «мимо окон» героя, что задает камерность пространства, столь любимую романсом; во-вторых, смерть девушки отзывается в душе героя воспоминанием о минувшем счастливом дне: «Все мне чудился тихий раскованный звон» [1, 27]. Пространство памяти чрезвычайно важно для романса (любой его внутриродовой разновидности), так как именно в нем, защищенном от враждебного внешнего мира, происходит неустанное культивирование минувшего и грядущего чувства.

Ещё глубже проникает С. Есенин в стихию романса в стихотворении «Отойди от окна» (1911—1912), где интегрирует типичный локус бытового романса, его лирическую интонацию, яркую эмоциональность с индивидуальным психологическим рисунком.

Мы уже упоминали об особом, почти символическом значении окна для романса - оно позволяет одновременно обозначить два полюса (камерный романсный мир и внешнее пространство) и задать тональность песни ввиду вариантов положения и перехода между этими полюсами. Окно – излюбленный локус бытового романса: здесь юноша мечтает о любимой: «Накинув плащ, с гитарой под полою, / К её окну приник в тиши ночной...» [3, 278]. Под окном в знак близкой любви распускаются цветы: «У меня под окном расцветает сирень, / Расцветают душистые розы» [7, 296]. В этом же локусе разворачивается и мотив измены: «Мой милый под окошечком,/ С другой он говорит» [7, 272]; Сюда же возвращается изменивший муж/предавший любовник: «С пустой котомкой за плечами/ Стучится ктото под окном» [4, 284]. Упоминание типичного романсного локуса в сочетании с императивом во 2м лице отсылает нас напрямую к традиции бытового романса. Кроме того, стихотворение Есенина, как и большинство романсов, представляет собой эмоциональный лирический монолог. М. Петровский, считающий такое определение относительно романса неполным, добавляет: «Романс — половинка диалога» [5, 55] (чуть позже мы убедимся в справедливости этой мысли). Важно также отметить прямую, акцентированную обращенность высказывания и обилие императивов (не ходи, не топчи, не плачь, молчи), вопросоввоззваний (Что тебе до моей красоты?/ Почему не даешь мне покою/ И зачем так терзаешься ты?) и апелляцию к памяти (позабудь...!). Всё перечисленное — типические черты романса, его неизменные жанровые маркеры.

Стилистическая близость стихотворения «Отойди от окна» бытовому романсу очевидна, как явен и его особенный психологический рисунок. Любовь, даже несчастная, для народного романса — абсолютная ценность, и герои не могут от неё просто так отказаться. Если романс изображает отвергающую девушку (в качестве главной героини), то её решение мотивировано, как правило, предательством со стороны возлюбленного («не любил, а «люблю» говорил»):

Ты не стой предо мной на коленях, Не терзай мои раны в груди, Ты сказал — для тебя я чужая. Ну и ты, как подлец, отойди. [4, 262]

В стихотворении С. Есенина такой мотив не воплощается, а психологическая палитра обогащается чувством жалости к отвергаемому возлюбленному. В поисках более сложной душевной коллизии, созвучной той, что представлена в произведении С. Есенина, мы обратились к бытовому романсу, находившемуся на рубеже XIX-XX веков на верхней ступеньке «социальной лестницы» романсу мещанской гостиной, или «ах-романсу» (по остроумной и меткой классификации М. Петровского, разделившего бытовые романсы на «ах-», «ох-» и «эх-романсы» в зависимости от их содержания и условий бытования). Подтверждение связи стихотворения С. Есенина со стихией романса обнаружилось в форме «ответа» на императивы, озвученные в «Отойди от окна»:

Тебя забыть...и ты сказала, Что сердце может разлюбить: Ты ль сердца моего не знала? Тебя забыть, тебя забыть! [5, 135] Ср. с текстом стихотворения: Позабудь, что была я твоею, Что безумно любила тебя; Я теперь не люблю, а жалею — Отойди и не мучай себя! [2, 36]

Голоса звучат в унисон, и не случайно — традиция создания романсов-ответов, продиктованная внутренней потребностью жанра в длящемся диалоге, порождала целые цепочки романсов. Таким образом, стихотворение С. Есенина попало в самый «нерв» популярного бытового романса, раз так гармонично встраивается в его вечный многосложный и вариативный диалог.

Ранняя лирика Сергея Есенина содержит немало стихотворений настолько близких по тематике, сюжету и стилистике к городскому романсу и новой балладе, что их можно назвать откровенно подражательными. Таковым, безус-

ловно, является стихотворение «Что прошло — не вернуть», написанное в 1911—1912 годах, во время обучения С. Есенина в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе. Романсный сюжет развивается здесь в абсолютно аутентичном пространстве:

Не вернуть мне ту ночку прохладную, Не видать мне подруги своей, Не слыхать мне ту песню отрадную, Что в саду распевал соловей! [2, 14]

Известно, что в каждом втором лирическом народном романсе в многочисленных садах вечерами и ночами на разные лады заливаются соловьи:

В темной аллее заглохшего сада... Помню, приветно трещал нам соловка. [4, 243]

За рекой соловушка Где-то вдали Песню пел о счастии И о любви. [10, 224]

Нередко образ соловья, мотив соловьиной песни сопутствует мотивам сожаления о былом и утраты любимой. Именно такое структурное единство сюжетообразующих элементов использует С. Есенин: заявив в первой строфе о невозвратной утрате былого счастья, возлюбленной и идиллического пространства (которое и символизирует соловьиная песня в саду), автор последовательно акцентирует внимание на каждой из потерь, с любимой романсовой фатальностью утверждая окончательность краха счастья: «Унеслася та ночка весенняя,// Ей не скажешь: «Вернись, подожди», «Крепким сном спит в могиле подруга». Как и в романсе, располагающем только двумя временными категориями - «сейчас» и «вечность», то есть «навсегда»/«никогда», в стихотворении С. Есенина основная мысль – невозвратность потерянного счастья - оттенена параллелизмом с мотивом прошедшей весны и улетевшего соловья:

И замолкла та песнь соловьиная, За моря соловей улетел, Не звучит уже более, сильная, Что он ночкой прохладною пел.

Пролетели и радости милые, Что испытывал в жизни тогда. На душе уже чувства остылые. Что прошло — не вернуть никогда. [2, 15] Подобные по тональности и художественно-

му оформлению отрывки легко обнаружить среди популярных бытовых романсов: Тебе срывать цветы весною

Тебе срывать цветы весною И слушать пенье соловья, А мне с безвременной тоскою

Шептать, о чем мечтаю я [4, 247] У твоей могилы Соловей поет... Скоро и твой милый Крепким сном уснет. [7, 235]

Как видим, в бытовых романсах образ соловья в различных смысловых и композиционных вариантах сопровождает мотив утраченного счастья, и обращение С. Есенина к этому популярному в традиции народной песни приему можно расценивать как «пробу пера», ученический опыт освоения художественных средств выразительности из «романсной обоймы».

К числу подобных опытов юного поэта можно отнести и стихотворение «Ты плакала в вечерней тишине», печатаемое и датируемое (1913) по одному из писем С. Есенина к его подруге М.П. Бальзамовой. Движение лирического сюжета и стилистику здесь задает всё та же романсная стихия, и стихотворение представляет собой компиляцию типичных мотивов и средств выразительности бытового романса. Сюжетообразующими становятся мотивы разлуки, утраченного счастья и тоски, развитие которых сопровождается традиционным романсным оформлением. Автором сразу задается интимное пространство, ограниченное личным обращением лирического «я» к «ты»:

Ты плакала в вечерней тишине, И слезы горькие на землю упадали, И было тяжело и так печально мне, И все же мы друг друга не поняли. [2, 44]

Традиционно для романса культивирование в памяти минувших счастливых дней: «И вижу я в мечтах мне милый образ твой, / И слышу в тишине тоскливые рыданья». [2, 44] В эмоциональной палитре стихотворения доминируют такие тона, как печаль, разочарование, страдание, одиночество, тоска. Этими «красками» написан не один десяток популярных романсов, и очевидна преемственность пафоса стихотворения С. Есенина: «Умчалась ты в далекие края,/ И все мечты мои увянули без цвета,/ И вновь опять один остался я/ Страдать душой без ласки и привета» [2, 44]. Ср. с текстом романса: «Разлетелись мечты, догорели огни,/ И увяли, осыпались розы./ В моем сердце больном лишь страданья одни, / А в прошедшем — разбитые грезы» [5, 232].

С городским романсом более массового толка стихотворение «Ты плакала в вечерней тишине» сближает некоторая лексическая наивность (устойчивые эпитеты «далекие края», «слезы горькие», «милый образ», «тоскливые рыданья»), а также погрешности слога (смещенные ударения в глаголах во 2 и 4 строках, плеоназм «и вновь опять»).

Все вышеперечисленные типичные черты романса вновь и вновь активно используются С. Есениным в ранней лирике: мотивы потерян-

ного счастья, тоски и разочарования, воспоминаний о былой любви продолжают находить свое место в «ученических» стихотворениях поэта. Стихотворение «Ты ушла и ко мне не вернешься» (1913—1915) может послужить примером расширения круга привлекаемых поэтом ярких жанровых маркеров романса. Речь идет о такой незаменимой в романсной гостиной (и, разумеется, в песне) детали, как камин.

В стихотворении «Ты ушла и ко мне не вернешься» камин становится деталью, несущей смысловую нагрузку, отражающей душевное состояние лирического героя:

Мне тоскливо, и скучно, и жалко, Неуютно камин мой горит, Но измятая в книжке фиалка Все о счастье былом говорит. [2, 52]

Камин здесь — символ ушедшей любви, романтической утопии, являющейся «точкой опоры» всего корпуса романсной лирики, к традиции которой здесь, безусловно, апеллирует С. Есенин. «Каминная тема» чрезвычайно развита в русском романсе. По наблюдению М. Петровского и В. Мордерер, она берет начало от романса Н.А. Тутковского на слова Н.П. Огарева «Камин погас, в окно луна мне смотрит». Сформировались и укрепились в бытовом исполнении циклы романсов-посланий и романсов-ответов, центром лирического пространства которых становится именно камин, свидетель вспыхнувшей и угасшей страсти:

Ты сидишь одиноко и смотришь с тоской, Как печально камин догорает (...)
О, поверь, ведь любовь — это тоже камин, Где сгорают все лучшие грезы.
А погаснет любовь — в сердце холод один, Впереди же — страданья и слезы. [5, 102103]
За этим романсом («У камина») последовал ответ — «Позабудь про камин»:

Позабудь про камин, в нем погасли огни, Их заменит луч яркий рассвета, А разбитое бедное сердце твое Вновь забьется для ласк и привета. [5, 103]

Таким образом, включая в круг художественных деталей своего романсного по мотивной структуре стихотворения камин, С. Есенин «перебрасывает мостик» ко всему корпусу романсной лирики, объединенной «каминной темой». Стихотворение «Ты ушла и ко мне не вернешься» звучит как родственное упомянутым романсам произведение, поэтому с уверенностью можно сказать, что создание стихотворения было в определенной мере вдохновлено «каминным циклом» русского бытового романса.

В ранней лирике Есенина многие разноплановые стихотворения так или иначе коррелируют с поэтикой бытового романса. В произведениях

1911-1915 годов слышатся более или менее явные отголоски и камерного лирического романса с литературным текстом, и того народного романса, который возник под пером безызвестных авторов, а в фольклорном бытовании сблизился с традиционной семейно-бытовой песней. Это те самые романсы, которые пришли на рубеже XIX и XX веков из города в деревню и стремительно заполнили песенный репертуар, в значительной мере потеснив традиционный фольклор. Романс подобного толка имеет своеобразную поэтику и достаточно устойчивый круг сюжетов, определяемых комбинацией практически замкнутого набора мотивов. Закономерности формирования сюжетных схем народных жестоких романсов и современных баллад наглядно представлены в морфологических таблицах, составленных С. Адоньевой и Н. Герасимовой [2, 366]. В контексте разговора о ранней лирике С. Есенина нас интересуют разделы «Насильное замужество» и «Доля. Участь» (женская), так как в стихотворении «Девичник» 1905 года нашли воплощение именно эти мотивы.

В стихотворении Есенина прямо и откровенно звучит голос лирической героини, делящейся с подружками переживаниями по поводу близкой свадьбы. Явственно прослеживается мотив несчастного замужества: героиня прощается с радостями девичества и не скрывает страха перед грядущими переменами: «Как печальны девичьи потери,/ Грустно жить оплаканной невесте», «Ах, подружки, стыдно и неловко/ Сердце робкое охватывает стужа» [2, 103]. Особенно ярко маркирует связь с городским романсом настойчивое обращение к подружкам. Оно типично для многочисленных «новых песен» подобной и смежной любовной тематики. Обращением к подружкам начинается романс о смерти возлюбленного: «Не сказать ли вам, подружки,/ Про несчастье про мое?» [5, 282] В состав многих народных романсов и новых баллад входит такое отчаянное восклицание: «Счастливые подружки,/ Вам счастье, а мне нет!» [7, 268] Специфика лирического сюжета стихотворения С. Есенина состоит в отсутствии мотива разлуки с любимым в связке с мотивом насильного замужества. Именно такую сюжетную схему чаще всего демонстрируют народные романсы: «Все подруги собралися,/ Песни свадебны поют./ «Вы, подружки, не спешите,/ Дайте сердцу погрустить./ Расскажите, научите,/ Как мне милого забыть» [3, 54]. С. Есенин же делает акцент не на фабуле, а на разработке психологической картины, тонких деталей переживания лирической героини. Тема «женской доли» достаточно разработана в народном романсе. Нередко звучит голос девицы, не желающей связывать свою свободу узами брака: «Развяжите мои крылья,/ Дайте

вволю полетать./ Я девчонка молодая,/ Мне охота погулять» [4, 246]. Вслед за «Тройкой» Некрасова (которая, к слову, органично вошла в народный песенный репертуар и внесена исследователями в сборник, сформированный на основе архивов фольклорных экспедиций – см. [7,384]) развивается в народном романсе тема тягот замужней жизни: «Бабья доля — прощай воля,/ Обручальное кольцо» [3, 209]. Порой городской романс в разработке данной темы доходит до впечатляющей детализации картины «кабалы», в которую попадает девушка после замужества: она успевает только выполнять требования детей и мужа (он именуется не иначе как «демон на диване») и плакать: «Ах, Боже мой, какая скука, / Я лучше б в девушках жила, / Сухой бы корочкой питалась, / Воду холодную пила» [7, 393]. Этот финальный аккорд романса совпадает по смыслу с последними словами есенинской лирической героини, робко, но прямо говорящей: «Лучше жить несчастной, да без мужа» [2, 103].

Таким образом, стихотворение «Девичник» развивает традиционную для городского романса тему женской доли, его поэтика родственна подобным «новым» народным песням — романсам и балладам о несчастном замужестве. Однако при наличии явных смысловых и стилистических параллелей стоит отметить сосредоточенность стихотворения на раскрытии образа лирической героини, что контрастирует с характерной для народного романса выраженной сюжетностью. В стихотворении Есенина выдержано единство лирического «я», непрерывность плавной и мягкой линии лирического сюжета, который является именно движением чувств и переживаний героини.

Подводя итог разговору о мотивах и образах народного романса в ранней лирике С. Есенина, отметим, что начинающий автор был в своем роде одним из тех «неизвестных поэтов», которые, подражая сентиментальной поэзии и романсовой лирике состоявшихся художников слова и осваивая литературные формы творчества, пополняли репертуар бытового романса. Различные образцы русского романса (камерного и массового, городского с фольклорными элементами) стали

Чернова Е.В. Воронежский государственный университет. Аспирант кафедры теории литературы и фольклора филологического факультета E-mail: kateivolga@gmail.com

для Есенина той самой «словесной рудой», в осмыслении и синтезе поэтических черт которой рождалась художественная самобытность его более поздней лирики.

Очевидно, что поэт отдавал себе отчет в недостаточной самостоятельности подобных произведений, поэтому в семитомном собрании сочинений мы встречаем их в основном в разделе «Стихотворения, не вошедшие в "Собрание стихотворений"». Но важно отметить тот факт, что народный романс, наряду с лирической песней и частушкой, полноправно входит в ряд «источников вдохновения» ранней лирики Сергея Есенина и в значительной мере способствует формированию его яркой поэтической индивидуальности, откровенности и страстности поэзии «последнего поэта деревни».

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. І — М. : Наука; Голос, 1995. — 671 с.
- 2. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. T.IV-M.: Наука; Голос, 1996. 671 с.
- 3. Современная баллада и жестокий романс / Сост. С. Адоньева, Н. Герасимова; Примеч. О.Ю. Клокова; Ил. А. Флоренский .— СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 1996 .— 413,[2] с.
- 4. Русские народные песни. Романсы. Частушки / Сост., предисл., прим. А. Кулагиной. М.: Эксмо, 2009. 736 с.
- 5. Ах-романс. Эх-романс. Ох-романс: Русский романс на рубеже веков / Сост. В. Мордерер, М. Петровский. СПб. : Герань, $2005.-400~\rm c.$
- 6. Башкирский государственный университет. Фольклор народов РСФСР: межвузовский научный сборник Вып. 10— Уфа : БГУ, 1983 160 с.
- 7. Городские песни, баллады, романсы: сб./ сост. : А.В. Кулагина, Ф.М. Селиванов. — М. : Филол. ф-т МГУ, 1999. — 624 с.
- 8. Коржан В.В. Есенин и народная поэзия / В.В. Коржан Л.: Наука, 1969.— 197, [2] с.
- 9. Харчевников В.И. Поэтический стиль Сергея Есенина (1910—1916 гг.): Пособие по спецкурсу / В.И. Харчевников. Ставрополь, 1975 . 247 с.
- 10. В нашу гавань заходили корабли: Песни городских дворов и окраин Пермь: Книга, 1995.— 430,[1]c.

Chernova E.V. Voronezh State University. A postgraduate student of the Chair of Theory of Literature and Folklore. E-mail: kateivolga@gmail.com

УДК 930.85

О ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ КОРНЯХ РУССКОГО РОМАНА: ПЛУТ, ШУТ И ДУРАК В РОМАНЕ Н.С. ЛЕСКОВА «ЧЕРТОВЫ КУКЛЫ»

© 2013 А.А. Шелаева

Санкт-Петербургский университет

Поступила в редакцию 15.2.2013

Аннотация: Статья рассматривает влияние западноевропейского романа на самый загадочный по своей творческой истории и жанровой природе роман Н.С. Лескова «Чертовы куклы». Особое внимание автор уделяет приемам типизации образов главных героев этого произведения и сюжето- и стилеобразующим его принципам, имеющим связь с аттической комедией — предшественницей западноевропейского романа.

Ключевые слова: Западноевропейский роман, аттическая комедия, конроверса, маска, жанр, шут, плут дурак.

Abstract: The main task of the article is to demonstrate the West European roots of Russian novel. The author gives particular attention to the effect of the West European novel on the creative work of N.S. Leskov — his mysterious novel "Chortovy cookly".

Keywords: West European novel, Attic comedy, controversy, mask, genre, cheat, buffoon, fool.

Роман Лескова «Чёртовы куклы» (1890) стоит особняком не только в творчестве писателя, но и в современной ему отечественной литературе. До сих пор остаётся актуальным вопрос о том, «как он сделан» и с какой романной традицией связан. Ответ на этот вопрос был затруднен обстоятельствами публикации романа и его сложной творческой историей, которая в ряде ее моментов по настоящее время остается не вполне проясненной. Первая часть романа была опубликована в 1890 г. в журнале «Русская мысль» (№ 1) с примечанием от редакции « Продолжение следует», однако обещанное продолжение не появилось ни в «Русской мысли», ни в каком-либо другом издании. Между тем опубликованное начало романа стало жить самостоятельной литературной жизнью. После журнальной публикации оно вошло в прижизненные и посмертные Собрания сочинений Н.С. Лескова, что внушало читателю мысль о незавершенности этого произведения. В 1970 г. в РГАЛИ нам удалось обнаружить автограф окончания романа [1], что позволило отвергнуть предположение о его незавершенности и обратиться к исследованию его необычной жанровой природы.

Отметим, что в письмах к издателям романа «Чёртовы куклы» в 1889 г. Лесков настойчиво подчеркивал особенности своего нового сочинения и проводил аналогии между ним и некоторыми произведениями не только русской, но и мировой литературы. Все названные им литературные тек-

дать с той, что существовала в действительности. И всё же резонно предположить, что главная сюжетная коллизия будущего произведения, в основу которой легла история жизни русского художника К.П. Брюллова, на долгие годы связавшего себя с Италией [3], составила ядро замысла романиста, а разного рода жанровые аналогии возникали по мере его реализации и, конечно, влекли за собой включение новых мотивов. Известно, что с самого момента возникновения замысла «Чертовых кукол» Лесков сознательно ориентировал его на западноевропейский роман. Он сравнивает будущее произведение с романами Э.Т.А. Гофмана (Х, 327), утверждая в письме к П.К. Щебальскому, что в приемах «намерен подражать гофмановским "Серапионовым братьям"». Действительно, Лесков сделал попытку представить роман как собрание новелл, скрепленных рамочным сюжетом. Главные герои романа ведут беседы об искусстве, положении художника в обществе и его отношениях с властями и подкрепляют свои размышления и доводы рассказами из жизненной практики. При этом

они часто опираются на факты биографии Лукаса

Кранаха Старшего (1472—1533) и, как нам удалось

сты действительно оказали влияние на замысел

Лескова на разных этапах его кристаллизации.

Это продемонстрировано нами при их сопостав-

лении с опубликованной и рукописной частями

романа [2]. Последовательность этапов развития

авторского замысла, предложенная нами в связи

с этим сопоставлением, конечно, может не совпа-

© А.А. Шелаева, 2013

установить, Сальватора Розы [1, 269]. Однако это не единственный шаг Лескова к западноевропейскому роману. В тексте обширной вставки во вторую, остававшуюся в рукописи часть романа, Лесков обращается к сюжетам Жорж Санд. Он заставляет своих героев вспомнить ее романы «Роз и Бланш», «Индиана», «Валентина» и самонадеянно утверждать, что французы стремятся помогать женщинам «литературным путем» напрасно: госпожа Дюдеван не может разрешить основной конфликт полов, возникающий в результате измены супругов, и «немует», когда необходимо выразить свое мнение по этому важному для общества вопросу. Только на русской почве, - считает герой Лескова Шер, искусный полициант и придворный, - выявляются такие женские характеры, которые органичны и естественны и могут противостоять обстоятельствам, разрушающим их семейную жизнь, не «как у госпожи Дюдеван все с драмами и трагедиями», а не выходя за рамки самообладания. В доказательство Лесков выводит в романе образ добродетельной баронессы Зои, добровольно уединившейся с детьми от соблазнов света в отдаленном замке ради сохранения верности мужу, затем тщательно разрабатывает другой женский характер — эмансипированной компаньонки баронессы – Камиллы, своими манерами и смелостью в отношениях равной мужчине и способной совершать героические поступки. Шер, выступивший в этой части романа как рассказчик, то и дело прерывал прихотливое течение событий в отдаленном от света замке баронессы Зои жизнеописанием когда-то заточенной в нем королевы, источником которого послужил хорошо известный Лескову роман И. Крашевского «Фаворитки короля Августа Второго» (в русском переводе 1876). При этом надо отметить, что писатель откровенно противопоставляет свою героиню, добровольно удалившуюся от «веселого двора», этой «скорбной королеве», образ которой навеян романом Крашевского и его героиней Анной Гойм, не раз пытавшейся вырваться из старого замка, ставшего для нее тюрьмой. Лесков не жалеет красок, окружая жизнь замка таинственностью, наполняя его необъяснимыми шорохами, движениями, стонами, игрой света в его бесконечных лабиринтах и обрушившихся башнях. Таким образом, он постепенно погружает читателя в атмосферу западноевропейского «романа ужасов» с традиционной замковой историей и не скрывает литературный источник этих описаний. «Это было что-то вроде «Происшествий в замке «Мадзини» или вроде какого-то иного из романов леди Радклиф» [4, 292], — сообщает начитанный в западноевропейской литературе герой романа Шер. Попытка Лескова-романиста перенести действие своего произведения в обособленный мир с нра-

вами и приключениями, характерными для романического сюжета, вполне отвечает тенденциям западноевропейского романа, проявившимся уже в ранний период его развития в XVI веке. Здесь уместно привести в доказательство наблюдения исследователя западноевропейского романа Б.А. Грифцова, который не только подметил эти его особенности, но и охарактеризовал их как некий романный шаблон. «Роман нуждается в иной стране, в особых нравах, в экзотике, пишет он, - это один их неизменных его путей, которым обозначается, как специфичен этот жанр, на каких особых законах он строится. Более простодушные романисты и самую местность романа будут строить или искать в соответствии с этими законами, более строгие станут подчинять им обыденность» [5]. Лесков трижды пользуется этим рецептом западноевропейских романистов. Роман «Чертовы куклы» начинается и завершается в Италии, условно представленной как некая местность с плодородной для произрастания искусств почвой, продолжается в стране герцога, не нанесенной на карту мира. Здесь атмосфера духовной жизни, нравы и законы разрушительно воздействуют на художника и его творчество. Затем автор переносит читателя в обособленную экзотическую местность, напоминающую место действия сразу нескольких западноевропейских романов, в основе сюжета которых так называемая замковая история.

Наконец можно говорить о том, что Лесков, выстраивая сюжет своего произведения, обращается к самим истокам западноевропейского романа. Одной из аналогий, существенно важных для понимания художественного своеобразия романа, является, на наш взгляд, соответствие определённых сюжето— и стилеобразующих его принципов структурным и стилевым принципам древней аттической комедии. Характеризуя новый роман в письме В.М. Лаврову, Лесков проводит параллель между ним и комедией Аристофана «Облака» [3].

Очевидно, что античная комедия подсказывает Лескову некоторые способы композиционной организации «Чёртовых кукол». Роман строится таким образом, что основой его композиции становится спор или неустранимая контроверса, столкновение противоположных начал. Повествовательный механизм в «Чёртовых куклах» приводится в движение постоянным стремлением героев романа разрешить противоречия, возникающие вследствие их различного отношения к искусству, к властям и окружающей действительности. По мере развития действия автор несколько раз сталкивает героев в споре, а затем самим ходом сюжета доказывает правоту одной из сторон.

Спор был определяющим структурным элементом древнегреческой комедиографии. В далеком прошлом он вошел в комедию из ритуальных празднеств, где всегда происходила борьба нового божества со старым, весны с зимой, юности со старостью. В комедии Аристофана «Облака» этот спор приобретает актуальное мировоззренческое звучание: здесь противостоят друг другу, с одной стороны, полнокровная жизненная прагматика афинского демоса, с другой — умозрительнорационалистическая софистика Сократа, оторванная от реальности [6]. В романе Лескова, конечно, отсутствуют обязательные для античной комедии компоненты (вроде сцены агона, разыгрываемой хором), но спор выполняет его традиционное назначение. В нём обнажается полемическая сущность произведения, в центре которого противоборство двух различных течений в искусстве — отживающего свой век романтического и нарождающегося реалистического, и двух различных пониманий роли художника в обществе. Автор предоставляет своим героям право выбора: быть на службе у «сильных мира», выполнять заказы богатых меценатов, или, презрев выгоду, оставаться свободным художником и в своём творчестве изображать мир таким, каков он есть, и по мере сил способствовать тому, чтобы он становился лучше.

Поскольку комедия Аристофана послужила Лескову материалом для жанровой стилизации романа уже после того, как наметились основные вехи его сюжета, то именно она могла подсказать Лескову также и художественные средства типизации образов главных героев романа — Фебуфиса, Мака и Пика. Они соответствуют заданному композицией полемическому строю лесковского произведения. Намеченные автором в начале романа, они почти не изменяются в испытаниях, выпавших на их долю. Фебуфис, Мак и Пик как бы играют хорошо заученную роль, не выходя из неё даже в обстоятельствах, которые могли бы в корне изменить как характер человека, так и его отношение к жизни. Такая психологически неоправданная устойчивость характеров наводит на мысль, что они являются своего рода масками, близкими по своей природе маскам античной комедии [7]. Действительно, характеры Фебуфиса, Пика, Мака сродни определенным комедийным маскам.

Ко времени Аристофана в древнегреческой комедии существовали три основных шутовских маски: маска главного шута — «бомолоха», с виду иронического простака (эйрона), и маски двух его партнеров в споре — бахвалов (аладзонов). При разрешении спора истина всегда оказывалась на стороне эйрона. Пример этому — распределение масок между персонажами упоминаемой Леско-

вым в письме комедии Аристофана: эйрон — Стрепсиад, который выходит победителем в споре, его партнеры аладзоны — Сократ и Фидиппид, осмеянные автором [8].

В романе Лескова в центре то же трио. Писатель создаёт три различных типа личности художника, укоренившихся в современной ему жизни, но на каждого из героев он словно надевает традиционную для древнегреческой комедии маску шута. Маска подчеркивает типические черты каждой личности и скрывает полутона лежащего в основе типа реалистического характера. Этим достигается острота полемического столкновения героев и их сатирической обрисовки.

Средства создания эффекта маски в древней аттической комедии и в романе Лескова, конечно, разные. У Аристофана это просто внешний вид актера-исполнителя — традиционный для данного комедийного типа костюм и маска на лице. В романе Лескова это — имя героя, которое соответствует авторской характеристике и определённым образом указывает на роль, какую он будет играть в сюжетных ситуациях романа. Можно сказать, способ называния главных героев «Чёртовых кукол» в известной мере подменяет собой распределение масок в древней комедии, с помощью которого уже в начале действия обозначались функции каждого из шутовских персонажей.

Происхождение имени героя романа — Мака, возможно, связано с более поздней комедийной традицией. Оно прямо восходит к имени одной из центральных комических фигур древнеримских пьес. В них действовали постоянные типы, одним из которых был «шут-урод, по прозванию Maccus» [9]. В древнеримских пьесах ему отводилась та же роль, что и шуту-эйрону в древнегреческой комедии. Разными были только средства, с помощью которых они выполняли своё назначение в комедии. Массия действовал дубинкой, безжалостно награждая ударами партнеров, достойных осмеяния; эйрон изобличал своих противников в споре грубоватым метким словом. По трезвым скептическим замечаниям Мака уже в начале романа можно угадать, что Лесков предназначал ему роль, которая в древнегреческой комедии отводилась шуту-эйрону. С этим персонажем древней комедии лесковского Мака роднят также серьезность и прозаическая простота, с какими он противопоставляет в споре о назначении искусства свои убеждения ложной патетике его оппонентов Фебуфиса и Пика.

В то же время легкомысленное бретёрство, заносчивость, способность оказываться в смешных положениях и другие комические черты, которыми Лесков наделяет Фебуфиса и его друга Пика, говорят о том, что эти герои за-

думаны Лесковым как партнеры эйрона — бахвалы-аладзоны. С шутом Маком они связаны диалогически. Латинизированное имя Фебуфиса, которое в переводе означает «сын солнца», Лесков использует для того, чтобы подчеркнуть избранность названного этим именем героя, возвысить его над окружающими. Действительно, красота, замечательная одарённость и яркое своеобразие его личности поначалу дают художнику право на это возвышение. Но автор, подвергая своего героя различным испытаниям, всё более проявляет к нему ироническое отношение, заметно снижающее этот образ. Постепенно обнажается внутреннее несоответствие героя своему имени, образа — маске, что и позволяет воспринимать Фебуфиса в низком, комическом плане, несмотря на его претензии обратного порядка. Имя Пик, напротив, полностью соответствует созданной Лесковым в романе маске бахвала-аладзона. Пик возникает в романе как противопоставление маске серьёзного шута Мака и поэтому носит имя, парное его имени («где Пик, там Мак <...>» — VIII, 488).

Мак и Пик в лесковском романе противопоставлены друг другу всесторонне. Внешне: Мак — «крупный брюнет с серьёзным, даже несколько суровым и задумчивым лицом», Пик — «розовая и белокурая крошка» с личиком из тех, кого зовут «овечьею мордочкой» (VIII, 488). Характером: Мак — «само целомудрие», Пик — «любил покутить» и т. д. «Если случалось, — отмечает рассказчик, — что Пику и Маку нравилось одно и то же, то оно непременно нравилось им с разных сторон» (VIII, 488). Смысл этого последовательного противопоставления обнаруживается не сразу. Лишь к концу романа читателю становится ясно, что в поступках Пика, как в кривом зеркале, отражается всё, что совершает Фебуфис. И поскольку Пик противопоставлен Маку, постольку Маку оказывается противопоставлен их общий друг Фебуфис. Введение в роман персонажа с пародийными функциями могло быть данью Лескова более поздней традиции театра масок, например Гоцци, который, обрабатывая общеизвестные литературные сюжеты, роль шутовских персонажей сводил к пародированию главной интриги.

Однако близость главных героев «Чёртовых кукол» традиционным маскам древней комедии не исключает возможности и другого объяснения их происхождения в романе Лескова. Они могут восходить также к символическим образам шута, плута и дурака, которые (возможно, под влиянием древней комедии) развились в романном жанре ещё на заре его истории [10]. Эти образы, несколько видоизменившись, как и в любом другом романе нового времени, в «Чёртовых куклах» со-

ставляют определенную систему, которая выполняет роль организующего романный стиль принципа. Своеобразие диалогов и движение сюжета «Чёртовых кукол» — результат противоборства этих образов-масок. Шут Мак, обнажая в своих оценках и предсказаниях суть совершающихся в романе событий, имеет право говорить с предельной прямотой и откровенностью, «низким языком», не свойственным другим героям. Своим нарочитым непониманием стремлений своих друзей Фебуфиса и Пика, которые вознамерились «совершать службу искусству и вообще высоким идеям», будучи на службе у герцога (VIII,526), он выражает к ним ироническое отношение и выявляет их неспособность осуществить чаемое ими предназначение.

Во всём противопоставленный Маку Пик выведен Лесковым в романе как особая разновидность дурака. Наивность и глупость, с какой он воспринимает окружающих и подражает Фебуфису, поначалу не слишком очевидны, так как Лесков наделяет Пика возвышенной натурой, сглаживающей черты, свойственные традиционному дураку. Истинный смысл этого образа обнаруживается только в столкновении его опоэтизированной наивности с прозаической мудростью Мака — столкновении, завершающемся их шутовской дуэлью. Автор в целом ряде следующих эпизодов романа подвергает осмеянию утрированную чувствительность Пика, легковерие, неспособность к самостоятельным действиям.

Третий герой романа, включённый Лесковым в диалогическое противостояние, определяющее полемический строй «Чёртовых кукол», весьма близок традиционному образу плута. Не случайно перипетиями своей судьбы Фебуфис напоминает героя плутовского авантюрного романа, в центре которого, как и в «Чёртовых куклах», находится идея испытания человека жизнью. Правда, в отличие от традиционного авантюрного романа, герой Лескова исподволь подвергается автором личностной дискредитации и осуждению. С плутом Фебуфиса роднит, прежде всего, конечно, способность к обману. Она проявляется в эпизодах весёлого розыгрыша герцога и его приближённых. Обман Фебуфиса, как и плута, направлен на разоблачение условности и лжи человеческих отношений и оправдан и противопоставлен корыстной фальши и лицемерию. С его помощью художник вынуждает герцога, который рекомендован ему как человек, имеющий понятие о благородных задачах искусства (VIII, 499), выявить его подлинные художественные вкусы и низменные причины непреодолимого желания побывать в мастерской римской знаменитости. Аналогичный смысл имеет и другой эпизод романа, в котором Фебуфис вновь ловко обманывает

герцога, покидая мрачную его страну, на долгий срок приютившую беглеца из Рима. После открытой ссоры с её правителем Фебуфис, уже изучивший местные традиции, вовремя догадывается об истинных намерениях провожавших его жандармов. Они имеют приказ арестовать художника по ложному обвинению в заговоре и не спускают глаз с иностранца. Но герой Лескова, плутовским манером обманув их бдительность, вплавь через реку покидает пределы герцогских владений и бежит за границу. Фебуфису свойствены заносчивые самопредставления и саморекомендации, всегда отличавшие героя плутовского романа. Они являются или скрытым мотивом его поведения (Фебуфис стремится к первенству между собратьями в искусстве и в творчестве, и в «художественных фарсах и шалопайствах» — VIII, 491), или откровенно звучат в его речах («Я не рабская копия», — рекомендует он себя адъютанту заинтересовавшегося его личностью герцога — VIII, 500).

Приведенные наблюдения позволяют говорить о тесной связи «Чёртовых кукол» с европейским романом, колыбель которого, как выразился М.М. Бахтин, «качали плут, шут и дурак и оставили в его пеленах свой колпак с погремушками» [11]. Можно рассматривать это произведение Лескова как эксперимент — попытку писателя выраться из пут современного ему реалистического романа и обратиться к первоистокам романного жанра, взращённого античной культурой.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Подробнее см.: Шелаева А.А. Вступ. статья и коммент. К публикации: Лесков Н.С. Чертовы куклы. Окончание

Шелаева Алла Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории западноевропейской и русской культуры Санкт-Петербургского университета, автор работ по истории русской культуры и литературы XIX и XX веков.

романа// Литературное наследство: Неизданный Лесков. T.101.B 2 кн. Кн. 1.М., 1997.C.259 – 270.

- 2. Шелаева А.А. Круг чтения Н.С. Лескова и его роман «Чертовы куклы» / А.А. Шелаева // Русская литература. -1976. -№ 1. -C.148-154.
- 3. См.: Лесков Н. С. Письмо к В. М. Лаврову от 15 декабря 1889 г. // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 11. М., 1958. С. 449. (В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в скобках с указанием римскими цифрами тома, арабскими страниц.)
- 4. Лесков Н.С. «Чертовы куклы». Окончание романа / Н.С. Лесков // Неизданный Лесков. Т.101.В 2 кн.Кн. 1.М.,1997.С.292.
- 5. Грифцов Б.А. Теория романа / Б.А. Грифцов. М., $2012.-\mathrm{C.}77.$
- 6. Зелинский Ф.Ф. История античной культуры / Ф.Ф. Зелинский. СПб., 1995. С.175.
- 7. Впоследствии итальянской народной комедии масок. О влиянии художественной структуры образов устойчивых народных масок на характерологию новоевропейского романа см.: Бахтин М. М. Эпос и роман (о методологии исследования романа) // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 423 424.
- 8. Об этом см. предисл. и комментарии А. Пиотровского в кн.: Аристофан. Избранные комедии/ Пер., предисл. и коммент. А. Пиотровского. М., 1974.
- 9.. Алферов А. Петрушка и его предки // А. Алферов, А. Грузинский и др. Десять чтений по литературе. М., 1915. С. 177. Об этом также: Дживелегов А.К. Итальянская народная комедия. М., 1954. С. 136.
- 10. Бахтин М.М.Формы времени и хронотопа в романе //Бахтин М.М..Вопросы литературы и эстетики. Очерки по исторической поэтике. М., 1975. С. 308 312.
- 11. Бахтин М. М. Слово в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 217.

Shelaeva Alla Alexandrovna, PhD in Philological Studies. Saint-Petersburg State University. The chair of the West European and Russian culture. Associated professor.

УДК 808.53

ИРОНИЯ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

© 2013 К.М. Шилихина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 29 октября 2012 г.

Аннотация: в статье обсуждается ирония как способ выражения авторского начала в академическом дискурсе. Несмотря на то, что научный дискурс ориентирован на максимально информативное bona fide общение, состязательность, необходимость утверждения собственной позиции заставляет авторов отступать от канонов научного стиля. В статье анализируются примеры иронии в устной и письменной академической коммуникации.

Ключевые слова: академический дискурс, вербальная ирония, научный стиль, bona fide модус коммуникации, non-bona fide модус коммуникации

Abstract: the paper discusses irony as a way to express the author's stance in academic discourse. Despite the fact that scientific communication is oriented towards informative bona fide transmission of information, competitiveness and the need for asserting one's stance make the writers step away from the requirements of academic style. The paper analyzes examples of irony both in oral and written academic discourse.

Key words: academic discourse, verbal irony, bona fide mode of communication, non-bona fide mode of communication

1. АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: СПЕЦИФИКА ОБЩЕНИЯ

Академический дискурс — сфера коммуникации, связанная со специфической сферой человеческой деятельности — получением и трансляцией научного знания. Академический дискурс неоднороден: он включает в себя ситуации научной и образовательной коммуникации. Граница между научным и образовательным общением прозрачна; кроме того, существует также научно-популярный дискурс, который отличается от собственно научного дискурса и по целям, и по составу участников, и по стилю коммуникации.

В академическом дискурсе есть свои особенности, которые можно кратко описать в терминах внешних и внутренних ограничений.

Основным внешним ограничением является необходимость действовать в рамках определенной социальной роли. Набор ролей определяется конкретной ситуацией (лекция, семинар, выступление на конференции, защита диссертации и т.д.) либо жанром научного текста (статья, монография, рецензия на книгу/статью и др.). Роль вносит элемент ритуальности в академический дискурс и в значительной степени определяет спектр возможных и необходимых речевых действий.

Есть еще одно обстоятельство, которое влияет на выбор речевых средств: академический дискурс, как и политическая коммуникация,

© К.М. Шилихина, 2013

характеризуется состязательностью. Ни один научный текст не существует «в вакууме»; так или иначе исследователь обязан «вписать» свою точку зрения в существующую систему знаний и выразить отношение к уже имеющимся исследованиям в данной области [1, 2]. Однако, в отличие от политической коммуникации, научная состязательность не всегда выражается явно; наоборот, в ряде случаев конкуренция точек зрения проявляется имплицитно.

К внутреннему ограничению можно отнести требования научного стиля. Традиционное выделение научного стиля объясняется особыми логико-лингвистическими свойствами научных текстов. К этим свойствам относят прежде всего объективность и обобщенность, логическую доказательность, терминологичность, точность изложения фактов [3].

Изучение научных текстов в рамках стилистики сосредоточено преимущественно на структуре научного текста. При этом практически не уделяется внимания его интерактивным свойствам, хотя очевидно, что любое научное произведение, как письменное, так и устное, имеет четкую риторическую направленность: цель автора — не только сообщить некоторую информацию, но и убедить адресата/аудиторию в правоте излагаемой точки зрения [1].

Академический дискурс существует в устной и письменной форме. На первый взгляд кажущееся тривиальным, данное различие является

принципиально важным в наших дальнейших рассуждениях об иронии в академической коммуникации. Различия между устной и письменной формой определяются, с одной стороны, жанровыми требованиями научных текстов, с другой, необходимостью взаимодействия автора текста с аудиторией или читателями. Баланс этих разнонаправленных «сил» соблюдается в письменных текстах и устной коммуникации по-разному: ситуации устной коммуникации дают больше свободы в выборе речевых средств. Каноны организации письменного текста, напротив, отличаются большей жесткостью.

Академический дискурс характеризуется жанровой неоднородностью, и это означает, что вероятность проявления авторского начала и открытое выражение оценки в различных жанрах будет разной: ясно, что полемическая статья или обсуждение устного сообщения не просто предполагает, но и требует обязательного выражения собственной позиции автора.

Основной вопрос данного исследования заключается в следующем: в какой степени реальная академическая коммуникация соответствует идеальному представлению о ней? Допускает ли научный текст переключение с серьезного (bona fide) на иронический модус общения? И, наконец, если такое переключение принципиально возможно, как оно влияет на общий ход коммуникации?

2. ИРОНИЯ В ПИСЬМЕННОМ ТЕКСТЕ: ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ СТРЕМЛЕНИЕМ К ОБЪЕКТИВНОСТИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ И СУБЪЕКТИВНОСТЬЮ ИРОНИИ

Требования научного стиля проецируются на академический дискурс в целом, и результатом этой проекции является набор стереотипных представлений о свойствах академической коммуникации. Самым распространенным из них является, пожалуй, представление об авторской беспристрастности и объективности. Отступления от канонов научного стиля рассматриваются как нежелательные проявления субъективности, что противоречит объективности научного знания.

Существование подобных стереотипов означает, что ирония как способ выражения критического отношения к оппонентам автоматически оказывается «persona non grata» в научном тексте. Неудивительно, что в исследованиях по академическому дискурсу ей уделяется сравнительно мало внимания — из существующих на сегодняшний день работ можно упомянуть статью Д. Майерса [4], в которой с позиции теории иронии-как-эха исследуется ироническое цитирование в научных статьях. Ирония как один из способов повышения авторитетности в научном тексте упоминается

также в статье А.А. Болдыревой и В.Б. Кашкина [5]. В работе [6] обсуждается проблема самоиронии. Исследуя риторическую структуру предисловий в англоязычных монографиях, Д. Джаннони делает вывод о том, что основная функция самоиронии в этих фрагментах текста сводится к извинению перед близкими людьми за неудобства, вызванные написанием книги.

Вообще, в соответствии с требованиями научного стиля автор должен стремиться к тому, чтобы его личность была максимально «скрыта» от читателя. Целью такой стратегии является повышение объективности изложения, поэтому руководства по научному стилю советуют начинающим авторам избегать открытых проявлений авторского начала. На самом же деле следовать этим советам и полностью избавиться от личностного начала в академическом тексте практически невозможно: научные тексты различных жанров вполне допускают проявление авторских эмоций, а в ряде случаев мы сталкиваемся с открытым выражением критического отношения автора к работам коллег. Прямая критика конкурирующей точки зрения позволяет указать на слабые места в теории оппонента и убедить читателя в собственной правоте.

Далеко не всегда конкуренция точек зрения в научном тексте выражается эксплицитно. Ирония оказывается вполне допустимым способом обращения к эмоциям читателя. Пример иронической критики — фрагмент текста Ю.Д. Апресяна:

Покоряющие своей проницательностью и красотой и исключительно подробные толкования предметной лексики, предложенные Анной Вежбицкой (от полутора до двух страниц текста для таких существительных, как кошки, мыши, собаки), всетаки не являются исчерпывающими [7, 28].

Данный фрагмент — классический пример иронии, интерпретируемой «от противного»: вряд ли сложные двухстраничные описания кошек и собак можно считать проницательными и красивыми. Цель такой иронии — противопоставить собственную точку зрения обсуждаемой теории, указать на слабые места (в данном случае на очевидную громоздкость метаязыка семантического описания, которым пользуется А. Вежбицкая).

Еще один пример — фрагмент обзорной статьи В. Раскина, посвященной истории изучения вербального юмора:

There are no full-time humor researchers in the world. A few years ago, there was a rumor that there was one in France but it has never been independently confirmed, and the oddity of French academic affiliations and titles, before the EU attempts to homogenize them into some sort of an American-like system, has made it even harder [8, 3].

Используя иронию, автор одновременно ре-

шает несколько прагматических задач. С одной стороны, В. Раскин выражает критическое отношение к объекту иронии — системе образования и попыткам чиновников Евросоюза унифицировать системы образования разных стран Европы. С другой стороны, Раскин развлекает читателя, переключая его внимание с обсуждаемых проблем исследования юмора на вопросы, которые не имеют прямого отношения к основной теме статьи.

Еще один случай иронической научной коммуникации — это научный метадискурс, т. е. оценка учеными собственной деятельности. На уровне метадискурса non-bona fide модус может стать основным способом общения, и тогда мы имеем дело с пародией на научный стиль. Критическое отношение к работе ученых в целом либо к форме и содержанию научных текстов переводит такие тексты из юмористических в иронические. В качестве примеров приведем отрывок из статьи Н. Сумбатовой «К типологии лингвистической халтуры»:

«Настоящая работа посвящена широко распространенному среди лингвистов разных школ и направлений явлению халтуры. Сразу оговоримся, что к определению данного понятия существуют различные подходы. Наше рабочее определение относит к халтуре только такие виды научных и псевдонаучных работ, которые заведомо могли быть выполнены автором (авторами) на более высоком уровне, но были выполнены некачественно или не были выполнены вовсе. Для понимания сущности халтуры важно то обстоятельство, что автор халтурной работы пытается представить её как менее или вовсе не халтурную. Таким образом, работы, которые оказались плохими в связи с идиотизмом или случайной неудачей/ошибкой автора, халтурой в нашем понимании не являются» [9].

Формально автор соблюдает каноны научного стиля: текст включает целую серию маркеров научного стиля (настоящая проблема посвящена...к определению данного понятия существуют различные подходы, для понимания сущности и др.). Однако постоянное сочетание маркеров научного текста с разговорными «халтура», «идиотизм» указывают на пародийный характер текста.

3. ИРОНИЯ В УСТНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В устной научной коммуникации ирония функционирует как сигнал конкуренции точек зрения, а также служит контактоустанавливающим средством. Таким образом обеспечивается взаимодействие всех участников академического дискурса — говорящего, оппонентов и аудитории. Здесь возможно несколько ситуаций:

1. Говорящий отступает от основной линии изложения научных фактов и апеллирует не к ра-

циональной, а к эмоциональной их оценке. Такая апелляция — это смена роли: на некоторое время говорящий перестает быть ученым и становится обывателем, выразителем «наивной картины мира». Смена ролей — это своеобразная игра, позволяющая говорящему переключиться с серьезного общения в non-bona fide модус. Фрагмент лекции А. Оганова, посвященной теоретическим разработкам в области новых материалов, хорошо иллюстрирует такой способ перехода от изложения фактов к ироническому комментарию:

И вот перед нами, наверное, самый экзотический способ произведения теплоты, наверное, во всей Вселенной — это не распад радиоактивных элементов, это не сожжение какого-то топлива, это даже не сожжение алмаза, это падение миллионов тонн алмазов. Когда я об этом рассказываю, глаза моих студентов загораются алчным огнем, всетаки это капиталистическое общество, и всегда я слышу одно и то же предложение: давайте соорудим экспедицию за алмазами. Но, увы, это невозможно ввиду крайне высоких давлений и температур, да и вообще Нептун состоит из воды, аммиака и метана. Представляете себе, как эта смесь невообразимо воняет? Так что в экспедицию без меня... [10]

Переходы от серьезного к несерьезному маркированы стилистически: в первом случае это использование лексики с ярко выраженной коннотацией (загораются алчным огнем), во втором — использование разговорной лексики (эта смесь невообразимо воняет). Иными словами, говорящий намеренно нарушает каноны научного стиля, чтобы обозначить элемент игры, свойственный иронии. Ироническое отступление от основной линии повествования и смена роли позволяет говорящему показать наивность «наивной картины мира» и повысить авторитетность излагаемого научного подхода.

2. Говорящий упоминает отдельные факты, которые в совокупности показывают, насколько незначительны или неубедительны результаты научных исследований конкурентов. Именно так в самом начале своей лекции "On Language and Thought" Стивен Пинкер иронически представляет классический подход к описанию языка:

This is a picture of Maurice Druon, the Honorary Perpetual Secretary of L'Academie francaise—the French Academy. He is splendidly attired in his 68,000-dollar uniform, befitting the role of the French Academy as legislating the correct usage in French and perpetuating the language. The French Academy has two main tasks: it compiles a dictionary of official French—they're now working on their ninth edition, which they began in 1930, and they've reached the letter P. They also legislate on correct usage, such as the proper term for what the French call "email," which ought to be "courriel." The World Wide Web, the French are told, ought

to be referred to as "la toile d'araignee mondiale" — the Global Spider Web — recommendations that the French gaily ignore. [11]

Ирония Пинкера основана на противопоставлении академического и "пользовательского" отношения к языку. Начало лекции – ироническое описание первого подхода: выясняется, что то, что принято считать настоящей наукой, по мнению Пинкера, таковой не является. Результаты работы Академии иронически представлены как незначительные как по объему, так и по отношению к ним общества. Сигналом перехода от non-bona fide к bona fide модусу является фраза "Now, this is one model of how language comes to be: namely, that it's legislated by an academy". Далее говорящий предпочитает прямую критику (by the time the Academy finishes their dictionary, it will already be well out of date). Таким образом, с помощью иронии исследователь одновременно указывает на несостоятельность подхода оппонентов, развлекает аудиторию и обозначает собственную позицию.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Любой научный текст — это не просто изложение информации, но и инструмент убеждения с четко организованной риторической структурой, оптимизированной для воздействия на читателей. Несмотря на требования объективности и беспристрастности изложения, и устная, и письменная научная коммуникация требуют от автора обозначения собственной позиции. В результате стереотипное представление о том, что научный текст лишен авторского начала, оказывается мифом: выражение личной точки зрения, критическая оценка работ коллег является неизбежным проявлением состязательности научной коммуникации.

Ирония — удобный способ выражения критической оценки работ коллег. С помощью иронии говорящий или пишущий может одновременно

Шилихина К.М., Воронежский государственный университет, канд. филол. наук, доцент, докторант кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации

E-mail: Shilikhina@gmail.com

апеллировать к рациональному и эмоциональному началу, что, в свою очередь, позволяет решать различные прагматические задачи: критиковать оппонента, утверждать собственную позицию и демонстрировать значимость собственных достижений, развлекать аудиторию, делая текст более доступным и легким для понимания.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Hyland K. Metadiscourse / K. Hyland. London, New York: Continuum, 2005. 230 p.
- 2. Livnat Z. Dialogue, Science and Academic Writing / Z. Livnat. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2012. 216 p.
- 3. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. 694 с.
- 4. Myers G. The Rhetoric of Irony in Academic Writing / G. Myers // Written Communication. 1990, No.7. P. 419-455.
- 5. Болдырева А.А. Категория авторитетности в научном дискурсе / А.А. Болдырева, В.Б. Кашкин // Язык, коммуникация и социальная среда: Межвуз.сб.науч.тр. Вып. 1. Воронеж, 2001. С. 58-70.
- 6. Giannoni D.S. Book Acknowledgements across Disciplines and Texts / D.S. Giannoni // Academic discourse across disciplines / Ed. by K. Hyland, M. Bondi. Peter Lang, 2006. P. 151-176.
- 7. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии / Ю.Д. Апресян. Т. І: Парадигматика. М. : Языки славянских культур, 2009. 568 с.
- 8. Raskin V. Theory of Humor and Practice of Humor Research: Editor's Notes and Thoughts / V. Raskin // The Primer of Humor Research. Berlin, NY: Mouton de Gruyter, 2008. P. 1-16.
- 9. Сумбатова Н.Р. К типологии лингвистической халтуры / Н.Р. Сумбатова // Полит.ру. (http://www.polit.ru/article/2007/01/16/sumbat/).
- 10. Оганов А. Как научить компьютер открывать новые материалы / А. Оганов // Полит.ру. (http://polit.ru/article/2011/08/18/oganov2011txt/).
- 11. Pinker S. What Our Language Habits Reveal / S. Pinker // TED. (http://www.ted.com/talks/steven_pinker_on_language_and_thought.html).

K.M. Shilikhina, Voronezh State University, Candidate of Philology, Associate Professor, Post-Doctoral Research Fellow, Department of Translation and Intercultural Communication.

E-mail: Shilikhina@gmail.com

УДК 821.161.1.09

СОЗНАНИЕ «МАССОВОГО ГЕРОЯ» И ФОРМЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В ЦИКЛЕ М. ЗОЩЕНКО «РАССКАЗЫ НАЗАРА ИЛЬИЧА ГОСПОДИНА СИНЕБРЮХОВА»

© 2013 П.О. Щербакова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10.2.2013

Аннотация: В данной статье объектом и предметом исследования стали образ героя-рассказчика и особенности его мировосприятия в цикле «Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова» М. Зощенко. Особое значение отводится жанру новеллы, принципам объединения четырех рассказов и предисловия к ним в цикл, двухголосому слову главного героя, а также формам выражения его массового сознания в тексте произведений.

Ключевые понятия: новелла, цикл, автор, герой-рассказчик, масса, «массовый герой», сказ.

Abstract: In this article, the object and the subject of the study are, respectively, image of the hero-narrator and features of his world perception in "Stories of Nazar Ilyich Sinebrychoff" Zoshchenko. Particular importance is attached to the genre of short stories, the integration principles of the four stories and introductions to them in a cycle, two-voice of the main hero word, as well as the forms of expression of its mass consciousness in the text works.

Key concepts: short story, cycle, the author, hero-storyteller, mass, mass hero, tale.

После революции 1917 года и гражданской войны в России и в ее литературе происходят сильные изменения. Центральным образом начала 1920-х годов становится образ массы, которая едина, выступает как один человек, выражает волю всех. Этот образ можно встретить на страницах произведений А. Малышкина («Падение Даира», 1921). Масса предстает как толпа, «орда». Однако происходит выделение из этой массы героя, наиболее яркого ее представителя, обладающего доверием и любовью массы, являющегося отражением основных ее черт, готового стать ее лидером, вождем. Это уже не рядовой человек, а исключительный: это Чапаев из одноименного романа Дм. Фурманова (1923), Кожух из «Железного потока» А. Серафимовича (1924). «Герой массы» противопоставляется «человеку массы», рядовому участнику революционного движения, обывателю, который руководствуется не волей к победе — им управляет стихия [1, 167].

Испанский социолог X. Ортега-и-Гассет в работе «Восстание масс» так характеризует новый тип человека, пришедшего в культуру из маргинальной среды: «Тот мир, который окружает нового человека с колыбели, не только не побуждает его к самообузданию, не только не ставит перед ним никаких запретов и ограничений, но, напротив, непрестанно бередит его аппетиты, которые

в принципе могут расти бесконечно. <...> Пора уже наметить первыми двумя штрихами психологический рисунок сегодняшнего массового человека: эти две черты — беспрепятственный рост жизненных запросов и, следовательно, безудержная экспансия собственной натуры и - второе врожденная неблагодарность ко всему, что сумело облегчить ему жизнь. Обе черты рисуют весьма знакомый душевный склад – избалованного ребенка» [2, 56-57]. Безусловно, стоит отметить, что в такой характеристике «массового человека» как «избалованного ребенка» доминирует отрицательная коннотация: это черты незрелости, безответственности, несамостоятельности в принятии решений, желания быть лишь потребителем и получать всегда то, что хочется.

Героем рассказов М. Зощенко начала 1920-х годов стал человек сначала маргинальный, но в период становления нового государства приобретший скромную социальную нишу, живущий в своем микромире и желающий сделать именно на этот микромир «всеобщее равнение», то есть перед нами «массовый человек». Это тип обывателя, мещанина не столько по своему социальному положению, сколько по мирочувствию, низкому уровню духовности. Столкнувшись с новыми, незнакомыми ранее формами культуры, герой оказывается в ситуации «культурного вызова», но не может на него ответить. Он воплощает в себе как раз самые характерные черты «человека

© П.О. Щербакова, 2013

массы»: видит именно себя центром вселенной, к себе сводит и в себе решает все мелкие бытовые проблемы, которые воспринимает как глобальные и бытийные.

В цикле «Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова» (1921) в центре изображения – путь героя, вернувшегося с первой мировой войны и пытающегося обустроиться в новой России. Цикл новелл в данном случае заслуживает особого внимания: «сама краткость новеллы как ее исходное свойство способствует концентрации, заострению, использованию символики, богатству ассоциативных связей и четкой структурной организации, так как новелла стремится на минимуме площади выразить максимум содержания. Все же, сознавая свою ограниченность и невозможность охватить в одной новелле полную «модель мира», новеллы тяготеют к тому, чтобы дополнять друг друга, группироваться в циклы и объединяться в определенном обрамлении» [3, 246].

В «Рассказах Назара Ильича господина Синебрюхова» один субъект речи – это геройрассказчик (на это нам указывает название и «Предисловие»), и два субъекта сознания. Выделим два голоса в рассказах: голос рассказчика, он преобладает в тексте, и голос автора, обнаруживающий себя в самом начале цикла: «Предисловие и рассказы записаны в апреле 1921 года со слов Н.И. Синебрюхова писателем М. 3.» [4, 56]. М.М. Бахтин в работе «Автор и герой в эстетической деятельности» анализирует отношения автора и героя следующим образом: «Сознание героя, его чувство и желание мира — предметная эмоционально-волевая установка — со всех сторон, как кольцом, охвачены завершающим сознанием автора о нем и его мире; самовысказывания героя охвачены и проникнуты высказываниями о герое автора» [5, 34]. Перед нами же особый тип героя - герой-рассказчик, которому необходимо самому описать происходившие с ним события, без опоры на «всезнание» автора.

Назар Ильич Синебрюхов не по своей воле попадает в различные «истории», с ним происходят «случаи», подчас анекдотические. Но, несмотря на все неудачи, он стремится к счастливой жизни, восполняя недостающую реальность словесными формулами, словно Хлестаков из «Ревизора» Н.В. Гоголя: фраза инструктора Рыло о том, что Назар Ильич и «державой управлять может», вызывает аллюзии к «сцене вранья», в которой герой Н.В. Гоголя хвастает: «Один раз я даже управлял департаментом. <...> Меня сам государственный совет боится» [6, 224]. Однако хвастовство Синебрюхова М. Зощенко «разоблачает» подбором сюжетных коллизий, о которых рассказывает его герой. Они, как и хвастовство голодного Хлестакова в гостинице, строятся вокруг еды: арбуз на столе мнимого ревизора стоит невероятную сумму в шестьсот рублей, а суп «в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа» [6, 225]. В рассказе «Чертовинка» тоже упоминается «иностранная держава», в которой принято есть лягушек (т.е. возникает ассоциация с Францией), и город Париж при следующих обстоятельствах: первый случай о том, как Назар Ильич решил съесть от голода лягушку («И вспомнил: говорил мне задушевный приятель, что лягух, безусловно, кушают в иностранных державах и даже вкусом они вкусней рябчиков. И будто сам он ел и похваливал» [4, 67]). Здесь важно отметить, что и Синебрюхов, и его приятель вряд ли в своей жизни ели рябчиков.

В отличие от Хлестакова, чье самозабвенное вранье усиливается перепуганными провинциальными чиновниками, Назар Ильич, слушатели которого не персонифицированы, врет самому себе, превращая картину голода в нечто стабильное, закономерное. Отсюда и проскальзывает в его речи вводное слово «безусловно», убеждающее слушателей и читателей в высокой ценности этого блюда за границей. В связи с изложенным выше можно предположить, что то, что для героя Н.В. Гоголя исчерпывается конкретной ситуацией и чего никогда не было, для Синебрюхова — часть общей картины мира, в которой трагические испытания он пытается представить как должное.

Однако фамилия героя ставит его значительно ниже того уровня благополучия, до которого ему хотелось бы подняться: в ней акцентированы два смысловых центра - «синее» и «брюхо». «Синее» в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля имеет два значения: первое цвет, а второстепенное – «пустое». В качестве примера составитель словаря приводит следующее выражение: «Синя пороха во рту не было» – значит «натощак». Второе слово, «брюхо», имеет негативную окраску, принадлежит к сниженной лексике: так, согласно словарю В.И. Даля, оно служит для называния живота как части тела и внутренностей животных. Семантика частей фамилии героя приходит в противоречие с его именем. Назар, от древнееврейского Назарий, означает «посвященный Богу», одного с ним происхождения название священного города Назарет. Илья (Илия в древней огласовке) значит «мой Бог, сила божья, крепость Господня, верующий». Таким образом, избранничество Синебрюхова, отраженное в его имени и отчестве, не имеет продолжения в фамилии, а наоборот, противопоставлено горькому его положению и судьбе и служит началом его сюжетных злоключений.

Одним из примеров такого расхождения является рассказ Назара Ильича о сапогах. Свой материальный достаток герой демонстрирует

наличием или отсутствием у него сапог («Предисловие» и «Гиблое место»). По его мнению, если у человека есть сапоги, то их нужно не носить, а беречь: «А сапоги эти я двенадцать лет носил, прямо скажу, в руках. Чуть какая мокрень или непогода — разуюсь и хлюпаю по грязи... Берегу» [4, 65]. В рассказе «Гиблое место» незнакомец предлагает Синебрюхову быть его «компаньоном», что сулит «немалое счастье». Но герой отвечает, что ему «разжиться» «сапожонками» и есть счастье, поэтому отказывается. Если нет сапог, то это уже, по мнению Назара Ильича, «бедность, блекота и слабое развитие техники» [4, 65]. Обращает на себя внимание слово «блекота», которое и далее встречается в тексте. Это овечья повальная болезнь, слово образовано от глагола «блекотать», означающего «блеять или кричать овцой». «Блекота» вводит в текст образ овцы. Согласно евангельским контекстам, это покорная часть человеческого стада, к тому же в тексте М. Зощенко – нездоровая. Это и характеристика Синебрюхова – человека толпы, носителя массового сознания: «Ну, спасибо, война, может, произойдёт - выдадут (сапоги. -П. Щербакова)» [4, 65].

Образ человека-овцы снова вызывает аллюзии, но уже не к «Ревизору» Н.В. Гоголя, а к другому известному произведению, написанному в сказовой манере, – «Левше» Н.С. Лескова. Чтобы спасти тульского мастера от гибели и позволить ему переговорить с государем, английский «полшкипер» говорит графу Клейнмихелю: «Разве так можно! У него, - говорит, - хоть и шуба овечкина, так душа человечкина» [7, 77]. И в этой фразе отметим не только повторную опору на библейский контекст, но и характеристику героя Н.С. Лескова, заключенную в слове «человечек» это «маленький человек», у которого нет еще души, полноценного мировосприятия, объективной оценки окружающей его действительности, а есть только задатки всего этого.

Повествуя о случаях из своей жизни, Синебрюхов упоминает об участии в «германской кампании». Для него это не просто определенный период, отрезок времени, а значимый этап своего жизненного пути. В рассказе «Чертовинка», посвященном уже послевоенным скитаниям героя, Назар Ильич говорит следующую фразу о «задушевном приятеле Утине», характеризующую его отношение к той войне: «...так он всю свою жизнь, всю то есть германскую кампанию, и мерил шаги до германских окопчиков» [4, 65].

Во время этой «кампании» рассказчик жил, знал свое место, свою роль, даже в «незначительной истории» он «поступил геройски» («Великосветская история»). Потом приходит «каюк-кампания», и для него уже «нынче жизнь

не представляет какой-нибудь определенной ценности» [4, 72] («Гиблое место»), в родной деревне его считают погибшим, по нему «живому панихидки служат» («Чертовинка»). Герой постоянно сталкивается на своем пути со смертью: «Сестричка милосердия – бяк, с катушек долой, – мёртвая падаль» [4, 57]; «Поклонился я низенько, вспрашиваю, каково живёт ребёночек, а она будто нахмурилась. "Очень, – говорит, – он нездоровый: ножками крутит, брюшком пухнет — краше в гроб кладут"» [4, 57]; «Копну, откину землишку – потею, и рука дрожит. А умершие покойники так и представляются, так и представляются...» [«Великосветская история», 4, 59]; «Забежал я к нему, сам пугаюсь, хвать да хвать его за руку, а рука уж холодеет, и смотрю: в нем дыханья нет — покойник» [«Виктория Казимировна», 4, 61]; «Тут, приятный ты мой, места вполне гиблые. Смерть так и ходит, своей косой помахивает» [«Гиблое место», 4, 73]. Однако Назар Ильич продолжает свой путь по «гиблым местам», заявляя о себе как о «живом»: «Я лежу живой, а он, может, думает, что падаль, и спускается» [4, 62] (сцена с кружащимся над ним вороном из рассказа «Виктория Казимировна»). В его речи отражено желание жить: «Только прошёл газ, видим — живые» [«Великосветская история», 4, 57]; «Жизнь я свою не хаю. Жизнь у меня, прямо скажу, роскошная» [«Чертовинка», 4, 67]. Как справедливо замечает В.Б. Шкловский, «сказ усложняет художественное произведение, получается два плана: 1) то, что рассказывает человек; 2) то, что как бы случайно прорывается в его рассказе» [8, 299].

Герой М. Зощенко в рассказе «Виктория Казимировна» вспоминает о своей встрече с судьбой: «Я-то играючи пошёл. Мыслишку, во-первых, свою имел, а потом, имейте в виду, жизнь свою я не берег. Я, знаете ли, счастье вынул. В одна тыща девятьсот, должно быть, что в шестнадцатом году, запомнил, ходил такой чёрный, люди говорили, румынский мужик. С птицей он ходил. На груди у него – клетка, а в клетке – не попка, попка - та зелёная, а тут вообще какаято тропическая птица. Так она, сволочь такая, учёная, клювом вынимала счастье - кому что. А мне, запомнил, планета Рак и жизнь предсказана до девяноста лет. И ещё там многое что предсказано, что — я уж и позабыл, да только всё исполнилось в точности. И тут вспомнил я предсказание и пошёл, прямо скажу, гуляючи» [4., 62]. Но жизнь у Назара Ильича сложилась не самым счастливым образом, здесь и появляется автор, указывающий на всю нелепость происходящего с Синебрюховым.

Представляется целесообразным отметить и связь творчества А.П. **Чехова с «Рассказами Наза**ра Ильича господина Синебрюхова» М. Зощенко.

Оба писателя в разные эпохи слова, к которым они принадлежали, ставят перед собой схожие задачи демократизации языка, чем и обусловлено их обращение к устной речи. Позволим себе процитировать Е.А. Подшивалову, автора статьи «Чехов и Зощенко: к вопросу о соотношении авторских сознаний», в которой задается вопрос, «как, вводя в литературу субъекта с бытовым сознанием, художники тем не менее на разных этапах историко-литературного процесса сохраняют качество литературности и тем самым обеспечивают непрерывность культурного развития» [9, 71].

Обратимся к слову героя, которое, с одной стороны, важно ему для явления себя миру, представления перед сочувственно настроенной аудиторией и, с другой, служит ему средством отвлечения от горькой реальности. Следовательно, взгляд на мир и на события, описанные в рассказах, приобретает субъективную окраску, носит частный характер, и роль автора текста как творца, наделенного «всезнанием», отходит на задний план, однако, как нами уже было обозначено, М. Зощенко акцентирует свое внимание на том, как говорит его герой.

Речь рассказчика — это монолог, создающий иллюзию устной речи, для которой характерна импровизация. Именно монолог реализует один субъект речи, импровизация же в свою очередь предоставляет возможность существования разных планов сознания. Рассказчик надеется на адекватную реакцию слушателей, по его речи они должны составить о нем мнение. Синебрюхов все время пытается «показать» себя. Его речь ориентирована на книжную, что и приводит в одном случае к пародированию словотворчества («вспрашиваю», «наиспоследний»), а в другом к «деликатной» речи приказчика («собачий укус небольшой сучки»). Монологический характер речи героя обеспечивается еще и тем, что, отдалив себя на некую дистанцию от персонажей, включенных в его повествования, он должен передавать их речь, но уже по-другому стилистически окрашенную. Однако Синебрюхов с этой задачей не справляется: он не способен отделить свою речь от чужой. Создав определенные словесные ярлыки для героев своих рассказов, Назар Ильич постоянно использует их при повествовании («задушевный приятель Утин», «князь ваше сиятельство», «прекрасная полячка Виктория Казимировна»), но и сам объект его изображения нередко изъясняется с помощью тех же ярлыков (например, в рассказе «Чертовинка» Утин при встрече с героем-рассказчиком сам называет себя «задушевным приятелем»).

Особый интерес представляют собственные именования рассказчика, такие как «Назар Ильич

господин Синебрюхов» (встречается в тексте 10 раз) и «Назар Ильич товарищ Синебрюхов» (появляется 2 раза). В таком самоназывании — претензия принадлежать к высокому социальному слою как дореволюционного, так и послереволюционного времени.

Имена персонажей имеют некий культурно-исторический контекст, который способен дать слушателю и читателю возможность ассоциативного восприятия описываемой реальности. Об этом нам сигнализирует имя и отчество Виктория Казимировна, встречающееся в двух рассказах и не обозначающее действующую героиню, но в одном из них так зовут жену князя, особу, очевидно, благородного происхождения (Виктория – часто встречаемое имя королев в Европе, Казимир – нередкое имя польских правителей), а в другом — это имя дочери мельника, в которую оказывается влюблен герой. В обоих случаях контекст остается неизменным, а желание приукрасить происходившие с ним события отвлекает Назара Ильича от фабулы его рассказов.

Как отмечает М.О. Чудакова в работе «Поэтика Михаила Зощенко», «рассказчик "думает" междометиями» [10, 55]. Обратим внимание на неуместность слова «хорошо-с», которое рассказчик использует для передачи совершенно различных ситуаций. Вот несколько примеров: «Хорошо-с. Прожили мы с ним цельный год прямо-таки замечательно» [4, 57] («Великосветская история», на службе у князя); «Ты,— говорю,— по морде не бейся. Погоны снять — сниму, а драться я не согласен. Хорошо-с» [«Великосветская история», 4, 57]; «Стали тут меня бить босячки инструментом по животу и по внутренностям. И поднял я крик очень ужасный. Хорошо-с» [«Великосветская история», 4, 57]. Как всегда, слово-паразит для автора лишено смысловой нагрузки, но, сохраняя его в речи героя, М. Зощенко достигает важного смыслового эффекта. Герой-рассказчик разоблачает себя, обнажая истинный смысл ситуации, совсем не благоприятный для героя, формально оценившего ее словом «хорошо-с». С его помощью герой-рассказчик разоблачает себя, подтверждая наблюдение В. Шкловского о том, что в сказе истинное положение вещей «как бы случайно прорывается в ... рассказе» [8, 120].

«Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова» — это отражение двух типов сознания: героя и его автора. Речевой уровень не соответствует уровню сознания Назара Ильича. Он пытается скрыть свою неуверенность, отчаянное положение при различных обстоятельствах. М. Зощенко, испытывая сочувствие и человеколюбие по отношению к Синебрюхову, за счет создания однотипных ситуаций, представляющих собой сцены бесконечного унижения героя, за счет объединения их в цикл демонстрирует всю нелепость происходящего с «массовым человеком», тщетно пытающимся сыграть роль успешного и уважаемого «господина», но не имеющего возможность стать «посвященным Богу», соответственно имени, полученному при рождении.

Жанр новеллы, используемый М. Зощенко в циклическом обрамлении, позволяет увидеть не только трагедию главного героя, которому, подобно сказочному персонажу, хочется пройти путь становления, а не полного падения. Этот жанр позволяет раскрыть всю полноту ситуации, в которой оказывается «массовый человек»: быт и обыденность мира, очнувшегося после революции и гражданской войны в России, могут опираться только на бытие. Назар Ильич путает социальное и личностное, отрицает самого себя.

В творческой эволюции М. Зощенко 1920-х годов отразились проблемы всей русской литературы этого периода, и в первую очередь - связь с культурной традицией послереволюционного писателя и нового читателя. Сатирику трудно было выбрать амплуа и удержаться в его рамках: пытаясь представительствовать от лица нового человека 1920-х годов, демонстрирующего свой отказ от предшествующей культуры, от дореволюционного прошлого, М. Зощенко, в то же время, не может принять и «простых» новых ценностей, иронизирует по поводу этого отказа. Искренняя попытка говорить от лица «массового человека» и неизбежная для художника, воспитанного на традициях русской литературы XIX века, ирония над своим героем, обусловленная пониманием его истинного творческого потенциала, делала естественным амбивалентность его творческого амплуа.

Герой М. Зощенко является заложником того поведения, которое навязано ему массой. Испанский социолог Х. Ортега-и-Гассет в работе «Восстание масс» анализирует «феномен стадности» в общественной жизни и связывает его с кризисными явлениями того времени: «Толпы не возникли из пустоты. Население было примерно таким же пятнадцать лет назад. С войной оно могло лишь уменьшиться. Тем не

менее, напрашивается первый важный вывод. Люди, составляющие эти толпы, существовали и до них, но не были толпой. <...> Внезапно они сгрудились, и вот мы повсеместно видим столпотворение. <...> Не повсеместно, а в первом ряду, на лучших местах, облюбованных человеческой культурой и отведенных когда-то для узкого круга – для меньшинства» [2, 17]. По мнению социолога, массы захватывают общественную власть и обесценивают культуру, привнося в нее свою безликость и серость. Таким образом, путь становления Синебрюхова, его попытки выйти из порочного круга быта и бытия, в котором он оказался, оказываются этапами цикла всей жизни, но особенностью данного этапа является не обновление, а разрушение, так как принадлежность героя к культуре масс не несет уже никакого созидательного начала.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Никонова Т.А. «Новый человек» в русской литературе 1900—1930-х годов: проективная модель и художественная практика / Т.А. Нионова. Воронеж, 2003.
- 2. Ортега-и-Гассет Хосе. Восстание масс / Хосе Ортега-и-Гассет. $M_{\star}$, 2005.
- 3. Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы / Е.М. Мелетинский. – М., 1990.
  - 4. Зощенко М. Избранное / М. Зощенко. Л., 1984.
- 5. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности / М.М. Бахтин // Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. М., 1978.
- 6. Гоголь Н.В. Ревизор / Н.В. Гоголь // Русская классическая комедия: Сборник. М., 1989.
- 7. Лесков Н.С. Левша // Н.С. Лесков. Левша: рассказы. Воронеж, 1976.
- 8. Шкловский В.Б. О Зощенко и большой литературе / В.Б. Шкловский // Гамбургский счет: эссе, статьи, воспоминания. СПб., 2000.
- 9. Подшивалова Е.А. Чехов и Зощенко: к вопросу о соотношении авторских сознаний / Е.А. Подшивалова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. Воронеж, 2005. № 1.
- Чудакова М.О. Поэтика Михаила Зощенко / М.О. Чудакова. М., 1979.

Полина Олеговна Щербакова, аспирантка кафедры русской литературы XX-XXI веков филологического факультета Воронежского государственного университета.

E-mail: polynessa@mail.ru

Shcherbakova Polina, graduate student of Russian literature of the XX-XXI centuries of philological faculty of the Voronezh State University.

E-mail: polynessa@mail.ru

УДК 82.4,

УДК 73.04

ОБРАЗ ТОЛСТОГО В СКУЛЬПТУРЕ И МЕМУАРИСТИКЕ И.Я. ГИНЦБУРГА (К ПРОБЛЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ)

© 2013 Г.А. Элиасберг, Г.М. Евтушенко, А.М. Евтушенко

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС)

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы психологии творчества и художественного восприятия на примере мемуарных свидетельств скульптора И.Я. Гинцбурга (1859—1939), посвященных его встречам с Л.Н. Толстым в период 1891—1909 гг. Среди источников приводятся неопубликованные статьи и письма И.Я. Гинцбурга к семье Толстых и В.В. Стасову из архивных коллекций РО Государственного Русского Музея, РО Государственного музея Л.Н. Толстого, РО ИРЛИ (Пушкинский Дом), РО РНБ.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, И.Я. Гинцбург, мемуары, образы в скульттуре, психология творчества. **Abstract:** The article deals with the problems of the psychology of creativity and artistic perception on the example of the memoirs by the sculptor Ylya Ginzburg (1859—1939) devoted to his meetings with Leo Tolstoy during the years 1891—1909. Among the sources for this work are the unpublished articles and letters by I. Ginzburg to the Tolstoy's family and to the art critic V. Stasov from the archival collections of The State Russian Museum, The State Museum of Leo Tolstoy (Moscow), The Institute of Russian Literature (Pushkin's House, St. Petersburg) and The Russian National Library.

Keywords: Leo Tolstoy, Ilya Ginzburg, memoirs, images in sculpture, psychology of art and creativity.

Дневники, письма, мемуарные и автобиографические сочинения, как и произведения литературы и искусства, служат важными источниками для изучения проблем психологии творчества и психологии искусства [1,2,3,4]. Корпус текстов, сложившийся вокруг Л.Н. Толстого, представляет в этом смысле явление уникальное: помимо 90-томного (Юбилейного) Полного собрания сочинений (1928–1964), в которое наряду с художественными текстами и публицистикой вошли дневниковые записи 1847—1910 гг., автобиографические произведения («Исповедь», «Моя жизнь» и другие), 31 том писем, существует также обширная мемуарная и эпистолярная литература о Толстом, включающая «Дневники» С.А. Толстой и ее книгу «Моя жизнь», мемуары ее сестры Т.А. Кузьминской и детей Толстых, дневники и мемуарные свидетельства секретарей Л.Н. Толстого: П.И. Бирюкова, В.Ф. Булгакова, Н.Н. Гусева, Д.П. Маковицкого, В.Г. Черткова, а также других современников писателя [5,6]. В периодической печати конца XIX – начала XX вв. публиковались многочисленные беседы, интервью и репортажи русских и иностранных журналистов о встречах с Л.Н. Толстым [7].

Личность Толстого как писателя и мыслителя привлекала внимание его современников, занимавшихся проблемами психологии творчества, среди которых был известный итальянский психиатр Чезаре Ломброзо, посетивший Толстого в Ясной Поляне в августе 1897 г., и его венский ученик Макс Нордау, посвятивший Л. Толстому главу в своей нашумевшей книге «Вырождение» (1892), в которой рассматривалось влияние религиозно-философских сочинений Толстого [8; 9,106—123]. Среди исследований российских ученых рубежа XIX-XX вв., развивавших психологическое направление в русском литературоведении, отметим работы о Толстом А.А. Потебни и его последователей Д.Н. Овсянико-Куликовского и А.Г. Горнфельда, печатавшихся в сборниках «Вопросы теории и психологии творчества» (Харьков, 1907—1923) [10,11,12].

В связи с изучением вопросов психологии творчества Л.Н.Толстого особый интерес представляют мемуарные свидетельства людей искусства: пианиста А.Б. Гольденвейзера, композитора С.И. Танеева, а также многолетняя переписка писателя с художниками Н.Н. Ге, И.Е. Репиным и критиком В.В. Стасовым, воспоминания И.Е. Репина, Л. О. Пастернака, М.Н. Нестерова и других

© Г.А. Элиасберг, Г.М. Евтушенко, А.М. Евтушенко, 2013

художников [13, 14, 15, 16]. К этому ряду источников для изучения психологии писателя и восприятия его творчества людьми искусства относятся и мемуарные статьи скульптора Ильи Яковлевича Гинцбурга (1859–1939), несколько десятилетий трудившегося над образом Толстого и создавшего ряд статуй, бюстов, статуэток Л.Н. Толстого, барельефов и плакеток с изображением писателя и сцен из его произведений [17, 140-161]. В Ясной Поляне, где скульптор неоднократно бывал, он сумел сделать непосредственно с натуры четыре статуэтки, два бюста, барельефы и несколько рисунков. В монографии «Русская скульптура второй половины XIX – начала XX века» (1989) искусствовед И.М. Шмидт писал: «Гинцбургу принадлежит видная роль в создании портретной галереи Льва Николаевича Толстого... С 1890 года над скульптурными портретами этого великого человека с вдохновением трудились художники Н.Н. Ге, И.Е. Репин, скульпторы И.Я. Гинцбург, П.П. Трубецкой, Н.А. Андреев, С.Д. Меркуров. К тому же именно в 1890-е годы...Толстой всего активнее высказывался об искусстве, что находило живейший отклик в художественных кругах России <...> Как правило мастера, лепившие писателя с натуры, мемуарами не увлекались. В этом отношении Гинцбург — счастливое для потомков исключение» [18,78].

Статьи-воспоминания И.Я. Гинцбурга передают наблюдения и различные настроения художника в ходе творческой работы, его непосредственное восприятие своей модели и собственную оценку созданных им скульптурных изображений, рассказывают о впечатлениях от живого общения с Толстым и его семьей, передают его трепетное отношение к работам коллег: И.Н. Крамского, Н.Н. Ге, И.Е. Репина, П.П. Трубецкого, Л.О. Пастернака, запечатлевших образ Толстого. Эти мемуары свидетельствуют об особом заинтересованном отношении писателя к собеседникам-художникам. Воспоминания Гинцбурга передают настроения и интеллектуальную атмосферу дома Толстых, демонстрируют влияние Толстогомыслителя на формирование эстетических воззрений скульптора. Эти тексты, а также письма И.Я. Гинцбурга к Л.Н. Толстому, В.В. Стасову, С.А. Толстой, Т.Л. Сухотиной-Толстой, отзывы о нем в переписке В.В. Стасова, М.М. Антокольского и И.Е. Репина, в дневниках Л.Н. Толстого и С.А. Толстой, соотнесенные с ходом работы скульптора над образом Толстого, служат примером, иллюстрирующим механизмы проявления эмпатии («вчувствования», «сопереживания»), проникновения в психику другого в процессе творчества, в ходе межличностного общения и эмоционального сопереживания [19].

Первая статья И.Я. Гинцбурга «Как я работал в Ясной Поляне у Л.Н. Толстого», написанная в августе 1905 г., была опубликована в газете «Русское слово» 4 января 1907 г. Здесь же в октябре 1907 г. к первой годовщине со дня смерти В.В. Стасова вышла вторая статья «Стасов у Толстого». В журнале «Тропинка» была опубликована заметка «У Толстого» (1908, № 16). После смерти Толстого Гинцбург написал воспоминания «Радость жизни» (1910), изданные в журнале «Современный мир» (1911, № 1). В журнале «Голос минувшего» (1916, № 11) была опубликована статья «Художники в гостях у Л.Н. Толстого», ставшая основой для его доклада «Толстой и художники» (1928). Часть этих работ вошла в изданные при его жизни мемуарные сборники «Из моей жизни» (СПб.,1908) и «Из прошлого. Воспоминания» (Пг.,1924), в настоящее время наиболее полным собранием мемуарного наследия И.Я. Гинцбурга остается сборник «Скульптор Илья Гинцбург. Воспоминания, статьи, письма» (1964) под редакцией Е.Н. Масловой [17]. В РО Государственного Русского музея в личном фонде скульптора (Ф. 94) сохранилась также неопубликованная работа «Мое понимание морали и Толстой» (1929) [20]. Документы, относящиеся к его общению с семьей Толстых и работе над созданием монументальных изображений писателя, имеются и в личном фонде И.Я. Гинцбурга в РГАЛИ (Ф. 733).

Толстой как писатель, мыслитель и человек оказал глубокое влияние на И.Я. Гинцбурга, вошедшего в историю русского искусства рубежа XIX-XX вв. созданием целой галереи скульптурных изображений своих современников, представителей творческой интеллигенции, писателей, художников, музыкантов, ученых, которых мастер стремился запечатлеть в привычной для них обстановке в момент работы. «Живость и эмоциональная выразительность лучших работ И.Я. Гинцбурга 1890-х годов довольно ясно говорит о приближении нового этапа развития скульптурного портрета» (Шмидт И.М.) [18, 78]. Среди таких изображений были созданные с натуры статуэтки В.В.Верещагина, В.В. Стасова, П.И. Чайковского, Ф.И. Шаляпина, И.К. Айвазовского, Д.И. Менделеева, В.С. Соловьева, М.Г. Савиной, И.Е. Репина, А.Ф. Кони, Э.Ф. Направника, А.М. Горького, В.И. Сурикова и других, хранящиеся в собраниях Русского музея, Третьяковской галереи, Музея Академии Художеств, Театрального музея им. А.А.Бахрушина. В 1911 г. И.Я.Гинцбург был удостоен звания академика. Выполненные им бюсты, статуэтки, барельефы Л.Н. Толстого собраны в коллекциях Государственного музея Толстого в Москве и Музея Пушкинского Дома (ИРЛИ) в С.-Петербурге.

Начало работы над образом Толстого принципиальный этап в творческой биографии скульптора, воспитанника и ученика М.М. Антокольского и И.Е. Репина, выпускника Академии Художеств, на формирование эстетических и общественных взглядов которого оказало существенное влияние близкое знакомство и длительное сотрудничество с художественным критиком В.В. Стасовым. О детстве в Вильно, годах учебы в Академии Художеств (1878–1886) и поиске своего пути в искусстве И.Я. Гинцбург писал в мемуарах «Как я стал скульптором» (1901), эта работа служила одним из источников для книги С.О. Грузенберга «Психология творчества» (1923) [2]. Рассказ о наблюдениях над своими моделями, изложение собственных творческих задач скульптор продолжил в очерках «Как я работал и учил» (1908—1937); его отдельные воспоминания посвящены работе над портретами В. Серова, А.М. Горького, И.П. Павлова, В.В. Верещагина, Г.В. Плеханова, Ф.И. Шаляпина, а также рассказам о его учителях М.М. Антокольском, И.Е. Репине и В.В. Стасове [17].

В.В. Стасов во многом способствовал сближению Толстого с художниками [16, 17]. Именно он настоятельно советовал И.Я. Гинцбургу начать работу над скульптурным портретом Л.Н. Толстого и сам впервые в 1887 г. обратился с просьбой к писателю о его приезде в Ясную Поляну, однако Толстой, не желавший в то время позировать ни художникам, ни фотографам, ответил отказом. Художники не решались обращаться к нему, поскольку было известно, что даже И.Н. Крамской, специально приехавший в Ясную Поляну в 1873 г., не сразу добился согласия Толстого, которого при первой встрече принял за мужика, а затем обескураженный своей ошибкой, долго уговаривал позировать [16, 64–67; 17, 151–152].

Однако идея запечатлеть образ Толстого, максимально сохранить его автографы, фотографии, личные документы и свидетельства о нем всегда занимала В. В. Стасова, многие годы собиравшего коллекции для Императорской публичной библиотеки С.-Петербурга, где он заведовал Художественным отделом [16, 17-20]. Именно здесь в марте 1878 г. состоялось его личное знакомство с Толстым. С тех пор Стасов отправлял Толстому сотни русских и иностранных книг для работы. Теплые отношения связывали его со всей семьей Толстых [15]. Это стремление к сохранению изображений писателя отражено в его многочисленных письмах к С.А. Толстой. Так, например, 6 октября 1903 г. в ответ на сообщение о планировавшемся приезде кинематографистов в Ясную Поляну В.В. Стасов писал: «Но какое же торжество будет, если все удастся так, как теперь мы здесь мечтаем... Ведь голос, шаги и движения... весь облик ЛЬВА ВЕЛИКОГО останется отпечатанным для целого мира и всех будущих времен, на веки веков! Какое торжество! Какой невероятный праздник!» [21] Однако в 1903 г. Л.Н. Толстой отказался от кинематографических съемок, осуществить эту идею удалось А.О. Дранкову в 1908 г., уже после смерти В.В. Стасова, скончавшегося 10 октября 1906 [22].

В 1908—1909 гг. Л.Н. Толстой отредактировал свои изречения, собранные В.Г. Чертковым для серии открыток с фотографиями писателя. Они были опубликованы под названием «Афоризмы к своим портретам», что свидетельствует о том, как менялось отношение Толстого к публикациям своих изображений [5, Т.40, 425—426, 514].

Преклонение перед гением Толстого, столь характерное для В.В. Стасова, умевшего ценить таланты и открывшего для русского искусства немало выдающихся музыкантов и художников, несомненно, повлияло на формирование особого отношения И.Я. Гинцбурга к великому писателю, над образом которого он работал три десятилетия, активно участвуя в общественных начинаниях по сохранению его наследия: был членом Комитета по подготовке чествования Толстого к его 80-летию (1908), участвовал в организации Толстовской выставки в Петербурге (1909), положившей начало Толстовскому музею, и выставки в Москве (1911), безвозмездно дарил копии своих работ училищам, библиотекам, театрам и литературнохудожественным организациям [5, Т. 78, с.74; 23].

Разрешение на приезд И.Я. Гинцбурга было получено в 1891 г. В своих воспоминаниях «В Ясной Поляне» скульптор живо описывает волнение перед предстоящей работой, которое сразу же заметил Толстой, предложивший помощь в подготовке глины для лепки. В статье «Радость жизни» И.Я. Гинцбург писал, что живой облик Толстого отличался от того, каким он изначально представлял себе гениального писателя, предполагая быть серьезным в его присутствии и «скрывать свою обычную веселость». Однако эти опасения оказались напрасными: скульптор быстро включился в творческую атмосферу, царившую в усадьбе, участвовал в играх и прогулках и даже развлекал собравшихся исполнением мимических сценок, изображая портного, вдевающего нитку в иголку, кухарку и детей, что с восторгом наблюдал Л.Н. Толстой: «Слышу громкий смех Льва Николаевича, — он так заразительно смеется, что за ним хохочут все, и я сам начинаю смеяться... я вижу, как он глазами и ртом повторяет мою мимику» [17, С.150]. Очевидно, что живость и непосредственность Гинцбурга помогли установить доверительные отношения с первой же встречи.

В Ясной Поляне в это же время находился И.Е. Репин, который был знаком с Толстым

с 1880 г., но только в 1887 г. приступил к созданию его портретных изображений [16, 21-24; 14]. Сопоставление рисунков Репина и статуэтки Гинцбурга 1891 г. говорит об общей для двух мастеров задаче — изобразить писателя во время его работы над текстом. В воспоминаниях Гинцбург пишет о знаменитой яснополянской комнате под сводами, где проходили сеансы: «Меня поразила обстановка, в которой он работал: старинный подвал напоминал средневековую келью схимника; сводчатый потолок, железные решетки в окнах... - все это имело какой-то таинственный вид. Толстой, в белой блузе, сидел, поджав ногу, на низеньком ящике, покрытом ковриком, напоминая в этой обстановке сказочного волшебника. Он удивленно на нас посмотрел, когда мы вошли, и сказал:

— Работать пришли? Прекрасно. Так ли я сижу? Мы начали устраиваться. Я уселся возле Репина, который уже кончил свой портрет. Меня восхитила эта работа: обстановка комнаты, свет, падающий из окна, да и сама фигура Льва Николаевича были написаны с удивительною правдивостью и мастерством. (Картина эта находится в настоящее время в Третьяковской галерее.)».

Скульптор признается, что ему было трудно работать: он опасался шуметь, а потому сидел на одном месте, хотя для лепки необходимо было наблюдать натуру со всех сторон: «Мне казалось, что наше присутствие стесняло Льва Николаевича; временами он отрывался от работы и вопросительно смотрел на нас, вероятно, забывая, почему мы возле него сидим.

- Я вам мешаю? спросил он.
- О, нет, отвечал Репин, это мы вам мешаем.
- Нет, сказал Лев Николаевич, только я забываю, что вы меня пишете, и оттого, кажется, меняю позу; у меня такое чувство, точно меня стригут.

Несмотря на все неудобства... я рад был, что работа уже начата» [17, 141].

В этом небольшом фрагменте Гинцбург описал позу Толстого, которую запечатлел в своей статуэтке и передал психологические состояния художников и писателя, оказавшегося в роли модели. Репин постоянно зарисовывал Толстого, что стесняло писателя, сам же Гинцбург не решался беспокоить его помимо сеансов. Рассказчик отмечает, что и художники были объектом пристального внимания со стороны семьи и гостей Толстых, сравнивавших их работы: «Центром всего, конечно, был Лев Николаевич; все, что говорилось, казалось мне, говорилось для него и ради него» [17, 142].

Толстой с интересом наблюдал за своими посетителями, о чем свидетельствуют записи в его

дневнике и письма от 21 и 30 июля 1891 г., адресованные Н.Н. Ге [5, Т.52, с.44–45; Т.66, с.21–24]. Следует отметить, что сам Толстой в молодости увлекался скульптурой, в середине 1860-х гг. он брал уроки лепки у Н.А. Рамазанова, профессора Московского училища живописи, ваяния и зодчества [16, 12]. И.Я. Гинцбург свидетельствовал, что в первый день знакомства Толстой вылепил из воска его бюстик, «верно схватив общую форму головы». Он делал замечания по ходу работы художников, беседовал с ними на религиознофилософские темы, поскольку в то время готовил трактат «Царство божие внутри нас» (1890–1893), интересовался делами в Академии Художеств, а также высказал свое отрицательное мнение о скульптуре как роде искусства: «...наставили по всей Европе... хвалебных монументов людям, которые были недостойны и человечеству вредны... Людей слабых... представляли всегда героями... Скульпторы находились на жалованье у сильных мира и угождали им. Такого позора и в такой степени мы не видим ни в одном искусстве» [17, 142-143]. Эти слова запомнились И. Гинцбургу, много размышлявшему об особенностях скульптурного жанра, и в дальнейшем он с особым вниманием относился к замечаниям Л.Н. Толстого подобного рода.

Настроение молодого мастера живо передает его письмо к В.В. Стасову от 22 июля 1891 г.: «Дорогой Владимир Васильевич!... Все остались довольными моей работою, и меня поздравляли с успехом. На прощанье Лев Николаевич просил передать Вам поклон в следующих выражениях: "Передайте Владимиру Васильевичу от меня поклон и скажите, что ему благодарен за то, что он дал мне возможность познакомиться с Вами; это не лесть, но мне очень приятно было Вам позировать и интересно мне с Вами разговаривать". Не из хвастовства я Вам это все пишу, но ради того, чтобы Вы видели, что Ваше попечение и старания не были напрасны. Скажу более, я даже не ожидал сам, что так успешно сделаю работу и так близко познакомлюсь со Львом Николаевичем» [24].

Не менее красноречивы строки из письма И.Я. Гинцбурга от 29 июля 1891 г., адресованные Татьяне Львовне Толстой, которая сама серьезно занималась живописью и помогала художникам. Словно предваряя свою дальнейшую судьбу, он писал: «Ваше доброе... отношение ко мне и моей работе я никогда не забуду... Не говорю уже о том, что мое знакомство со Львов Николаевичем — близость этой святой гениальной личности навсегда составит эпоху в моей жизни...» [25]

После визита 1891 г. остались две знаковые работы И.Я. Гинцбурга: статуэтка в рабочем кабинете и большой бюст Толстого, экспонировавшийся на выставке в Вене в 1897 г. В письме к П.М. Третья-

кову (15.ІІ. 1892) В.В. Стасов подчеркивал ценность композиционной находки И.Е. Репина и И.Я. Гинцбурга, изобразивших писателя в момент творчества, указав, что подобных работ нет ни в одном из музеев мира [26,145]. Отвечая на замечания в одной из статей литератора В.О. Михневича об изображениях Толстого, В.В. Стасов писал ему 10 декабря 1891 г.: «Досадно, что Вы так не правы, говоря, будто никто не отразил его в портретах, даже Репин. Да разве вы позабыли изумительный, несравненно талантливый портрет Репина 1887 г., да разве вы не видели на позднейшей выставке (Репина и Шишкина) портрет Репина "Толстой в комнате" и "Толстой в саду"? ... Я все это говорю Вам потому, что... слишком много есть нелепого народа, нападающего на Льва Толстого за все, за все, а таких, кто за него — мало. Но Вы, как и я, за... Репин сохранил для будущих поколений... гениальный образ Льва Русского... и прибавлю к этому, еще один молодой художник сделал почти равно с Репиным, но уже в скульптуре. Это Элиас Гинцбург – молодой еврей, которому по моей просьбе Лев Толстой... позволил снять с себя статуйку и бюст. Вышло что-то поразительно — верно и схоже... и (надеюсь) согласитесь, что Толстой воспроизведен в скульптуре (как и в живописи) сходно» [27].

Следующая работа над скульптурным изображением Толстого проходила во время второго визита И.Я. Гинцбурга в Ясную Поляну (28 июля - 11 августа 1897 г.), предварительныенаброски были сделаны по фотографиям, специально присланным С.А. Толстой. Скульптор вспоминал, что ввиду особой занятости писателя ему «совестно было просить позировать, но Татьяна Львовна... просила за него, [она] часто читала вслух те вещи, которые нужны были Льву Николаевичу по ходу его работы над трактатом «Что такое искусство?» [17, 143]. Увидев начатую скульптуру, Толстой согласился на сеанс, несмотря на свою загруженность: в это время он завершал свою 15-летнюю работу (трактат был опубликован в журнале Н.Я. Грота «Вопросы философии и психологии» в ноябре 1897 — феврале 1898 гг.). В 22-х главах этого сочинения Толстой излагал развитие представлений об искусстве и идеалах красоты на разных этапах мировой цивилизации, приводил важнейшие работы западных философов, критически оценивая состояние современного искусства с позиции своих религиозных и общественных взглядов, провозглашая первенство духовных идеалов служения добру, истине и единения людей над стремлением к передаче внешней красоты и получению наслаждений от произведений искусства.

Рассуждения на эту тему не могли не волновать Гинцбурга, воспитанного на идеалах обще-

ственного служения, которые разделяли Репин, Стасов и художники-передвижники, в творческой среде которых формировались его эстетические взгляды. Вместе с тем критика Толстым основ представлений о формах прекрасного не могла не вызывать споров.

Об особой творческой обстановке в Ясной Поляне в те дни свидетельствуют воспоминания А.В. Гольденвейзера [13, 15—16]. Примечательна запись в дневнике Л.Н. Толстого: «Нынче 7 августа 97 г., Ясная Поляна. За это время пропасть гостей: Гинцбург (приятный), Касаткин (менее), Гольденвейзер (не неприятный). Два немца декаденты. Наивный и глуповатый французик... Очень плохо, слабо живу... Продолжаю работать над своей статьей об искусстве. И, странно сказать, — мне нравится. Вчера и нынче читал Гинцбургу, Соболеву, Касаткину и Гольденвейзеру. Впечатление, производимое то самое, какое производит и на меня» [5, Т.53, 149].

Таким образом, в этот приезд Гинцбург стал свидетелем напряженной интеллектуальной работы писателя, что отразилось в созданной им статуэтке: Толстой представлен во весь рост, держащим записную книжку в одной руке. Зритель видит героя в момент его внутренних размышлений, но в то же время он словно открыт для общения, в отличие от статуэтки 1891 г., изображавшей писателя со склоненной над рукописью головой, когда поза модели подчеркивала процесс его работы над текстом. Знание об истории создания этих скульптур помогает понять образы, воплощенные мастером.

Трактат об искусстве вызвал серьезные дискуссии в художественной среде России и Западной Европы, хроника важнейших откликов на работу Толстого приводится в книге Л.Д. Опульской [28, 231–282]. Одной из заметных публикаций тех лет стала статья М.М. Антокольского «По поводу книги графа Л.Н.Толстого об искусстве», написанная им в Париже и изданная в петербургском журнале «Искусство и художественная промышленность» (1898. № 1, 2) [29, 973–983]. Споры о взглядах Л.Н. Толстого на искусство содержатся в переписке М.М. Антокольского, И.Е. Репина, В.В. Стасова. О заинтересованном участии И.Я. Гинцбурга в дискуссиях тех лет свидетельствует его письмо к Л.Н.Толстому от 1 сентября 1897 г.:

«Глубокоуважаемый Лев Николаевич!

В последней превосходной статье Стасова о Н.Н. Ге приводятся несколько раз слова Ге (в письме к Вам): "человек важнее холста". Один мой хороший знакомый, известный художникскульптор, в частном письме высказался против этих слов; я ответил ему... мне очень хотелось бы знать Ваше мнение, так ли я понял слова Н.Н. Ге, и то ли я ответил.

Вот что пишет знакомый мой художник: "Человек важнее холста" — из этого вытекает, что слова выше искусства, — что мельница полезнее хлеба, или наоборот, что язык сильнее кисти... Никогда я не понимал и не понимаю, когда отделяют содержание от формы, когда меняют искусство на слова. Нет, сто раз нет. Искусство — это сильнейший язык души, и если "человек", действительно, дороже "холста", то искусство сильнее слова!...

Мой ответ: "Человек важнее холста" так же, как чувство важнее выражения чувства, как предмет важнее отражения предмета, как содержание важнее формы... Холст занимает нас только потому, что он — близкое выражение человека... отпечаток "человека", очень несовершенный, и очень часто "человека" уничтожает "холст", накопившийся веками, потому, что этот холст был неверным выразителем "человека", а неверным бывает "холст" по очень многим причинам. "Человек" может и должен всегда быть настороже, чтобы "холст" не кривил, но холст, если ему предоставить главенство значения, может легко отклониться от смысла жизни".

...Не перестаю думать о том, что услышал от Вас об искусстве. Это было для меня ново и необычайно важно. В особенности призадумываюсь я теперь над скульптурою; это искусство больше всего мне знакомо. Оно в сравнении с другими искусствами самое отсталое и своею несостоятельностью больше всего доказывает справедливость Вашего взгляда на состояние современного искусства и на оценку его прошлого...». [16,141—142]

Можно предположить, что здесь Гинцбург приводил суждения своего учителя М.М. Антокольского, с которым вел многолетнюю переписку и сообщал о своей работе над образом Толстого и встречах в Ясной Поляне. В пользу этого предположения говорит и письмо Стасова от 2 сентября 1897 г., адресованное Антокольскому [30, Т. 1, 75—76]. В январе 1898 г. Стасов, Гинцбург, художники Н.А. Касаткин, В.В. Матэ и композитор Н.А. Римский-Корсаков стали участниками бурных споров об искусстве, разгоревшихся на вечере в московском доме Толстых после премьеры оперы «Садко» в Большом театре [5, Т. 53,149, 490].

В статьях Гинцбурга «В защиту искусства» (1906), «Эстетизм и свобода художественного творчества» (1909) можно отметить влияние этой широкой дискуссии об искусстве рубежа XIX—XX вв., важной вехой которой стало обсуждение трактата Толстого [17, 184—191].

Третья скульптурная работа, которую Гинцбург упоминает в своих мемуарах, была задумана в 1903 г., когда вместе со Стасовым он собирался посетить Ясную Поляну вскоре после тяжелой болезни писателя. Просить о сеансах для работы Гинцбург не решался, но сделал набросок по памяти и фотографиям С.А. Толстой: «Я был поражен двумя фотографиями, на которых Толстой был изображен в кругу своей семьи, сидящим в кресле, в обычной своей позе...» В яснополянском доме во время беседы Стасова и Толстого скульптор решил закончить свою работу, и когда Толстой увидел набросок, он произнес: «Уж вы меня так знаете, что, кажется, наизусть смогли бы меня вылепить. — И его более не стесняли мои наблюдения» [17, 146].

Однако полноценно работать с натуры художнику не удалось: мешали опасения побеспокоить писателя, а сеансом, на который тот дал согласие, Гинцбург не смог воспользоваться в полной мере, т. к. во время лепки писатель предложил прочитать рассказ «После бала». Увлеченный повествованием и манерой чтения, скульптор оставил работу: «На этот раз не одни глаза мешали мне работать; руки мои дрожали, и я боялся, что, дотронувшись до статуэтки, я сомну ее. Статуэтка эта так и осталась неоконченным наброском. Но она мне дороже других работ, она живо напоминает мне тот вечер, когда чувства и мысли Толстого взволновали меня так, что заставили забыть и себя и свою работу» [17, 147].

В 1903 г. в своей мастерской в Академии Художеств Гинцбург создал большую статую Толстого, сидящего в кресле с раскрытой книгой в руках. В этой работе подчеркивался образ писателя-философа. В то время изображение Толстого-мыслителя занимало многих художников и скульпторов, что было характерно, например, для второго варианта картины И.Е. Репина «Толстой в лесу» (1901), в которой он развил композицию своего раннего полотна «Толстой на молитве» (1891), и для портрета Толстого на фоне грозового неба работы Л.О. Пастернака (1901). Подобная трактовка образа стала прямым откликом художников на общественную ситуацию, возникшую после публикации Определения Синода с «посланием о графе Льве Толстом», в котором утверждалось «отпадение его от церкви» («Церковные Ведомости». 1901. 24 февраля. № 8. С. 1).

Образ писателя-мыслителя, задуманный И.Я. Гинцбургом в 1903 г., развивался и в дальнейших его работах 1908, 1909 гг. По этому эскизу была выполнена монументальная статуя Толстого для библиотеки С.-Петербургского Политехнического института (1911). Можно предположить, что последовательная работа скульптора над подобной трактовкой была призвана отразить то видение Толстого, которое было характерно для восприятия В.В. Стасова, писавшего о «могучем гении Льва Великого». В статье «Радость

жизни», написанной после известия о кончине Толстого, Гинцбург замечал: «Кто видел Толстого и наблюдал его живую, восприимчивую натуру, тот мог убедиться, что все, что издалека казалось противоречивым, на самом деле было только мыслью в движении, неустанной, напряженной работою мысли» [17, 148].

В то же время в своих воспоминаниях 1910—1920-х гг. Гинцбург подчеркивал простые и по-человечески понятные детали в характере писателя: «Вечно занятый своими глубокими идеями, глядевший своими проницательными глазами вглубь времени, он, вместе с тем, страстно любил наблюдать и окружавшую его живую жизнь... Мельчайшие черты в характере собеседника не ускользали от его острого взора, — взора не судьи, не критика, а художника, всегда влюбленного в разнообразную и сложную природу человека» [17, 151]. Доклад «Толстой и художники» (1928) был посвящен истории взаимоотношений писателя и работавших с ним мастеров живописи. Гинцбург свидетельствовал об особом внимании Толстого к творчеству И.Н. Крамского, Н.Н. Ге, И.Е. Репина, Л.О. Пастернака, о его заинтересованном общении со скульпторами Н.Л. Аронсоном, П. Трубецким, Н.А. Андреевым. Талант и труд художников-современников позволили создать уникальную в своем роде галерею изображений Л.Н. Толстого [17, 159–162].

В заключение укажем на еще один текст И.Я. Гинцбурга – ответы на анкету С.О. Грузенберга о творчестве, помещенную в его книге «Гений и творчество: Основы теории и психологии творчества» (1924), в которой развивалась теория эстетического восприятия, противопоставлялись рационалистическая и мистическая концепции творчества. В примечании к публикуемой анкете С.О. Грузенберг писал: «В сообщении проф. И.Я. Гинцбурга заслуживает внимания характеристика манеры работать Репина, Л.Н. Толстого, Чайковского, Рубинштейна, Серова и В.В. Стасова» [31, 236-237]. В мемуарных статьях И.Я. Гинцбурга, рассказывающих об общении с этими великими людьми и его работе над их изображениями, переданы многие бытовые и психологические детали, важные для изучения процесса художественного восприятия и творчества. Воспоминания о Толстом служат важным источником для изучения особенностей восприятия писателя и скульптора. В то же время они свидетельствуют об огромном влиянии общественных и эстетических взглядов писателя на художественную жизнь России рубежа XIX-XX вв.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Выготский Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1987. – 344с.

- 2. Грузенберг С.О. Психология творчества. Введение в психологию и теорию творчества / С.О. Грузенберг. Т. 1. Минск : Белтрестпечать, 1923. 169 с.
- 3. Ранкур-Лаферьер Д. Русская литература и психоанализ / Д. Ранкур-Лаферьер / Пер. с англ. М. : Ладомир, 2004. 1018 с.
- 4. Бибихин В.В. Дневники Льва Толстого / В.В. Бибихин. СПб. : ИД Ивана Лимбаха, 2012. 480 с.
- 5. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений [Юбилейное издание (1828—1928)]: В 90 тт. М.: ГИХЛ: 1928—1956.
- 6. Лев Николаевич Толстой в воспоминаниях современников: В 2 кн. / Сост. Г. Краснов. М.:ХЛ,1978.
- 7. Интервью и беседы с Львом Толстым / сост. и комм. В.Я. Лакшина. — М., 1986-525 с.
- 8. Ломброзо Ц. Мое посещение Толстого / Ц. Ломброзо. Carouge (Geneve) : М. Elpidine, 1902-13 с.
- 9. Нордау М. Вырождение / М. Нордау / перев. с нем. и предисл. Р.И. Сементковского. М.: Республика, 1995. 400 с.
- 10. Черновые заметки А.А. Потебни о Л. Н. Толстом и Достоевском / Публ. Б.А. Лезина // Вопросы теории и психологии творчества. 1914. Т. V. С. 263—292.
- 11. Горнфельд А.Г. Пути творчества / А.Г. Горнфельд. Пг., 1921. 232 с.
- 12. Овсянико-Куликовский Д.Н. Лев Николаевич Толстой: очерк его художественной деятельности и оценка его религиозных и моральных идей / Д.Н. Овсянико-Куликовский. Изд. 2-е. М.: URSS, 2011. 160 с.
- 13. Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого (Записки за пятнадцать лет) /
  - 14. A.Б. Гольденвейзер. M. : Захаров, 2002. 652 с.
- И.Е. Репин, Л.Н. Толстой. Переписка: В 2 т. / Ред. М.К. Добрынин, К.Н. Ломунов. — М.-Л.: Искусство, 1949.
- 16. Толстой Л.Н., Стасов В.С. Переписка, 1878-1906 гг./ Ред. и прим. В.Д. Комарова и Б.Л. Модзалевского. М. : Прибой, 1929.-429 с.
- 17. Л.Н. Толстой и художники: Л.Н. Толстой об искусстве. Письма, дневники. Воспоминания / Сост. и автор предисловия И.А. Бродский. М.: Искусство, 1978. 373 с.
- 18. Скульптор Илья Гинцбург. Воспоминания. Статьи. Письма / Сост. Е.Н. Маслова. Л. : Художник РСФСР, 1964.-280 с.
- 19. Шмидт И.М. Русская скульптура второй половины XIX начала XX века / И.М. Шмидт. М. : Искусство, 1989. 304 с.
- 20. Басин Е.Я. Творчество и эмпатия / Е.Я. Басин // Басин Е.Я. Теоретические проблемы искусства. Логика, психология, эстетика, социология. М.:КомКнига, 2010. C.109—128.
- 21. Гинцбург И.Я. Мое понимание морали и Толстой / И.Я. Гинцбург // Отдел рукописей Государственного Русского Музея. Φ . 94. оп. 1. е.х. 19.
- 22. Стасов В.В. Письмо к С.А. Толстой от 6 октября 1903 / ОР ГМТ. Ф. 1. Е.Х.10520. Л. 20.
- 23. Лурье С. Толстой и кино / С. Лурье // Л.Н. Толстой / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М. : Изд-во АН СССР, 1939. Кн. II. С. 713—721.

Г.А. Элиасберг, Г.М. Евтушенко, А.М. Евтушенко

- 24. Богучарский В.Я. Дом-музей имени Л.Н. Толстого в Петербурге (история этого начинания и его положение в настоящее время) / В.Я. Богучарский. СПб., 1909. 33 с.
- 25. Гинцбург И.Я. Письмо к В.В. Стасову от 22 июля 1891 г. // РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 1. Е.Х. 265. Л. 3.
- 26. Гинцбург И.Я. Письмо к Т.Л. Толстой от 29 июля 1891 г. // ОР ГМТ. Ф. 42. Е.Х. 1815.
- 27. Переписка П.М. Третьякова и В.В. Стасова: 1874—1897. М.-Л.: Искусство, 1949. 283 с.
- 28. Стасов В.В. Письмо к В.О. Михневичу от 10 декабря 1891 г. //ОР РНБ Ф.14. Е.Х. 147. Л.1.
  - 29. Опульская Л.Д. Лев Николаевич Толстой. Материалы

к биографии писателя с 1892 по 1899 г / Л.Д. Опульская / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. — М., 1998. — 408 с.

- 30. Антокольский М.М. По поводу книги графа Л.Н. Толстого об искусстве / М.М. Антокольский // Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи / Под ред. В.В. Стасова. СПб.; М: Издание Товарищества М.О. Вольф, 1905. С. 973—983.
- 31. Стасов В.В. Письма к деятелям русской культуры : В 2 т. М. : Академия наук, 1962-1967.
- 32. Грузенберг С.О. Гений и творчество : Основы теории и психологии творчества / С.О. Грузенберг. Изд. 2 е. М. : КРАСАНД, 2010. 264 с.

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва

Элиасберг Г. А., преподаватель Центра библеистики и иудаики РГГУ, кандидат филологических наук, E-mail: GAEliasberg@gmail.com

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва

Евтушенко Γ . M., доцент кафедры аудиовизуальных документов и архивов, кандидат искусствоведения E-mail: galka 7@yandex.ru

Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС), Москва Евтушенко А. М., аспирантка Российской государственной академии интеллектуальной собственности (РГАИС),

E-mail: olive-oil@inbox.ru

Russian State University for the Humanities (RSUH) Eliasberg G. A, lecturer of the Research Center for Biblical and Jewish Studies RSUH, PhD philology E-mail: GAEliasberg@gmail.com

Russian State University for the Humanities (RSUH) Evtushenko G. M., assistant professor of the Department of audiovisual documents and archives RSUH, PhD Art Criticism

E-mail: galka7@yandex.ru

Russian State Academy of Intellectual Property Evtushenko A. M., post-graduate student, Department of Copyright and Allied Rights

E-mail: olive-oil@inbox.ru

УДК 32.019.5

ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА: ОТ ДЕГРАДАЦИИ К ТРАНСФОРМАЦИИ

© 2013 Р. В. Жолудь

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 27 марта 2013 года

Аннотация: Статья посвящена трансформации границ публичной сферы под влиянием социальных медиа в Интернете. Понятие публичности рассматривается во взаимосвязи с понятием приватности в различных социологических и политических теориях.

Ключевые слова: публичная сфера, частная сфера, социальные медиа, Интернет.

Abstract: The article is devoted to the transformation of borders of the public sphere under the influence of social media on the internet. The concept "publicity: is studied in interaction with the concept "privacy" in various sociological and political theories.

Key words: public sphere, private sphere, social media, internet.

1. ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА: ОТ СТАНОВЛЕНИЯ ДО УПАДКА

Вопросы разделения личного и общественного пространства уходят своими корнями далеко в прошлое. Частное, или приватное пространство, начиная с античности, ограничивалось, как правило, сферами дома, семейных отношений. Законодательные нормы, защищающие частную жизнь, начали формироваться во время буржуазных революций и нашли свое закрепление, в частности, в конституции Франции и в Билле о правах США. Однако в научной правовой сфере идея о неприкосновенности частной жизни была озвучена только в 1890 году американскими юристами Луисом Брендейсом (Louis Brandeis) и Сэмуэлем Уорреном (Samuel Warren) в статье The Right to Privacy в журнале Harvard Law Review [1]. На сегодняшний день право на неприкосновенность частной жизни в законодательстве рассматривают обычно вместе с правом на личную и семейную тайну, а также с правом на защиту своей чести и доброго имени [2]. Право на неприкосновенность частной жизни получило свое закрепление в международном (например, в Европейской конвенции о защите прав человека) и национальных законодательных актах.

В западной социологии сформировалось устойчивое понятие «частная сфера» (private-sphere), под которым обычно понимают часть общественной жизни, в которой индивид обладает некоторой степенью власти, свободной от вмешательства правительства или других институтов. Как правило, социологами понятие

«частная сфера» рассматривается в оппозиции и связи с понятием «публичная сфера».

Понимание публичной сферы также формировалось на протяжении всей истории западной цивилизации - от древнегреческих общественных взаимоотношений и европейского средневекового этикета до современного осмысления деформации традиционных границ публичности. В философии пристальное внимание этому вопросу стали уделять только в XX веке. Так, Ханна Арендт в своей работе *The Human Condition* (1958) разделяет политическую жизнь индивида на общественную область (publicrealm), в которой собственно проходила политическая жизнь индивида, и частную (privaterealm), местонахождение его собственности. Х. Арендт, апеллируя к Аристотелю, рассматривает общественную область как сферу проявления свободы, демократии и противопоставляет ее частной области, в которой находятся рабы, женщины и дети, и где царит насилие, угнетение и бесправие. Рассматривая трансформацию общественной области с течением времени, исследователь говорит о постепенном упадке публичной сферы [3].

Немецкий философ Юрген Хабермас вводит понятие «публичной сферы» в своей работе *The Structural Transformation of the Public Sphere*, впервые опубликованной на немецком языке в 1962 году. В ней он рассматривает оформление публичной сферы в Европе, начиная с эпохи Возрождения. Публичная сфера являлась, по Ю. Хабермасу, пространством между частными лицами и государственными органами, в котором люди могли бы встречаться и вести публичные дебаты об общественных вопросах. Публичная

© Р. В. Жолудь, 2013

сфера формировалось как явление буржуазное, при этом свойственное обществу со свободным рынком. Поэтому уже во второй половине XIX в. начинается трансформация публичной сферы, которая продолжается в XX столетии под воздействием массового общества и «потребительского капитализма»: размываются границы между частным и общественным, между обществом и государством. Восстановление и сохранение публичной сферы важно, так как оно, по Ю. Хабермасу, является источником общественного мнения, необходимого для «легитимации власти в любой функционирующей демократии». То есть публичная сфера — это понятие, имеющее прагматическую ценность, так как она с помощью «коллективного разума» рождает предложения для государственной власти, дает возможность решения проблем ненасильственным путем, с помощью конструктивного диалога. Заметим, что развитие масс-медиа Ю. Хабермас рассматривает как причину для появления псевдопубличной области культурного потребления, лишенной критического и политического потенциала [4].

Ричард Сеннет в работе «Падение публичного человека» (1978) вслед за Ю. Хабермасом говорит о необходимости разделения публичной и частной сфер. Он также утверждает, что публичная сфера в XX веке уничтожается из-за того, что люди рассматривают общественные проблемы с позиций личных интересов, не интересуются вопросами политики, не считают себя ответственными за то, что происходит в государстве, не рассматривают себя как равноправных граждан, оценивают политических деятелей не по объективным параметрам, а по субъективным ощущениям и признаку «свой / чужой». Публичная сфера утрачивает свою былую значимость и привлекательность, так как воспринимается людьми в качестве формального, безликого пространства. Частная сфера наоборот получает чрезмерное распространение и значение. Наступает эра радикального субъективизма — «падение публичного человека», окончательная победа «общества интимности», «тирания интимности», «расцвет нарциссизма» [5].

Сэйла Бенхабиб (Seyla Benhabib) в работе *The Claimsof Culture* (2002) продолжает тему деформации публичной сферы. По ее мнению, постиндустриальная «новая публика» в силу используемых технологий коммуникации не локализуется в одном месте, а находится сразу во множестве мест. Поэтому такая публика не может обладать силой, необходимой для существования публичной сферы, ее коммуникация носит формальный характер. Это заметно при рассмотрении публичных дебатов: несмотря на широкие технические возможности для участия, качество самих дебатов очень низкое. Сегодняшняя публичная

сфера — это нарциссическая самопрезентация, считает исследователь [6].

Однако многие современные авторы не акцентируют внимание на кризисе публичной сферы, а определяют ее нейтрально, например, как «дискурсивное пространство, в котором индивиды и группы собираются для обсуждения вопросов, представляющих взаимный интерес, и где возможно прийти к общему решению» [7] или «сфера социальной жизни, в которой может быть сформировано общественное мнение» [8].

2. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ И ЧАСТНОЙ СФЕР В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТА

С развитием интернет-коммуникаций возникают оптимистические теории, которые рассматривают существование публичной сферы в новых информационных условиях, в среде виртуальных интернет-коммуникаций (теории т. н. «кибердемократии», «цифровой демократии», «электронной демократии» [9]. Основной акцент в них делается, как правило, на новые возможности, которые дают интернет и социальные сети для актуализации публичной сферы.

Так, анализу трансформации частной и публичной сферы под влиянием социальных медиа посвящено исследование Зизи Папахарисси (Zizi Papacharissi) A PrivateSphere: Democracyina Digital Age (2010) [9]. В отличие от многих исследователей, она делает акцент именно на частной сфере, которая вступает в фазу конвергенции с публичной сферой. При этом слияния не происходит: можно говорить о публичной приватности (раскрытие частной жизни в публичной сфере) и приватной публичности (ограничение аудитории, перед которой происходит презентация частной сферы). В качестве примера, демонстрирующего такие явления, можно привести социальные сети в Интернете, в которых репрезентация частной жизни занимает важную часть коммуникаций; при этом существуют механизмы ограничения аудитории).

Исследователь упоминает о таких социальных процессах, как приватизация публичной сферы, появление представлений о приватности как продукте потребления, переход публичной деятельности на частную территорию благодаря Интернету, влияние технологий на конвергенцию частного и публичного.

Какова структура этой конвергенции? Автор указывает на следующие процессы:

- слияние технологии, индустрии, культуры, социальной сферы;
- сосуществование разных медиа, их взаимопроникновение на основе кроссплатформенных механизмов, миграция аудитории между ними;

- смешанный контент;
- размывание границ между производством и потреблением информации, между созданием и использованием медиа, между активным и пассивным зрителем.

Под действием новых медиа изменяется и поведение гражданина. Происходит перенастройка привычек, появляется желание автономии, выражения (эмоций, мыслей и т. д.) и контроля над информационными потоками, стремление выносить частное в публичное. Индивид под влиянием Интернета все чаще действует по схеме «в одиночестве, но на связи» (alone but connected).

- 3. Папахарисси выделяет пять тенденций в поведении индивида в новых медиа.
- 1. Включенность в сети и формирование культуры удаленного соединения. Это выражается в одновременной дистанции и близости субъектов, включенности в их коммуникацию частной сферы и интересе к социальным сетям. Последние привлекают индивида многочисленной потенциальной аудиторией, возможностью дружеского общения в частной сфере и широкого охвата в публичной, возможности самореализации в пространстве, где поддерживаются уже упоминавшиеся ценности автономии, выражения и контроля
- 2. Проявление «нового нарциссизма» в виде блоггинга. Здесь исследователь идет за своими предшественниками и рассматривает деятельность человека в социальных медиа как определенного рода нарциссизм. К его отличительным особенностям она относит получение удовольствия от результатов своей деятельности в автономных сообществах (например, лидерство в интернет-сообществах, форумах и т. п.), атомизацию выражения политических взглядов, деинституциализацию политической власти, замену журналистики блоггингом и использование последнего как проявления несогласия.
- 3. Возрождение сатиры. Здесь исследователь, анализируя сервис *YouTube*, приходит к выводу о том, что юмор, насмешка, проявление неуважения в контенте сервиса выступают как некая форма проявления демократии. Использование подобных сервисов дает возможность расширения спектра политической деятельности и предоставляет возможность прямой коммуникации без репрезентативной системы.
- 4. Агрегация новостей в социальных медиа и множественная совместная фильтрация. Здесь новые медиа дают возможность традиционно пассивному зрителю получать определенную политическую значимость благодаря инструментам фильтрации информации в социальных сетях. Этот механизм российский исследователь А. Мирошниченко называет «виртуальным редактором»

- [10]. Речь идет о том, что аудитория, выбирая важную для себя информацию, распространяет ее в социальных сетях дальше. Соответственно, информация, не заинтересовавшая пользователей социальных сетей, фильтрацию / виртуальное редактирование не проходит. Таким образом, как считает 3. Папахарисси, чтение превращается в политический акт. Более того, обозначенный механизм она сравнивает с «мудростью коллективного разума пчелиного улья».
- 5. Полемический плюрализм онлайн-активизма. Новые медиа дают индивиду возможность проявлять гражданскую активность в Интернете непостоянно, выбирать при этом удобные для него время, формы и способы ее проявления.

Частная сфера отражается в социальных медиа специфическим образом: не вся приватная информация воспринимается индивидом одинаково. Это могут быть сведения, которые относятся к частной сфере, но в их распространении владелец не видит ничего предосудительного или опасного. Но это могут быть и частные сведения, нежелательные для распространения. Поэтому в данном случае под условием сохранения приватности индивид обычно подразумевает возможность управления информацией о себе.

Представления о приватности будут отличаться в зависимости от контекста коммуникации между отдельными пользователями, от отношений между ними, типа социальных сетей (в сочлененных и поведенческих сетях пользователи по-разному выстраивают свои связи) [11].

Еще одна особенность отношения к частной сфере в социальных сетях выражается формулой «общедоступное не значит публичное». Иными словами, даже если информация из частной сферы пользователя открыта для доступа, это не обязательно означает его согласие на ее распространение.

3. ПОСЛЕДСТВИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ГРАНИЦ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ДЛЯ СМИ

Итак, в современном медийном пространстве складывается ситуация, в которой при конвергенции частного и публичного пространства возникают новые проблемы функционирования СМИ. Обозначим их следующим образом.

1. Проблема актуализации публичной сферы в Интернете. Как отмечалось выше, многие исследователи склонны полагать, что благодаря различным факторам (массовое общество, потребительский капитализм, тотальный субъективизм и т. п.) публичная сфера деформируется и утрачивает свои функции формирования общественного мнения и влияния на институты власти. При этом современные массовые коммуникации

рассматриваются как бесплодная имитация публичной сферы.

С другой стороны, есть явные признаки того, что гражданские коммуникации в Интернете (блоггинг, гражданская журналистика, онлайнактивизм) не замыкаются сами на себе в виртуальном пространстве, а влияют на реальные политические процессы. Примерами такого влияния могут быть, например, координационные действия российской оппозиции для организации акций протеста в конце 2011 — начале 2012 гг., организация международной помощи пострадавшим при аварии на АЭС в г. Фукусиме (Япония) в 2011 г., совместные действия добровольцев при тушении массовых лесных пожаров в России летом 2010 г. и т. п. Таким образом, очевидно, что правильнее говорить не о деформации, а трансформации публичной сферы, ее специфической актуализации в пространстве интернет-коммуникаций.

- 2. Проблема защиты частной жизни в социальных сетях. Сайты социальных сетей, содержащие информацию о частной жизни индивида, одновременно являются для журналиста большой базой данных и потенциальным источников конфликтов в юридической и этической сферах. С одной стороны, использование персональных данных из социальных сетей может стать важным инструментом для проведения журналистского расследования. С другой, оглашение этих сведений может привести к самым разным последствиям: нарушению этических профессиональных норм, судебным процессам по защите частной жизни и т. п. Поэтому в своей практической деятельности журналисты должны осознавать важное условие использования контента из социальных сетей: открытая для свободного доступа информация не подразумевает свободу ее распространения.
- 3. Проблема достоверности и репрезентативности информации, собранной из социальных сетей. Необходимо помнить, что индивид размещает далеко не всю информацию по тому или иному вопросу, а только ту часть, которую считает нужной. Более того, самопрезентацию в социальных сетях можно считать в некотором смысле творческим актом, т. к. индивид скорее выстраивает образ себя (сознательно или

бессознательно), нежели стремится к точному воспроизведению собственных социально-психологических характеристик. «Раскрытие информации в соцсетях подобно танцу с веером — мы что-то приоткрываем, что-то закрываем» [12], — говорит один из исследователей. В связи с этим журналистам необходимо понимать, что простое воспроизведение и статистический анализ информации, собранной в социальных медиа, не будут репрезентативными и достоверными.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Cm.: Seipp David J. The right to privacy in American history / David J. Seipp. Cambridge, 1981.
- 2. Энциклопедия юриста // (http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc law/1701/ПРАВО).
- 3. Arendt Hannah. The Human Condition. 2st ed. / Hannah Arendt. Chicago, 1998.
- 4. Habermas Jurgen. The Structural Transformation of the Public Sphere / Jurgen Habermas. Cambridge, 1989.
- 5. Сеннет Ричард. Падение публичного человека / Ричард Сеннет. М., 2002.
- 6. Benhabib Seyla. The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era / Seyla Benhabib. Princeton, N.J., 2002.
- 7. Hauser Gerard. Vernacular Dialogue and the Rhetoricality of Public Opinion / Gererd Hauser // Communication Monographs. 1998. Vol. 65, Iss. 2. P. 86.
- 8. Asen Robert. Toward a Normative Conception of Difference in Public Deliberation / Robert Asen // Argumentation and Advocacy. 1999. Vol. 25 (Winter). P 115—129. См., напр.: Cyber democracy: Technology, Cities and Civic Networks / edited by Roza Tsagarousianou, Damian Tambini, and Cathy Bryan. London; New York, 1998; Digital Democracy: Issues of Theory and Practice / edited by Kenneth L. Hacker & Jan van Dijk. London, 2000; E-democracy: AGroup Decision and Negotiation Perspective / edited by David Rios Insua, Simon French. New York, 2010.
- 9. Papacharissi Zizi. A Private Sphere : Democracy in a Digital Age / Z. Papacharissi. Cambridge, 2010.
- 10. Мирошниченко А. Когда умрут газеты / А. Мирошниченко. М., 2011.
- 11. Boyd Danah. Making Sense of Privacy and Publicity / Dana Boyd. (http://www.danah.org/papers/talks/201).
- 12. Jurgenson Nathan. Rethinking Privacy and Publicity on Social Media / Nathan Jurgenson. (http://thesocietypages.org/cyborgology/2011/06/30/rethinking-privacy-and-publicity-onsocial-media-part-i/).

Жолудь Р. В.

Воронежский государственный университет, факультет журналистики, кафедра теории и практики журналистики, к. филол. н., доцент. E-mail: roman@21vek.org. Zholud R.V.

Voronezh State University, the Faculty of Journalism, the Chair of Journalism Theory and Practice, associate professor, PhD.

E-mail: roman@21vek.org.

УДК 070.11 (470)

СУБОРДИНАЦИОННЫЕ И КООРДИНАЦИОННЫЕ СВЯЗИ В СИСТЕМЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СМИ

© 2013 А. А. Кажикин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 27 марта 2013 года

Аннотация: Статья посвящена трансформации субординационных и координационных связей в системе СМИ в постсоветский период развития. Дана характеристика разновидностям структурной и функциональной иерархии. Определены уровни внешней функциональной субординации в современной системе СМИ.

Ключевые слова: система СМИ, субординация и координация, СМИ и власть.

Abstract: The article is devoted to the subordinate and coordinating communications transformation in the postsoviet media system. It describes the characteristics of different types of structural and functional hierarchy. Also the article defines the levels of external functional subordination in the modern system of mass media.

Keywords: media system, subordination and coordination, mass media and government.

В теориях систем, разработанных авторами как в советские годы, так и в последнее время, наличие или отсутствие иерархии среди элементов достаточно часто используется в качестве одного из классификационных оснований, благодаря которому выделяют стандартную пару разновидностей систем: иерархические и неиерархические. В настоящее время большинство исследователей сходятся во мнении, что существует как структурная, так и функциональная иерархия. Что касается структурных взаимосвязей, здесь, как правило, выделяют три их разновидности: 1) когда элементы являются по отношению друг к другу внешней средой; 2) когда элементы имеют общие части, частично пересекаются; 3) когда один элемент системы целиком входит в другой. Лишь при наличии последнего вида связи можно считать, что в системе присутствует структурная иерархия. Функциональные взаимосвязи можно также разделить на три основных вида: 1) элементы функционально не связаны друг с другом; 2) элементы какой-либо системы функционально взаимозависимы (координационная взаимосвязь); 3) один элемент функционально подчинен другому (субординационная взаимосвязь). В этом втором случае наличие иерархии признается тогда, когда в системе действуют субординационные взаимосвязи.

Рассматривая систему СМИ и, в частности, прессу с точки зрения высказанных мыслей, можно отметить, что в ней встречаются как структурные отношения, в том числе иерархические (например, вхождение газет, журналов в медиа-

холдинги), так и функциональные отношения между изданиями (в рыночных условиях они строятся преимущественно на координационных связях взаимозамещения (конкуренции).

В условиях существования Советского Союза превалировали субординационные взаимосвязи, по причине чего многие исследователи не без оснований утверждают, что система советской печати была гораздо более иерархичной, нежели нынешняя система. На наличие иерархических связей в системе советской периодики в середине 80-х годов XX века указывал один из исследователей отечественной периодики Е. В. Ахмадулин: «Система печати иерархична как по горизонтали (в зависимости от положения издателя в обществе), так и по вертикали (в зависимости от административно-территориального деления)» [1]. Советские газеты, журналы, телевидение и радиовещание в совокупности составляли единый монолитный организм, к главным функциям которого относились пропаганда, агитация и

Субординационные связи устанавливались партийными органами в столице и на местах и определяли строгую вертикальную функциональную иерархию, начиная с центральных всесоюзных изданий и заканчивая многотиражной заводской прессой. Разрешительный характер учреждения новых печатных органов позволял полностью контролировать всю совокупность периодики на территории бывшего Советского Союза, вести учет и анализ. Благодаря этому можно с уверенностью говорить, что это действительно была система СМИ, обладающая целостностью.

© А. А. Кажикин, 2013

Важно отметить, что субординация была внутренней и внешней. Первая проявлялась в том, что центральные органы печати нередко публиковали критические материалы, которые, по сути, были директивными указаниями к действиям газетам регионального уровня, а областные издания, в свою очередь, были непререкаемым авторитетом для районной прессы. Например, одной из главных задач воронежского областного журнала «Ленинская печать» в свое время было руководство работой районных и совхозных газет. В своей книге «Очерки истории партийно-советской печати Воронежской области (1917-1945)» профессор Г. В. Антюхин пишет: «Ленинская печать» не только критиковала деятельность районной печати, но и помогала редакционным коллективам найти верное решение очередных задач, приводила в своих обзорах примеры удачных газетных выступлений» [2]. Другим примером внутренних субординационных связей в советское время может служить тот факт, что работники воронежской областной газеты «Коммуна» в годы становления и развития многотиражной печати (1920-е годы) непосредственно руководили начинающими журналистами, опекали их, помогали выпускать отдельные номера новых многотиражек. Подобные мероприятия проводились не только на добровольной основе, но и по распоряжениям местной власти.

Внешняя субординация проявлялась в том, что кроме прямых связей подчинения между элементами (изданиями) системы СМИ, существовала еще и подчиненность по административной линии. Органы власти различного уровня, не входящие непосредственно в систему печати, выстраивали свои субординационные связи с периодическими изданиями. При этом жесткая вертикаль власти от ЦК КПСС до райкомов во многом соответствовала вертикальной структуре периодики и оказывала на последнюю огромное влияние.

Субординационные связи в СССР тесно поддерживались координационными связями, основой которых служила единая идеология государства. Центральные СМИ выступали с общих позиций по многим вопросам внешней и внутренней политики, печать на местах эхом отзывалась на передовые статьи центральных изданий.

С переходом к рыночной модели партийноидеологические взаимосвязи не могли дольше сохранять систему в целостности, так как не стало самой партии, да и коммунистическая идеология, трансформировавшаяся в свое время в идеологию развитого социализма, задолго до партийного кризиса начала утрачивать свое доминирующее положение в сознании населения. В условиях самостоятельного выживания следовало ожидать перехода от преобладания субординационных

связей к координационным между различными СМИ на основах конкуренции и сегментирования рынка печатной периодики. Но оказалось, что этот процесс не может пройти за короткий промежуток времени. С одной стороны, фрагментированный рынок печатных изданий перешел от централизованного управления со стороны партийных органов к самоуправлению и самоорганизации. С другой стороны, большинство СМИ продолжали получать значительную финансовую поддержку от государства и властей различных уровней в виде прямых субсидий, налоговых льгот, различных косвенных финансовых вливаний. По причине этого, конечно, тормозилась адаптация к рыночным принципам существования. В таких условиях становление системы СМИ как целостного организма шло гораздо медленнее.

Тем не менее установление связей координации между изданиями на основе конкуренции и сегментирования рынка печатной периодики — один из главных процессов, которые происходили в 90-е годы прошлого века. Подтверждением тому слова бывшего редактора журнала «Итоги» С.Б. Пархоменко: «...я думаю, что в ближайшее время будет происходить процесс не только появления новых изданий и отмирания старых, но еще и такой «центровки»: каждое издание в своей сфере будет пытаться занять точное положение, отказываясь от чужого, лишнего, усиливая свое» [3].

Координация, взаимосвязь элементов в системе СМИ проявляется не только в том, что издания конкурируют друг с другом, то есть пытаются закрепиться на определенном участке рынка, вытесняя с него других, но и в том, что аудитория постоянно обращается к нескольким источникам информации, не ограничиваясь, как правило, одной газетой. Поэтому формирование позиции читателя по многим вопросам идет под комплексным воздействием набора этих источников. Соответственно, координация проявляется не только в постоянных попытках взаимозамещения изданий (конкуренции), но и в непрекращающемся процессе взаимодополнения (кооперации, пусть и невольной), где нет прямой конкуренции. В начале 80-х годов ХХ века известный исследователь журналистики Е. П. Прохоров констатировал: «Современный этап развития советской журналистики характеризуется, в частности, тем, что каждая семья в среднем обращается к шести источникам информации (четыре печатных плюс радио и телевидение)» [4]. В те времена периодическое издание особенно внимательно относилось к явлению взаимодополнения, стремилось найти свою нишу в традиционном наборе периодики, который выписывало большинство его читателей. В 90-е годы эти связи между печатными СМИ стали гораздо беднее, поскольку далеко не все могли позволить себе регулярно приобретать даже одно издание. Но явление это полностью не исчезло, так как в этот период усилилась кооперация между видами СМИ: прессой, телевидением, радио.

Поскольку в современной системе СМИ существуют как координационные, так и субординационные взаимосвязи, было бы неправильным идентифицировать ее исключительно как иерархическую или неиерархическую систему. В подобных случаях исследователи предпочитают называть систему смешанной. Очевидно, что внутренняя функциональная субординация не существует более в том виде, какой она была в советские годы. На смену ей пришли новые, уже локальные, субординационные связи: объединение различных газет, журналов в медиахолдинги, внутри которых существует своя соподчиненность и взаимозависимость. В частности, многие холдинги оптимизируют свою работу за счет создания централизованных бухгалтерских, рекламных служб, отделов распространения, которые обслуживают одновременно все издания холдинга. Экономия достигается даже за счет творческой деятельности журналистов, материалы которых могут публиковаться одновременно в нескольких изданиях медиахолдинга. Яркими примерами могут выступать компании «Медиа 3» или РБК. Данная тенденция определяет выстраивание структурной иерархии в современной системе СМИ. Вполне закономерным можно назвать тот факт, что в настоящее время десять ведущих издательских домов России консолидируют наибольшую долю годового рекламного бюджета, достающегося печатным изданиям, и значительные аудиторные группы.

Вместе с этим стоит отметить, что начиная с 2000-х годов и до настоящего времени при активном участии органов власти успешно идет процесс выстраивания функциональных субординационных связей в системе СМИ, которые мы обозначили внешними и которые позволяют успешно реализовывать государственные интересы на информационном рынке.

На федеральном уровне, как нам видится, это воплощается в выстраивании трех уровней управления системой печати.

Первый уровень. Сосредоточение СМИ первого порядка — крупнейших теле, радиостанций, информационных агентств (это, например, Первый канал, ВГТРК, ИТАР-ТАСС, РИА «Новости», «Радио России») — в прямом государственном управлении или косвенном управлении первого уровня, то есть в руках компаний с доминирующим государственным участием (например, активы компании «Газпром-Медиа»).

Второй уровень. Распределение СМИ второго

порядка (общенациональных СМИ информационно-развлекательного характера, поверхностно затрагивающих общественно-политическую тематику) в косвенном управлении второго уровня— среди российских собственников крупного капитала. Типичными примерами здесь могут быть «Национальная медиагруппа» («Известия», РЕН-ТВ, 5 канал и др.), «Медиа 3» (до недавнего времени— «АиФ», «Труд»), издательский дом «Комсомольская правда», за которыми стоят имена Алексея Мордашова, Юрия Ковальчука, братьев Ананьевых, Григория Березкина.

На этом втором уровне достигаются две цели: крупный частный капитал берет на себя заботу об экономическом развитии таких СМИ, которые нет нужды ставить под прямой государственный контроль, и, наученный опытом показательных дел против Гусинского и Ходорковского, невольно приобретает чувствительный барометр, по которому можно в любой момент отслеживать степень лояльности крупного бизнеса к власти.

Третий уровень. Предоставление свободного доступа частному капиталу, в том числе иностранному, на рынок коммерческих, развлекательных, не политизированных СМИ. Достаточно сказать, что в пятерку крупнейших издательских домов России (по совокупному тиражу выпускаемых изданий) входят: Burda (Германия), Hearst Shkulev Media (США), Sanoma Independent Media (Финляндия), Bauer Media (Германия).

Работа на российском рынке СМИ большого количества зарубежных издательских домов позволяет органам власти отметать заявления о давлении на свободу прессы и утверждать идею о фактическом, а не выдуманном саморегулировании рынка, хотя в реальности эти медиакомпании выпускают крайне ограниченное количество периодических изданий с общественно-политической тематикой.

На примере Воронежской области можно убедиться в том, что аналогичное выстраивание субординационных связей по инициативе местной власти идет и на региональном уровне. Подтверждением этому является, например, объединение всех районных изданий с государственной формой собственности под эгидой регионального информационного агентства «Воронеж» (по сути областной газеты «Молодой коммунар»), развитие медиахолдинга «ТНТ-Губерния». По аналогии с федеральными СМИ это можно назвать первым уровнем управления. На примере создания РИА «Воронеж» можно наглядно увидеть, что областной власти явно не хватало координационных связей взаимодополнения между районными изданиями и газетой «Молодой коммунар». Сельский житель предпочитал выписывать районную газету с местной информацией. При этом «МК»

А. А. Кажикин

с его небольшим тиражом не выполнял задачу донесения информации из областного центра в глубинку. Образование нового медиахолдинга, с одной стороны, позволило дать новый импульс развитию «МК», который теперь координирует рекламную деятельность всей сети районных изданий, а с другой стороны — достаточно сильно изменить содержательную модель районных изданий в сторону увеличения доли областной информации, «программируемой» из Воронежа.

Второй уровень управления со стороны региональных органов власти сводится к регулярному проведению конкурсов, по результатам которых СМИ получают право на информационное обслуживание с соответствующим финансированием. Такие косвенные дотации способны поставить под относительный контроль любые коммерческие СМИ, например, газету «Мое!». Практика последних лет показала, что такого контроля достаточно, чтобы одергивать издательские дома в серьезных конфликтах, случающихся на информационном поле, и заставлять существовать на грани выживания те СМИ, которые в свое время выступили с открыто оппозиционными публикациями, как это происходит сейчас с издательским домом газеты «Коммуна».

Обзорно рассмотренная в статье эволюция субординационных и координационных свя-

зей в системе отечественных СМИ позволяет сделать вывод о том, что за прошедшие десятилетия постсоветского развития отечественная журналистика, во-первых, с утратой внутренней функциональной субординации приобрела черты новой структурной иерархии; во-вторых, в измененном виде, адаптированном к современной действительности, сохранила внешние субординационные связи; в-третьих, расширила координационные связи за счет конкуренции (взаимозамещения) среди коммерческих развлекательных и специализированных СМИ.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Ахмадулин Е. В. Моделирование процесса массовой коммуникации / Е. В. Ахмадулин // Методы исследования журналистики : Сб. науч. тр. [под ред. Я. Р. Симкина]. Ростов, 1984. С. 44.
- 2. Антюхин Г. В. Очерки истории партийно-советской печати Воронежской области (1917-1945) / Г. В. Антюхин. Воронеж, 1976. С. 163.
- 3. Пархоменко С. Б. Журналистика прошлого и настоящего две разные профессии / С. Б. Пархоменко // Пресса в обществе (1959-2000). М., 2000. С. 397.
- 4. Прохоров Е. П. Системный подход к изучению средств массовой информации / Е. П. Прохоров // Методы исследования журналистики: Тез. докл. третьей Всесоюзн. конф. [под ред. Я. Р. Симкина]. Ростов, 1981. С. 20.

Кажикин А.А.

ВГУ. Кандидат филологических наук, преподаватель кафедры рекламы и дизайна.

E-mail: kazhikin2008@yandex.ru

Kazhikin A.A.

VSU. Candidate of philology, the teacher of the department of advertisement and design.

E-mail: kazhikin2008@yandex.ru

УДК 070:004.738.5

РЕЗОНАНСНЫЙ ТЕКСТ В ИНТЕРНЕТЕ (АНДРЕЙ ЛОШАК, «ЗАКОРОТИЛО»)

© 2013 А.И. Калашников

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 21 марта 2013 года

Аннотация: В статье дается краткая характеристика понятия резонансный текст в публицистике, рассматриваются ресурсы резонансного текста в Интернете (на примере текста Андрея Лошака «Закоротило»).

Ключевые слова: резонансный текст, ресурсы резонансного текста, информационный резонанс, резонансная тема, Интернет, блогосфера, интернет-СМИ.

Abstract: The article gives a brief description of the concept of resonant text in journalism and observes resources of resonant text in the Internet (use as an example text «Zakorotilo» by Andrey Loshak).

Key words: resonant text, resources of information resonance, resonant theme, Internet, blog sphere, Internet mass-media.

С появлением и развитием Интернета произошел скачок в эволюции коммуникативных каналов и, в частности, в характере такого явления как информационный резонанс, который в Интернете приобрел более явные формы по сравнению с традиционными СМИ. Сетевые медиа предъявляют новые требования к журналистской профессии, в результате чего она трансформируется. Неизменно то, что любая информационно-коммуникативная система строится в расчете не только на передачу, но и осмысление информации и в конечном итоге - в расчете на обратную связь. Публицистическое выступление резонансно по своей сути, и корректно вести речь о мере резонанса.

Резонансный текст — тот, который вызывает информационный резонанс, то есть единовременный повышенный интерес СМИ и определенной, достаточно широкой аудитории к какому-либо актуальному, проблемному явлению современной жизни. Резонанс является составляющей частью публицистичности и одним из проявлений общественной активности. Однозначно нельзя сказать, к каким последствиям он приведет: его суть в том, что проблема становится предметом всеобщего обсуждения. Резонансность сообщения определяется не только масштабом проблемы, которая содержится в тексте, но и масштабом сопереживания аудитории, личным отношением каждого участника коммуникативного процесса к тексту.

Рассмотрим феномен резонансного публицистического текста в Интернете на характерном

© А.И. Калашников, 2013

примере — тексте Андрея Лошака «Закоротило» из цикла публикаций на сайте Openspace.ru.

«Закоротило» не является оперативной реакцией на конкретную злободневную тему. Как говорит Андрей Лошак, «мне всегда нужно время для осмысления, анализа, тогда может что-то интересное получиться» [1]. В «Закоротило» автор метко обозначил проблемные точки жизни российского общества и его взаимоотношений с государством. Автор придумал яркое публицистическое слово, образно обобщающее описываемые явления: «закоротило» как некий тотальный сбой системы.

Статья «Закоротило» появилась в то время, когда протестные отношения в российском обществе стали очевидными. 2010 год в России был богат резонансными темами (Бойня майора Евсюкова, автокатастрофа на Ленинском проспекте, взрывы в московском метро, августовские лесные пожары, нападение на журналиста Олега Кашина, декабрьские беспорядки на Манежной площади).

«Закоротило» в наибольшей степени отвечает критериям понятия «резонансный текст».

Основной критерий — количество просмотров: статья Андрея Лошака «Закоротило» [2] стала самым читаемым текстовым материалом на Opensрасе.ru за 4 года работы (2008-2012) этого интернет-издания, до смены его концепции и полной смены редакции [3]. Текст собрал рекордное для публицистических текстов, опубликованных в 2010 году в Рунете, количество просмотров, по состоянию на сентябрь 2012 года набрав более 730 тысяч просмотров (здесь и далее данные по количеству просмотров и количеству комментариев актуальны на 15 сентября 2012 года). Все остальные текстовые публикации на Openspace.ru не набирали более 200 тысяч просмотров.

Помимо такого показателя, как количество просмотров, важную роль играет **большое число комментариев к тексту**: по их количеству (373) «Закоротило» стал вторым материалом на Openspace. ru за 4 года его работы.

Показательны также такие критерии, как изменение статуса автора публицистического текста и увеличение популярности ресурса, на котором он был опубликован. Согласно инструменту «Пульс блогосферы», разработанному компанией «Яндекс», пик популярности и Андрея Лошака, и Орепѕрасе.ru, начиная с 2001 года, пришелся на март 2010 года [4].

«Закоротило» соответствовал информационным ожиданиям активной части общества, составляющей аудиторию Рунета. Автор в «Закоротило» предугадал некоторые основные медийные тренды 2010 года. После публикации текста набирают популярность социальное взаимодействие и взаимопомощь в Интернете (тушение лесных пожаров добровольцами, организовавшимися на интернет-площадках для общения; «Общество синих ведёрок»; движение в защиту Химкинского леса [5]). Во второй половине 2010 года появляется множество текстов на тему условий формирования в России гражданского общества и гражданской активности.

Несмотря на то что «Закоротило» опубликован под рубрикой «Колонка Андрея Лошака», по жанровой принадлежности он представляет собой статью, которая является жанром, предназначенным «прежде всего для анализа актуальных, общественно значимых процессов, ситуаций, явлений и управляющих ими закономерностей» [6]. Автор использует жанр, который позволяет полнее раскрыть ресурсы резонансности темы.

В тексте присутствуют **классические жанрообразующие признаки статьи** [7]:

Масштабное расширение границ повествования. Андрей Лошак вписывает разнородные истории, составляющие повествование, в бытийный контекст «государства абсурда»: это истории о противостоянии «ИКЕА» и бюрократической системы, о майоре Евсюкове, о трёх следователях, о глухом уральском посёлке.

Факты, используемые публицистом, могут быть почерпнуты из различных источников. В тексте представлены личные наблюдения автора; пересказ историй из новостной ленты Рунета; цитаты различных людей; аллюзии на литературные произведения, народный фольклор, фильмы и философские труды.

Структура текста статьи — это комплекс положений, рассуждений, суждений и умозаключе-

ний. По форме он сконструировал «Закоротило» как последовательное ознакомление читателя с содержимым ленты новостей — одна новость сменяет другую, «аллергическая реакция» на них усиливается, приводя в конечном итоге к смеховому катарсису в форме обличения абсурдной системы.

Определенная объективация письма также должна быть присуща жанру статьи. Особенность текста Лошака — уход от шаблонной лексики, которую принято использовать в жанре статьи. В «Закоротило» автор смешивает такой язык с языком более свободным, художественно-образным, какой сегодня используется в личном общении в Интернете. Подобный ход не противоречит основным жанрообразующим признакам статьи, а дополняет их и придает тексту диалогичность, свойственную коммуникации в Интернете.

Заголовок «Закоротило» задает тон повествованию и предвосхищает его манеру: автором выбрано эмоциональное, оценочное слово-образ. Оно обобщает весь текст, который разделен на несколько смысловых блоков. Каждый из них посвящен анализу отдельной проблемной стороны жизни российского государства: коррупция на системном уровне, злоупотребления полномочиями в силовых структурах, безнаказанность преступников, наделенных властными полномочиями, — эти темы не новы и многократно поднимались в публицистических выступлениях. Автор придает им новое образное звучание, используя ряд публицистических приемов.

Андрей Лошак выбрал для общения с аудиторией современный стиль повествования, несколько трансформировав его: публицистическую коммуникацию автор уподобил игровому процессу «жонглирования» художественно-публицистическими образами. Автор активно использует оценочные цитаты («англичане из общества охраны московской старины... всё время восклицали: «Это абсёрд! Это абсёрд!»; «стороживший его уголовник называл своих работодателей «карающим мечом Администрации Президента с правом брать взятки любых размеров»). На них строится существенная часть повествования. Андрей Лошак прибегает к смешению планов повествования: бытийного и новостного, вымышленного и реального (борьба шведской компании «ИКЕА» с коррупцией – сражение России и Швеции в Полтавской битве борьба землемера К. с абсурдом в «Замке» Франца Кафки). Автор смешивает стили повествования: на равных основаниях использует цитаты из далеких друг от друга источников. Наряду с цитированием «чрезвычайно популярной среди тинейджеров» группы Lumen «Я так люблю свою страну, но ненавижу государство», автор приводит выдержки из рассуждений о природе государства и анархизме философов Бердяева и Ключевского. За счет разнородности цитат автор добивается разноголосого звучания текста. Внимание читателя привлекает нестандартные сопоставления: цитаты из литературных источников, крылатые выражения политиков, строчки из песен, народные пословицы — их сочетания делают процесс чтения увлекательным — автор вовлекает читателя в игровой процесс сопоставления цитат и смешения пластов восприятия информации. Игровой момент важен для эмоциональной аргументации текста — игра в комбинирование новостных фактов, философских цитат и строчек из песен популярных среди тинейджеров групп перерастает в систему образной аргументации тезисов, выдвигаемых автором.

Рассмотрим первый абзац текста — классическая статья обычно начинается с тезиса. Но этот абзац играет другую роль - это вступление, которым автор одновременно задает ироничный тон повествованию и проводит параллель между образом автора и читателями, используя эффект узнавания. Образ автора – это человек, сидящий у экрана компьютера и анализирующий ленту новостей: «Так получилось, что последний месяц я почти безвылазно провел дома перед компьютером, копаясь в интернете. Эмпирики, к сожалению, ноль». Тут же автор использует самоиронию: «Единственное стоящее наблюдение, которое я сделал за это время с натуры, касается разницы ценообразования в близлежащих супермаркетах «Алые паруса» и «Седьмой континент». Вряд ли это потянет на стоящую колонку».

Использование слов-отсылок, аллюзий, имеющих определенную образно-смысловую нагрузку, становится одним из основных доказательных приёмов, которые использует автор. Он формирует обобщенный образ России как государства абсурда. Все использованные факты подаются в преображенном виде: например, в части текста, где описывается борьба «ИКЕА» с коррупцией в России, акцент делается на столкновении двух систем: автор противопоставляет абсурду «силу разума», которую олицетворяют в этой части повествования работники шведской компании. В борьбе с российской коррупцией они терпит поражение, поскольку они «повторили ошибку землемера К. из «Замка» Кафки, пытавшегося одолеть абсурд силой разума. Это оказалось безумной затеей. Возможности разума ограничены, абсурд же не знает границ». Автор проводит литературные параллели с романом Франца Кафки «Замок», сравнивая компанию «ИКЕА» с главным героем этого романа – землемером К., а Россию – собственно с Замком. Ещё одна литературная аллюзия из этой части повествования: Россия сравнивается с Зазеркальем – вымышленной страной, также символом парадоксальности и абсурда, придуманной Льюисом Кэрроллом. В этой части используется и другое сравнение, подчёркнуто-сказочное: шведы — ланселоты, а коррупция — дракон. Повествование насыщено аллюзиями.

От первой основной части текста - высмеивания и обличения государства абсурда с помощью гротеска и иронии автор переходит ко второй смысловой части. Государству абсурда он противопоставляет общество взаимовыручки. Андрей Лошак описывает его идеалистически (в противопоставление предыдущему ироничному тексту), но делает он это слишком резко и нарочито. Можно предположить, что автор пишет это не вполне всерьез, а использует тонкий идейный «троллинг» как вид виртуальной коммуникации с нарушением этики сетевого взаимодействия [8]. В качестве аргумента этой версии приведем слова самого автора: «перед журналистами, активистами, теми, кто смотрит немножко шире семейного круга, стоит задача расшевеливать людей. Я вообще пришел к тому, что в условиях чудовищной информационной политики нужно заниматься тонким идейным троллингом. И это нужно делать творчески, а не просто ходить на митинги и орать какие-то истертые либеральные лозунги» [9].

В концовке текста автор впервые в статье делится собственными личными наблюдениями (за исключением начала текста — в первом абзаце он описывает себя, поглощающего ленту новостей за компьютером и выходящего из дома только в гипермаркет), описывая глухой уральский поселок: «Я убедился в этом собственными глазами». Происходит смещение плана повествования от вторичного отображения действительности к личному наблюдению. Автор как бы выходит за пределы пересказа ленты новостей к реальной жизни. Осуществляется переход от пассивного, коллективного, виртуального познания действительности через ленту новостей к активному, личному, реальному познанию мира.

Андрей Лошак сказал о «Закоротило», что он «невысокого мнения об этой колонке, в ней нет ничего оригинального. Журналистика — скоропортящаяся штука, а журналист — это такой охотник за духом времени, как энтомолог — за бабочкой. Если получается поймать — выходит общественный резонанс» [10]. Можно констатировать, что в случае с «Закоротило» автор поймал «бабочку» духа времени, благодаря чему текст вызвал широкий информационный резонанс, но сделал он это за счёт осознанного использования ряда ресурсов в процессе работы над этой статьей. Выделим следующие ресурсы:

Созвучие текста новостному фону и соответствие новостным ожиданиям активной части общества, составляющей аудиторию Рунета.

А.И. Калашников

Оптимальный (с точки зрения работы на общую идею текста) характер подбора фактов и их группировки (звучание каждого отдельного факта усиливается рядом других).

Нацеленность на определенный, достаточно широкий сегмент аудитории Интернета и обращение к личным интересам читателя — автор провел параллели между образом автора-рассказчика и читателями, задействовав эффект узнавания. Автор оставляет читателю простор для размышлений — в тексте нет «указующего перста» публициста.

Использование классических жанровых возможностей и преимуществ жанра статьи.

Расширение стилистических границ и норм жанра — в данном случае статьи: разговор с интернет-аудиторией на близком ей языке.

Ирония как ключевой прием при построении текста (в том числе идейный «троллинг»).

Многослойное построение текста, не теряющее при этом строгой логики. Разноплановость повествования: совмещение бытийного пласта повествования с информационно-новостным.

Выстраивание художественно-публицистических образов в тексте (активное использование аллюзий, насыщающих текст образностью и придающих ему развлекательно-игровой характер).

Случаи, как со статьей «Закоротило», когда публицистический текст вызывает ярко выраженный резонанс в Рунете, достаточно часты. Если говорить о перечисленных факторах, влияющих на возникновение информационного резонанса, то можно сделать вывод, что наряду

Калашников А. И.

Воронежский государственный университет. Аспирант кафедры истории журналистики.

E-mail: antonkalashnikov@mail.ru

с актуальностью темы важнейшую роль играет профессиональное мастерство публициста, которое выражается в умении использовать жанровые ресурсы и учитывать диалогическую специфику коммуникации в Интернете для достижения творческих целей.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Вы поколение перепоста / iUni.ru (24 марта 2011). http://iuni.ru/articles/article/?articleId=498.
- 2. Андрей Лошак. Закоротило (5 марта 2010). http://os.colta.ru/society/projects/201/details/16563/.
- 3. Заработал новый OpenSpace. Lenta.ru (18 июля 2012). http://lenta.ru/news/2012/07/18/openspace/.
- 4. Яндекс. Пульс блогосферы. http://blogs.yandex.ru/pulse/.
- 5. Глас Рунета «Главные события 2010 года». http://subscribe.ru/archive/media.vox/201101/24182931.html/.
- 6. Бекасов Д. Г. Корреспонденция, статья жанры публицистики / Д. Г. Бекасов. М., 1972. С. 33-62.
- 7. Кройчик Л. Е. Система журналистских жанров / Л.Е. Кройчик // Основы творческой деятельности журналиста. СПб., 2000. С. 157-158.
- 8. Внебрачных Р. А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах Р. А. Внебрачных // Вестник Удмуртского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2012. В. 1. С. 48-51. http://vestnik.udsu.ru/2012/2012-031/vuu_12_031_08.pdf.
- 9. Вы поколение перепоста / iUni.ru (24 марта 2011). http://iuni.ru/articles/article/?articleId=498.
- 10. Вы поколение перепоста / iUni.ru (24 марта 2011). http://iuni.ru/articles/article/?articleId=498.

Kalashnikov A. I.

Voronezh State University. Postgraduate student, Department of journalism, the chaire of History of journalism. E-mail: antonkalashnikov@mail.ru

УДК 070.054

АНАТОЛИЙ ЖИГУЛИН И ВОРОНЕЖСКАЯ ПРЕССА 1950-1960-Х ГОДОВ

© 2013 В. В. Колобов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 апреля 2013 года

Аннотация: в статье говорится о становлении таланта известного русского поэта Анатолия Жигулина, о его первых шагах в литературе и той роли, которую сыграли в его творчестве в 1954-1963 годах воронежские газеты «Коммуна» и «Молодой коммунар».

Ключевые слова: Жигулин, творчество, талант, становление, «Коммуна», «Молодой коммунар».

Abstract: in article it is spoken about development of talent of known Russian poet Anatoliy Zhigulina, about its first steps in the literature and that role which the Voronezh newspapers «Commune» and «Young Communar» have played in its work in 1954-1963years.

Keywords: Zhigulin, work, talent, development, «Commune», «Young Communar».

Как известно, первая публикация воронежского старшеклассника Анатолия Жигулина появилась 29 марта 1949 года на страницах многотиражной газеты «Революционный страж» — печатного органа политчасти областного управления МВД. Это было стихотворение «Два рассвета» («Тебя, Воронеж, помню в сорок третьем...»). Спустя полтора месяца, 15 мая, в областной газете «Коммуна» было напечатано стихотворение Жигулина «Пушкинский томик». Следующих публикаций начинающему поэту по независящим от него причинам пришлось ждать более пяти лет.

В сентябре того же года первокурсник Воронежского лесохозяйственного института Анатолий Жигулин, один из членов и руководителей подпольной антисталинской организации Коммунистическая партия молодёжи (КПМ), вместе со своими товарищами был схвачен сотрудниками Министерства госбезопасности и приговорён по знаменитой 58-статье тогдашнего УК РСФСР к 10 годам лишения свободы. Вскоре после смерти «вождя народа» последовали освобождение и полная реабилитация.

Видимо, заглаживая вину государства за искалеченные юные судьбы, Воронежский обком партии решил восстановить в вузах всех бывших участников «дела КПМ».

«Председатель областной партийной комиссии Самодуров и заведующий отделом культуры обкома Бурнадский звонили директорам, ректорам вузов и советовали нас восстановить, — вспоминал Жигулин. — Обнаружилось, что никаких вузовских документов бывших членов КПМ не сохранилось. Они были после нашего осуждения

изъяты и уничтожены. А там ведь были наши «аттестаты зрелости». Нам помог директор нашей школы по фамилии Майборода, — в течение одного дня изготовили дубликаты. Весь город покровительствовал нам. Дело КПМ стало личным делом многих людей и важным фактом для города Воронежа» [1, 509-510].

Анатолий Жигулин был восстановлен на 1 курс Воронежского лесотехнического института (в настоящее время государственная лесотехническая академия). Так заново началась его жизнь на «гражданке»: без ставшей привычной лагерной переклички, часовых на вышках, лая собак, ожидания писем и посылок от родителей.

Сразу после освобождения Жигулин, по его собственным словам, «не умевший толком писать ни стихи, ни прозу», с присущей ему аккуратностью и вниманием к деталям зафиксировал в своём дневнике воспоминания о наиболее важных событиях, относящихся к периоду КПМ и тюремно-лагерной одиссеи. Спустя 30 лет эти записи очень пригодились ему в работе над автобиографической повестью «Чёрные камни».

«Писать в небольших записных книжках Анатолий начал с 1954 года, когда его привезли с Колымы в один из воронежских лагерей в связи с пересмотром дела молодёжной антисталинской организации, — вспоминала вдова поэта Ирина Жигулина. — Первые две записные книжки (№ 1 и № 2) написаны карандашом. Первая почти вся посвящена поэзии. Он восстанавливает первые строчки стихов, написанных в тюрьме во время долгого следствия 1949-1950 годов, в лагере (без объяснения, что это за строчки). Тексты из осторожности не записывались. Он жадно пытается писать новые стихи, делает вольные переводы из

© В. В. Колобов, 2013

Горация, размышляет о поэзии, о жизни, но ни слова — о лагерном прошлом...

Записная книжка № 2 — как пульсирующее обнажённое сердце. Он уже откровенно пишет о своих мучительных ощущениях, сомнениях. Делает записи о Колыме, о военном детстве... 21 июля начспецчасти сообщает, что завтра — освобождение. 22 июля Жигулин с двумя товарищами вышел за ворота лагеря — закончился ещё один тяжкий отрезок жизни. Закончена записная книжка № 2» [2].

А. Горловский однажды попросил поэта подарить ему черновик какого-нибудь стихотворения. Анатолий Жигулин распахнул дверцы книжного шкафа, стоящего за его спиной, и критик увидел плотно прижатые одна к другой тетради и записные книжки. «Не десятки — сотни штук, — изумлённо вспоминал Горловский. — Последняя имела порядковый номер, кажется, 516. В этих тетрадях и были черновики Жигулина, черновики, в которых отразился весь процесс работы над стихотворением... И стала понятной цена той кажущейся лёгкости и простоты жигулинских стихов, когда каждое стихотворение словно бы написалось или вылилось сразу» [3].

Говоря о воронежском периоде жизни А.В. Жигулина с 1954 года (возвращение из лагерей) по 1963 год (переезд в Москву), необходимо хотя бы вкратце обрисовать литературную и общественную обстановку, царившую в то время в областном центре.

Как сообщается в одном из июньских номеров газеты «Молодой коммунар» за 1954 год, Воронежское отделение Союза советских писателей на тот момент насчитывало 13 членов и кандидатов в члены ССП и более 20 членов литературного актива. Называются имена прозаиков К. Локоткова, Ю. Гончарова, Ю. Третьякова, Г. Троепольского, Ф. Волохова, М. Булавина, О. Кретовой, А. Шубина, Н. Коноплина, В. Кораблинова, поэтов Г. Пресмана, П. Касаткина, Г. Воловика и других.

С 1952 года по 1956 год редактором «Молодого коммунара» был Борис Иванович Стукалин, возглавивший затем областную газету «Коммуна», а спустя ещё несколько лет — Государственный комитет по делам издательств, полиграфии и книжной торговли СССР (это при нём наша страна заняла лидирующие позиции в мире по выпуску книг на душу населения). Стукалин сумел собрать и объединить вокруг редакции многих талантливых людей, ставших впоследствии известными на всю страну писателями, поэтами и журналистами. В их числе — лауреат Государственной премии СССР, автор повести «Белый Бим Чёрное ухо» Гавриил Троепольский, художественный летописец Воронежского края

Владимир Кораблинов, лауреат Ленинской премии, публицист Василий Песков, поэты Алексей Прасолов и Анатолий Жигулин.

В средине 1950-х годов редакция областной «молодёжки» занимала часть каменного углового здания, расположенного в центре города на пересечении проспекта Революции (Большой Дворянской) с улицей Чайковского. Этот дом хорошо известен местным историкам и краеведам: с 1792 года до 1917 года он был официальной резиденцией воронежских губернаторов, в 1921 году здесь, в губсовпарт школе, учился будущий великий писатель Андрей Платонов, а с 1934 года в здании располагалась областная публичная библиотека, а также музей изящных искусств.

При редакции «МК» действовал литературный клуб, в котором регулярно проводились занятия с творческим активом. Сюда «на огонёк» заходили все известные воронежские писатели и начинающие литераторы. Естественно, Анатолий Жигулин сразу же стал здесь частым и желанным гостем.

Глубоко символично, что первая публикация Анатолия Жигулина в «Молодом коммунаре» появилась 17 сентября 1954 года — спустя ровно пять лет после его ареста по сфальсифицированному «делу КПМ». Это было стихотворение «Рассказ о земляке», которое начиналось словами:

Мы в Заполярье строили дорогу Среди безмолвных сопок и болот. Людей на стройке было много – Весёлый, жизнерадостный народ!

Далее автор (лирический герой) рассказывал читателю о том, что больше всего его огорчало вдали от родных мест: он «на участке нашем» никак не мог найти земляка. В конце концов прораб («...он был из Сталинграда») предложил познакомить его с «хорошим землячком», подведя к тяжёлому экскаватору, сделанному на воронежском заводе, — «в твоём любимом городе, дружок!».

Прораб шутил – мне стало всё понятно,

Я уж хотел обидеться слегка.

Потом раздумал:

Всё-таки приятно

Вдали от дома встретить земляка!

С тех пор мы с ним работать вместе стали:

Я–*рычагами*,

Oн – ковшом.

И наши люди часто удивлялись –

Какая сила в земляке моём!

Стоит отметить, что это стихотворение в дальнейшем не переиздавалось. Жигулин считал многие первые стихи слабыми и незрелыми. С ним не был согласен Б. Слуцкий, который возражал поэту: «Это стихи зрелые и сильные! И не только как документ они интересны. Они

несут, таят, нет, «таят» не подходит, именно несут в себе тяжкий груз исторической драмы — и лично вашей, и общей для всей страны...».

В 1959 году в Воронежском книжном издательстве вышел в свет первый поэтический сборник Анатолия Жигулина «Огни моего города». В обращении к читателям автор писал: «Всё самое яркое в жизни связано для меня с родным городом: первое большое горе, когда в июле сорок второго года мальчишкой уходил я отсюда мимо горящих зданий, первые стихи, первая любовь. Здесь я вступил в комсомол, здесь в 1949 году окончил среднюю школу».

Затем автор лаконично описывает свой дальнейший путь: «...Несколько лет работал в Сибири и на Севере. Строил железную дорогу в Иркутской области, добывал золото на рудниках и приисках Колымы. Был чернорабочим, лесорубом, откатчиком, бурильщиком, машинистом подъёмной машины».

Даже неискушённому читателю тех лет нетрудно было догадаться, что скрывается за скупыми словами, ибо едва ли не в каждой советской семье в те времена были свои «строители коммунизма», отмотавшие срок или ушедшие в мир иной в исправительно-трудовых лагерях системы ГУЛАГ от голода, холода, непосильной работы, пыток и издевательств. Пройдёт ещё несколько лет, страна постепенно придёт в себя после смерти Сталина и разоблачений культа его личности, и все вещи станут называться своими именами.

Одним из первых заметил и высоко оценил стихи Жигулина воронежский литературовед Анатолий Абрамов. В статье, опубликованной в газете «Литература и жизнь» 1 февраля 1961 года, он писал: «Мы сейчас всё чаще говорим о четвёртом поколении советских поэтов. К сожалению, разговор нередко ведётся узко. Упоминаются Е. Евтушенко, А. Вознесенский и ещё два-три имени, что, конечно, мешает понять истинное лицо этого поколения. Думая об этом, хочется рассказать об Анатолии Жигулине, молодом инженере-строителе, уже лет пять серьёзно выступающем в поэзии и выпустившем в Воронеже книгу «Огни моего города». Книга А. Жигулина сразу нашла своего читателя. Несмотря на то, что она поступила только в магазины Воронежского книготорга, в продаже её уже нет. На недавнем диспуте о младшем поколении советских поэтов в Воронежском университете стихи А. Жигулина получили высокую оценку» [4].

Естественно, «Молодой коммунар» не мог не поздравить с удачным дебютом своего постоянного автора. 10 февраля 1960 года на страницах газеты была опубликована рецензия молодого критика В. Гусева «Огни» согреют сердце», в которой содержалась положительная оценка стихов

молодого поэта. Отмечались и определённые недостатки.

«В сборнике есть и слабые стихи («На полустанке», «Письмо»), — писал В. Гусев. — Но не в них суть. В целом сборник «Огни моего города» получился хорошим. Свежим, тёплым, понастоящему поэтичным. Можно сказать, поэт выдержал ещё одно испытание».

Как свидетельствует анализ номеров «Молодого коммунара» тех лет, Жигулин пробовал свои силы в репортерском и публицистическом жанрах. Так, 6 февраля 1959 года на страницах газеты была опубликована его незатейливая заметка под названием «Хорошо!» (рубрика «В вузах идут экзамены»), рассказывающая о студенческой сессии в Воронежском лесотехническом институте, где в то время учился сам автор.

19 марта 1961 года «Молодой коммунар» публикует статью Анатолия Жигулина «Поэзия — это жизнь!», в которой была сделана попытка осмыслить свои первые шаги в литературе и сформулировать творческую и гражданскую позицию.

«Часто меня спрашивают, почему я пишу стихи, — начинает Жигулин. — Трудно коротко ответить на этот вопрос. Пожалуй, это началось в детстве. Я был ещё совсем маленьким, когда мне подарили книжку с яркими рисунками. Она называлась «Как от мёда у медведя зубы начали болеть». По ней я научился читать. Книжка была написана стихами, населена весёлыми зайцами, умными дятлами, и запомнилась на всю жизнь. Потом я узнал, что стихи о медведе написал замечательный советский поэт Борис Корнилов».

Далее автор показывает сложный процесс рождения стихов на конкретном примере: «Когдато я работал на строительстве железной дороги в тайге. Приходилось носить на плечах тяжёлые рельсы. Утром, бодрые и весёлые, мы вшестером легко несли один рельс. Но шло время, и усталость давала себя знать. К концу дня нас бывало по десять-двенадцать на рельс, и мы валились с ног от усталости. Кажется, ничего особенного. Но однажды поразила эта «математичность» процесса: «шесть — двенадцать». Возникла тема. Но только через несколько лет написано стихотворение «Рельсы».

«Не все стихи рождаются именно таким путём, — продолжает Жигулин, — но одна закономерность очевидна. Лучше и ярче получается то, что хорошо знаешь, что волнует».

В своей статье Жигулин поднимает ещё один важный вопрос — о роли поэзии в жизни человека, он цитирует слова Горького: «Хорошая книга учит хорошему». И далее автор вновь подкрепляет свой вывод примером из собственной биографии: «Однажды на Крайнем Севере мне пришлось читать стихи шахтёрам. И читал я стихи не в клубе,

а под землёй. До сих пор чётко вижу, как в квершлаге на перевёрнутых вагонетках сидят откатчики, бурильщики. Тускло светят лампочки на касках, блестят прожилки кварца на чёрных каменных сводах. Тихо. Лишь капает где-то вода. И я читаю стихи Маяковского, Багрицкого... Аудитория совсем особенная. Это вам не день поэзии в ВГУ. Там, под землёй, качество стихов проверялось серьёзнее, хотя слушатели были не очень искушены в поэзии. Но они слушали стихи, затаив дыхание, и просили, требовали: читай ещё!».

«Удивительно хорошее чувство радости, гордости за поэзию владело тогда мною, — вспоминает Жигулин. — Словно то были мои собственные стихи!».

Статья заканчивалась словами: «Сейчас готовлю к печати новую книгу стихов. Хочется сделать её крепче, сильнее первой». В том же номере было напечатано стихотворение А. Жигулина «О матери» («Минуты у друзей свободной нету...») — пронзительный гимн любви к родному человеку, ещё одно доказательство того, что в мир пришёл большой поэт, настоящий мастер слова.

Весной 1961 года Воронежское книжное издательство выпускает второй сборник стихов Анатолия Жигулина «Костёр-человек».

31 июля 1961 года «Молодой коммунар» публикует рецензию Ю. Мещерина, которая начинается так: «Два года. Для молодого поэта срок, прямо скажем, небольшой. И тем более радостно, что вторая книга стихов Анатолия Жигулина «Костёр-человек» намного лучше первой. И причина тут не только в возросшем мастерстве поэта. Жигулин стремится показывать жизнь во всей её сложности и многогранности, не обходя и не сглаживая острых углов. И это, в первую очередь, определяет удачу сборника».

19 апреля 1963 года «Молодой коммунар» публикует информацию под названием «Форум писателей Воронежа» о состоявшемся отчётновыборном собрании областного отделения Союза писателей РСФСР, в котором были такие строки: «Во главе со своим правофланговым В. Гордейчевым с каждым днём всё новые и новые высоты берут наши поэты П. Касаткин, А. Жигулин, О. Шевченко, Э. Пашнев, Л. Бахарева, В. Поляков, В. Мартынов, Г. Лутков, А. Кочербитов, А. Ионкин и другие».

19 октября 1963 года в «Молодом коммунаре» была опубликована статья «Писатель — друг и наставник молодёжи», посвящённая открывшемуся накануне в Воронеже выездному заседанию секретариата Союза писателей РСФСР. Автор — новый руководитель Воронежского отделения Союза советских писателей Константин Локотков — анализирует результаты деятельности собратьев по перу и, в частности, отмечает: «Идейная, гражданская

страсть лирического героя определяет позицию наших ведущих поэтов В. Гордейчева, А. Жигулина, П. Касаткина, Г. Воловика и молодых, выпустивших первые книжки О. Шевченко, В. Полякова, В. Мартынова и других».

Обращает на себя внимание тот факт, что имя Жигулина называется вторым после Гордейчева (1930-1995), в ту пору авторитетного воронежского поэта, выпускника Литературного института имени Горького (в дальнейшем возглавившего областное отделение ССП).

Всего в 1954-1963 годах на страницах молодёжной газеты было опубликовано более 40 стихотворений Анатолия Жигулина, в том числе ставшие классикой «Рельсы» («Минус сорок показывал градусник Цельсия...»), «Случай на руднике» («Обрушилась глыба гранита...»), «У костра» («Мороз лютует три дня подряд...»), «Родина» («Помню я: под сенью старых вишен...»).

Заметим: в «Коммуне» за этот период было опубликовано всего восемь стихотворений Жигулина, в том числе «Застава» («Весь день звучат кузнечики в траве...»), «Поэзия» («Стоят дубы задумчивы, тихи...»), «Бурундук («Раз под осень в глухой долине...») и другие.

В марте 1962 года Анатолий Жигулин был принят в Союз писателей СССР. В 1963-м вышел в свет его первый «московский» сборник стихов — «Рельсы», который собрал множество положительныхм отзывов критики. В том же году Жигулин поступает на Высшие литературные курсы. С этого момента он постоянно живёт и работает в Москве.

Когда я листал подшивки «Молодого коммунара» тех лет, то обнаружил пять стихотворений А. Жигулина, в дальнейшем не переиздававшихся и не вошедших в библиографический указатель литературы «Анатолий Владимирович Жигулин», вышедший в Воронеже в 1985 году (составитель О.М. Андреева). В частности, это стихотворения «Мой друг» (16 февраля 1955 года), «Юность» (25 ноября 1956 года), «Сонет» (25 июня 1958 года), «Лестница» (9 марта 1958 года), «Фейерверк» (6 июля 1958 года) и несколько небольших заметок. Думается, при переиздании настоящий указатель будет дополнен и уточнён новыми сведениями.

И в дальнейшие годы сотрудничество поэта с воронежскими газетами практически не прерывалось.

В «Молодом Коммунаре» регулярно публиковались не только стихи Жигулина, но и различные статьи о его творчестве, рецензии на новые поэтические сборники. В частности, это статьи Л. Аннинского «Поэтический мир Анатолия Жигулина» (4 января 1970 года) и «Восхождение личности» (17 апреля 1971 года), Б. Подкопаева «Отсвет костра» (14 октября 1976 года), В. Акат-

кина «Воронеж... Родина... Любовь...» (3 января 1980 года), О. Ласунского «Телепремьера поэта» (16 октября 1984 года), А. Голубева «Колымский ветер» (17 сентября 1996 года) и другие.

В своих письмах воронежцам и беседах с друзьями Жигулин всегда с теплотой вспоминал родной город, журнал «Подъём», газеты «Коммуна» и «Молодой коммунар». Он очень внимательно отслеживал все появлявшиеся в местной прессе публикации на литературные темы, давал им собственную оценку, радовался наиболее удачным, на его взгляд, статьям, остро переживал по поводу социально-экономической неурядицы в стране и регионе.

Несмотря на известные перипетии вокруг «Чёрных камней» и нанесённые ему властью глубокие и незаслуженные обиды (чего стоит одно только игнорирование общественной инициативы о присвоении Анатолию Жигулину звания «Почётный гражданин Воронежа»), город детства и юности до конца дней оставался его физической и духовной колыбелью.

Летом 2011 года в соответствии с волей вдовы поэта Ирины Викторовны Жигулиной в Воронеж была передана значительная часть семейной библиотеки и писательского архива А. В. Жигулина.

Книги сразу же поступили на хранение в областную универсальную научную библиотеку им. И. С. Никитина, а писательский архив – несколько картонных коробок с различными бумагами — был передан для первичной обработки авторитетному литературоведу и другу Жигулина О. Г. Ласунскому. Как рассказал Олег Григорьевич, в основном — это различные документы, письма и другие бумаги, связанные с пребыванием Жигулина в Воронеже после его возвращения из сталинских лагерей. В их числе – большое количество пожелтевших от времени номеров газеты «Молодой коммунар» с публикациями Жигулина. После завершения обработки часть этих материалов поступит на хранение в областной литературный музей, а другая часть - в государственный архив Воронежской области.

Говоря о творческом наследии А. В. Жигулина, нельзя не сказать о судьбе другой, гораздо большей части его писательского архива.

Колобов В. В.

Воронежский государственный университет. Кандидат филологических наук, преподаватель кафедры связей с общественностью факультета журналистики.

E-mail: altvolk@yandex.ru

На официальном сайте Федерального архивного агентства (http://archives.ru) в конце 2011 года появилось сообщение о том, что Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) пополнился архивами ряда известных писателей, в том числе Анатолия Жигулина. К сожалению, не сообщаются подробности, но важен сам по себе факт: отныне рукописи и другие документы стали достоянием крупнейшего в России хранилища материалов по истории литературы, общественной мысли, музыки, театра, кино, изобразительного искусства и архитектуры.

Ранее в РГАЛИ поступили отдельные «единицы хранения» из архива Жигулина, в частности, рукописи произведений из сборников «Стихотворения» (ф. 613, оп. 10, ед. хр. 2267), «Полярные цветы» (ф. 1234, оп. 20, ед. хр. 1452), «Прозрачные дни» (ф. 1234, оп. 20, ед. хр. 1453), «Калина красная — калина чёрная» (ф. 1234, оп. 22, ед. хр. 1098) и другие.

Теперь литературоведы и просто почитатели творчества Жигулина получили возможность ознакомиться с достаточно широким кругом документов, писем и рукописей его произведений, в том числе с ранними публикациями в «Коммуне» и «Молодом коммунаре».

Позитивную роль двух известных воронежских газет в биографии крупнейшего поэта второй половины XX века и нашего земляка Анатолия Жигулина нельзя не оценить по достоинству.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. 1. Жигулин Анатолий. Далёкий колокол. Стихи, проза. Письма читателей / Анатолий Жигулин // [сост. И.В. Жигулиной]. Изд-во им. Е. А. Болховитинова. Воронеж, 2001.
- 2. 2. Жигулина Ирина. «Золотое злое время, я любил тебя всегда» / Ирина Жигулина. «Литературная газета». 2000.-31 дек.
- 3. 3. Горловский А. Поэзии горящая свеча /
   А. Горловский. Вопросы литературы. 1983. № 12.
- 4. 4. Абрамов Анатолий. Один из молодых / Анатолий Абрамов. Литература и жизнь. 1961. 1 февр.
  - 5. 5. Газета «Молодой коммунар». 1954-1963.
  - 6. 6. Газета «Коммуна». 1954-1963.

Kolobov V. V.

Voronezh State University. Cand. Phil. Sci., lecturer of chair public relations,

 $of faculty\ of\ journalism.$

E-mail: altvolk@yandex.ru

УДК 070

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ КАК ОСНОВА КУЛЬТУРЫ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ ФГД В УКРАИНЕ)

© 2013 Т. С. Крайникова

Институт журналистики Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Поступила в редакцию 7 декабря 2012 года

Аннотация: Представлены и проанализированы результаты фокус-групповых дискуссий на тему «Что меня поражает в текстах украинских СМИ?» (проведенные в период сентябрь-октябрь 2012 г. в вузах Украины). Выделены аксиологические концепты; обнаружено, что базовые аксиологемы имеют четко выраженную антропоцентрическую и национальную сущность. Очерченная система ценностей признана основой национальной культуры медиапотребления.

Ключевые слова: культура медиапотребления, система ценностей, аксиологический концепт, фокус-групповая дискуссия ($\Phi \Gamma \Delta$).

Abstract: Presents and analyzes the results of focus group discussions on the topic "What strikes me in the texts of Ukrainian mass media?" which were held at the period September-October 2012 in the universities of Ukraine. Highlighted the axiological concepts; discovered that basic values have an explicit anthropocentric and national nature. Outlined system of values recognized as the foundation of the national culture's media consumption.

Keywords: media consumption's culture, values, axiological concept, focus group discussion (FGD).

Актуальность исследования. В теории социальной коммуникации для оптимизации медиадеятельности перспективными представляются исследования, направленные на выяснение аксиологических ориентаций медиапотребителей. Такой подход обусловлен нашим убеждением в том, что национальная культура медиапотребления зиждется на системах ценностей, которые присущи многочисленным целевым аудиториям и выступают отправной точкою взаимодействия этих носителей с другими участниками социальных коммуникаций.

При этом особенно важно изучение духовных ценностей молодежных групп, ведь информационные вкусы, поведенческие модели, медиагерои, представления о нормах именно этих медиапотребителей представляют собой референтно-ценностные детерминанты будущего национальной медиакультуры.

Цель исследования — собрать и осмыслить эмпирические данные, отражающие основные аксиологемы украинских потребителей медиа-информации, которыми они руководствуются в контактах со СМИ и в оценках соответствующих текстов.

Методы исследования. Сбор эмпирических данных выполнен путем фокус-групповых дискуссий (Φ ГД) на тему «Что меня поражает в текстах украинских СМИ?», проведенных

Анализ предыдущих исследований. Немецкий исследователь медиакультуры К. Вагензоннер (Christian Wagensonner) определяет сущность и указывают на функциональные особенности ценностей в обществе. К. Вагензоннер пишет: «Моральные ценности являются целями и дорожными картами, которые ориентируют людей в их моральных решениях. Люди

имеют ценности, но не только для себя. Многие

в период сентября-октября 2012 г. Участниками

фокус-групп стали 78 студентов 4 курса (бака-

лавриата) и 1 курса (магистратуры), обучаю-

щиеся по специальности «Украинский язык и

литература» Института филологии Киевского

национального университета имени Тараса

Шевченко; Института филологии и журналистики Волынского национального университета

имени Леси Украинки; Института филологии и

журналистики Винницкого государственного

педагогического университета имени Михаила

Коцюбинского; факультета филологии и жур-

налистики Херсонского государственного уни-

верситета; филологического факультета Харь-

ковского национального университета имени

В. Н. Каразина, филологического факультета Черниговского национального педагогическо-

го университета имени Т. Г. Шевченко. Таким образом, были охвачены все макрорегионы

Украины. Результаты ФГД имели качественный

характер и подлежали рецептивному и аксиоло-

гическому анализу.

© Т. С. Крайникова, 2013

ценности, которые они разделяют с другими, они черпают от других и передают им свои. Так функционирует человеческое сосуществование, предусматривающее взаимодействие и индивидуальные ценности. Так как конкретное выражение ценностей тесно связано с личной и общей историей, то не все люди имеют одинаковые значения. Но они могут принять эти ценности и находить общий язык» [5].

Ученые указывают на сложность идентификации ценностей в условиях стремительной глобализации. В. Ризун пишет о разрушении национальных культурных ценностей стран, которые попадают в систему глобальной культуры и подчинении их интересов господствующей нации в глобальной системе: «Так, создаваемый в наше время глобальный информационный мир имеет явно выраженную проамериканскую или прозападную ориентацию, где постсоветские страны чувствуют себя зависимыми от правил игры в этом глобальном мире» [3].

Нам представляется действенным подход к формированию системы духовных ценностей, который предлагает В. Аскарова: «...Нужно попытаться повлиять на систему общественных ценностей, повысить престиж видов деятельности, требующих эрудиции, развитого интеллекта, широкого кругозора, культуры речи, коммуникабельности, интеллигентности — характеристик, развитие которых напрямую связано с чтением» [1, 24].

В научной литературе в большой степени такая миссия возлагается именно на СМИ. В манифесте польского научного ежеквартальника «Kultura – Media – Teologia» сформулировано: «Несмотря на важность средств массовой информации, которые становятся всемогущими в современной культуре, они не могут прийти к потере богатства и разнообразия различных культур и традиций из-за своих односторонних и безответственных действий [...]. Средства массовой информации призваны представлять и продвигать духовные ценности ... СМИ служат не только для того, чтобы развлекать, информировать, помогать устанавливать контакты, развивать культуру, но и служат и иной, более важной, возможно, миссии, - воспитывать и формировать личность» [4].

Впрочем, речь идет, действительно об обмене, диффузии ценностных представлений СМИ и медиапотребителей. Ведь и общество, как утверждает Г. Почепцов, диктует СМИ свое оценочное отношение к фактам и людям: «Текст в журналистике возникает как вариант перекодирования событий внешнего мира в соответствии с ценностной матрицей общества. Этим, кстати, этот текст отличается от научного текста, где имеется только одна главнейшая ценность — объективность» [2, 361].

Наши исследования показывают, что фактор медиапотребителя в современном информационном пространстве становится все более весомым —определяющим общий уровень национальной медиакультуры. Учитывая это и принимая во внимание мнение коллег, мы считаем актуальным изучение ведущих ценностных концептов медиапотребителя, а также его рекламаций по поводу генерируемых медиа аксиологем.

Основные результаты

На основе текстов протоколов и аудиозаписей $\Phi\Gamma Д$ нами выделены такие ценностные концепты медиапотребителя:

Человек как личность. Участников ФГД в медиаинформации привлекает, прежде всего, образ современного человека и современной человеческой жизни. Им интересны люди, увлеченные своим делом, имеющие какой-либо яркий личный опыт. Запрашиваемые медиагерои не обязательно должны быть «распиаренными» — напротив, в ходе дискуссий была установлена очевидная усталость от давно знакомых лиц в политике, в шоу-бизнесе и других сферах.

Киевляне ориентированы на медиаинформацию о самореализации и лидерстве; их интересует индивидуальность проявлений и достижений человека в спорте, творчестве, политике и т. д. Им импонируют сильные и успешные медиагерои.

Херсонские студенты вспоминали множество жизненных историй, почерпнутых со СМИ, героями которых стали простые люди, попавшие в трудные обстоятельства,— они искренне сочувствовали им. Поэтому нельзя утверждать, что массированное транслирование негативной информации вызывает полную десенсибилизацию (потерю чувствительности) у медиапотребителя.

Винницкие студенты сетовали на то, что СМИ, вместо того, чтобы развивать заложенное в человеке доброе начало, духовно калечат его, ежедневно погружая в массовую культуру с ее культом денег и культом треша. А, значит, от самого медиапотребителя зависит, хватит ли у него интеллектуального уровня и человеческого достоинства, чтобы фильтровать информационные потоки.

Участники киевской, луцкой, харьковской ФГД считают, что важнейшее проявление человека — собственное мнение. Харьковчанка О. высказалась по поводу того, как обрабатывают интернет-пользователя различные системы рекомендаций, реклама типа «Этим способом Дж. Роберс похудела на 50 кг» или «Эту книгу рекомендует Джони Депп», — она сказала: «Человек должен иметь собственную позицию и не идти на поводу в громких имен».

Херсонцев привлекает то, что медиа дают возможность обычному человеку продемонстрировать свои таланты. Многие из них следят за такими талант-шоу, как «Голос страны», «Караоке на Майдане», «У Украины есть талант», «Х-Фактор» и др. Таким образом, им интересен человек в творчестве и общении, что порождается этим творчеством.

Доверие и общение. Участников черниговской, луцкой, харьковской ФГД поражает высокий уровень недоверия между людьми, разрушение нормальных человеческих отношений: отказ от дружбы, взаимопомощи, обмена информацией, замкнутость в своем мире и т. п.

Диспутанты считают, что человеческая сущность кроется и раскрывается в языке, в коммуникативности. Херсонская студентка М. сказала, что много впечатлений в ее жизни связаны с новыми знакомствами и что на основе этих знакомств возникают новые интересы. В наше время, когда общение людей опосредовано экранами, когда люди теряют навыки межличностного общения, это наблюдение обретает актуальность и побуждает к поиску подходов к снятию формирующихся коммуникативных барьеров.

Для лучан (Волынская обл.) огромное значение имеют семейные ценности. Как медиапотребители, они обеспокоены тем, как реагируют на их информационные интересы родители и что потребляют их несовершеннолетние родственники. Они уделили много внимания проблеме познавательного и воспитательного ресурсов (скорее отсутствия таковых) в современных зарубежных анимационных фильмах, которые демонстрируются на украинских телеканалах.

Участники, прежде всего, херсонской, а также киевской ФГД ожидают от СМИ живого диалога, интерактивных продуктов и подходов. Они считают, что СМИ должны более интенсивно освещать проблемы, о которых сообщают медиапотребители, действенно помогать решению проблем на местах, информировать о действительно важном для медиапотребителя. То есть современный медиапотребитель претендует на то, чтобы быть соавтором медийной «повестки дня».

Харьковские студенты большое значение придают качеству информации и качеству общения. По их мнению, в медиапространстве, в частности интернет-пространстве, слишком много некомпетентных суждений, которые отвлекают, отбирают время и проч. К категории зачастую ненужной информации попали также всевозможные рекламные сообщения, в том числе политического содержания, которые, по признанию участников $\Phi\Gamma Д$, вызывают у них раздражение.

Участница А. утверждает, что обычно определяет важность информации для себя с первых

двух-трех предложений, а усомнившись в ценности сообщения, прекращает ознакомление. Такой подход практикуется и другими участниками ФГД.

Национальная и региональная идентичность. Участники ФГД считают необходимой национальную и региональную определенность медиапродуктов, ощущение «своей» проблематики, традиций, что отнюдь не перечеркивает интерес к зарубежным событиям, а только устанавливает иерархию соответствующих ценностей.

Как было сказано выше, дискуссии проходили в разных частях Украины, - и их участники продемонстрировали интерес к языкам, медиапродуктам, событиям соседних стран: луцкие студенты апеллировали к польским реалиям, черниговские – к белорусским. Харьковские участники рассказывали об ощущении собственных отличий от «западенцев», вспоминая туристическую поездку на фестиваль в Западную Украину. Но все они были солидарны в том, что украинские СМИ призваны создавать целостную картину украинской жизни, опираясь на национальную историю, культуру и понимание общего будущего. Таким образом, украинские медипотребители демонстрируют достаточно высокий уровень общенационального и местного патриотизма.

Приоритет национального особенно четко был обозначен западноукраинскими студентами. Они однозначно предпочитают те СМИ, которые работают на украинском языке и продвигают все украинское: историю, культуру, спорт, литературу.

Подобный подход к оценке медиаинформации продемонстрировали также студенты-киевляне и черниговцы: по их мнению, генерируемые СМИ духовные ценности должны соответствовать национальной ментальности. И на этой основе должно строиться гражданское сознание — как критическое отношение к событиям и людям и понимание личной позиции в общественных процессах.

Студентов винницкой, киевской и харьковской ФГД волнует вопрос о роли культуры в жизни современного украинца и украинского общества в целом. Эта роль признана слишком малой. Херсонцы возмущены тем, что учреждения культуры, например библиотеки, используются как площадки для политической агитации во время выборов — они настаивают на том, что культурный фонд должен оставаться общенациональным достоянием и незыблемым форпостом духовности.

Участники апеллируют к таким фигурам украинской культуры разных периодов, как Григорий Сковорода, Иван Франко, Лина Костенко, объясняя их феномены неординарным

талантом и моральной чистотой. Именно на таких медиагероев сегодня формируется запрос в украинском обществе.

Правда и ответственность. Участники ФГД со всех макрорегионов продемонстрировали усталость от безрезультативных обещаний представителей политикума. Нами обнаружено четкое требование отчетности за оказанное доверие избирателей, что является маркером развивающегося гражданского сознания медиапотребителя.

Херсонские студенты считают низким уровень политической дискуссии в украинском обществе, неумение слушать оппонентов и прислушиваться к их мнению, считаться с достигнутыми ими результатами.

Луцкие и черниговские студенты указывали на использование черного пиара в медиатекстах. Так, участник Р. интерпретировал типичный информационный поток кандидата во время выборов, направленный против конкурентов: «Нет, он лжец! Тот лжец!... А он лгал мне это вчера! А тот говорил вчера такое, а сегодня сделал другое... Я этого не понимаю...».

Харьковские и луцкие студенты говорили о том, что украинские СМИ оставляют без внимания дальнейшее развитие тех или иных общественно важных событий. «Забывание» важного на фоне огромного объема второстепенного материала расценивается медиапотребителем как ущербность информирования.

Участники ФГД замечают и понимают зависимость СМИ от тех или иных субъектов политикума. Они предъявляют к СМИ требование объективности, разносторонности освещения событий, баланса мнений.

Доступная интеллектуальность. По мнению диспутантов, современный человек, живущий в постоянно изменяющемся мире, вынужден неустанно обновлять свои знания. И СМИ должны ему в этом помогать - предоставлять интеллектуальный продукт, знакомить с мнениями самых интересных и авторитетных специалистов во всех областях общественной жизни. Причем, желательно, упаковывая эту информацию, в доступную, быстро схватываемую форму. Студентам нравятся медиапродукты познавательного и познавательноразвлекательного характера: фильмы, которые становятся событиями кинематографа; передачи о загадках мировых цивилизаций; о музыке, но компетентно - с комментариями рассказчиков одновременно сведущих и приятных.

Участники киевской и черниговской ФГД, демонстрируя наивысший интерес к особенностям отображения общественной жизни в СМИ, указали на недостаточность и односторонность освещения в новостях состояния украинской экономики, серьезных социальных тем и т. п.

Они также возражали против перебора с юмористическими программами. Черниговка Л. сказала: «Развлекательные передачи рассчитаны на уровень ниже среднего. Плебейство!».

Харьковчане также сетовали на низкий уровень вербализации мысли, даже мысли интересной. Студентка Ю. удивлялась, почему в авторских колонках так много вульгарных слов, когда то же самое можно сформулировать нормативно.

Этическая мера. Для молодежи важна этичность информации. Грязь человеческих отношений, словесная пошлость, избыточность сексуальных мотивов в медиатекстах расценивается ими как нечто недопустимое. Лучанка А. шокировано сетует на Интернет: «... Когда ... открываешь страницу — и предлагают различные порносайты свои услуги (!). Просто невозможно прочитать информацию».

Участников всех ФГД волнует агрессивность новостного потока, который состоит преимущественно из сообщений об авариях, убийствах и т. п., что, по их словах, разрушает психику реципиента и противоречит национальной ментальности. Вместе с тем, многие участники не отрицали, что довольно часто смотрят передачи типа «Свидетель» (НТН), «Чрезвычайные новости» (ІСТV) и т. п., что только подтверждает значительность влияния подобных информационных предложений на формирование вкусов и приоритетов медиапотребителя.

Студенты испытывают раздражение от темы роскошной жизни представителей политикума и бизнеса, например, в таких телепродуктах, как «Пираньи» («Новый канал»), «Невероятная правда о звездах» (СТБ), «Козырная жизнь» (ІСТV) и др. Также малоинтересны им интимные подробности из жизни т. н. звезд. В противовес подобной информации они ставят жизнь простых людей, их проблем и потребностей, которые и должны быть в фокусе внимания СМИ.

Диспутанты полагают, что со стороны государства должно исходить регулирование нежелательного контента, но также акцентируют внимание на необходимости обеспечения свободы работы редакций. Винничанка А. по этому поводу сказала: «Раньше была цензура, а теперь постмодернизм». Они не чувствуют эффективности действий Комиссии по журналистской этике, которая и призвана находить необходимый компромисс.

Выводы. Уровень национальной культуры медиапотребления определяется различными системами духовных ценностей и различными их иерархиями у социальных групп.

В ходе ФГД обнаружена существенная ценностная дифференциация аудиторий украинских

СМИ — установлено, что духовные основы медиапотребления в Украине имеют региональные варианты, что открывает перспективу углубленного изучения этих вариантов с использованием других методик.

Вместе с тем, обнаружены духовные ценности, которые объединяют участников ФГД со всех макрорегионов Украины и дают возможность построения обобщенной системы ценностей, на которой зиждется национальная культура медиапотребления. Эти базовые аксиологемы имеют четко выраженную антропоцентрическую и национальную сущность, что крайне важно в условиях глобализации.

По результатам ФГД, медиа, которые являются площадками для безответственной риторики политических сил и лидеров, манипулируют общественным мнением, трактуют факты в отрыве от личного опыта медиапотребителя, рискуют потерять свои аудитории.

Крайникова Т. С.

Кандидат филологических наук, доцент, докторант Института журналистики Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (Киев, Украина).

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Аскарова В. Я. Мода в чтении: постижение смысла всестороннего исследования / В. Я. Аскарова // Мода в книжной культуре: границы дозволенного. Челябинск, 2010. С. 5-33.
- 2. Почепцов Г. Г. Від Facebook'y і гламуру до WikiLeaks : медіакомунікації / Георгій Почепцов. К. : Спадщина, $2012.-464\,\mathrm{c}.$
- 3. Різун В. В. Теорія масової комунікації : підруч. для студ. галузі 0303 «журналістика та інформація» / В. В. Різун. К. : Видавничий центр «Просвіта», 2008. 260 с.
- 4. Manifest programowy «Kultura Media Teologia» // Kwartalnik Naukowy «Kultura Media Teologia» // Tryb dostępu. (http://www.kmt.uksw.edu.pl/manifest-tekst).
- 5. Wagensonner Christian Werte in der modernen Gesellschaft. Die europäische Wertestudie [Electron. Ressource] / Christian Wagensonner // Institut für Religion und Frieden. Montag, 3 November 2008 // Regime des Zugriffs. (http://www.irf.ac.at/index.php?option=com_content&task=view&id= 246&Itemid=32).

Kraynikova T.S.

Ph.D. in Philology, Institute of Journalism of Kiev National Taras Shevchenko University (Kiev, Ukraine).

УДК 070:821.161.1

ОБРАЗ РОДИНЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ И МЕМУАРИСТИКЕ Б. ЗАЙЦЕВА

© 2013 Ю. Н. Мажарина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 марта 2013 года

Аннотация: В статье анализируется образ Родины, создаваемый Б. Зайцевым на страницах периодических изданий Русского зарубежья и в произведениях мемуарного жанра. Память о дореволюционной
России — ключевая категория сознания русских эмигрантов в целом и Б. Зайцева в частности. Потребность
сохранить вдалеке от России её облик, традиции, устои, имена, не дать раствориться дореволюционной
российской культуре в современном инокультурном, инонациональном окружении — первоочередная задача
публициста. В путевых очерках, мемуарных портретах, статьях, рецензиях, дневниковых записях, письмах
Б. Зайцев создаёт многомерный облик своих современников: людей, лишённых Родины, но сохранивших на
чужбине русский язык, культуру, самобытность, составляющих тот самый образ дореволюционной России.

Ключевые слова: мемуары, Русское зарубежье, публицистика, Борис Зайцев, образ Родины, путевой очерк, дневниковый цикл, национальная память, эмиграция.

Abstract: The article analyses the image of the Homeland, created by B. Zaitsev on the pages of periodicals of the Russian diaspora and in the works of the memoir genre. The memory of the pre-revolutionary Russia is a key category consciousness of russian emigrants in general, and B. Zaitsev in particular. The need to stay away from Russia, its appearance, traditions, customs, names, does not allow to dissolve the pre-revolutionary Russian culture in the modern inocultural, inonational environment is the primary task of a publicist. In the travel essay, memoirist portraits, articles, reviews, diaries, letters B. Zaitsev creates multi-dimensional shape of his contemporaries: people deprived of their Homeland, but retained in a foreign country Russian language, culture, identity, the components of the image of the pre-revolutionary Russia.

Key words: memoirs, Russian diaspora, journalism, Boris Zaitsev, the image of the homeland, travel essay, diary cycle, national memory, emigration.

Судьба Бориса Зайцева отражает судьбы многих эмигрантов, в изгнании видевших свою миссию в том, чтобы сохранять и передавать потомкам национальные культурные традиции. «Мы не в изгнании, мы в послании» [1, 163] — фраза долгие десятилетия определявшая внутренний настрой, жизненный уклад эмигрантов первой волны в целом и Бориса Зайцева в частности. «Мы — капля России», — любил повторять Зайцев [2, 4].

Память о дореволюционной России — ключевая категория сознания русских эмигрантов. Я помню, следовательно, она существует. Именно так можно перефразировать Рене Декарта, говоря о Русском зарубежье. В ситуации социополитического и культурного распада память о Родине становится той точкой, опираясь на которую русская эмиграция и выполняет свою миссию по сохранению национальных основ.

Говоря словами Иосифа Бродского, всякому изгнаннику присущ «гипертрофированный ретроспективизм». «Ретроспекция занимает в его

сии наряду с профессиональными писателями и публицистами оставляют политики, военные, философы, художники, музыканты и даже простые гимназисты... «Некрополь» В. Ходасевича, «Курсив мой» Н. Берберовой, «На берегах Невы» И. Одоевцевой, «Одиночество и свобода» Г. Адамовича, «Силуэты русских писателей» Ю. Айхенвальда, «Дневник моих встреч» Ю. Анненкова, «Я унёс Россию» Р. Гуля, «Русская литература

существовании чрезмерное место. Она заслоняет

реальность и затемняет будущее завесой куда более внушительной, чем самый густой туман. У из-

гнанника как у дантовских лжепророков, голова

постоянно отвёрнута назад, и слёзы или слюна

текут по спине. Пишущий же, даже получив сво-

боду передвижения, не может никак оторваться

В эмиграции воспоминания о прежней Рос-

от мира своего прошлого...» [3, 3].

в изгнании» Г. Струве.

Дневники, письма, автобиографии, мемуарные портреты, собственно воспоминания — это «плач» по прошлому и одновременно послание в будущее с опорой на настоящее. «Связь живого в прошлом с живым в настоящем есть

© Ю. Н. Мажарина, 2013

истинная культурная традиция», — утверждал П. Милюков [4, 137].

Мемуарно-автобиографическое начало — ключевая черта эмигрантского творчества и Бориса Зайцева. «За ничтожными исключениями все написанное здесь мною выросло из России, лишь Россией и дышит. И ни одному слову моему отсюда не дано было дойти до Родины. В этом вижу суровый жребий, Промыслом мне назначенный. Но приемлю его начисто, ибо верю, что всё происходит не напрасно...», — читаем в автобиографии публициста [5, 380-382].

Стремление рассказать о себе через воспроизведение фактов собственной биографии, через воспоминания о жизни современников вызвано у многих писателей-эмигрантов, в том числе, и у Бориса Зайцева острой потребностью сохранить вдалеке от России её облик, традиции, устои, имена, не дать раствориться дореволюционной российской культуре в современном инокультурном, инонациональном окружении. Ну, и, разумеется, мемуары — это попытка напомнить о себе, о своём месте в мире.

Работа именно в мемуарном жанре позволяет публицисту обрести в одночасье потерянную Родину, вернуться к себе прежнему и к России прежней, восстановить оборванную связь времён, поколений, культур.

Такую родную и знакомую «страну изб и усадеб», «Россию Святой Руси» Борис Зайцев описывает в путевых очерках «Афон» (1928), «Валаам» (1936). В непринужденной форме автор делится с читателями впечатлениями от непосредственных наблюдений и, в тоже время, путешествует по своей «внутренней России». Позиция «путешественника» позволяет Борису Зайцеву освободиться от уз времени и пространства, проникнуть по ту сторону границы, создать образ Родины — свободной от исторических катастроф и революционных потрясений. Путевые очерки Зайцева — это блуждание между реальной жизнью и иллюзиями.

Афон для Зайцева остался тем уголком русской земли, который бережно сохранило жестокое время. А посещение монастыря Святого Пантелеймона стало, по словам публициста, «глотком свежего воздуха, дующего с родины» [6, 405], покинутой навсегда. «Боря вернулся с Афона обновлённый и изнутри светлый!», — отмечает в письме к Вере Буниной жена Зайцева Вера Алексеевна [7, 167].

Подобные чувства Борис Зайцев стремится подарить и читателям-эмигрантам. «Богословского в моём писании нет. Я был на Афоне православным человеком и русским художником <...>. Я пытаюсь дать ощущение Афона; как я его видел, слышал, вдыхал...», — признавался автор [6, 293].

«Поразительно русский характер» [6, 364] всего окружающего удивляет Бориса Зайцева и в Валаамском монастыре, основанном ещё в XIV веке на острове в Ладожском озере. Туда в поисках образа России публицист отправляется в 1935 году.

На протяжении всего паломничества очеркиста не покидает ощущение незримого присутствия так близко расположенной России. Об этом свидетельствует его письмо к Ивану Бунину, с которым Борис Зайцев дружил практически до последних дней жизни. 1 сентября 1935 года он писал: «Виден Кронштадт. Иван, сколько здесь России! Запахи совсем русские: остро-горький — болотцем, сосной, березой. Вчера у куоккальской церкви — она стоит в сторонке — пахло ржами. И весь склад жизни тут русский, довоенный» [8, 140-141].

Очерки конкретны, связаны с бытом, пропитаны запахами русской земли. Зайцев погружается в родную стихию — русский пейзаж и русские характеры, используя характерные для путевого очерка приемы: панорамность изображения, ярко выраженную авторскую позицию, свободную манеру изложения. В одном ряду оказываются, казалось бы, несоизмеримые в духовном плане вещи: поиски грибов, прогулки по лесу, поклонение могиле преподобного Антипы, исповедь, причастие. Но для Зайцева всё это и есть сущность той истинной России, в постоянном поиске которой он находится. «Ведь это всё моё, в моей крови, я вырос в таких лесах...», — пишет автор [6, 382].

Интерес к «милым» подробностям устойчивого быта ушедших лет присущ не только Борису Зайцеву, но и другим эмигрантам-мемуаристам. Церкви и рынки, похороны и кладбища, майский парад на Марсовом поле и наводнение 1903 года, зрелища и развлечения вспоминает Александр Бенуа. Владимир Оболенский детально описывает первые электрические фонари, уличного мороженщика, Ваньку-извозчика, Вербное гулянье, иллюминацию в царские дни, праздничные балаганы, выкрики уличных разносчиков. «В причудливой смеси европейской культуры со старым русским бытом и заключалась своеобразная прелесть старого Петербурга», — резюмирует автор [9, 16].

Россия для эмигрантов — «лоскутное одеяло», состоящее из мелких, незначительных, на первый взгляд, но таких родных, понятных и знакомых каждому деталей и образов. Бытие в мемуарах превращается в со-бытие.

Россия «изб и усадеб», монастырей и обителей Бориса Зайцева внутренне близка и созвучна И. Шмелёву, И. Бунину, С. Булгакову. Последний писал: «Моя родина, носящая священное для меня имя Ливны, небольшой город Орловской

губернии, — кажется, я умер бы от изнеможения блаженства, если бы сейчас увидел его <...>. Всё это так тихо, просто, скромно, незаметно и — в неподвижности своей — прекрасно <...>. И ей свойственна также такая тихость и ласковость, как матери. Она робко напоминает... о потерянном рае, о той надмирной обители, откуда мы пришли сюда...» [10, 64-65].

Борис Зайцев проводит в очерках «Афон» и «Валаам» очевидные параллели между судьбами святых старцев и эмигрантов. Жизнь последних полна мучений и страданий, как и жизнь афонских и валаамских монахов. Но эти мучения неизбежны на праведном пути. Россия, по мнению публициста, возродится после революционных испытаний лишь «благодаря терпению и смирению духовно верных и преданных ей изгнанников, несущих тяжкий крест в наказание за грехи своей родины. Эмиграция есть драма и школа смирения» [11, 38].

А воспоминания о России — то зеркало, вглядываясь в которое, эмигрантский читатель может увидеть давно потерянное собственное лицо, то, каким надо быть или каким можно стать.

«Многое видишь о Родине теперь по-иному, иначе оцениваешь. Находясь в стране старой и прочной культуры, ясней чувствуешь, например, что не так молода, многозначительно не молода и не безродна Россия, — пишет Борис Зайцев. — Когда в самой России жили среди повседневности, деревянных изб, проселочных дорог, неисторического пейзажа, менее это замечали. Издали избы, бани, заборы не так существенны — хотя, конечно, черты природы, запахи, птицы, реки России в спиритуальный пейзаж ее вошли. Все это помним мы и любим... — порою даже мучительно. Но кроме этого яснее, чище видим общий, тысячелетний и духовный облик Родины» [12, 60].

С двух сторон, как «терзаемую и терзающую», Борис Зайцев показывает Россию на страницах дневниковых записей «Дни». Почти тридцать три года (с 1939 до 1972) он регулярно ведёт их сначала в «Возрождении», а затем в «Русской мысли». Последняя публикация без названия появилась 5 января 1972 года, за несколько дней до кончины Зайцева и была посвящена Достоевскому, тайну творчества которого публицист стремился постичь всю жизнь.

В «Днях» переплетаются настоящее и прошлое, текущие события и размышления над ними («Возвращаясь от всенощной», № 272, 1 сентября 1950; «Новый год», № 852, 26 января 1956), мемуарные портреты современников («О Леониде Андрееве», № 180, 14 октября 1949; «Другие и Марина Цветаева», № 320, 16 февраля 1951; «Гумилёв и Козлов», № 2861, 23 сентября 1971) и рассуждения о классиках («Столетие

«Записок охотника», № 475, 13 августа 1952; «Творчество из ничего». Вновь Чехов», № 1174, 15 февраля 1958; «С Толстым», № 2810, 1 октября 1970).

Жизнь и творчество В. Жуковского, Н. Гоголя, И. Тургенева, А. Чехова, Л. Толстого для Бориса Зайцева олицетворение вечной истинной России. «Чем дальше идет время, тем сильнее чувствуем мы здесь свое одиночество. Все более уходим душою с чужой земли, возвращаясь к вечному и духовному в России. Вновь перечитываем многое, на чем возрастали, по-новому его ощущая <...>. Смотришь на русскую книгу теперь с волнением — и любовью (особенной). Ей ведь вверено сохранить, передать более мирным и счастливым поколениям образ России — не звериный, но истинный» [13, 194, 132-133].

Борис Зайцев ежедневно подводит объективные итоги собственному жизненному и творческому пути, исследует общественные отношения, выявляет объективные причины, повлиявшие на характеры и судьбы, разбирается, почему на Родине в пылу революционной борьбы была потеряна российская духовность, и каким образом её удалось сохранить изгнанникам.

«Дни» наряду с другими публицистическими циклами автора («Судьбы», «Странник», «Из воспоминаний», «Давнее», «Былое», «Памяти ушедших», «Дневник писателя») — это ещё один способ возродить дореволюционную Россию не только в собственной памяти, но и в памяти всех эмигрантов, попытка вернуться на Родину, пусть и воображаемую. «Кончилась Москва настоящая, началась воображаемая... Париж показал, что такое «изгнание», преграда, Москва сузилась! И отдалилась на тысячи километров. Началась эмиграция: длительное, как бы законное существование вне родины», — напишет Зайцев в одной из своих публикаций [14, 18].

Целостный и яркий образ Родины, эпохи в её идейном брожении, в богатстве духовной жизни создаёт Борис Зайцев в сериях мемуарных портретов, впоследствии собранных самим автором в книги «Москва» (1939), «Далёкое» (1965), «Мои современники» (1988). В предисловии к «Далёкому» публицист говорит: «Это книга о разных людях, местах — по написанию она разного времени, но все о давнем... Большая часть книги — о России» [15, 5].

Литераторы, философы, художники, музыканты, политические деятели — приоритета Борис Зайцев не отдает никому. От Короленко и Чехова, благословивших литературного новичка в конце позапрошлого века, до Цветаевой и Пастернака, с которыми он встречался и переписывался, — таков временной размах портретной мемуаристики Зайцева.

Множество индивидуальных портретов и судеб, из которых в итоге складывается коллективный портрет и судьба России: «неохристианский» Петербург с его «религиознофилософскими собраниями», Мережковским, Гиппиус, журналом «Новый путь» и покровительствующая «самоновейшему» Москва с декаденским журналом «Весы», его редактором «дьяволистом» Брюсовым, «мрачным как скалы» Балтрушайтисом, «нежным как мимоза» Поляковым.

Л. Андреев, И. Бунин, А. Блок, А. Белый, А. Куприн, М. Горький, К. Бальмонт, В. Иванов, Н. Бердяев, А. Ремизов, И. Шмелев, М. Осоргин, М. Алданов, А. Бенуа, П. Муратов, Ю. Айхенвальд, А. Ахматова, А. Толстой... Перечень имён тех, о ком Зайцев оставил воспоминания в эмигрантских периодических изданиях, впечатляет.

Таким образом, находясь постоянно в поиске утерянной Родины, Борис Зайцев на страницах эмигрантской периодики сберегает национальную память. Воспроизводит не просто облики своих современников, представителей Серебряного века русской культуры, а создаёт многомерный портрет целого «потерянного поколения»: людей, лишённых Родины, но сохранивших на чужбине русский язык, культуру, самобытность, составляющих образ дореволюционной России. России, которая рано или поздно возродится сама и возродит остальной мир: «Истина всё-таки придёт из России... «Святою Русью» — в новых её формах, в бедности и простоте, тишине, чистоте, незаметно, без парадов и завоеваний. Придёт... чтобы просветить усталый мир» [6, 442].

Мажарина Ю. Н.

Воронежский государственный университет. Аспирант кафедры истории журналистики. E-mail: yuliya-mazharina@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Гуль Р. Я унёс Россию. Апология эмиграции / Р. Гуль // Соч. : В 3 т. М., 2001. Т. 1 : Россия в Германии. 560 с.
- 2. Зайцев Б. Дни / Б. Зайцев. Москва-Париж : YMCA-Press, Русский путь, 1995. — 480 с.
- 3. Brodsky J. The Condition We Call Exile / J. Brodsky // Writing in Exile. Renaissance and Modern Studies. University of Nottingham. 1991. Vol. 34.
- 4. Милюков П. Н. Живой Пушкин (1837-1937). Историко-биографический очерк / П. Н. Милюков. — М. : Эллис Лак, 1997. — 416 с.
- 5. Зайцев Б. К. Дальний край. Повести. Рассказы / Б.К. Зайцев. М.: Дрофа: Вече, 2002. 400 с.
- 6. Зайцев Б. К. Собрание сочинений / Б. К. Зайцев // Соч. : В 9 т. М., 1999. Т. 7 : Святая Русь : Избранная духовная проза. Книги странствий. Повести и рассказы. Дневник писателя. 528 с.
  - 7. Зайцев Б. К. Другая Вера / Б. К. Зайцев. М., 2002. 214 с.
- 8. Письма Б. Зайцева к И. и В. Буниным // Новый журнал. Нью-Йорк, 1982. № 149.
- 9. Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники / В. А. Оболенский. Париж : YMCA-Press, 1988. 700 с.
- 10. Булгаков С. Н. Моя родина. Избранное / С.Н. Булгаков. Орел, 1996. 240 с.
- 11. Зайцев Б. К. Собрание сочинений / Б. К. Зайцев // В 9 т. М. : Русская книга, 1999. Т. 4 : О себе. Путешествие Глеба : Автобиографическая тетралогия. 610 с.
- 12. Зайцев Б. К. Слово о Родине / Б. К. Зайцев // Слово. 1989. № 9.
- 13. Зайцев Б. К. Собрание сочинений / Б. К. Зайцев // В 11 т. М. : Русская книга, 2000. Т. 9 : Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. 560 с.
- 14. Зайцев Б. Москва сегодняшняя / Б. Зайцев // Возрождение. 1932. 14 янв.
- 15. Зайцев Б. К. Далекое / Б. К. Зайцев. М. : Советский писатель, 1991. 512 с.

Mazharina Y. N.

Voronezh State University. The post-graduated student of Department of Journalism.

УДК 659.13

ЦВЕТ В РЕКЛАМЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВКУСА У МОЛОДЕЖНОЙ АУДИТОРИИ

© 2013 Л. М. Матвеечева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 января 2013 года

Аннотация: статья посвящена эстетико-просветительской функции рекламы, а конкретно — цвету как одному из важнейших элементов фирменного стиля. Качественная реклама способствует формированию у аудитории чувства прекрасного, воспитывает у нее хороший вкус. Однако следование производителей товаров и рекламистов лишь существующим оформительским рекомендациям приводит к тому, что цветовые решения упаковки, рекламных посланий большинства товаров одной товарной категории получаются однотипными, и у аудитории постепенно возникает желание видеть новые эстетические варианты.

Ключевые слова: эстетический вкус, цвет в рекламе, эстетическая функция рекламы, цветовые предпочтения, восприятие цвета, цветовые ассоциации.

Abstract: The article is devoted to the aesthetic education function of advertising, and especially — colour as one of the most important elements of a corporate identity. High-quality advertising forms the sense of beauty of the audience, cultivates the good taste. However, producers of goods and advertising specialists follow only the existing design recommendations, and that leads to the similar colour options of package, advertising messages of the majority of goods in the product category. And that's why the audience's desire to see the new aesthetic options gradually arises.

Keywords: aesthetic taste, colour in advertising, aesthetic function of advertising, colour preferences, colour perception, colour associations.

Реклама, как и искусство, обращается к эмоциональной сфере человека, воздействуя на него посредством чувственных образов. Качественная реклама служит развитию потребительской культуры, прививает потребителю хороший вкус, демонстрируя лучшие образцы упаковки, создавая изящные товарные знаки по законам графического искусства, видеоролики, построенные с учетом законов пропорции, симметрии, равновесия, ритма и т. д.

Одним из важнейших элементов эстетической составляющей в рекламе является цвет. Несмотря на всю субъективность процесса восприятия (например, Винсент Ван Гог использовал в работах красный и зеленый, чтобы выразить свою депрессию, в то время как красный традиционно несет в себе яркие эмоции, а зеленый считается цветом свежести и обновления [6]), в восприятии цвета есть свои универсальные законы, которые любой дизайнер обязан знать и уметь применять на практике. Кроме того, стереотипы в восприятии у аудитории, особенно молодежной, подвержены изменениям и формируются, в частности, рекламой.

Мы исследовали мнения 28 студентов первого курса Воронежского государственного университета с целью изучить их цветовые предпочтения. Для этого был использован метод свободных ассоциаций, экс-

© Л. М. Матвеечева, 2013

перимент, а также проективная методика, а именно методика изучения продуктов творчества. Для анализа было взято пятнадцать цветов: семь спектральных (красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый), белый, черный, серый, розовый, лимонный, салатовый, сиреневый, а также коричневый в качестве примера. Испытуемым было предложено перечислить произвольное количество ассоциаций, которые вызывают у них названные цвета. Красный цвет помимо привычных ассоциаций со страстью, энергией, опасностью, сексуальностью вызвал и другие: четверо респондентов отметили, что красный связан со скидками и акциями. Еще двое респондентов отметили принадлежность к скидкам и акциям оранжевого цвета. Показательно, что двое респондентов в качестве ассоциации с красным цветом назвали напиток «Кока-кола», а еще двое привели ассоциацию «зеленый – Сбербанк». Отмечая глубину связи бренда и фирменных цветов, подчеркнем значение эстетико-просветительской функции рекламы: ведь связь цветов со скидками, а тем более с конкретными товарами, сформировалась исключительно под воздействием рекламы.

В ассоциациях с другими цветами также прослеживается влияние рекламы [5].

Желтый («лимонад», «отдых», «активность», «дешевый») часто используется для рекламирования энергетических напитков, спортивных товаров,

витаминов, но в то же время желтым выделяются и недорогие бытовые товары (перчатки для мытья посуды, мешки для мусора и т. д.).

Зеленый вызвал самые различные ассоциации («натуральный», «здоровье», «полезный», «деньги», «энергичный», «напиток»), что неслучайно: разные оттенки этого цвета уже получили в сознании современного человека отличные друг от друга значения. Так темно-зеленым выделяют банковские продукты, светло-зеленым — газированные напитки и соки, ну и, конечно же, основное значение зеленого цвета, связанное с натуральностью и экологичностью, энергично эксплуатируется рекламистами во множестве продуктов, начиная с йогуртов и заканчивая стиральными порошками.

Голубой («гармония», «летний отдых», «легкость», «спорт») передает ощущение свежести и потому он часто используется для рекламы чистящих и моющих средств, дезодорантов и зубных паст, а передаваемое ощущение гармонии делает его эффективным для продвижения туристических услуг, клиник красоты и оздоровительных центров.

Синий («серьезный», «величественный», «хмурый», «деловой») — благодаря ассоциациям с мышлением и интеллектом, синий цвет хорошо использовать в рекламе высокотехнологичных приборов и электроники, однако и здесь важно соблюсти меру, поскольку синий сам по себе очень консервативный цвет и требует грамотно подобранного сочетания с другими цветами.

Интересно, что фиолетовый цвет вызвал положительные ассоциации у подавляющего большинства испытуемых — мы обнаружили только четыре негативные характеристики. В то время как В. Кандинский характеризует его как «болезненный звук», «нечто погашенное и печальное» [3].

Со стилем, престижем и роскошью ассоциируется черный цвет (более половины положительных характеристик, несколько нейтральных), а серый цвет стал для современного человека поистине универсальным, классическим и даже уютным (примерно треть положительных ассоциаций). Хотя тот же Кандинский называет черный «вечным молчанием без будущего», а серый – «безутешной неподвижностью». В тесте М. Люшера дополнительные цвета, куда входят также фиолетовый, черный и серый, символизируют негативные тенденции: тревожность, стресс, переживание страха, огорчения [4]. Дополнительные цвета, лимонный и салатовый, вызвали в основном негативные ассоциации и были охарактеризованы как ядовитые, токсичные, раздражающие и т. д. Розовый – цвет гламура и блондинок - ассоциация, ставшая в последнее время стереотипом, который рекламистам в случае необходимости очень трудно будет преодолеть.

Следующий вопрос помог нам выяснить связи цветов и понятий в представлении молодежной ау-

дитории. Мягкие цвета — голубой, белый, оттенки коричневого, жесткий — черный, теплые — красный, оранжевый, желтый, холодные — синий, голубой, некомфортные и раздражающие — лимонный, салатовый, розовый, оранжевый, роскошный — черный, красный, фиолетовый, дешевый — желтый, розовый и т. д. Еще респонденты назвали «модные», «молодежные» цвета: самые популярные ответы — черный, коричневый, красный и синий.

Затем испытуемым было предложено нарисовать привлекательную упаковку любого товара из категории «продукты питания» используя карандаши и фломастеры 15 вышеописанных цветов. Умение рисовать при анализе не учитывалось. Молодежная аудитория по большей части разрабатывала упаковки для сладостей: мармелада, конфет, варенья, шоколада и т. д., а также для молочной продукции: молока, сыра, йогурта. Показательно, что респонденты мало использовали основные цвета. Несмотря на то, что в первой части исследования испытуемые отмечали яркие дополнительные цвета как «раздражающие», «искусственные», «некомфортные», «некрасивые» в творческой части они использовали именно их, хотя могли воспользоваться любыми цветами из предложенных 15 вариантов.

Несмотря на то что и большинство специалистов не рекомендуют использовать сложные цвета в рекламных сообщениях, наше исследование показало, что в отношении молодежной аудитории эти рекомендации не распространяются. Молодежь стремится выбирать нестандартные варианты и уходить от традиционного, устоявшегося. Так, например, нам была представлена черная упаковка для колбасы, с пометкой, что такой цвет точно привлечет внимание потребителя, поскольку черный – цвет роскоши, а значит, эта колбаса относится к «элитной». Позиция, явно сформированная рекламой, ведь именно черный цвет используется для продвижения дорогих товаров: автомобилей, часов и т. д. Некоторые респонденты объясняли свой выбор, отмечая что, например, синий подчеркивает свежесть продукта, зеленый — натуральность, розовый и фиолетовый — нежный вкус. В целом студенты стремились выбрать такие цвета, чтобы получилось «не как у всех», ведь давно известен традиционный набор цветов, подходящих для определенных товаров: для молочной продукции — белый, голубой, зеленый, для морепродуктов — голубой, синий, для промышленных товаров – яркие, насыщенные цвета, для ювелирных изделий — ярко-синий, голубой, красный и т. д. [1]. Из-за постоянного обращения рекламистов к уже существующим рекомендациям по оформлению большинство рекламных сообщений товаров одной товарной категории получаются однотипными, и у аудитории постепенно возникает желание видеть новые эстетические решения.

В этой связи интересны и другие наши наблюдения за предпочтениями молодежной аудитории

в области эстетики цвета в рекламе. На практическом занятии учебная группа студентов первого курса факультета журналистики Воронежского государственного университета занималась изучением темы «Фирменный стиль». Данная группа испытуемых еще только начинает изучение дисциплин, связанных с рекламой, потому эти люди не являются специалистами, экспертами, и мы можем анализировать их мнения. Студенты были разделены на три «рекламных агентства» и получили задание разработать фирменный стиль для трех необычных товаров: лукового варенья (соуса, который подается к различным блюдам в качестве альтернативы кетчупу), галош для женской обуви на каблуке (модного аксессуара, который закрывает низ туфли и имеет прорезь для каблука) и часов для фитнеса (которые измеряют пульс, давление и потраченные за тренировку калории). Необходимо было придумать название товара, разработать товарный знак, слоган, обозначить фирменные цвета (студентам были предложены карандаши и фломастеры все тех же 15 цветов) и фирменный шрифт, а также объяснить, почему это должно быть именно так. Мы постарались сделать так, чтобы студенты, не заостряли внимание на одной узкой проблеме, наоборот – целостный подход позволяет нам говорить о том, что решения относительно той или иной цветовой гаммы принимались интуитивно, без опоры на существующие рекомендации и тщательного анализа.

В результате фирменные цвета лукового варенья «Тоско» – зеленый («потому что это натуральный продукт»), салатовый, лимонный («потому что, это яркий, модный, нетрадиционный товар, и его точно заметят на полке»), черный («несмотря на то, что товар будет недорогим, нужно подчеркнуть его исключительность и шик»). Фирменные цвета галош для женской обуви не каблуке «Russian style» – черный («подчеркивает элегантность»), красный («красивый цвет, позволяющий сделать так, чтобы женщины влюблялись в этот товар с первого взгляда»), сиреневый («нежный, женственный цвет, подходящий для настоящей леди»). Фирменные цвета часов для фитнеса «Sportex» — красный («линейка для женщин, символ энергии»), синий («линейка для мужчин, символ силы»), черный («престиж и эксклюзивность»).

Как видим, не обладая профессиональными знаниями, большинство людей даже на самом базовом уровне понимают, что яркие, насыщенные цвета будут лучше передавать различные оттенки настроения, чем, например, нейтральный серый.

Матвеечева Л. М.

Воронежский государственный университет. Аспирант кафедры рекламы и дизайна факультета журналистики.

E-mail: matveecheva-lyu@yandex.ru

И здесь мы снова встречаем дополнительные непопулярные, вероятно, слишком яркие, по мнению рекламистов, цвета, которые используются именно как фактор привлечения внимания. И универсальный черный, который в понимании современного человека уже практически полностью лишился негативных ассоциаций с трауром, смертью и мрачностью и благодаря, в частности, рекламе стал символом моды, стиля и роскоши.

Эстетико-просветительская функция играет важную роль в успешности и эффективности любой рекламы. Во многих рекламных сообщениях человек получает лишь информацию и остается равнодушным к самой рекламе, ее жанру, технике выполнения. Это чревато тем, что реклама не произведет должного эффекта и быстро забудется, так как каждый день человек получает большое количество информации, большую часть которой он не считает нужным хранить у себя в голове. Поэтому очень важно создать такую рекламу, которая вызовет у человека целый спектр чувств и эмоций.

Проведенное нами исследование показало, что эстетическая функция рекламы должна заключаться не только в воспитании хорошего вкуса у потребителей, но и в учете их эстетических предпочтений. На примере цвета мы показали, как реклама формирует вкусы, диктует моду, закрепляет в сознании связь цвета и бренда. Но вместе с тем такая сила воздействия чревата тем, что сформировавшиеся потребительские предпочтения в оформлении рекламы того или иного товара перерастут в стереотипы и потребуются новые решения, чтобы сломить эти стереотипы и выделиться из массы однотипных товаров.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Алиева Н. З. Зрительные иллюзии: не верь глазам своим / Н. З. Алиева. -Гете И. В. Избранные сочинения по естествознанию / И. В. Гете; Пер. И. И. Канаев; [под ред. Е. Н. Павловский]. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 553 с.
- Кандинский В. В. О духовном в искусстве / В. В. Кандинский. – М.: Архимед, 1992. – 107 с.
- 3. Люшер М. Какого цвета наша жизнь. Закон гармонии в нас: Практическое руководство / Макс Люшер; [пер. с нем. Е. Назарян]; Науч. ред. Е. Шикова. М.: НІРРО, 2003. 252 с.
- 4. Brennan M. What Color Is Your Advertising? How Color Theory Can Make Your Marketing More Effective / Mike Brennan // EzineArticles.com. 2008. URL: http://EzineArticles.com/?expert=Mike_Brennan (дата обращения 15.02.2012).
- 5. Cumming R., Porter T. The Colour Eye / Robert Cumming, Tom Porter // BBC Books. London, 2001.-158 P.

Matveecheva L. M.

Voronezh state university. Post-graduate student of the Faculty of Journalism, Department of Advertising and Design

E-mail: matveecheva-lyu@yandex.ru

УДК 070

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ВОЕННЫХ СМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2013 В. А. Мельников

Севастопольский филиал МГУ им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 2 апреля 2013 года

Аннотация: в статье предложены результаты исследования процесса формирования системы военных СМИ в рамках реформирования Вооруженных Сил $P\Phi$, обозначены временные рамки трёх периодов становления прессы и дан ее анализ в период с мая 1992 г. по настоящее время.

Ключевые слова: реформирование прессы, информационные потребности военнослужащих, правовые основы деятельности СМИ, информационная безопасность.

Abstract: The article is proposed the research's results of process of foundation of military system for mass media in the frame of the reformation of the Armed Forces of Russian Federation. In the article is denoted the time frame of three periods of press foundation and presented their analysis in the period from May 1992 till nowadays.

Key words: press reformation, military information inquiary, medialaw, information security.

Формирование системы военных СМИ Российской Федерации, преобразование ее из советского образца в современный формат неразрывно связано с событиями, происходившими в государстве и Вооруженных Силах России в начале 90-х годов прошлого столетия. В указанный период военное строительство, под которым подразумевается система экономических, социально-политических, военных и других мероприятий государства, осуществляемых в интересах укрепления его военной мощи [1, 141], носило сложный характер, обусловленный различными причинами (военно-политическими, экономическими, социальными).

В рамках реформирования Вооруженных Сил осуществлялся процесс реформирования системы военных СМИ, под которой следует понимать организованную совокупность газет и журналов Министерства обороны России, формирующей военно-информационное поле для удовлетворения информационных потребностей военнослужащих, членов их семей, а также гражданских лиц, интересующихся военной тематикой.

Первый период реформирования прессы (май 1992 — июнь 1994 года) [2, 25] можно охарактеризовать как период создания военных СМИ новой России, как период «демократического романтизма» в военной журналистике, заключающегося в возрастании воздействия печатного слова на человека в погонах. Именно в эти годы на страницах военных печатных газет появились

материалы с «человеческим лицом», которые пришли на смену официозу передовых статей, отчетам с партийных конференций и т.п. Военным журналистам стало позволено выражать свое мнение.

Второй период реформирования (июль 1994 — август 2000 года) [2, 25] считается временем преобразования системы периодических печатных изданий Министерства обороны, поиска путей повышения их эффективности.

Начало создания системы периодических печатных СМИ Вооруженных Сил России относится к июню 1992 года, когда министр обороны генерал армии П. С. Грачев подписал заявление в адрес Министерства печати и информации о перерегистрации газеты «Красная звезда» от имени нового учредителя — Министерства обороны Российской Федерации. До этого центральная военная газета несколько месяцев выходила в свет как ежедневная газета Вооруженных Сил без указания, каких именно. Создание новой системы периодической печати Министерства обороны РФ было закреплено в приказе министра обороны № 135 от 5 сентября 1992 года «О создании системы средств массовой информации Российской Федерации».

После подписания этого приказа начались кардинальные изменения в ранее существовавшей системе военных СМИ. Много сложностей пришлось преодолеть военным газетам, оказавшимся на территории бывших союзных республик, ставших независимыми государствами. В данной работе мы рассмотрим ситуацию на Украине.

© В. А. Мельников, 2013

Так, 15 июня 1992 года начальник Главного штаба Вооруженных сил Украины генерал-лейтенант В. Собков в связи с тем, что «Красная звезда» фактически получила статус центрального печатного органа Министерства обороны России и ее постоянные корреспонденты в городах Киеве, Одессе, Львове стали представителями издания другого государства и уже не решали задач, связанных со строительством Вооруженных сил Украины, подписал директиву. Она определяла: осуществлять допуск журналистов газеты в войска только через пресс-службу МО Украины; изъять соответствующие служебные помещения МО Украины, ранее занятые под корреспондентские пункты «Красной звезды». В то же время продолжал действовать корреспондентский пункт в Севастополе (на Черноморском флоте), основанием послужило обретение флотом нового статуса $(\Phi$ лотораздел — до 1997 г., $\Psi\Phi P\Phi$ — с июня 1997 г.).

Сказалась начавшаяся реформа и на системе подготовки военных журналистов. В январе 1992 года Львовское высшее военно-политическое училище, единственное в СССР, а затем на просторах СНГ учебное заведение, готовящее военных журналистов, вошло в состав Вооруженных сил Украины. Большая группа курсантов факультета журналистики этого вуза в связи с отказом принять присягу на верность народу Украины была переведена в российскую Гуманитарную академию Вооруженных Сил России (ныне — Военный университет).

Следует отметить: в отличие от системы гражданских средств массовой информации, которая в начале 90-х годов претерпела значительные изменения и перешла от вертикальной и партийногосударственной структуры — к горизонтальной и коммерческой [3, 18], структура военной печати по-прежнему носила вертикальный характер, то есть строилась сверху вниз — от «Красной звезды» до дивизионной газеты. Она по-прежнему подчинялась административно-командной системе военного управления, что позволяло военным изданиям функционировать как целостному механизму, направленному на удовлетворение информационных потребностей определенной профессиональной группы – военнослужащих, служащих армии и флота, с целью способствовать выполнению ими задач, стоящих перед Вооруженными Силами. В то же время периодическая печать Министерства обороны по-прежнему испытывала на себе отрицательное влияние начавшегося экономического кризиса и, как следствие, недостаточного финансирования армии и флота. В результате система военных СМИ требовала дальнейших корректировок и изменений.

Ныне происходящие преобразования Вооруженных Сил создают предпосылки для выде-

ления очередного, третьего периода реформирования постсоветских военных СМИ. Основными чертами этого периода уже сейчас можно назвать изменение финансово-экономической основы существования СМИ; проведение оргштатных мероприятий; перевод военных изданий в коммерческую плоскость; преобладающая замена журналистов-военнослужащих гражданским персоналом; отделение полиграфических баз от состава редакций; возможный в перспективе отказ от подготовки «журналистов в погонах» (в 2009 году набора курсантов на специальность «Журналистика» в Военном университете не было) и др. Ведущую роль в военном информационном поле Российской Армии и Флота начинает играть центральный орган печати МО «Красная звезда»: газета стала печататься не только в Москве, но и в регионах, а печатные издания Московского военного округа «Красный воин» и «Суворовский натиск» Дальневосточного военного округа в ходе проводимого до 1 июля 2010 года эксперимента перестали выходить как отдельные СМИ, стали вкладкой в «Красную звезду». Очевидно, результаты этого эксперимента распространятся на все окружные газеты, т.к. в новом подписном каталоге индексы соответствующих изданий (окружных газет) уже отсутствуют.

Насколько такие преобразования повлияли на деятельность средств массовой информации Черноморского флота, будет отмечено ниже.

Рассмотрим нормативно-правовые аспекты функционирования СМИ ЧФ РФ.

С началом определения судьбы Черноморского флота бывшего СССР (с декабря 1991 года) флотские СМИ действуют в особых условиях. Определяющим является то, что средства массовой информации Черноморского флота функционируют на территории другого государства – Украины со всеми вытекающими из этого последствиями, в т. ч. определяющими специфику работы. Главным и определяющим является особое нормативно-правовое поле, важным – влияние на содержание и направленность развития российско-украинских отношений, их состояние и динамику. Подчиняясь законам Украины и будучи гражданами Украины (большинство рядовых журналистов флотских СМИ на сегодня служащие - гражданские специалисты), корреспонденты вынуждены выполнять законы обеих стран и избегать конфликтных ситуаций. Как совместить часто несовместимое? Какие документы нужны, чтобы обеспечить работу журналистов на территории, находящейся под юрисдикцией Российской Федерации (и наоборот, Украины)? Насколько легитимна деятельность журналистов в расположении воинских частей?

В данной связи уместно рассмотреть документы, регламентирующую работу флотских журналистов.

Сразу следует отметить их большое количество, так как корреспондент обязан подчиняться общероссийским законам, связанным с деятельностью средств массовой информации, а также приказам и директивам командующего флотом, кроме того, не «выпадать» из правового поля Украины. Помимо этого, сложность вызывает то, что довольно непросто с уверенностью оперировать теми или иными нормативными актами, поскольку в условиях перехода к новому облику издается значительное количество новых приказов и директив.

Каковы на сегодня правовые основы деятельности СМИ, обеспечения информационной безопасности Министерства обороны России и Черноморского флота в частности? Их основу составляют:

- Конституция Российской Федерации;
- Федеральные конституционные Законы Российской Федерации «О военном положении» и «О чрезвычайном положении»;
- Федеральные законы Российской Федерации «О СМИ», «Об информации, информатизации и защите информации», «О международном информационном обмене», «О государственной тайне»;
- Указы Президента Российской Федерации «О перечне сведений, отнесенных к государственной тайне», «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера»;

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации утверждена Президентом Российской Федерации 09.09.2000 г., № ПР-1895.

Рассмотрим кратко их содержание в контексте интересующего нас вопроса, останавливаясь более подробно на наиболее существенных их положениях.

Нормативно-правовая база СМИ Вооруженных Сил России и Черноморского флота является составной частью системы права массовой информации России, под которым принято понимать «сравнительно молодую, формирующуюся отрасль права, регулирующую отношения в сфере получения, передачи, производства и распространения массовой информации» [4, 17].

Основой законодательства о средствах массовой информации является Конституция Российской Федерации. Именно она гарантирует свободу распространения массовой информации (ст. 29), идеологический плюрализм (ст. 13), свободу слова, свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение массовой информации любым способом (ст. 29), запрещает цензуру (ст. 29).

Большое число положений, связанных с деятельностью военных СМИ, закреплено в различных законах Российской Федерации. В их основе — Закон РФ «О средствах массовой информации», в соответствии с которым издаются все другие федеральные и региональные законодательные акты о функционировании СМИ. Как следствие, появились законы, касающиеся правового режима информации («О государственной тайне», «Об информации, информатизации и защите информации»), отдельных видов СМИ и отдельных аспектов их деятельности. Помимо законов, статус СМИ определяется также различными многочисленными подзаконными актами органов исполнительной власти:

- общероссийского уровня (указы, постановления правительства, приказы министерств и т. д.);
- регионального уровня (законодательство субъектов Федерации);
- местного уровня (локальные акты органов местного самоуправления, внутренние распоряжения в организациях).

Приступая к рассмотрению подзаконных актов, входящих в нормативно-правовую базу периодической печати флота, отметим, что к ним относятся приказы, директивы министра обороны, начальника Генерального штаба, начальника Главного управления воспитательной работы.

Их можно условно разделить на 4 группы актов [2, 7]:

- определяющие систему военных печатных СМИ;
- определяющие порядок материальнотехнического и полиграфического обеспечения работы военной печати;
- направленные на улучшение качества информационного обеспечения войск;
- призванные регламентировать правовой статус флотской печати на основе законодательства РФ о средствах массовой информации.

Первая группа актов — это, в основном, приказы министра обороны, которые закрепляют новый статус периодических печатных изданий и электронных средств массовой информации, вошедших в состав Вооруженных Сил России, управленческую вертикаль, материально-техническое обеспечение военных СМИ. Перечислим основные:

— «Об утверждении Положения об органах информационного обеспечения в Вооруженных Силах Российской Федерации» (№ 70 от 11 февраля 2010 г.). Этот приказ регламентирует: центральным органом военного управления, организующим и координирующим информационное обеспечение Вооруженных Сил Российской Федерации, является Управление пресс-службы и

информации. В состав органов информационного обеспечения Вооруженных Сил входят: Центр информационного обеспечения Министерства обороны, пресс-секретари командующих и подчиненные им группы информационного обеспечения, помощники командиров по информационному обеспечению, а также иные должностные лица Вооруженных Сил, на которых возложены обязанности по информационному обеспечению Вооруженных Сил;

 «Об утверждении Положения об Управлении пресс-службы и информации Министерства обороны Российской Федерации» (№ 50 от 11 февраля 2010 г.). Этим приказом регламентируется деятельность Управления пресс-службы и информации, а также определены основные задачи органов информационного обеспечения. В их числе: участие в реализации государственной информационной политики в области обороны; организация в пределах своих полномочий и осуществление информационного обеспечения Вооруженных Сил; координация деятельности органов военного управления, объединений, соединений и организаций Вооруженных Сил, а также военных СМИ по вопросам информационного обеспечения;

— «О совершенствовании системы средств массовой информации Министерства обороны РФ» (№ 48 от 11 февраля 1994 г.). Этот документ устанавливал систему средств массовой информации Министерства обороны РФ, возлагал реализацию функций учредителя на конкретных должностных лиц Министерства обороны, определял порядок материально-технического и полиграфического обеспечения деятельности военных СМИ. Его издание позволило к лету 1994 года создать довольно стройную систему печатных средств массовой информации Вооруженных Сил.

Анализ этих подзаконных актов позволяет сделать вывод о перманентном изменении системы военных печатных средств массовой информации в ее руководящей надстройке, что привносило элемент нестабильности в систему управления и в целом в их деятельность. Неоднократное переподчинение периодических печатных СМИ Министерства обороны различным органам военного управления отрицательно сказывалось на функционировании всей системы в целом. Зачастую за фактом издания того или иного документа четко просматривается желание определенных лиц военного управления перестроить вертикаль периодической печати под выполнение конкретной задачи. Наглядный тому пример - постоянная смена управленческой надстройки периодической печати с приходом новых министров обороны.

Таким образом, можно утверждать: и сегодня нормативно-правовая база военных СМИ далека от совершенства. Пробелы заполняются за счет правового ресурса подзаконных актов органов военного управления, но и это не ведёт к полному преодолению существующих проблем. В этой связи, как представляется, необходимо устранить внутренние противоречия и неточности в нормативных актах, уже выявленные на практике применения. Кроме того, следует отметить: все последующие документы должны способствовать формированию нового понимания роли газет и журналов как общественного института, который ни в коем случае не должен отражать субъективные взгляды и личные пристрастия конкретного лица военного управления.

На Черноморском флоте проблема нормативных противоречий решалась следующим образом.

ВрИО командующего флотом вице-адмирал А. А. Татаринов издал в 2001 году Директиву № 26 «О допуске к работе представителей средств массовой информации на Черноморском флоте». Она упорядочила допуск и исключила разглашение запрещенных для открытого опубликования сведений при работе представителей средств массовой информации в объединениях, соединениях, частях и на кораблях флота. Этот документ четко определил алгоритм аккредитации журналистов для работы на объектах ЧФ. Для корреспондентов черноморских СМИ директива стала своеобразным пропуском без предварительного согласования на территорию любой части флота. В ней, в частности, говорится: «Допуск журналистов Черноморского флота производить при наличии редакционного задания, подписанного главным редактором (начальником телецентра ЧФ), и документа, удостоверяющего личность журналиста».

Редакционное задание — это официальный документ редакции газеты или Телецентра ЧФ определённой формы, регистрируемый в журнале учета номером исходящего, в котором указаны дата и место прибытия журналиста, съемочной группы, ее состав (журналист, оператор или фотокорреспондент) и цель проведения работы, съемки. Таким образом, флотские журналисты, имея на руках удостоверение, редакционное задание и выписку из ДК-26, имеют возможность пройти на территорию практически любой воинской части, не нарушая существующего порядка допуска и получения соответствующих для работы сведений.

Отмечая нормативно-правовые аспекты, связанные со спецификой деятельности СМИ ЧФ РФ, необходимо подчеркнуть: они её осуществляют в правовом поле Украины. Это правовое поле стало складываться практически сразу же с обретением этим государством неза-

висимости. В этой связи, помимо Конституции Украины, определяющими в деятельности массмедиа являются Законы Украины «О печатных средствах массовой информации (прессы) в Украине» и «Об информации». Следует подчеркнуть: подготовка и приём этих законов были осуществлены в сжатые сроки, что свидетельствует о значении, которое им придавалось руководством и политической элитой независимого государства Украина.

Закон «О печатных средствах массовой информации (прессы) в Украине» был утверждён соответствующим указом президента Украины 16 ноября 1992 года, а Закон «Об информации» ещё раньше – 2 октября 1992 года. В последующем в соответствии с изменением законодательной базы, а также с учетом происходящих в государстве перемен, в эти законы Верховной Радой вносились изменения (начиная с ноября 1992 года вплоть до середины нынешнего десятилетия май 2004 года), оперативно разрабатывались и вводились в действие другие законы и подзаконные акты.

Анализ основных законов, регламентирующих деятельность СМИ на Украине, свидетельствует: в целом конструкция этих законов соответствует основным принципам и положениям российских законов. Такое соответствие наблюдается по ряду принципиально важных институтов, таких, например, как запрет цензуры и недопустимость злоупотребления свободой массовой информации. В законах обоих государств, к примеру, устанавливаются во многом схожие процедуры регистрации и прекращения деятельности печатных средств массовой информации, опровержения недостоверной информации, права и обязанности журналистов. В то же время законы содержат и ряд различий, которые в практической деятельности черноморскими журналистами обязательно учитываются. Обязательность этого, кстати, особо отмечается в ст. 5 Закона Украины о печати: «действие настоящего Закона распространяется на... распространяемые в Украине

Раздел IV Закона, который называется «Международная деятельность печатных средств

печатные средства массовой информации других государств».

Мельников В.А.

Севастопольский филиал МГУ, старший преподаватель.

массовой информации», определяет порядок распространения в Украине зарубежных печатных СМИ (ст. 39), а также регламентирует деятельность зарубежных корреспондентов (ст. 40).

Журналистам, работающим на украинском правовом и информационном полях, также необходимо особо обращать внимание и, соответственно, учитывать положение законодательства, касающиеся этико-моральных требований к содержанию материалов, аккредитации журналистов и др.

Также необходимо отметить: Украина имеет чрезвычайно развитую систему законов, регулирующих отношения в области телевидения и радиовещания. В неё входят законы «О телевидении и радиовещании» (от 21 декабря 1993 г.), «О Национальном совете по телевидению и радиовещанию» (от 23 сентября 1997 г.) и «О системе Общественного телевидения и радиовещания» (от 18 июля 1997 г.). В этой связи особого внимания зарубежных (в т. ч., естественно, российских) журналистов требуют вопросы, связанные с лицензированием деятельности и этико-моральными требованиями законодательства, которые зачастую носят декларативный характер, что для норм права не вполне допустимо. Тем не менее их надо выполнять.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Военный энциклопедический словарь. М., 1983.
- 2. Козлов А. В. Реформирование органов периодической печати Вооруженных Сил России в 1992-2000 гг./ А. В. Козлов. - М., 2003.
- 3. Система средств массовой информации России. -M., 2001.
- 4. Федотов М. А. Правовые основы журналистики / М. А. Федотов. – М., 2002.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Под системой СМИ принято понимать организованную совокупность различных газет, журналов, программ телевидения, радио, формирующих единое информационное пространство для всех членов общества в целях удовлетворения информационных потребностей личности, различных групп населения, общества в целом. -Система средств массовой информации России. - М., 2001. - C. 17.

Melnykov V.A

The department of Moscow state University named after M. V. Lomonosov in Sevastopol, Senior teacher.

УДК 070

У ИСТОКОВ ИЗУЧЕНИЯ ПЕЧАТНЫХ СМИ: УКРАИНСКИЙ ОПЫТ

© 2013 Е. А. Морозова

Институт журналистики Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Поступила в редакцию 10 апреля 2013 года

Аннотация: В статье рассматривается ранний этап становления исследований печатных СМИ в Украине.

Ключевые слова: метод, СМИ, социология, влияние.

Abstract: This article discusses an early phase of research's formation of print media in Ukraine.

Keywords: *method*, *media*, *sociology*, *influence*.

Процесс влияния СМИ на массовое сознание интересовал западных ученых с начала Первой мировой войны, а разработанные ими концепции носили фундаментальный характер. При этом для изучения массового коммуникационного влияния, которое осуществляют медиа в странах Запада, использовались социологические методы, что позволяло ученым фиксировать динамику развития анализируемого явления. В то же время на территории Украины, которая входила в состав СССР, в 20-40 гг. ХХ в. об изучении влияния СМИ не было и речи, более того — долгое время социология не рассматривалась как самостоятельная наука.

Проблемами функционирования и развития украинской периодики, а также возможностью ее влияния на общественное мнение уже во второй половине XIX в. интересовались многие украинские писатели, публицисты, литературные критики, литературоведы. Именно их интерес к данной тематике способствовал зарождению в Украине науки про журналистику. В частности, мнение о возникновении и развитии украинской прессы, ее роли, задачах и месте в общественной жизни в своих работах и письмах высказывали известные украинские деятели культуры и литературы И. Франко, О. Маковей, М. Грушевский, Б. Гринченко, С. Ефремов, В. Щурат [1, 32].

Так, например, уже в ранних своих статьях 70-х гг. XIX в. И. Франко уделял особое внимание журналистике как важнейшей составляющей общественной и культурной жизни. И хотя писатель не оставил целостной теоретической работы об этом виде общественно-политической деятельности, И. Франко можно смело назвать одним из первых украинских теоретиков журналистики, поскольку во многих его произведениях имеются суждения, которые представляют весьма четкую

систему понимания журналистской теории. Речь идет о статьях «Альманах чи газета» («Альманах или газета») (1891 г.), «Поза межами можливого» («За пределами возможного») (1900 г.), «Журнал і публіка» («Журнал и публика») (1900 г.), «Принципи і безпринципність» («Принципы и беспринципность») (1903 г.), «Дещо про нашу пресу» («Кое-что о нашей прессе») (1905 г.), «Новини нашої літератури» («Новости нашей литературы») (1907 г.) и т. д. [1, 33].

Для того чтобы публицистика влияла на общественность, считал И. Франко, высказывать правильные идеи мало — необходимо также, чтобы тема журналистских выступлений касалась жизненных потребностей читателей, интересовала их. Любое публицистическое выступление, по убеждению И. Франко, не могло рассчитывать на общественный резонанс, если не учитывало мнений и устремлений читателей. Таким образом, И. Франко подчеркивал значимость изучения аудитории: «Нужно знать, что публике нужно, что ей нравится» [2, 90].

Наиболее полной и значимой работой И. Франко об истории украинской прессы считается «Нарис історії українсько-руської літератури до 1890 р.» («Очерк по истории украинско-русской литературы до 1890 г.») [2]. Показав развитие украинской литературы со времен Киевской Руси до конца XIX в., И. Франко также параллельно охарактеризовал все наиболее значимые украинские периодические издания - от харьковского «Украинского вестника» (1816 г.) до галицких газет и журналов 80-х гг. XIX в. [1, 42]. По мнению В. Ризуна, данная работа И. Франко отличалась максимальной информативностью наряду с субъективно-концептуальным подходом автора к характеристике и оценке изданий, что дает основания утверждать: именно она положила начало первым научным исследованиям печатных СМИ в Украине [1, 43].

© Е. А. Морозова, 2013

Разумеется, о развитии социологических методов исследования печатных изданий и их аудитории на территории современной Украины в этот период не было и речи.

В первые десятилетия XX в. происходил процесс институализации социологической науки: создавались первые социологические учебные и научные учреждения, организовывались теоретические и прикладные исследования, издавались научные труды. После октябрьской революции первый факультет общественных наук с кафедрой социологии, которую возглавил П. Сорокин, открылся в Петроградском университете, а в 1919 г. была полностью возобновлена деятельность социологического общества им. М. Ковалевского [3, 8].

В Украине развитие социологической традиции было прервано политико-административным путем, вследствие чего украинская протосоциология не развилась в зрелую науку. А. Рыбщун отмечает: «По иронии судьбы первая социологическая институция – Украинский социологический институт – была основана М. Грушевским в 1919 г. в Вене. Позднее М. Шаповал, украинский ученый и общественный деятель, которого можно назвать едва ли не первым настоящим отечественным социологом, в 1924 г. основал в Праге другую социологическую институцию — Украинский институт гражданства. Научные работы и социологические идеи М. Грушевского, М. Шаповала и их коллег в полной мере не были включены в отечественное социологическое наследие и в научный оборот современной украинской социологии так и не вошли» [4, 26].

М. Грушевскому, который в 1924 г. вернулся из-за границы, перевести Украинский социологический институт из Вены в Киев не удалось, однако с конца 1920-х гг. до начала 1930-х гг. в структуре Всеукраинской академии наук были созданы кафедры и комиссии, которые работали по планам Украинского социологического института: секция методологии и социального обоснования при научно-исследовательской кафедре истории Украины (под руководством О. Гермайзе); кабинет примитивной культуры при той же кафедре (под руководством дочери М. Грушевского Катерины); комиссия культурно-исторического наследия при историко-филологическом отделении Всеукраинской академии наук [5, 25 31].

Одновременно активно развивалась и начинала доминировать марксистская социология, центром которой в Украине стали философско-социологическая секция при Украинском институте марксизма-ленинизма в Харькове, отдел социально-экономических наук АН УССР и научно-исследовательская кафедра марксизма-ленинизма на базе марксистско-ленинского семинара при АН УССР [6, 478-487].

В этот период гуманитарные и социальные науки попали под навязчивую идеологическую «опеку» партийных органов. Так, анализируя состояние дел в Украинской академии наук в 1920-х гг., государственная комиссия пришла к выводу о «недоразвитости социально-экономических отделов, в которых на достаточном уровне не изучаются экономика, финансы, социология и советское право, а идеологический характер научных работ не связывается с новой марксистской социологией» [7, 52]. На практике этот вывод оказался предвестником разгрома социологической науки в Украине [4, 27].

Ранний советский период развития социологии был ознаменован как попытками ее полной институализации, так и постепенным торможением научных исследований в процессе трансформации социологических подходов от парадигм западного позитивизма и неокантизма к марксистско-ленинской теории как единственно верного социального учения. Из СССР депортировали более 160 деятелей науки и культуры, в том числе выдающихся философов и социологов П. Сорокина, М. Бердяева, П. Струве. Произошли изменения в общем методологическом подходе к социологии – М. Бухарин опубликовал монографию «Теория исторического материализма: популярный учебник марксистской социологии» (1922 г.), в которой исторический материализм отождествлялся с марксистской социологией и провозглашался единой научной социологией [3, 8]. Позднее, с выходом в печать работы И. Сталина «О диалектическом и историческом материализме», исторический материализм был возвращен в лоно философского знания, а социология, даже в форме исторического материализма как знание нефилософское, запрещена. Работы М. Ковалевского, П. Сорокина в СССР публиковать перестали. Окончательно же «вражеским буржуазным учением» социологию провозгласили в 1929 г. в результате дискуссии в Институте философии Коммунистической академии, руководство которой пришло к категорическому выводу: «Социология – это псевдонаука, выдуманная французским реакционером О. Контом, а потому даже слово «социология» не следует использовать в марксистской литературе» [3, 9]. В результате социологические методы были изъяты из научного обихода.

Научная разработка вопросов истории партийно-советской печати в Украине возобновилась только в конце 50-х гг. XX ст. Советские исследователи придерживались мнения, что изучать партийно-советскую периодику нужно со времен подготовки и возникновения украинских рабочих периодических изданий (80-90 гг. XIX в.). Одним из первых эту тему начал разрабатывать Л. Су-

ярко. Его брошюра «Досвітні вогні. Зародження робітничої преси в Україні» («Предрассветные огни. Зарождение рабочей прессы в Украине») (1968) [8] положила начало фундаментальным исследованиям украинских печатных СМИ [1, 116].

Изучению деятельности украинских газет в период первой российской революции (1905-1907 гг.) была посвящена монография И. Велигуры «Большевистская газета «Донецкий колокол» (1962 г.) [9]. Издательскую деятельность большевиков в Украине в период с 1907 по 1910 г. в работе «Печать большевиков Украины в период реакции (1907-1910)» исследовал Л. Алексеев (1972 г.) [10].

В начале 50-х гг. XX в. в УССР также появляются первые диссертационные исследования, в которых рассматриваются вопросы массовокоммуникационного влияния — среди них: «Роль газеты «Правда» в борьбе за организационнохозяйственное укрепление колхозов в послевоенный период» (1953 г.), «Коммунистическая пресса в борьбе за организацию социалистического соревнования в сельском хозяйстве в послевоенный период» (1953 г.), «Борьба партийной прессы за реализацию постановлений ЦК КПСС по идеологическим вопросам 1946-1954 гг.» (1954 г.), «Роль преси в боротьбі комуністичної партії Радянського Союзу за культурну революцію на Україні (1933-1937 рр.)» («Роль прессы в борьбе коммунистической партии Советского Союза за культурную революцию на Украине (1933-1937 гг.)») (1956 г.); «Роль газеты «Правда» в борьбе коммунистической партии за коллективизацию сельского хозяйства в годы первой пятилетки (1928-1932 гг.)» (1956 г.) и т. д. Разумеется, методической базой всех перечисленных диссертаций были работы классиков марксизма-ленинизма, решения съездов и пленумов ЦК КПСС, постановления советского правительства, выступления руководителей компартии Советского Союза, а также газетные публикации.

Авторы диссертационных исследований формулировали свои задачи так: «показать как газета «Правда», используя разнообразные формы газетного жанра – передовые статьи, редакционные статьи, обзоры, корреспонденции, очерки и т. д. – доводила до сведения трудящихся значение ленинского кооперативного плана и мобилизировала массы в борьбе за его реализацию»; «определить роль газеты «Правда» в организации крестьянских масс»; «показать, что пресса Украины смогла честно выполнить поставленные перед ней задачи в области культурного строительства» [11]. Исходя из приведенных выше названий диссертационных исследований, формально диссертанты должны были изучать влияние печатных СМИ на поведение и настроения трудовых масс. Очевидно, что для этого необходимо было

исследовать аудиторию СМИ, однако в СССР (и соответственно в УССР) в 50-х гг. ХХ в. вопросы влияния, которое оказывают медиа, ученых занимали мало, а потому выводы в диссертациях, посвященных изучению СМИ, выглядели в основном так: «Газета «Правда» возглавляет всю прогрессивную печать. Она неутомимо борется за мир, за дружбу и сотрудничество между народами. К ее голосу прислушивается общественность всех стан земного шара! Под руководством ЦК КПСС газета «Правда» с честью выполняет свою почетную миссию!» [11].

Характеризуя отставание развития советской методологии социологических исследований того времени, Б. Грушин заметил: «В 1919 г. американец К. Дж. Бушнелл писал: «Сегодня рабочее оборудование социологии выглядит скорее как музей древностей, чем мастерская с современными инструментами» [12, 45]. Советская же социология в 1960-х гг. вообще была мастерской без инструментов» [13, 59].

В условиях глобальной политизации общественной жизни развитие теоретических направлений исследований журналистики в УССР не могло не зависеть от освоения марксистско-ленинского наследия и внедрения рекомендаций классиков марксизма-ленинизма относительно строительства «нового типа журналистики». В журналистиковедческих работах постоянно подчеркивалось, что во взглядах на журналистику, трактовки ее сущности, принципов, методов коммунистическая и, как тогда было принято говорить, буржуазная идеологии отстаивали непримиримые позиции. Главной идеей в разработке марксистско-ленинской теории и практики журналистики была всесильность массового печатного слова. Журналистику рассматривали, прежде всего, как мощное средство идеологического влияния на массы, «острое орудие идеологической борьбы». Именно на этой основе развивалась общая теория коммунистической журналистики, которая в системной взаимосвязи рассматривала предмет, принципы и функции всего комплекса средств массовой информации и пропаганды. Вместе с тем, открытие факультетов журналистики в украинских университетах создало условия для активизации научной работы в области журналистики, появилась необходимость создания целостной специальной теории журналистской деятельности [1, 128].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что попытки теоретического осмысления журналистики в Украине относятся к концу XIX в. Они широко представлены в работах украинских писателей, публицистов, литературных критиков и литературоведов того времени.

Формирование методического обеспечения исследований печатных СМИ и массового коммуникационного влияния в УССР имело ряд особенностей. Во-первых, изучение мнения аудитории началось в Советском Союзе почти на 40 лет позже, чем в странах Запада. Во-вторых, методическую базу необходимо было формировать на основании советской идеологии, что требовало от ученых не столько освоить методики конкретных исследований, которые уже были в арсенале социологической науки, сколько разработать собственные, которые учитывали бы социокультурные особенности менталитета советской аудитории и позволяли получать объективные результаты в условиях идеологизированного общества. В-третьих, западные СМИ развивались как бизнес-структуры, направленные на получение прибыли. В СССР перед СМИ задание зарабатывать деньги не стояло. И тот факт, что без изучения реакции аудитории коммуникационный процесс происходит неэффективно, до конца 50-х гг. XX в. оставался вне поля зрения советских идеологовпропагандистов, возглавлявших советские СМИ.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Ризун В. В. Очерк по истории и теории украинского журналистиковедения : Монография / В. В. Ризун, Т. А. Трачук. Киев. нац. ун-т им. Тараса Шевченко. К., 2005. 232 с.
- 2. Франко И. Очерк по истории украинско-русской литературы до 1890 г. / И. Франко // Сбор. Произведений:

Морозова Е. А.

Институт журналистики Киевского национального университета им. Т. Г. Шевченко (Украина), кафедра «Украинского языка и стилистики», аспирантка.

E-mail: moros-ka@ukr.net

- в 50-ти т. К. : Наук. думка, 1976-1986. Т. 41. С. 194-470.
- 3. Осипов Г. В. Отечественная социология: история и современность / Г. В. Осипов // Социологические исследования. М., 2009. № 3. С. 8-14.
- 4. Степаненко В. Украинская социология: общественноисторический и идеологический контексты развития / В. Степаненко, А. Рыбщун // Социология: теория, методы, маркетинг. — К., 2009. — № 2. — С. 23-46.
- 5. Кондратик Л. Й. История социологии в именах / Л. Й. Кондратик. Луцк : «Вежа», 1996. 106 с.
- 6. Черныш Н. Социологические исследования украинских ученых в эмиграции / Н. Черныш // Современное общество. 1994. № 1. С. 122-129.
- 7. История АНУ. 1918-1993 / [под ред. Б. Е. Патона]. К., 1993.
- 8. Суярко Л. О. Предрассветные огни : Зарождение рабочей прессы на Украине / Л. О. Суярко. К., 1968. 46 с.
- 9. Верлигура И. М. Большевистская газета «Донецкий колокол» / И. М. Верлигура. Луганск, 1962. 108 с.
- 10. Алексеев Л. Д. Печать большевиков Украины в период реакции (1907-1910 гг.) / Л. Д. Алексеев. К., 1972. 242 с.
- 11. Родионов А. Д. Роль газеты «Правда» в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов в послевоенный период / А. Д. Родионов: дис. канд. филол. н. КГУ им. Т. Шевченко. К., 1953.
- 12. C. J. Bushnell Scientific Method in Sociology / C. J. Bushnell // American Journal of Sociology. − 1919. − № 25. − P. 45-46.
- 13. Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: Жизнь 1-я. Эпоха Хрушева / Б. А. Грушин. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 560 с.

Morozova E .A.

Taras Shevchenko National University of Kyiv, Institute of Journalism, the department «Ukrainian language and stylistics», Ph.D student.

E-mail: moros-ka@ukr.net

УДК: 316.77

МЕНТАЛЬНАЯ СРЕДА КАК ИМИДЖЕВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИИ

© 2013 Т. А. Морозова

Кубанский государственный университет

Поступила в редакцию 27 февраля 2013 года

Аннотация: статья посвящена изучению факторов, влияющих на имидж города, а конкретно — ментальной среде города, так как успешность решения поставленных имиджевых задач обеспечивается соответствием содержания и форм коммуникаций ментальным, когнитивным и эмоциональным особенностям населения города и регионального пространства, которые учитываются уже на этапе разработки имиджа и рассматриваются в качестве основных условий его эффективности. В статье сделан анализ и обобщен удачный опыт имиджирования городов с учетом особенностей менталитета, а также проведено исследование особенностей менталитета горожан методом социальной идентификации и референтации.

Ключевые слова: имидж города, менталитет, референтация, медийные коммуникации города, ментальная среда территории.

Abstract: an article is devoted to study of factors influencing the image of the city. Objectives of image are solved relying on thoughts, feelings and emotions of the citizens. It is a condition for the effectiveness of image. There are analysis of city image and research of mentality of citizens in the article.

Keywords: the city image, mentality, referentation, media communications of the city, mental environment of the territory.

Очевидно, что медийные коммуникации развиваются в России в специфической культурной и ментальной среде. Культурная, духовная идентичность обнаруживается в сознании людей, но она является отражением более глубоких основ национально-культурного бытия, трудноуловимых на уровне анализа фактов. В рамках социальной информациологии менталитет определяется как совокупность архетипических догматов, историко-мировоззренческих стереотипов мышления и автоматизированных механизмов и мотивов поведения, свойств глубинной психологии и фундаментальных, традиционных ценностей и устойчивых, повторяющихся черт характера этноса, нации, народа. Под ментальностью понимается: интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него.

Ментальная среда — результат взаимодействия различных факторов — исторических, геополитических, психологических, природных, которые трудно поддаются анализу с позиции их причинно-следственных связей. Они формируются средой обитания человека, социальными условиями его жизни, культурой и, в свою очередь, порождают и воспроизводят их, служат

их источником и причиной. Отсюда следует, что элементы других культур получают смысл и значение лишь в контексте целостного историко-культурного мира.

При формировании имиджа территории и города необходимо учитывать менталитет его жителей, ту знаково-символическую составляющую городского пространства, с которой происходит идентификация горожан.

Эффективность применения медийных технологий во многом определяется вниманием к социально-культурной специфике ментальной среды. В процессе проектирования текстовой информации необходимо учитывать черты национальной культуры, определяющие специфические ценности, нормы, референтные символы. Это касается, прежде всего, референтных вербальных символов, из которых складывается текстовая среда и ткань медиа-сообщений.

Рассмотрим следующие социально-культурные особенности референтации. Особую роль в восприятии информации населением играет референтная группа, на которую личность ориентируется в процессе формирования своих отношений, поведения, стиля жизни. Человек нередко попадает под влияние референтной группы даже в том случае, когда он реально не входит в ее состав.

Носителем социально-статусных и символических свойств выступает не столько сама информация, сколько референты, демонстрирующие

© Т. А. Морозова, 2013

стандарты принятия решения, выражения мнения и поведения. В связи с этим особое значение имеет принцип персонифицированности предмета медиакоммуникации — в сознание аудитории продвигаются стили и образы жизни, которые олицетворяются известными и популярными личностями. Поэтому для повышения эффективности коммуникаций следует использовать психологический и культурно-статусный ресурс лидеров референтных групп, которые способны придать значение символической престижности. Специфика национальных референтов состоит в том, что они не должны принадлежать к политической элите (в отличие, например, от США), что обусловлено традициями отечественной культуры.

Чтобы понять ментальные особенности территории необходимо выделить из множества разноуровневых характеристик и эмпирических фактов те, которые объединяются в интегральный образ культуры, получают в нем взаимосогласованность и непротиворечивое объяснение. Понимание специфики ценностно-нормативного ядра культуры позволит определить зоны рассогласования глубинных черт ментальность и ее бытийных проявлений в экономике, политике, системе маркетинговых коммуникаций, а также указать причины, обусловливающие это рассогласование.

Приведем примеры удачных имиджевых коммуникаций, учитывающих ментальные характеристики аудитории обращения. Все шансы повторить успех кампании под названием «I Love NY» имеет кампания «I AmSterdam», которая обыгрывает в своем слогане/логотипе английскую грамматическую конструкцию «I Am» — «Я есть». Емкое и глубокое выражение указывает на то, что Амстердам — это люди, которые в нем есть, т.е. постоянно живущие и приехавшие увидеть город. И в каждом человеке, бывавшем в нем, есть часть свободного и веселого Амстердама.

Логотип воплощен в «уличной скульптуре», сумках, футболках и прочей сувенирной атрибутике.

Из последних крупных брендинговых проектов следует отметить смену логотипа города Мельбурна (Австралия). Он представляет собой букву «М», напоминающую по форме кристалл. Создание нового логотипа обошлось правительству Мельбурна в 240 тыс. дол. Разработку логотипа осуществило агентство Landor. По словам мэра Мельбурна Роберта Дойла (Robert Doyle), предыдущий символ города создавался, еще «когда он слушал Vanilla Ice и МС Наттер» (популярных в 1990-х гг. исполнителей). Дойл добавил, что для Мельбурна жизненно важно, чтобы у города появился инновационный и сильный бренд.

Новый символ должен постепенно заменить около 50 различных логотипов, которые сейчас используют власти Мельбурна.

Хороший пример оптимального способа формирования имиджа - небольшой волжский городок Хвалынск в Саратовской области. Стратегия развития Хвалынска, очевидно, должна находиться в сфере туризма. Как определенное условие рассматривается минимальное развитие местной промышленности, преимущественно пищевой (в том числе основанной на переработке яблок), сувенирной и т. п. Как и во многих малых городах, в Хвалынске, по сути, давно развивается индустрия воспитания детей. Малые города, сохраняя красивый ландшафт и относительную экологическую чистоту, постепенно превращаются в инкубаторы по воспитанию здорового поколения (и особенно летнего отдыха детей). Для поддержания данной функции малый город должен обеспечить помимо стандартных медицинских и образовательных услуг доступные источники дополнительного образования (кружки, секции, спецшколы), а также услуги, связанные с отдыхом, занятием спортом. Все это как минимум дополнительные рабочие места для местных жителей. Большинство названных направлений развития Хвалынска могут быть связаны с идеей дома, гостеприимства, уюта и здоровья.

Еще один пример уникальных и богатых имиджевых ресурсов — курортный город Анапа.

Анапа – город-курорт с богатым историческим прошлым. Каждый год она принимает гостей. Исторически сложилось, что в древности город назывался Горгиппией, в честь сына царя Сатира Горгиппа. Средневековые карты XIV века сохранили название генуэзской фактории Мапа на берегу бухты. «Мапа» — у воды, около Мапы — «ан Мапа». Только в 1781-82 годах по плану инженера Хусейна-аги была построена крепость Анапа, которая с трех сторон омывалась морем, с суши была защищена рвом и валом, укрепленным бастионами. Анапа сдалась русским войскам 12 июня 1828 года. Об этом событии напоминают Свято-Онуфриевский храм, названный именем святых, память которых празднуется в день сдачи крепости и восточные ворота крепости, оставленные в честь доблести русских войск по велению императора Николая І. Анапа – сельскохозяйственный район с традициями виноградарства и виноделия. Это курортный город, в котором ежегодно отдыхает более миллиона людей, из них до 600 тыс. детей. Анапа сегодня – это курорт для родителей с детьми с мощной и современной лечебной базой и перспективой стать элитным курортом. Вопрос культуры города (его индивидуальность, архитектурное наследие, образованность в области науки и искусства, нравственность и воспитание) особенно актуален.

МЕНТАЛЬНАЯ СРЕДА КАК ИМИДЖЕВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИИ

Приведем пример социального самоопределения жителей курортного города Анапа. В ходе проведенного исследования респондентам, жителям города Анапа (260 респондентов), был задан вопрос об их принадлежности к различным социальным общностям. Каждый респондент мог оценить варианты социальной самоидентификации по 10-балльной системе в зависимости от степени выраженности.

Исследование позволило сделать выводы о том, что анапчане отрицательно идентифицируют себя с категориями «советский человек» и «европеец». Наиболее устойчивая положительная идентификация прослеживается по категориям «житель своего города», «человек». Высокие баллы присвоены категориям «национальность», «профессия», «семья».

Таким образом, можно с очевидностью констатировать доминанту региональной идентичности анапчан. В этом пространстве заложен большой потенциал для проектирования гражданского городского сообщества. Описанный порядок приоритетов анапчан закрепляется определенным строем переживаний, придающих самоидентификации яркую эмоциональную окраску. Особенно важны в этой связи чувство гордости, вызываемое сознанием принадлежности к тем или иным общностям, а также готовность ограничивать во имя них свои личные интересы, способная в особых, экстремальных случаях подниматься до самопожертвования. Этот срез дает информацию для прогнозирования воздействия медийных текстов: очевидно, оптимально проектировать сообщения, используя платформу патриархальных и профессиональных дискурсов.

Морозова Т. А. к.пс.н., доцент кафедры издательского дела, рекламы и медиатехнологий КубГУ Morozova T. A. candidate psychological sciences of promotion and media technologies of Kuban State University

УДК 821.162.1.13

БЫТИЕ СУБЪЕКТА В ЭССЕИСТИКЕ Л.Я. ГИНЗБУРГ

© 2013 Г. Н. Немец

Кубанский государственный университет

Поступила в редакцию 25 марта 2013 года

Аннотация: статья посвящена изучению проблемы субъекта в эссеистике Лидии Гинзбург, известного ученого и публициста XX века.

Ключевые слова: субъект, автор, читатель, эссе, эссеистика, пейзаж, наблюдатель.

Abstract: The article deals with the problem of subject in essays of L. Ginsburg, a famous scientist and publicist of twentieth century.

Key words: *subject*, *author*, *reader*, *essay*, *essayistic*, *landscape*, *observer*.

ВВЕДЕНИЕ

Субъект, как известно, является предметом рассмотрения логики, лин-гвистики, философии. Логика как гуманитарная дисциплина занимается изучением форм и средств мысли, необходимых «для рационального познания в любой области знания» [14, 317], среди которых вычленяется суждение как «пропозиция, смысл предложения, которое может быть оценено как истинное или ложное» [15, 546]. Суждения в логике разнообразны по выделяемым параметрам. Суждения, классифицируемые по форме, подразделяются на три вида: атрибутивные (Брат – боксер), суждения отношения (Брат старше меня) и экзистенциальные, или суждения о существовании (Единорогов не бывает). В атрибутивных высказываниях различаются три компонента: субъект (тема суждения), предикат (то, что говорится о теме суждения) и связка (элемент суждения, выра-жающий некое соответствие, некую связь между темой суждения и тем, что о ней говорится).

В философии понятие субъекта многозначно. Аристотель этим терми-ном обозначал и «индивидуальное бытие», и «материю — неоформленную субстанцию». В средние века философы понимали субъект как «нечто реальное, существующее в самих вещах». Современное же понимание субъекта сложилось под влиянием взглядов Р. Декарта, И. Канта и Г.-В.-Ф. Гегеля. Р. Декарт понимал субъект как «активное начало в познавательном процессе», И. Кант — как «внутренне организованное познавательное начало», а Г.-В.-Ф. Гегелем было определено познание как «надындивидуальный процесс, развивающийся на основе тождества субъекта и объекта» [18, 661].

© Г. Н. Немец, 2013

общие положения

Субъект как предмет лингвосемиотики можно определить как «глав-ный активный или неактивный «участник действия», носитель признака или субъект состояния» [10, 545].

В формальном синтаксисе субъект представляет собой главный компонент структуры предложения, или подлежащее, понимаемое как «один из двух главных членов двусоставного предложения, обозначающий <...> носителя или производителя того признака, который назван другим главным членом — сказуемым» [3, 347]. Подлежащее представляет собой зависимый от задаваемой формы знак, который в традиционном понимании может быть выражен именительным падежом имени или (реже) инфинитивом.

Семантическое восприятие субъекта интерпретирует его как базовый компо-нент, исходная точка и источник смысла предложения. Данным восприятием под-черкивается субстанциональность субъекта, его независимость от задаваемой син-таксической структуры предложения. По мнению С. И. Кокориной, нельзя выявлять субъект, только «опираясь на его форму» [9, 11].

Прагматика понимает субъект как компонент речевого акта, структура которого предполагает существование трех речевых субъектов — говорящий (адресант), слушающий (адресат) и неучастник речевого акта. В этой связи речевой акт функционирует при помощи взаимоотношений (взаимовлияний) субъектов, исходного материала сообщения, цели сообщения, внутренней организации речевого акта и межличностных отношений участников говорения [4, 360]. Одни из этих компонентов ориентируются на говорящего (локализация — соотносимость говорящего с «временем речи», модальность — отношение говорящего к сказанному / сказанного к действительности,

оценка и эмотивность), другие — на адресата (тема-рематическое членение, экспрессивность и прозрачность).

Таким образом, синтезируя вышеописанные понимания субъекта, можно сделать следующие выводы:

- 1. Логическое понимание субъекта позволяет рассматривать его в качестве источника логического смысла (истинности) суждения / предложения / высказывание. В философском понимании субъекта разграничивается его онтология (сфера существования) и гносеология (понимание субъекта как познавательного начала, мыслящего индивида).
- 2. Синтезированное понимание субъекта определило семиологическую директиву данного исследования: семантический субъект, являясь базовым компонентом высказывания, соотносим с речевым контекстом ситуации и различными формами своего синтаксического выражения (подлежащее, дополнение, обстоятельство) и интерпретируем как асимметричный языковой знак. С опорой на логическую трактовку, следует отметить невозможность существования предложения / суждения / высказывания без субъекта как такового [13].

Субъектом в эссе может быть и сам автор (рассказчик, повествователь), и ад-ресат (Читатель, Наблюдатель, Рамка восприятия). Бытие субъекта в системе текста определяет и предметно-пространственная среда, и время повествования, а также наличие автобиографического сюжета и культурно-исторические реалии.

ПРИСУТСТВИЕ ФИГУРЫ НАБЛЮДАТЕЛЯ В ПЕЙЗАЖНЫХ И ИНТЕРЬЕРНЫХ ОПИСАНИЯХ ЭССЕИСТИКИ Л.Я. ГИНЗБУРГ

Пейзаж — один из компонентов мира литературного произведения, «изображение незамкнутого пространства» (в отличие от интерьера, т.е. «изображения внутренних помещений»). В совокупности пейзаж и интерьер воссоздают «среду, внешнюю по отношению к человеку». При этом может подчеркиваться «условность границ между пейзажем и интерьером» [17, 264]. Пейзаж может рассматриваться как средство обозначение места и времени действия, сюжетная мотивировка, форма психологизма, а также форма присутствия авторского начала.

Фрейм «Пейзаж»

Зимний пейзаж слагается из ограниченного числа элементов — снег, хвоя, стволы и ветви голых лиственных деревьев с выпуклой резьбой коры. А в многоснежную зиму, с инеем и сугробами, элемент только один — снег; все прочее лишь остов пейзажа. Хвойные лапы елей — подставки

для снега, голые стволы осин и берез – грубая основа для кристаллической лепки инея. И на все это еще и еще падает снег. Даже не падает (падает дождь), - снег летит, сверху или сбоку, или отделяясь от земли. Быть может, это все одна и та же доза снега, захваченная вращением. Коловращение снежинок довершает для человека этот мир – отъединенный, упрощенный, почти искусственный. Стабильный и однозначный, этот мир разгромождает сознание и сообщает сознанию сосредоточенность, невозможную в цветущей пестроте, в столкновении сил, в движении лета, весны и осени. Снежный пейзаж не только осво-бождает мысль от всяческой суеты, - он освобождает ее от самого себя. Не поглощая и не задерживая мысль, он сквозь себя пропускает ее дальше [6, 568].

Описание зимнего пейзажа у Л. Я. Гинзбург происходит с использова-нием инструментальных метафор, создающих эффект интерьерного описания и присутствие человека («снег, хвоя, стволы и ветви голых лиственных деревьев с выпуклой резьбой коры», «Хвойные лапы елей - подставки для снега, голые стволы осин и берез - грубая основа для кристаллической лепки инея», «коловращение снежинок» и т. п.). Это все воссоздает в читательской памяти мир чисто механического свойства, неспособного к органике и саморазвитию без вмешательства человека. В то же время этот мир – стабильный, ориентированный на «сосредоточенность, невозможную в цветущей пестроте, в столкновении сил, в движении лета, весны и осени».

Фрейм «Интерьер»

Оштукатуренный вокзал. Внутри служебные окошки и гладкие тоскливые скамьи. Сбоку отгороженная площадка, на которой стеснились телеги, хозяева и жующие лошади. Худая девочка, подгибая колени, вытянув свободную руку, тащит чересчур тяжелое ведро [5, 530-531].

Интерьерное описание вокзала складывается из описаний двух про-странств — внутри и сбоку. На первом пространстве внимание Читателя практически не останавливается, поскольку все предельно банально. Для иллюстрации этого используются однородные назывные предложения с общим эллиптическим сказуемым «внутри», выполняющим роль пространственного конкретизатора. Словосочетание «тоскливые скамьи» свидетельствует о полном отсутствии пассажиров. Второе пространство описано гораздо более подробно. Если в первом пространстве доминировала пустота, то во втором господствует теснота («Сбоку отгороженная площадка, на которой стеснились телеги, хозяева и жующие лошади»). Инверсионный порядок слов «телеги, хозяева и жующие лошади» создает эффект зевгмы и говорит о том, что изображение в сознании Читателя смешалось и до сих пор остается неясным, как в одном ряду могут стоять и хозяева, и «жующие лошади», а телеги вообще воспринимаются как нечто постороннее и отстраненное. Эпизод с девочкой, несущей «чересчур тяжелое ведро», создает перед нами картину тяжести предмета до такой степени, что можно упасть вместе с ним. Чтобы держать равновесие, девочке приходится подгибать колени и вытягивать вперед свободную руку.

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В ВОСПРИЯТИИ ИТАТЕЛЯ

П. А. Флоренский полагал, что предмет искусства заключается в «строении его пространства, или формы его пространства». При этом эстетическая деятельность, по его мнению, направлена на «уплотнение пространства и времени» [20, 71, 230].

М. М. Бахтин говорил о хронотопе как о взаимосвязи «временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» Пространство и время как бы проникают друг в друга, и в результате «приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [1, 234, 235].

Д.С. Лихачев связывал понятие пространства с понятием действия, которое есть не что иное как место, «в котором происходит действие», а понятие времени — с понятием события: оно может «охватывать столетия или только часы. Время в произведении может идти быстро или медленно, прерывисто или непрерывно, интенсивно заполняться событиями или течь лениво и оставаться «пустым», редко «населенным» событиями» [11, 105-121].

А. М. Пятигорский в «Мифологических размышлениях» говорит о времени как о компетенции, о системе знаний, принадлежащим рассказчику [15, 203-205]. Топоров В. Н. говорит о понятии пространства как о семиотической модели пространства существующего реально. Означающее и означаемое семиотической модели пространства в своей совокупности образуют «первоматрицу», определяющую генезис произведения [19, 4].

Фрейм «Время»

Зимой переход от сна ко дню совсем другой, нежели летом. Это замедленный, во всех подробностях заметный процесс. Он заметнее всего в тот момент, когда ноги уже спущены на пол — в холодный мир, в день, а спина, прикрытая одеялом, остается еще далеко позади, в безопасности... Пока переход по-летнему прост. Голые люди, сами того не замечая, из-под простыни попадают на

террасу, — они при этом думают о другом. Быть может, лучшее переживание каждого дня, самое неомраченное, когда в первый раз за день сходишь с крыльца прямо в нежный утренний холод, в свет солнца, еще смешанный с пятнистой тенью листвы [5, 520].

Восприятие времени происходит циклично. Циклы «зима-лето», «сон-пробуждение», «деньночь» позволяют переживать «замедленный, во всех подробностях заметный процесс». Повествование строится по принципу Внешнего наблюдателя. Лирический герой, вступая во взаимодействие с внешней средой, стремится отделить феноменологию души от телесного опыта (см. фрагмент Он заметнее всего в тот момент, когда ноги уже спущены на пол — в холодный мир, в день, а спина, прикрытая одеялом, остается еще далеко позади, в безопасности...). Его взор устремлен вперед, в «холодный мир», но часть его тела намеренно оставлена в прошлом. Здесь мы наблюдаем выход за пределы изображаемого объекта и смену рамок восприятия.

Фрейм «Пространство»

Самое сильное в горах — именно новое понимание категорий расстоя-ния, размера, высоты, спуска, подъема; реализация их в каком-то особом опыте — физиологическом, мускульном и в то же время с небывалой ясностью проникающем в их значение.

Когда гора близко — видны расстояния между стволами. Деревья, как и следует, растут вверх, и потому к склону под углом. От этого кажется, что гора нарочно утыкана деревьями, быть может даже ненастоящими. Если гора далеко, остаются только заходящие друг за друга вершины. Она покрыта тогда неслыханной растительностью, сплошной, слоистой и курчавой, без стволов и ветвей, вовсе не похожей на кустарник, скорее похожей на особое лиственное вещество, вторую материю горы. Самые дальние цепи будто поросли травой. Это сосны.

Проходишь лесной тропинкой, и огромные сосны, удивительно чистой формы, мерят высоту. Подножья их ниже тропинки; они пересекают ее, меря высоту вверх и вниз, так что высота, обозначенная ими, — в то же время и глубина.

Переменные расстояния и размеры. Единственный в своем роде опыт пространства — одновременно мускульный и интеллектуальный. А по ту сторону провала чередуются склоны, утыканные ненастоящими деревьями, быющее через край лиственное вещество, трава — и все это сосны [5, 524].

Описание пространства в горах Л. Я. Гинзбург возникает из метаописания, которое реализуется в рядах однородных членов понятий, обозначающих пространственную лексику («расстоя-

ние», «размер», «высота», «спуск», «подъем»), объединенную общей семой «протяженность». Постижение такого пространства происходит в двух измерениях — «физическом» и «интеллектуальном». Движение субъекта происходит как по оси физического («деревья, как и следует, растут вверх, и поэтому к склону под углом»), так и по оси интеллектуального измерений («От этого кажется, что гора нарочно утыкана деревьями, быть может, даже ненастоящими»).

Описание горы в целом представляет собой смену рамок восприятия. Позиция Наблюдателя меняется от «дальше» к «ближе» и наоборот («Самые дальние цепи будто поросли травой. Это сосны»). По мере приближения к объекту меняется и его описание. Олицетворение «огромные сосны мерят высоту» также являются знаком восприятия и переживания документального образа деревьев как предметно-пространственного элемента пейзажа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав теоретический и фактический материал, мы пришли к следующим выводам:

- 1. Эссеистика Л. Я. Гинзбург и художественна, и документальна в создании образов. Её образы контаминационны, рационалистичны, иногда даже слишком циничны. Эта тенденции в публицистическом творчестве говорит о наличии у писа-тельницы и учёного образно-критического мышления.
- 2. Динамичность и в целом эклектичность картины мира Л. Я. Гинзбург свя-зана с особенностями ее публицистического творчества. Это и методы творческого познания действительности (наблюдение, анализ, синтез, типизация), и методы ра-боты с источниками информации (ведение дневниковых записей), а также общая аналитичность и энциклопедичность.
- 3. Как один из теоретиков Формальной школы отечественной филологии, Л. Я. Гинзбург использует в своем публицистическом творчестве те приёмы, которые являлись предметом рассмотрения самих формалистов «деавтоматизацию» вос-приятия и отстранение.
- 4. Позиция Наблюдателя, а вернее Рамка Наблюдателя, в системе публици-стического текста способна выполнять роль навигатора по тексту, актуализатора смыслов. Присутствие этой рамки при описании таких категорий, как пространство, время, пейзаж и интерьер заметно сокращают дистанцию между Автором и Читателем текста.
- 5. Прагматическая, или субъектная, перспектива текста способна выражать, по нашему мнению, коммуникативную сущность литературы

и публицистики. Автор и Читатель, как субъекты эссе, способны организовывать целое текста, наполняя его новыми смыслами. Размышляющий Автор и вместе с ним Размышляющий Чи-татель в публицистическом творчестве способны выражать единство позиции Пуб-лицистической личности, которая проявляется в тождественности двух субъектных перспектив текста: повествовательной и чтения [12].

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике (1937-1938) / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- 2. Варлаам (Горохов), иеромонах. Миф о вечном возвращении как парадигма религиозного сознания в религиоведческой методологии Мирчи Элиаде (дохристианский и христианский аспекты) [23 января 2008 г.]. (http://www.bogoslov.ru/text/271514.html (15 декабря 2009).
- 3. Габучан К. В. Подлежащее / В. К. Габучан // Русский язык. Эн-циклопедия. М., 1997.
- 4. Гак В. Г. Прагматика / В. Г. Гак // Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.
- 5. Гинзбург Л. Я. Возвращение домой / Л. Я. Гинзбург // Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб. : Искусство-СПБ, 2002.
- 6. Гинзбург Л. Я. Мысль, описавшая круг / Л. Я. Гинзбург // Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб. : Искусство-СПБ, 2002.
- 7. Гинзбург Л. Я. Записки блокадного человека / Л. Я. Гинзбург // Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: Искусство-СПБ, 2002.
- 8. Загвязинский В. И. Модель// Педагогический словарь : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / [под ред. В. И. Загвязинского]. М. : Издательский центр «Академия», 2008.
- 9. Кокорина С. И. О семантическом субъекте и особенностях выражения его в русском языке / С. И. Кокорина. М., 1979.
- 10. Лазуткина Е. М. Субъект / Е. М. Лазуткина // Русский язык. Эн-циклопедия. М., 1997.
- 11. Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения / Д. С. Лихачев // Учебный материал по анализу произведений художественной прозы / [сост. А. Ф. Белоусов]. Таллин, 1984.
- 12. Немец Г. Н. Имплицитный читатель как структура текста (теоретическое обоснование и методология проблемы) / Г. Н. Немец // Русский язык и активные процессы современной речи. Материалы всероссийской научнопрактической конференции. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2003.
- 13. Немец Г. Н. Нулевой субъект : семиотика и семантика / Г. Н. Немец // Период и текст. Сб. науч. трудов. Краснодар : Кубанский государственный университет, 2002.
- 14. Новоселов М. М. Логика М. М. Новоселов // Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
  - 15. Падучева Е. В. Высказывание Е. В. Падучева //

Г. Н. Немец

Русский язык. Энциклопедия. – М., 1997.

- 16. Пятигорский А. М. Мифологические размышления : Лекции по феноменологии мифа / А. М. Пятигорский. М., 1996
- 17. Себина Е. Н. Пейзаж// Введение в литературоведение : учеб. пособие / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, А. Я. Эсалнек и др.; / [под ред. Л. В. Чернец]. М. : Высш. шк., 2004.
- 18. Субъект. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

Немец Г. Н.

Кубанский государственный университет, факультет журналистики, ка-федра издательского дела, рекламы и медиатехнологий, доцент.

E-mail: nemets@kubannet.ru

- 19. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В. Н. Топоров. М.: Изд. группа «Прогресс-Культура», 1995. 624 с.
- 20. Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях [1924] / П. А. Флоренский // Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Прогресс, 1993. 321 с.

Nemets G. N.

Kuban State University, Journalistic faculty, Department of Publishing, advertis-ing and media-technologies, associate professor.

E-mail: nemets@kubannet.ru

УДК 070. 159.9:316.6

КОНТЕНТ-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕДИАОБРАЗА ЕВРОРЕГИОНА «ДОНБАСС» (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ)

© 2013 A. В. Овруцкий, Г. К. Овруцкая

Южный федеральный университет

Поступила в редакцию 20 марта 2013 года

Аннотация: В статье приводятся результаты контент-аналитического исследования медиаобраза еврорегиона «Донбасс» по материалам сети Интернет за 2012 год. Исследование включало в себя фиксацию и анализ частот запросов пользователей, определение структуры медиаобраза еврорегиона «Донбасс» по таким параметрам как типология коммуникаторов, информационный контекст сообщения, оценки проекта, жанровая палитра сообщений.

Ключевые слова: Еврорегион «Донбасс», контент-анализ, медиаобраз, медиатекст, Интернет, коммуникатор, жанр сообщения, частота, категории анализа.

Abstract: Annotation. The results of the content-analytical research of the euroregion "Donbass" media image based on internet materials for the 2012 year are presented in the article. The research included analysis of fixation and frequency of requests of users, structuring media image Euroregion "Donbass" on such parameters of a typology of communicators, information context of the message, project evaluation, genre palette messages.

Keywords: Euroregion "Donbass", content analysis, media image, media text, Internet, communicator, the genre posts, category analysis.

Одной из задач в реализации любого современного проекта является создание его медийного образа, отвечающего целям и задачам проекта и характеризуемого целостностью и позитивностью содержания, а также степенью дискурсивности, рекламоспособности последнего. Применительно к экономическим и политическим проектам такая задача является приоритетной.

Анализ медиаобраза, таким образом, позволяет выявить важнейшие формально-содержательные характеристики объекта, отраженные в массовом сознании, а также позволяет сформировать рекомендации по его коррекции и адаптации. Полагаем, что в концептуальном плане тематика медиаобраза находится на стадии своего формирования. Вместе с тем, уже наработан определенный объем теоретического и в большей степени практического материала. Исследователи фиксируют существующую содержательную дистанцию между медиаобразом и его прототипом, а также возможность открепления медиаобраза от своего прототипа [1]. В ряде случаев выделяется специфические медиаобразы, например бренды, рассматриваемые как знаковосоциальные системы [2]. Подчеркивается, что медиаобразы формируют некую целостную картину мира, представленную в массовом сознании как когнитивный феномен [3].

© А. В. Овруцкий, Г. К. Овруцкая, 2013

Мы предприняли попытку зафиксировать и проанализировать медиаобраз самого молодого российского еврорегиона «Донбасс», созданного 29 октября 2010 года, и объединяющего сегодня Луганскую и Донецкую области Украины и Ростовскую и Воронежскую области Российской Федерации. В общем виде формат еврорегиона предполагает сотрудничество приграничных территорий соседних стран с целью повышения уровня жизни населения этих территорий. Основными сферами сотрудничества еврорегиона «Донбасс» обозначены экономика, коммуникации, транспорт, упрощение перехода границы, улучшение экологии реки Северский Донец и качества жизни населения.

Для исследования медиаобраза еврорегиона «Донбасс» нами был использован контент-анализ 138 медиатекстов, в которых освещена тематика проекта. Сбор материала осуществлялся в русскоязычной сети Интернет, еще одним критерием отбора текстов стал период их публикации — он был ограничен 2012 годом. Поиск материалов осуществлялся с использованием поисковой системы Yandex.

Проведенный контент-анализ позволил:

- 1. Провести сравнительный анализ частот запросов.
- 2. Определить структуру медиаобраза «Еврорегион Донбасс». В качестве структурных параметров использовались следующие: типология коммуни-

каторов, информационный контекст сообщения, оценки проекта, жанровая палитра сообщений.

Единицей анализа выступил текст или его часть, вне зависимости от жанра, объема и стиля, в котором в развернутом виде эксплицировано содержание проекта еврорегион «Донбасс».

Категориями анализа стали: коммуникатор сообщения (источник информации), контекст сообщения, принадлежность портала (российский или украинский), жанр материалов, эмоциональная окраска материала.

Декабрьский замер в 2012 году свидетельствует, что две ведущие поисковые системы русскоязычного Интернета дают различные данные по представленности медиатекстов темы еврорегиона «Донбасс». Так, Google зафиксировал 24 700 таких текстов, а Yandex — 33 000. В массиве текстов, представленных в поисковой системе yandex, порядка 700 текстов по тематике еврорегиона Донбасс датировано 2012 годом (без учета повторов).

Были использованы также и дополнительные возможности поисковой системы yandex. В частности, определена средняя частота запросов по фразе «еврорегион Донбасс» (См. таблицу 1).

Средняя частота запросов по точной фразе «еврорегион Донбасс» пока невелика и скорее свидетельствует о сформированном интересе к теме лишь у небольшой группы специалистов. По крайней мере, пока не наблюдается выраженного интереса к проекту широкой общественности. Кроме того, можно констатировать отсутствие крупных событий в контексте еврорегиона, которые бы имели федеральный и международный уровень. Этот вывод косвенно подтверждают и данные по распределению регионов, от которых приходят соответствующие запросы.

Суммарный показатель по трем областям¹, включенным в проект, превышает 50 % запросов. А другим российским регионам проект продолжает оставаться неактуальным. *См. табл. 1.*

Отметим низкий рейтинг запросов из Донецка (всего три запроса, в сравнении, например, с 11 запросами пользователей Ростовской области). Это может свидетельствовать, что общественности Донецкой области проект менее интересен, нежели жителям Луганской и Ростовской.

Согласно полученным данным, еврорегион «Донбасс» по такому параметру как поисковые запросы пользователей сети Интернет остается одним из лидеров среди еврорегионов России. По такой информационной востребованности к нему приближаются лишь еврорегионы «Слобожанщина» и «Ярославна».

<u>Результаты частотного анализа категории</u> «Коммуникатор сообщения» представлены на Диаграмме 1.

Где:

- 1. Представители российской/украинской исполнительной власти
- 2. Представители российской/украинской законодательной власти
  - 3. Российские/украинские ученые
- 4. <u>Российские/украинские общественные</u> организации
  - 5. Российские/украинские бизнесмены
  - 6. Российские/украинские политики и партии

Новостными лидерами являются представители исполнительной власти трех областей (главным образом их руководители). Отмечаем пятипроцентный перевес в частоте использования в медиатекстах украинских властных коммуникаторов в сравнении с российскими.

Вторую позицию в рейтинге коммуникативной активности занимают общественные организация России и Украины, выступающие коммуникаторами по тематике проекта чаще, чем представители законодательной власти трех областей. Общественные организации в 2012 году активно использовали тему еврорегиона «Донбасс» в собственных, главным образом, политических целях.

Последнее сказалось на медиаобразе проекта, он получил серьезное дополнительное общественное наполнение и новые информационные контексты (Евразийский союз, идеи панславизма и т. д.).

Активность общественных организаций позволила также поднять рейтинг и такому коммуникатору как «российские/украинские ученые», которые стали третьими по частоте встречаемости, также опередив представителей законодательной власти России и Украины.

Использование различных коммуникаторов сообщений определило контекст последних. В рамках настоящего исследования были зафиксированы 15 различных контекстов, а результаты распределения представлены в *Таблице 2*.

В большинстве (в 20 % случаев) материалы, посвященные проекту «Еврорегион Донбасс», раскрывают организационный контекст. В журналистских материалах говорится о многочисленных совещаниях, встречах рабочих групп, обсуждениях жизнедеятельности еврорегиона политиками и чиновниками.

С небольшим отставанием, но также с высокой частотой журналистами используются экономический и транспортный контексты. Проект постепенно прирастает экономической фактурой, а транспортная тематика в топе лидеров и отражает актуальность вопросов трансграничных коммуникаций. Материалы в большинстве своем представляют этот вопрос как «постепенно решающийся» (граница становится более доступной,

появляются новые пункты пропуска, хотя бы временно вводится свободное передвижение граждан и т. д.). Вместе с тем, именно этот вопрос в большинстве своем становится темой критических материалов, в которых говорится о недостаточности принимаемых мер для открытия границы.

Высокую частоту использования международного контекста дал массив текстов, посвященных потенциальному вхождению еврорегиона в Евразийский союз. Такие материалы активно публиковались и в федеральных СМИ.

Медиакартину «Еврорегион Донбасс» образуют тексты различных журналистских жанров. Подсчет распределения этой категории приведен в *Таблице 3*.

Самым частотным жанром стал комментарий (40 %). Это может косвенным образом свидетельствовать о том, что появляются реальные события, требующие дополнительных разъяснений, а также о постепенном формировании экспертной группы — специалистов по тематике Еврорегиона. Обращает на себя внимание, что суммарно аналитические жанры в медиакартине используются чаще, чем информационные. Комментарии, статьи и обзоры в сумме занимают 50 % всех еврорегиональных материалов, а заметки, интервью и репортажи (информационные жанры) — 45 %. Как негативный момент отметим невысокий процент представленности таких жанров как статьи (9 %) и интервью (3 %).

Отдельной категорией исследования выступила категория принадлежности информационного портала (*См. таблицу 4*).

Таким образом, существует определенная диспропорция между частотой коммуникативной активности российских и украинских интернетпорталов по тематике еврорегиона «Донбасс».

Результаты распределения категории «эмоциональный контекст сообщения» представлены в *Таблице 5*.

Таким образом, медиаобраз еврорегиона «Донбасс» позитивен. Вместе с тем, достаточно высокий уровень зафиксирован по подкатегории «нейтральный эмоциональный контекст» -24%, что, вероятно, является следствием использования информационных жанров, не предполагающих, как правило, эмоциональных оценок и субъективных интерпретаций освещаемых событий.

Проведенное контент-аналитическое исследование позволило сформулировать следующие выводы.

1. Медиаобраз «Еврорегиона Донбасс» в 2012 году можно охарактеризовать как сильный и позитивный. Его объем в сети Интернет сегодня исчисляется в среднем 30 000 страниц, а за прошедший год прирост материалов составил примерно 700 новых текстов.

- 2. По объему материала в сети Интернет, а также средней частоте запросов от пользователей, еврорегион «Донбасс» является лидером в ряду других российских еврорегионов.
- 3. Запросы на получение информации о еврорегионе, главным образом, поступают с территорий проекта. Другими словами, пока еще он не стал интересным и актуальным для остальных регионов страны, а новостей федерального масштаба, связанных с проектом, крайне мало.
- 4. Динамика запросов связана, по большей мере, с характером событий, которые происходят в рамках проекта. Так, выставка-ярмарка «Еврорегион Донбасс 2012» в Мариуполе в несколько раз увеличила число прямых запросов о проекте и дала также ощутимый прирост материалов по исследуемой проблематике.
- 5. Главными ньюсмейкерами проекта на сегодняшний день являются представители российской и украинской исполнительной власти. Недостаточный вес в медиаобразе проекта занимают представители законодательной власти, представители донского бизнеса, а также жители региона.
- 6. Общественные организации России и Украины (зафиксировано 23 таких организации) в 2012 году активно использовали тему «Еврорегиона Донбасс» в собственных, главным образом, политических целях, что на наш взгляд имеет как позитивные, так и негативные последствия. К позитивным относим повышение информационного статуса проекта до федерального уровня различные политические проекты общественных организаций попали в федеральные СМИ и проект получил медийную поддержку центра. К негативным относим избыточное медийное наполнение проекта политическим содержанием, что делает его менее привлекательным и понятным жителям территорий проекта, а также способно поляризовать общественное мнение, особенно в Украине.
- 7. Содержательно медиаобраз «Еврорегиона Донбасс» характеризуется тремя основными темами. Это: организационные процессы проекта, его экономические процессы и вопросы границы (трансграничные коммуникации). Иными словами, проект предстает как объект управления (чиновники и политики), способ повышения эффективности экономических процессов (чиновники, политики, бизнесмены), способ повышения транспарентности границы (жители региона, политики и чиновники). Остальные контексты ушли на второй план. Причем если первая тема (организационная) раскрыта достаточно и создается впечатление о системной и эффективной работе по организации проекта, повышению эффективности и налаживанию конструктивных отноше-

ний, то вторая и третья темы пока недостаточно конкретизированы. А транспортная проблематика остается наиболее частотной критической темой в медиатекстах. В целом критические материалы занимают около 5 % информационного объема.

- 8. Отметим еще одну качественную характеристику медиаобраза еврорегион «Донбасс». Половина текстов написаны в аналитических жанрах, а, значит, содержательные аспекты образа становятся весомыми и аргументированными, постепенно создается экспертное сообщество по проблематике проекта. Это также косвенным образом свидетельствует о появлении реальных событий, которые востребуют дополнительных разъяснений их сути. Недостаточно использованы такие жанры, как статьи и интервью, что, на наш взгляд, возможно компенсировать подготовкой и предоставлением аналитических материалов чиновниками журналистскому сообществу, а также более открытой информационной политикой со стороны соответствующих властных структур.
- 9. Зафиксирована информационная диспропорция украинские информационные

источники превалируют по частоте над российскими, что может косвенно свидетельствовать о том, что проект на данном этапе является более значимым для украинской стороны, чем для российской.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Белоусова Ю. В. Создание образа врага на страницах российских СМИ (на примере российско-грузинского конфликта в августе 2008 года) / Ю. В. Белоусова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Филология. Журналистика. 2011. —
- 2. Овруцкий А. В. Бренд как знаково-социальная система / А. В. Овруцкий // Философия социальных коммуникаций. 2011. № 4 (17). C. 19-25.
- 3. Ежова Е. Н. Картины мира в СМИ: типология, функциональность, каналы трансляции) / Е. Н. Ежова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 1. С. 132-135.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Воронежская область подключилась к проекту только 7 декабря 2012 года.

Таблица 1. Средняя частота запросов по точной фразе «еврорегион Донбасс» (по данным системы http://wordstat.yandex.ru)

Регионы / города	Показов в месяц	Региональная популярность, %
Евразия	41	100.19
Россия	24	72.99
Украина	17	377.47
СНГ	17	239.01
Юг	14	656.11
Восток	13	766.94
Ростовская область	11	1264.36
Ростов-на-Дону	10	1296.69
Луганская область	8	3249.04
Центр	8	63.52
Москва и Московская область	7	79.53
Луганск	6	4025.14
Москва	6	74.92
Киевская область	4	277.16
Центр	4	228.10
Киев	4	286.44
Волгоград	3	864.13
Волгоградская область	3	686.79
Донецкая область	3	553.95
Донецк	3	1008.04
Харьковская область	2	632.59
Харьков	2	685.57
Фрязино	1	4559.37
Республика Башкортостан	1	122.04
Воронеж	1	217.54
Санкт-Петербург и Ленинградская область	1	38.78
Северодонецк	1	6447.28
Воронежская область	1	211.31
Поволжье	1	16.17
Каменск-Шахтинский	1	13235.51
Северо-Запад	1	25.13
Санкт-Петербург	1	40.30

Таблица 2. Контекст сообщения

Nº	Название подкатегории	Частота
1	Международный	12%
2	Межгосударственный	5%
3	Региональный	4%
4	Межнациональный	2%
5	Экономический	17%
6	Внутриполитический	1%
7	Сельскохозяйственный	2%
8	Социальный	9%
9	Транспортный	13%
10	Организационный	20%
11	Исторический	1%
12	Экологический	3%
13	Гуманитарный	8%
14	Правовой	2%
15	Иное	4%

 Таблица 3. Распределение медиатекстов по журналистским жанрам

Nº	Название подкатегории	Частота в %
1	Заметка	28
2	Интервью	3
3	Репортаж	14
4	Комментарий	40
5	Статья	9
6	Обзор	1
7	Иное	5

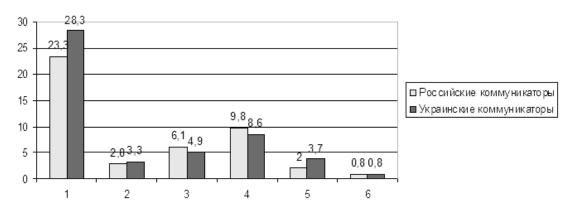
Таблица 4. Принадлежность информационного портала

Nº	Название подкатего-	Частота
	рии	встречаемости в %
1	Российский портал	42
2	Украинский портал	58

Таблица 5. Эмоциональный контекст сообщения

Nº	Название подкатегории	Частота	
		встречаемости в %	
1	Нейтральная	24	
2	Положительная	70	
3	Отрицательная	4	
4	Амбивалентная	2	

Диаграмма 1. Распределение коммуникаторов в медиакартине "Еврорегион Донбасс" (в %)

Овруцкий А. В.

Д.филос.н., зав. кафедрой речевых коммуникаций и издательского дела факультета филологии и журналистики Южного федерального университета. Овруцкая Г. К.

К.полит.н., доцент кафедры конфликтологии факультета социологии и политологии Южного федерального университета.

E-mail: alexow@sfedu.ru

Ovrutsky Alexander.

Doctor of Philosophy, Head of the department of speech communication and publishing Faculty of Philology and Journalism, Southern Federal University.

Ovrutskaya Gulnora.

Candidate of political sciences, Associate Professor of Conflictology department Faculty of Social and Political Science, Southern Federal University.

E-mail: alexow@sfedu.ru

УДК 811.161.1'367.3:070 (571.12)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ

(НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТ ЮГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

© 2013 О. Ю. Плеханова

Тюменский государственный университет

Поступила в редакцию 23 марта 2013 года

Аннотация: В статье представлены особенности функционирования неопределенно-личных предложений в региональной прессе, употребление данных предложений в различных газетных жанрах.

Ключевые слова: Неопределенно-личные предложения, региональная пресса, газетные жанры.

Summary: This paper outlines functions of the indefinite-personal sentences used in the regional press and describes their usage in various newspaper genres.

Keywords: *Indefinite-personal sentences, regional press, newspaper genres.*

ВВЕДЕНИЕ

«Региональный газетный текст представляет собой феномен, в котором совмещаются общероссийские и местные составляющие в отношении как содержания, так и языковой формы его выражения. В условиях современной разобщенности субъектов Российской Федерации центральные СМИ постепенно утрачивают объединяющую функцию: в масс-медиа каждого региона, претендующего на некую долю самостоятельности и реально обладающего ею, наблюдаются и центробежные, и центростремительные тенденции», — отмечает О. В. Трофимова [1; 53].

По мнению М. Ливановой, в настоящее время «региональная пресса является наиболее консервативным и наименее конкурентоспособным участником сложившегося информационного рынка. Районная газета — одна из самых распространенных среди населения групп периодики (речь идет о малых городах и сельских населенных пунктах российской провинции). Сегодня районного читателя интересуют сфера ЖКХ, пенсионная реформа, социальные гарантии, правовая защищенность, то есть обыденная жизнь района, повседневные проблемы выживания, сугубо местная тематика, которая не представляет интереса ни для каких других изданий» [2; 25].

Основным фактором жизнеспособности районной газеты исследователь М. Ливанова называет её близость к аудитории: «Районная газета в отличие от центральной и областной прессы

следует принципу неизменно уважительного отношения к читателю, независимо от статуса» [2; 26]. Традиционно бережное отношение к читателю, его активное присутствие на страницах газеты (рубрики: «Спрашивали — отвечаем» [КЗ]; «Из почты» [КЗ]; «Из редакционной почты» [З], публикации читательских писем и интервью с земляками), что обеспечивает атмосферу некой «семейности» «районки», может стать предпосылкой функционирования районной газеты в новом качестве — как средства коммуникации внутри района, своеобразного клуба общения его жителей, объединенных общими проблемами и интересами, а также центра общественного диалога власти с населением.

Изучению районных газет посвящены работы Т. Александровой, Л. Дускаевой, М. Ливановой: рассматривается язык и стиль «районок», описаны их жанрово-стилистические черты. Т. Александрова в статье «Хор под управлением» [3; 5] изучает районную газету как особый род печатных СМИ, акцентируя внимание на появлении нового главного героя газеты (глава администрации), которому может быть посвящено в одном номере несколько публикаций с фотопортретами.

Цель настоящего исследования состоит в анализе неопределенно-личных предложений в региональной газете. Как показали наши наблюдения, данный разряд предложений наиболее употребителен в анализируемых изданиях, встречается практически на каждой странице «районки».

Общая цель работы обусловила постановку следующих задач: 1) выявить особенности функ-

© О. Ю. Плеханова, 2013

ционирования неопределенно-личных предложений в региональной прессе; 2) соотнести их с результатами анализа распространенности жанров в трех тюменских изданиях.

Источником фактического материала послужили районные печатные СМИ: газета «Ялуторовская жизнь» (ЯЖ) г. Ялуторовск (9 номеров за 2007 г.), газета Тюменского района «Красное знамя» (КЗ) (48 номеров за 2010 г.), общественно-политическая газета Исетского района «Заря» (З) (5 номеров за 2006 г., 3 номера за 2007 г., 3 номера за 2008 г.). Тиражи данных источников информации обеспечивают их доступ для жителей муниципального образования, муниципального округа в расчете на 2 человека (ЯЖ), 26 человек (КЗ), 6 человек (З).

Газеты рассчитаны на местного читателя всех возрастов — от детей до пенсионеров. Главными героями в районных газетах являются в основном так называемые «труженики полей», то есть «простые люди» [4; 32]. В перечисленных изданиях представлены материалы на такие темы, как образование, культурные мероприятия, сельское хозяйство, человек, политика, спорт, медицина, жизнь села, церковь и др. Как правило, «районка» — единственный печатный орган, который обеспечивает жителей местной информацией, публикует решения местной власти.

МЕТОДИКА ЭКСПЕРИМЕНТА

Знакомство с изданиями позволяет сделать вывод, что особенно любят в редакциях районных газет памятные даты и праздники. Это всегда «готовые» темы, герои, адреса. Считается, что материал этот – беспроигрышный, не связанный с риском, нередко и коммерчески выгодный. «Как правило, каждый раз торжественным материалам отводилась львиная доля печатной площади. Ни в какой другой прессе, кроме районной, такого не встретишь» [5; 17]. Например, За добросовестный труд умелым хозяйкам были вручены Благодарственные письма от главы администрации Тюменского муниципального района А.В. Линника. Не забыли отметить долгожителя села Княжево, 91-летнюю Марию Андреевну Диль [КЗ. 2010. № 57]. Материал посвящен празднованию Дня села в Княжевском МО Тюменского района.

Вопросы, связанные с изучением неопределенно-личных предложений в прессе, неоднократно привлекали внимание лингвистов (М. Ю. Доценко, Л. Р. Дускаевой, А. А. Лютой, Е. А. Покровской, Синьи Ван, А. П. Сковородникова, Г. А. Яковлевой и др.). Рассматривая синтаксические особенности языка газет, к наиболее частотным конструкциям исследователи относят такие, как двусоставные, номинативные и неопределенно-личные предложения (М. Ю. До-

ценко). «Некоторым неопределенно-личным предложениям свойственно обобщенное значение. Этот вид односоставных предложений обладает разговорной экспрессией. Говорящему важно выразить общие суждения, без отношения к определенному лицу» [6; 64].

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Наш анализ показал, что 90 % предложений в анализируемых газетах являются двусоставными, например, Очередная партия импортного скота по областной программе развития животноводства поступила в агрофирму «Сургутская» [КЗ. 2010. № 59]; Полеводы ООО «Зауралье» приступили к заготовке кормов неделю назад [ЯЖ. 2007. № 75]; На предоставленную финансовую помощь мы приобрели буренку [З. 2008. № 70].

Среди односоставных предложений частотны неопределенно-личные предложения (40 %), например: Нам объявили о нападении Германии [ЯЖ. 2007. № 70]; Проходит бум на легкую, дешевую литературу. Читают классиков, иностранных авторов, познавательные газеты... [КЗ. 2007. № 51]. Второе место занимают определенноличные (37 %), например: Примите слова благодарности за ваш добросовестный труд, крепкие знания, чуткие руки [ЯЖ. 2007. № 67]; Покупаем Тюменское![КЗ. 2010. № 52]; Сделаем чистым село [3. 2006. № 46]. На третьем месте безличные предложения (17 %), например: Меж тем на ранних стадиях от болезни можно избавиться [ЯЖ. 2007. № 68-69]; В ходе «прямой линии» можно узнать о необходимом пакете документов для регистрации права собственности на объекты незавершенного строительства [КЗ. 2010. № 58]. Реже встречаются инфинитивные (4 %), обобщенно-личные (1 %), назывные предложения (1 %).

По мнению А. М. Пешковского, отсутствие подлежащего имеет в неопределенно-личных предложениях «совершенно особый смысл, отличающий их и от неполных предложений с опущенным подлежащим и от безличных» [7; 370]. Важно обратить внимание на следующие слова А. М. Пешковского: «В данных предложениях подлежащее не случайно недосказано, а намеренно устранено из речи, намеренно представлено как неизвестное, неопределенное» [7; 371].

Наши материалы подтверждают наблюдения ученых о том, что в основном неопределенно-личные предложения употребляются тогда, когда речь идет об осуществлении какой-либо организованной коллективной деятельности. Употребление подлежащего в таких сообщениях (если оно вообще возможно) резко сужает значение предложения и меняет характер информации: «Семантика неопределенно-личного предложения отвлеченнее и шире: его употребление

предполагает, что за действиями непосредственного исполнителя (даже если он один) стоит коллективная организация. При этом в одних случаях поводом для их употребления служит неизвестность действующего лица. В других случаях неопределенно-личные предложения используются, когда действующее лицо известно говорящему и, в частности, когда это лицо — сам говорящий» [8; 108-109]. Таким образом, с помощью неопределенно-личных предложений подчеркивается не роль конкретного лица, а общий характер отношений.

Представляется, что авторы газетных материалов часто употребляют неопределенно-личные предложения, так как им важно передать сообщение именно о событиях, о действиях, часто в их динамике, что становится рематической частью высказывания. Например, в нижеуказанных предложениях рема представлена глаголами множественного числа прошедшего времени (повезли, посылали), а тема, часто адресующая к субъекту речи — источнику излагаемой в тексте информации, представлена местоимениями в косвенных падежах (нас, его): На второй день из Омска эшелоном нас повезли в Москву на формирование [ЯЖ. 2007. № 70]; Его как хорошего работника посылали и в другие села [КЗ. 2010. № 52].

Неопределенно-личные предикативные части могут находиться в составе сложного предложения, в анализируемых печатных изданиях это составляет 40 % от общего числа. Подобную частотность можно прокомментировать следующей цитатой: «Для предложений данного грамматического строения характерна субъектнопространственная детерминация; это удобная форма для выражения неопределенного субъекта» [9; 356]. Например, Недавно был в департаменте здравоохранения, и там пообещали найти средства и предложили вписать в план ремонтных работ еще несколько ФАПов [3. 2006. № 46]; Массовая уборка еще впереди, но в некоторых хозяйствах района уже убирают раннюю капусту [КЗ. 2010. № 57].

В роли главного члена неопределенно-личных предложений в газетах «Заря», «Красное знамя», «Ялуторовская жизнь» выступает форма третьего лица множественного числа настоящего (25%), будущего (5%) и прошедшего (70%) времени: Действительно, торгуют суррогатами почти в каждом селе [3. 2006. № 1-2], Овощи и картофель отправят в Екатеринбург, Пермь, а также северные города области [КЗ. 2010. № 62], В аграрном колледже в честь победителей организовали торжественное собрание [ЯЖ. 2007. № 74].

Неопределенно-личные предложения чаще всего имеют второстепенные члены: обстоятельства места и времени, которые обычно косвенно

характеризуют деятеля; тематические прямые и косвенные дополнения, часто вынесенные в начало предложения.

Например, Как попала в детдом? Помню, остановился поезд на полустанке, нас погрузили в вагоны, и больше я не видела ни брата, ни сестру, ни мать. Меня определили в Борковский детский дом № 63, привезли сюда 31 января 1942 г. ... В День Победы выстроили всех перед школой, сообщили радостную весть об окончании войны. Занятия отменили. Все праздновали Великую Победу [КЗ. 2010. № 34]. В данном фрагменте текста неопределенно-личные предложения находятся в сильной позиции. Деятель в грамматической основе не назван, хотя и мыслится как личный.

В следующем фрагменте текста представлен некий сценарий «дачной жизни». Неопределенно-личные предложения в форме третьего лица множественного числа настоящего времени также находятся в сильной позиции: «С начала дачного сезона в загородной зоне жизнь кипит: топят бани, подключаются к электросетям, сжигают мусор и просто жарят шашлыки» [КЗ. 2010. № 55].

Известно, что публицистический стиль представлен множеством жанров: газетные, телевизионные, ораторские, коммуникативные, рекламные [10; 43]. Н. Клушина отмечает, что в свою очередь газетные жанры делятся на информационные, аналитические и художественнопублицистические Анализируя неопределенноличные предложения в газетах «Заря», «Красное знамя» и «Ялуторвская жизнь», мы обнаружили, что чаще всего данный вид односоставных предложений употребляется в информационных и аналитических жанрах, используется в интервью как с начальниками, так и с «простыми» людьми, в письмах из читательской почты, в обзорах. Например, в газете «Ялуторвская жизнь» корреспондент М. Медведев делает обзоры писем читателей в каждом номере. В одном из писем ветераны Великой отечественной войны вспоминают, как они узнали нападении фашистской Германии на СССР: По радио объявили о нападении Германии на нашу страну. См. также: В сельском совете уже знали о посадке самолета [ЯЖ. 2007. № 72-73]).

В газетах «Красное знамя» и «Заря» публикуют жизненные истории людей, проживающих на территории Тюменского и Исетского районов. Например, Альфия Терентьева из села Ембаева описала судьбу своего старшего брата (За достойную службу его не раз награждали; Его как хорошего работника посылали и в другие села [КЗ. 2010. № 35]). О своей нелегкой жизни рассказала жительница Приисетья Анна Афанасьевна Коробейникова (Работать начала рано, помогала в поле обеды варить трактористам. Меня маленьким поваренком и звали [З. 2007. № 49]).

Посредством неопределенно-личных предложений читателей информируют о деятельности агропромышленного комплекса: *На 21 июля в районе накосили 7801 тонн сена; Витаминной травяной муки в районе заготовили 3789 тонн* [КЗ. 2010. № 59]. Глагольные лексемы, частотные в подобных сообщениях, называют виды сельскохозяйственных работ: *заготовили*, *запасли*, *награждали*, *накосили*, *намолотили*, *обмолотили*, *освободили*, *оставили*, *посылали*, *складировали*, *собрали*, *убрали* — формы совершенного вида прошедшего времени преимущественно с перфектным значением: «действие относится к прошлому, а его результат к настоящему» [11; 632].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, различные виды односоставных предложений достаточно распространены в региональной прессе, хотя больше половины предложений в газетах по составу главных членов являются двусоставными. Из односоставных наиболее частотны неопределенно-личные предложения. Данный вид встречается чаще всего в таких газетных жанрах, как интервью (Посмотрели на огурцы, ага, крупненькие уже, точно — закуска хрустеть будет! Спрашиваю у хозяев: — У вас есть секрет садово-огородный?[3. 2007. № 51]), информационное сообщение (Защитили права молодой матери [КЗ. 2010. № 92]), письмо (Неужели у нас в сельской администрации не найдется средств для вывозки мусора с улиц? Ведь если рассудить, то понятно, сколько ущерба приносит пожар и сколько бы затратили, чтобы предотвратить его [3. 2006. № 46]), и обозрение (Также приступили к уборке сенажных культур [ЯЖ. 2007. № 74]). Районная газета по сравнению с центральной прессой социально оптимистична, возможно,

Плеханова О. Ю. Аспирант кафедры русского языка Тюменского государственного университета. E-mail: olga nera@mail.ru поэтому и более востребована. Авторы газетных материалов используют неопределенно-личные предложения, которые несут положительный настрой, уверенность в завтрашнем дне.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Трофимова О. В. Районные газеты О. В. Трофимова // Мир русского слова. -2010. -№ 3. C. 53-63.
- 2. Ливанова М. Районная газета на информационном рынке : сегодня и завтра М. Ливанова // Журналист. 2006. № 11. С. 25-26.
- 3. Александрова Т. Хор под управлением / Т. Александрова // Профессия журналист. 2002. № 7-8. С. 4-8.
- 4. Дускаева Л. Р. Диалог с читателем в районной газете : жанрово-стилистические черты / Л. Р. Дускаева // Журналистика и культура русской речи. 2010. № 2. С. 25-35.
- 5. Вайнонен Н. ...Пулеметная районка, все четыре полосы / Н. Вайнонен // Журналист. 2004. № 9. С. 16-18.
- 6. Яковлева Г. А. Односоставные и неполные предложения в поэзии Пушкина / Г. А. Яковлева // Русская словесность. $2008. \mathbb{N}_1$ 1. С. 62-66.
- 7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. Москва : Учпедгиз, 1956. 511 с.
- 8. Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения / Е. С. Скобликова. Москва: Просвещение, 1979. 236 с.
- 9. Брызгунова Е. В. Простое предложение / Е. В. Брызгунова // Русская грамматика: в 2-х томах. Т. 2. Москва: Изд-во Наука, 1980. С. 356.
- 10. Клушина Н. И. Публицистический текст в новой системе стилистических координат / Н. И. Клушина // Русская речь. -2008. -№ 5. -C. 43-46.
- 11. Бондарко А. В. Категория времени / А. В. Бондарко // Русская грамматика : в 2-х томах. Т. 1. Москва : Изд-во Наука, 1980. С. 632.

Olga Y. Plekhanova
Graduate student of the Russian Language Chair at the
Tyumen State University.
E-mail: olga nera@mail.ru

УДК 070.1 (470.324)

РАЗВЛЕКАТЕЛЬНАЯ ПРЕССА И ЕЕ ТИПЫ

© 2013 A. В. Прытков

Воронежский государственный университет

Дата поступления в редакцию: 21 марта 2013 года

Аннотация: В статье исследуется понятие «развлекательная пресса». Обосновываются причины, приведшие к появлению данного термина в системе СМИ, а также выделяются некоторые типы развлекательных изданий.

Ключевые слова: развлекательная пресса, бульварная пресса, тип СМИ.

Annotation: This article investigates the concept of «entertainment media». The author calls the reasons which led to the emergence of the term in the media system and outlines some types of entertainment media.

Key words: *entertainment press, gutter press, type of media.*

Выскажем предположение, что сравнивать качественную и бульварную прессу не совсем корректно, так как последняя является типом СМИ, а первая нет. Качественная пресса является неким более общим конструктом и включает себя в следующие типы газет: общественно-политические («Коммерсанть», «Российская газета»), деловые («Ведомости», «РБК daily»), спортивные («Спорт-Экспресс», «Советский спорт»), культурно-просветительские («Культура»). Таким образом, для бульварной прессы и сходных с ней СМИ нужно ввести какой-то общий знаменатель. Нам кажется, таковым может выступать понятие «развлекательная пресса» [1].

В 1998 г. в Лондоне прошла научная конференция «Tabloidization and the media», на которой прозвучало, что к концу XX века понятие «желтая журналистика» перестало быть актуальным. Докладчики предлагали два практически синонимичных термина — «развлекательный» и «таблоидный». Исследователь А. А. Монастырская с этим не соглашается, говоря, что слово «развлекательство» имеет оттенок неодобрения [2, 28]. Автор предлагает использовать термин «таблоидный». Мы же считаем, что в данном случае термин «развлекательный» применять вполне уместно.

Крупнейшие исследователи среди функций журналистики всегда выделяют как одну из значимых рекреативную (т. е. развлекательную) функцию. «Ее цель — создание условий для отдыха, интересного проведения досуга, приятного заполнения свободного времени, снятия усталости и напряжения, восстановления и укрепления душевного покоя и равновесия», — пишет Е. П. Про-

хоров [3, 80]. Вместе с тем, по мнению ученого, рекреация не только снимает напряжение, но и способствует развитию интеллекта, мыслительной деятельности, например, через разгадывание интеллектуальных задач [3, 81]. В то же время он предупреждает, что из-за несбалансированной информационной политики в изданиях может появиться непритязательное развлекательство, эксплуатация эротизма, смакования сцен насилия и т. п.

С. Г. Корконосенко развлекательную и гедонистическую функции относит к группе функций психологической разрядки. Последнюю, пишет ученый, зачастую сводят к бездумному развлечению, хотя на самом деле удовольствие могут доставлять и весьма трудоемкие для журналиста и читателя операции: «Мы, например, получаем удовольствие от изысканного дизайна журнальной обложки или телевизионной студии, манеры ведущего произносить слова или блистательной игры ума в полемической публикации. Высокое наслаждение доставляет разговор с интересным собеседником — рассказчиком, знатоком, самобытным мыслителем» [4].

Н. Н. Богомолова выделяет функцию эмоциональной разрядки, через которую СМИ удовлетворяют естественную потребность человека в снятии напряжения. «Однако в определенных условиях развлекательные публикации и передачи могут оказывать своего рода «наркотическое» воздействие, уводя реципиентов в мир иллюзий, несбыточных мечтаний и отгораживая их от реальных повседневных забот и проблем» [5].

На сегодняшний день в системе СМИ образовалась целая группа изданий, в которых развлекательная функция журналистики стала одной из основных.

© А. В. Прытков, 2013

Чтобы проверить, насколько корректно выделять в этой группе типы СМИ помимо бульварной прессы, мы проанализировали следующие издания: «Жизнь», «Экспресс-газета», «Жёлтая газета», «СПИД-инфо», «Криминал», «Мир криминала», «Аномальные новости», «Тайная власть», «Ступени Оракула» и «Советы Оракула».

Мы считаем, что «желтая» пресса является флагманом группы развлекательных изданий. Это не случайно.

А. А. Монастырская отмечает, что «все развлекательно-информационные издания, которые мы называем таблоидами, во-первых, выполняют рекреативную функцию, во-вторых, они информируют аудиторию, но, как правило, эта информация также носит гедонистический характер» [2, 15]. Исследователь Н. А. Федотова пишет: «Одним из факторов, обусловливающих выбор стратегии реализации рекреативных функций, является форма собственности СМИ. Издания, ориентированные на законы рынка, используют апробированные «желтой» прессой тематики и рекреативные элементы, которые обеспечивают высокий рейтинг и доход» [6]. Кроме того, автор указывает, что развлекательные функции могут не только содействовать успешной реализации других функций СМИ (идеологической, культуроформирующей и др.), но также редуцировать их осуществление, что, в свою очередь, способно вызвать серьезные дисфункции в жизни общества [6].

Таким образом, взяв за основу бульварную прессу, остальные издания мы будем сравнивать с ней, чтобы узнать, насколько газеты между собой сходны и стоит ли выделять развлекательную журналистику в отдельную группу.

В статье мы не воспользуемся ни одной из разработанных систем типологических признаков. В рамках данного материала мы не считаем это уместным, так как типологические системы предполагают учет таких факторов, как, например, авторский состав, периодичность, объем и т. п. Эти признаки, безусловно, важны, но в нашем случае они не помогут нам выявить общее в развлекательных СМИ. Напомним, что «тип издания можно определить как модель группы изданий, содержащую в себе наиболее характерные особенности, качества и свойства, присущие каждом печатному органу из этой группы в отдельности» [7].

Мы сравним тематику, рекламу и лексику изучаемых газет.

В первую очередь разберем тематическое разнообразие. Исследователь Е. А. Сазонов выделил наиболее интересные для бульварной прессы темы: а) интимные отношения; б) личная жизнь людей, оказавшихся в центре общественного внимания; в) тема смерти, в особенности, когда она

сопряжена с аномальными или чрезвычайными обстоятельствами [8].

В «Экспресс-газете» интимным отношениям отведено место практически в каждом номере. Это выражается в публикациях фотографий обнаженных девушек («Кэндис Бучер оценил лев», № 15 (792) от 12 апреля 2010 г., «Два в одном», № 10 (891) от 12 марта 2012 г.). Кроме того, тематика интимных отношений часто совпадает с темой личной жизни известных персон («Новая любовница Анатолия Журавлева», № 39 (816) от 27 сентября 2010 г., «Алиса Гребенникова родила от Авербуха!», № 3 (936) от 21 января 2013 г.). Однако материалам о знаменитостях также уделено немало внимания - им полностью посвящена рубрика «Звездная пыль». Тема смерти также присутствует («200 тысяч за убийство пациентки», № 10 (891) от 12 марта 2012 г., «Смерть ради имиджа», № 51 (880) от 19 декабря 2011 г.).

В газете «Жизнь» ситуация аналогичная. Тема интимных отношений («Он ласкал меня в ванной», № 2, 16-22 января 2013 г.) часто смешивается с темой личной жизни людей («Sex-каникулы на Мальдивах», № 2, 16-22 января 2013 г.). Тема смерти также представлена практически в каждом номере («Пламя отчаяния», № 10, 14-20 марта 2012 г.).

«Жёлтая газета» интимным отношениям традиционно посвящает рубрику «Скорая sex-помощь», в которой отвечают на вопросы читателей. Кроме того, в каждом номере есть рубрика «Девушка недели», где публикуют фотографии обнаженных девушек.

«СПИД-инфо» позиционирует себя как научно-популярная газета. Основное место в издании уделено интимным отношениям - это и письма читателей в редакцию, и конкурс фотографии «Моя НЮшенька», и материалы на тематику сексуального здоровья и отношений полов. В каждом номере есть несколько материалов, собранные в разделе «Интим-клуб». А на центральном развороте публикуются фотографии обнаженных девушек. Личная жизнь знаменитостей представлена, как правило, заметками и интервью («Элтон Джон: «Мы с мужем вместе 13 лет», № 25, декабрь 2011 г.). Также темы секса и личной жизни нередко смешиваются («Дефлоратор для Шараповой», № 7, апрель 2010 г., «Молчание ширинки принцаконсорта», № 3, февраль 2013 г.). Пара-тройка полос стабильно отводится теме смерти («Мухомор» для Галочки», № 25, декабрь 2011 г., «Тарас Бульба нашего двора», № 7, апрель 2010 г.).

Газеты «Криминал» и «Мир криминала» посвящены преимущественно тематике смерти. И там, и там есть как заметки о происшествиях, так и развернутые материалы, смакующие сцены насилия («Тело без головы», «Криминал» № 5, 2013 г.,

«Роковые ошибки маньяков», «Мир криминала», № 3, 2013 г.). Кроме того, есть статьи, посвященные новым и старым видам мошенничества, письма с «зоны». Тема секса в этих изданиях практически не представлена - разве что описывают преступления насильников («Сосед-маньяк изнасиловал и задушил королеву красоты», «Мир криминала», № 3, 2013 г.). Однако газета «Мир криминала» отличается тем, что на первой полосе публикует обнаженных девушек, а один из главных материалов часто связан с темой секса («Секс-оргии в сортире», № 23, 2012 г., «Врач-лесбиянка зверски насиловала пациентов», № 6, 2013 г., «Секс-капкан для лохов», № 30, 2011 г.). В «Криминале» же иногда появляются изображения обнаженных девушек. Тема личной жизни знаменитостей представлена в «Криминале» небольшими заметками, в «Мире криминала» — полосой о какой-либо «звезде».

«Аномальные новости» посвящены различным мистическим событиям, паранормальным явлениям и НЛО. Также на письма читателей отвечают колдуны и маги и мистические рассказы с продолжением из номера в номер. Тема смерти проскальзывает только если смерть связана с какими-либо странными обстоятельствами. Темы секса и личной жизни нам не встретились.

«Тайная власть» имеет подзаголовок «Газета для тех, кто хочет познать непознанное». В издании ровно тот же набор тем, что в «Аномальных новостях». Но тут иногда проскальзывает тема жизни знаменитостей, с учетом концепции издания, естественно («Темные силы нас злобно гнетут» о столкновениях жителей Голливуда с призраками, № 2, 2013 г.).

«Ступени Оракула» и «Советы Оракула» по тематике практически идентичны «Аномальным новостям» и «Тайной власти». За тем исключением, что в «Ступенях...» реже поднимается тема НЛО, зато есть упор на тексты о магах (не только рекламные) и предсказаниях. «Советы...» же практически полностью сосредоточены на магии. Кроме того, «Ступени Оракула» уделяют внимание личной жизни знаменитостей («У какой народной целительницы лечились Пугачева, Галкин и Пьеха», № 5, 2013 г.).

Теперь перейдем к анализу рекламы. Этот параметр, на наш взгляд, также поможет выявить общее и различное. Ведь если рекламодатели у каких-либо изданий практически одни и те же, это дает нам право также выделить эти СМИ в отдельную группу.

У «Экспресс-газеты» реклама составляет от 10 % до 15 %. Преимущественно это медицинские препараты (значительную долю занимают средства от импотенции и алкоголизма, для увеличения полового члена и сброса лишнего веса). Другим флагманом является секс-реклама: пор-

новидео, секс по телефону, интим-товары. Кроме того, нередко появляются лотереи и реклама, предлагающая скачать игры, музыку, фото и видео на мобильные телефоны.

В газете «Жизнь» реклама достигает 30 %. В подавляющем большинстве своем это медицина — предлагают различные лекарственные препараты: средства от алкоголизма, импотенции, заболеваний глаз, заболеваний сердца и т. д. Есть частные объявления, в том числе предложения магических услуг. Также можно встретить лотереи и предложения скачать игры, музыку, фото и видео на мобильные телефоны.

Реклама «Жёлтой газеты» занимает от 10 % до 15 %. Основой является секс-реклама: больше всего представлено интим-товаров, следом идут эскорт-услуги, порновидео, секс по телефону. Как и в «Экспресс-газете», есть реклама лотерей и предложений скачать игры, музыку, фото и видео на мобильные телефоны. Немного места занимает медицина — средства от импотенции и алкоголизма; есть реклама магических услуг.

В «СПИД-инфо» реклама составляет от 10 % до 20 %. Преимущественно это медицина, и здесь довольно большую долю занимают препараты для увеличения полового члена и груди, а также от импотенции. Остальное место уделено секс-рекламе — порнофильмы, секс по телефону, интим-товары, ферромоны. Иногда появляются объявления лотерей.

«Криминал» уделяет рекламе в среднем около 5 %. Чаще всего это предложения скачать игры на мобильный телефон и анонсы других изданий. Иногда появляются предложения секса по телефону.

В «Мире криминала» реклама занимает около 3 %— анонсы других изданий и секс по телефону.

«Аномальный новости» (заметим, что эту газету выпускает та же редакция, что и «Криминал») отдают рекламе около 6 %: предложения скачать игры на мобильный телефон и анонсы других изданий.

B «Тайной власти» реклама может достигать $20\,\%$, и это в подавляющем своем большинстве предложения магических услуг.

Реклама «Советов Оракула» занимает около 25 %, «Ступеней Оракула» — около 15 %. И там, и там наибольшую долю занимают магические услуги. Немного места уделено медицине.

Наконец, дадим краткий анализ лексике изданий.

По мнению В. И. Конькова, язык бульварной прессы относится к социально-ориентированным типам речевого поведения: любая тема здесь разрабатывается исключительно с бытовой стороны. В текстах появляются оценочные конструкции и конструкции, выражающие отношения автора [9].

Исследователь Е. К. Долгушина отмечает, что «особенностью массовой печати на современном этапе ее развития стало значительное пополнение лексики жаргонизмами (до 25,9 %), нередко их неумеренное и неуместное использование, утрата понятия «литературной нормы», вульгаризация и огрубение речи» [10].

Анализируя немецкоязычные «желтые» газеты, И. В. Юрченко делает вывод, что в этих изданиях использует разговорная и оценочная лексика, а кроме того важную роль играют письма читателей, с помощью которых создается иллюзия непосредственного общения адресата с редакцией [11]. Мы можем говорить, что эти свойства присущи и отечественной бульварной прессе.

«Экспресс-газета» активно использует разговорную лексику. Примеров неисчислимое множество, приведем лишь некоторые — «бухло», «понтов», «поматросил», «хапнул», «педики», «шуры-муры». Заметим, что в большинстве случаев данные слова не закавычиваются. Встречаются и обратные варианты, однако в большинстве случаев в кавычки заключается обсценная лексика. Мат в данном случае пишется с троеточием в середине (например, «х...й»), и, как правило, является цитатой какой-либо знаменитости.

В газете «Жизнь» разговорной лексики меньше, и она в большинстве случае не закавычивается. Мат на страницах изданиях иногда появляется, но это он также является цитатой и заключается в кавычки.

Наиболее распространена разговорная лексика в «Жёлтой газете». Образцы встречаются едва ли не в каждом материале, в том числе иногда и в заголовках («Никакого траха, и не будет страха», № 12, апрель 2010 г., «Ветлицкая предложила забить х...й, а Собчак назвала депутата затейливой п...здой», № 49, декабрь 2011 г.).

Ситуация в «СПИД-инфо» аналогична ситуации в «Экспресс-газете». Следует отметить, что в данном издании несколько полос отведены под письма читателей.

Газета «Криминал» также использует разговорную лексику, которую иногда закавычивает. При этом основу занимает тюремный и криминальный жаргон. Но по какому принципу для кавычек отбираются слова, нам неясно. К примеру, «кидалы», «наварить» и «отшила» закавычены, а «разводилово», «догнаться» и «забугорные» — нет. Другой особенностью является использование канцеляризмов: в издании много места уделено заметкам, которые, кажется, берутся у пресс-служб силовых ведомств и никак при этом не редактируются. В результате во всех заметках встречаются словесные конструкции, подобные следующим: «не предоставил преиму-

щество в движении» и «в ходе распития спиртных напитков». В более объемных материалах канцеляризмов нет. Кроме того, в издании появляются письма заключенных, а на вопросы читателей отвечает юрист.

«Мир криминала» также активно использует тюремную лексику, и точно также сложно понять, почему слова «схавает» закавычено, а слово «втюхивали» нет. В большинстве случаев кавычки используют, когда слово обладает нескольким значениями — «крыша», «косяк», «отмазать». Но иногда подобные слова не закавычиваются — «огнестрел». Особенно много жаргона в материалах о жизни на «зоне», при этом в них кавычки практически не используют. Писем читателей в газете не представлено.

Газеты «Аномальные новости» и «Тайная власть» разговорной лексикой и жаргонизмами не увлекаются. На предмет лексики мы также анализировали общественно-политические издания и можем утверждать, что в «Коммерсанте», «Воронежском курьере», «Аномальных новостях» и «Тайной власти» отклонений от литературной нормы примерно равный процент.

Что касается «Советов Оракула» и «Ступеней Оракула», там разговорная лексика встречается чаще, однако нет употреблений мата.

Таким образом, на основании анализа тематики, рекламы и лексики мы можем выявить следующие типы развлекательной прессы:

- 1. Бульварная пресса «Экспресс-газета», «Жизнь», «Жёлтая газета», «СПИД-инфо». Их объединяет интерес к трем видам табуированной информации, специфические рекламодатели (интим-товары, секс по телефону) и обилие разговорной лексики в текстах. Что касается «СПИДинфо», то его можно отнести к типу бульварной прессы с уклоном в сексуальную тематику, так как данная тема хоть и является центральной, далеко не единственная.
- 2. Криминальная пресса «Криминал» и «Мир криминала». Их объединяет специализация на одной теме и употребление тюремного жаргона. К развлекательной журналистике мы относим данные издания, потому что, во-первых, наличествует смакование подробностей преступления. Как ни парадоксально, но подобное смакование выполняет рекреативную функцию. Во-вторых, на страницах газеты встречаются изображения обнаженных девушек. В-третьих, такую рекламу как секс по телефону качественные издания себе не позволяют. На наш взгляд, «Криминал» и «Мир криминала» сложно назвать бульварными газетами с уклоном в криминальную тематику. В отличие от таблоидов, данные издания специализируются на теме смерти, остальному практически не уделяя внимания.

3. Эзотерическая пресса – «Аномальные новости», «Тайная власть», «Советы Оракула», «Ступени Оракула». Их объединяет тематика, связанная с мистикой, магией и НЛО, а также реклама магических услуг. К группе качественной прессы данные издания нельзя отнести в силу их несерьезности (рассказы о встрече с лешим или материал о том, что на Земле давно живут инопланетяне-рептилоиды), а также превышенного использования разговорной лексики (хотя подобное встречается не во всех изданиях). К типу бульварной прессы эти газеты также нельзя отнести. Разговорной лексики здесь меньше, а рекламодатели и тематика почти не совпадают. В бульварной прессе материалы об НЛО и реклама магов скорее исключение, чем правило.

Напоследок отметим, что развлекательную журналистику представляют не только указанные выше типы СМИ. Мы считаем, что типов изданий больше, однако задача данного исследования заключается в обосновании выделения развлекательной прессы в отдельную группу. Выявление всех типов СМИ, входящих в данную группу, еще только предстоит.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Прытков А. В. Качественная и бульварная пресса в системе СМИ / А. В. Прытков // Вестник ВГУ. Серия : Филология. Журналистика. 2011. № 2 С. 211-216.
- 2. Монастырская А. А. Таблоидная пресса в России, 1990-2000 гг. : дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / А. А. Монастырская. СПб, 190 с.
  - 3. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики:

Учебник для студентов вузов / Е. П. Прохоров. — 7-е изд., испр. и доп. — М. : Аспект Пресс, 2007. - 351 с.

- 4. Корконосенко С. Г. Основы журналистики : Учебник для вузов / С. Г. Корконосенко. М. : Аспект Пресс, 2001. С. 193
- 5. Богомолова Н. Н. Социальная психология печати, радио и телевидения / Н. Н. Богомолова. М. : Изд-во МГУ, 1991.-C.24.
- 6. Федотова Н. А. Рекреативные функции СМИ: содержание и стратегии реализации: автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. (http://mediascope.ru/node/608).
- 7. Кажикин А. А. Типология отечественной региональной прессы рубежа XX-XXI веков (На примере печатной периодики Воронежской области): дисс. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / А. А. Кажикин. Воронеж, 2004. С. 52.
- 8. Сазонов Е. А. «Жёлтая» пресса в контексте развития печати XX века (социокультурный аспект): дисс. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / Е. А. Сазонов. Воронеж, 2004.— С. 181-186.
- 9. Коньков В. И. Бульварная пресса как тип речевого поведения / В. И. Коньков // Логос, общество, знак (к исследованию проблемы дискурса): сборник научных трудов / [отв. ред. Б. Я. Мисонжников]. СПб., 1997. С. 38-40.
- 10. Долгушина Е. К. Особенности языка современной массовой и качественной прессы России (лексический аспект): дисс. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / Е. К. Долгушина. Москва, 2004.— С. 144.
- 11. Юрченко И. В. Вербальные и невербальные механизмы воздействия желтой прессы на массовое сознание (на примере немецкой газеты «Bild», австрийской газеты «Kronen Zeitung» и швейцарской газеты «Blick») : автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук / И. В. Юрченко. Москва, 2010. 29 с.

Прытков А. В. Воронежский государственный университет. Аспирант факультета журналистики ВГУ. E-mail: aleks.prytkov@gmail.com Prytkov A. V. Voronezh State University. The post-graduate student of Department of journalism. E-mail: aleks.prytkov@gmail.com УДК 070

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «АЛТАПРЕСС»

© 2013 Ю. П. Пургин

Алтайский государственный университет

Поступила в редакцию 12 марта 2013 года

Аннотация: Статья посвящена истории возникновения и развития одного из первых в постсоветской России регионального издательского дома «Алтапресс», созданного в начале 90-х годов. Автор исследует идейные концепты, положенные в основу функционирования медиакомпании, через призму развития философии «Алтапресса», реализации его социальной миссии, отстаивания принципов, выстраивания бизнес-процессов.

Ключевые слова: Печатные СМИ, издательский дом, региональный медиахолдинг, миссия, последовательная корпоративная концепция.

Abstract: The article covers the history of origin and development of one of the first post-Soviet Russian regional publishing houses — Altapress, created in the early 90s. The author analyzes the ideological concepts, assumed as the basis of media companies functioning, through the prism of ALTAPRESS Publishing house philosophy, the realization of its social mission, upholding the principles and business processes alignment.

Key words: Print media, publishing house, regional media holding, mission, sequential corporate concept.

История создания издательского дома «Алтапресс» позволяет понять основные идейные концепты, заложенные в развитие одного из наиболее крупных независимых региональных издательских домов России. В данной публикации автор намерен акцентировать внимание на тех из них, которые являются типичными для холдинговых структур такого рода. Поэтому, описывая процесс формирования медиакомпании, мы попытаемся проследить изменение философии ее развития. Под философией компании здесь понимается отражение заложенных основателями главных идей, которые являются основой функционирования медиахолдинга, фундаментом его достижений.

От партийной монополии на печать — к свободе слова. Возникновение компании связано с концом перестройки и ослаблением партийной системы печати, когда невозможное доселе издание независимой от партийного руководства газеты стало реальностью. Малое коллективное предприятие «Рекламно-издательское агентство «Алтапресс» (РИА «Алтапресс») учреждено в октябре 1990 года тремя журналистами краевой партийной газеты «Алтайская правда» с целью выпуска первой на Алтае независимой газеты «Свободный курс».

Пробный «0» номер газеты «Свободный курс» вышел в свет 28 декабря 1990 года. «У вас, естественно, нет лишнего миллиона. Увы, нет его и у нас, — писали в редакционной статье «Начинаем

которых был автор). — Багаж, с которым мы собираемся выйти на рынок — опыт, профессиональное мастерство. И еще — желание работать свободно. Писать то, что думаешь, и не бояться, что завтра из-за «слишком смелой» строки твои материалы и комментарии дойдут до читателя в урезанном виде. «Свободный курс» — это наш путь к свободе. Наш и одновременно ваш. Рискнем?»[3].

с «нуля» три соредактора нового издания (в числе

Соредакторство – форма коллегиального управления работой небольшой редакцией, которая состояла из четырех штатных и трех нештатных сотрудников, была выбрана неслучайно. Учредители хотели предоставить максимальную возможность для самовыражения журналиста. Все решения по тому, каким будет следующий номер газеты, принимались сообща. Коллективной была и ответственность. У каждого соредактора было право наложить «вето» на любой материал. Это был первый этап в развитии философии компании. Условно его можно обозначить как поддержку перехода от монополии правящей партии на печатное слово к свободе высказывания мнений по самым острым социальным проблемам. Идея создания независимой газеты, где журналисты и авторы могли бы высказывать любое альтернативное официальному мнение, доминировала в идеологии нового предприятия. Учредители полагали, что свободное суждение журналиста непременно вызовет интерес у читателя. Таким образом, газета, которая сначала выходила раз в две недели, представляла собой набор точек зрения сотрудников и

© Ю. П. Пургин, 2013

авторов редакции. Новый подход к журналистской практике рождал оригинальность в высказывании взглядов, требовал тщательной работы с текстом. Именно текст выступал главным выразительным средством. Бывшие редакторы и корреспонденты партийной газеты были убеждены, что имеют полное право на такой подход. Журналисты, считали они, - в силу таланта и информированности, лучше своей аудитории знают потребности местного сообщества. Необходимо отметить, что эта такая стратегия имела определенный успех. Начав с тиража в 3 000 экземпляров, «Свободный курс» достиг к 1995 году пика распространения. Разовый продаваемый тираж еженедельника составлял на тот период 55 тысяч экземпляров. Поскольку взгляды членов редакции на политическое и экономическое развитие российского общества преимущественно совпадали, результатом творческого процесса стала авторская газета для единомышленников.

Это был период созидания для всех без исключения сотрудников редакции. Качественные характеристики данного периода: творчество, борьба за экономическое выживание и сравнительный экономический хаос в ведении хозяйства. Об этом свидетельствуют должности сотрудников: соредактор, журналист-кассир, «приходящий бухгалтер» [4, 117]. В истории отечественных СМИ это был один из самых ярких, «романтических» периодов, который окончательно завершился в 1996 году. Многие редакционные коллективы продолжали выпускать издания мнений, не замечая, что их оценки уже не вызывают доверия читателей, разочарованных в результатах перестройки и приватизации. Часть изданий за этот период успело попасть в тесную зависимость от спонсоров – финансово-промышленных групп. Большинство общественно-политических газет, телерадиостанций утратили свою независимость из-за финансовой несостоятельности создавших их журналистов и первых издателей.

От нищеты - к экономической независимости. Издательский дом «Алтапресс» оказался одним из редких исключений в этой закономерности, потому что ему удалось самостоятельно справиться с финансовыми проблемами. Компания вышла на новый уровень производственных отношений, преодолев нищету. В философии «Алтапресса» появился новый тезис — сохранение экономической независимости. Автор считает, что экономическая независимость субъектов информационного рынка - один из фундаментальных принципов утверждения свободы печати в стране. В поисках материального благополучия РИА «Алтапресс» заниматься разными видами коммерческой деятельности: открыло брокерскую контору на товарно-сырьевой бирже, создало художественный салон, в качестве посредника продавало ценные бумаги. Однако успешной для компании оказалась деятельность, которая лежала в области профессиональных знаний. В 1991 году была создана в качестве приложения к «Свободному курсу» газета рекламы и частных объявлений «Купи-продай». Она стала бесспорным лидером рекламного рынка региона и сохраняет лидерство по объему рекламы и частных объявлений среди печатных СМИ по сей день.

В генезисе «Алтапресса» преобладало не простое поступательное развитие с причинноследственными связями и отношениями, а несинхронность, разноупорядоченность, нелинейная динамика, носившая для компании прорывной скачкообразный характер. В первую очередь, это определялось внешней крайне неблагоприятной для самостоятельного развития средой. Довольно быстро «Алтапресс» столкнулся с серьезными трудностями, которые были связаны с вопросами печати и дистрибуции. Грамотное решение этих проблем упрочило позиции компании на региональном информационном рынке. В 1995 году РИА «Алтапресс», используя появившейся в стране Закон о банкротстве, возбудило судебную процедуру против местного предприятия «Союзпечать». Поводом для этого процесса послужила большая задолженность дистрибуторов. Агентству удалось создать пул кредиторов-издателей, выступить гарантом по долгам «Союзпечати» перед банком и сохранить сеть, создав на ее базе собственную систему распространения «Роспечать Алтай». Не менее остро стояла перед предприятием проблема полиграфии. ГИПП «Алтай», где печатались газеты агентства, имело на тот период устаревшее ролевое оборудование высокой печати. «Алтапресс» инвестировал всю накопленную прибыль в создание собственной полиграфической базы. В 2001 году предприятие построило новое редакционное здание. Таким образом, «Алтапресс» создал полный замкнутый цикл газетно-журнального производства, который включает в себя редакционный коллектив и рекламную службу, типографию, систему распространения. В конце 90-х годов как отражение свершившихся перемен компания официально меняет название: рекламно - информационное агентство «Алтапресс» переименовано в издательский дом.

Трансформация компании имела под собой серьезные основания. Накопленный управленческий потенциал перерос в практику. Этот период характеризуется переходом «Алтапресса» на регулярный менеджмент. О трудностях, связанных с неприятием редакционными коллективами, возникшими в переходный период, классических процедур и правил ведения бизнеса пишет в своей работе Т. Репкова, один из наиболее авторитет-

ных авторов, развивающих теорию менеджмента применительно к информационным рынкам развивающихся стран. Она приводит как альтернативный пример «Пособие для будущего издателя», вышедшего в США в 1901 году: «Чтобы избежать ошибок нареканий, потери клиентуры и денег, все, относящееся к процессу управления компанией, должно быть приведено к системе – неспешная, методичная, рутинная работа лучше, нежели беспорядочные метания, в результате которых потом приходится разгребать завалы». Иными словами, редакция - это не демократия со встроенным механизмом голосования. Редакция - это организационное подразделение со своей внутренней структурой» [5, 180]. Мы полностью согласны с этим высказыванием, более того, полагаем, что в противном случае, если руководство компании игнорирует эту достаточно простую истину, она обречена. В этот период в «Алтапрессе» появляются такие должности как «генеральный директор», «главный редактор», начальники служб и подразделений. Происходит формализация процессов. Корпоративный дух обретает формы корпоративной культуры. За ее развитие, аттестацию и оценку сотрудников отвечает теперь служба персонала. Компания выпускает несколько газет и журналов, имея в своем составе обособленные редакции. Это заставляет прописывать должностные инструкции, устанавливать редакционные стандарты. Вместе с тем, формализация процессов вызывает протест у коллег, которые привыкли к общению в среде друзей-единомышленников, функции контроля по-прежнему выражены слабо, поскольку перегружены информационные потоки внутри компании, все они направлены в центр.

У данного уровня развития издательского дома были свои опасности и издержки. Избежать их удалось далеко не всем самостоятельным издателям из тех, что научились зарабатывать деньги. К таким опасностям, по нашему мнению, относится возможность принести общественно значимую идею в жертву бизнесу (например, выпускать только «желтую» прессу). Некоторые компании в стремлении защитить свой бизнес, девальвировали саму идею общественного служения, заключая постоянные компромиссы с властью. А кто-то создал непрофильный бизнес, который впоследствии стал для этой компании основным.

От издания для единомышленников — ко всему сообществу. Третий уровень развития философии издательского дома «Алтапресс» связан с формулированием миссии компании и поиском новых идей для газеты «Свободный курс». Тираж газеты, пройдя пик, постепенно снижался. Интерес аудитории к мнению журналистов медленно угасал. Людей волновали обыденные проблемы. Чтобы сохранить лидерство на информационном рынке,

изданию пришлось кардинально меняться. Если раньше редакция обращалась к группе единомышленников, то теперь ей пришлось искать и находить темы, которые вызывали интерес у всего местного сообщества. По мнению руководителей «Алтапресса», главной его газете необходимо было стать зеркалом региона. Только расширение аудитории могло обеспечить изданию общего содержания финансовую устойчивость. Для этого пришлось менять принципы журналистской работы. Перемены лежали в плоскости следующих размышлений: максимальное число читателей можно привлечь к газете только в том случае, если в ней отражается все разнообразие ценностей, идей и подходов к решению насущных проблем. Влиять на характер содержания газеты отныне будут сами читатели. В компании появился отдел социологических исследований, в функции которого входило изучение запросов аудитории. Он начал проводить большие ежегодные исследования читателей газет «Алтапресса» и его основных конкурентов. Результатом этой работы стала не только существенная корректировка содержания газеты «Свободный курс», связанная с материалами потребительской тематики, историями про людей, научно-популярными и краеведческими публикациями. Были разработаны и запущены новые нишевые продукты.

«Прописание» истин, символизация, выраженная в документах редакционной политики и стандартах, сыграли наиважнейшую роль в становлении «Алтапресса». Во главу угла всех корпоративных документов компании поставлена ее миссия. Для ее определения мы используем формулировку Р. Драфта: «На вершине иерархии корпоративных ценностей располагается миссия - обоснование деятельности организации, т. е. описание ее ценностей, устремлений и причин появления на свет. Четко определенная миссия становится основой для разработки всех последующих целей и планов. Без ясной миссии цели и планы могут разрабатываться случайным образом и не обеспечивать движения организации в нужном направлении» [2, 242]. В конце 90-х годов «Алтапресс» сформулировал свою миссию так: «Удовлетворение потребностей местного сообщества в получении объективной информации путем создания системы независимых СМИ с целью самореализации и достижения высокого уровня жизни». В этой формуле реализована идея баланса интересов общества, предприятия и его сотрудников. На наш взгляд, помимо объективных причин, связанных с политическими и экономическими условиями, успех независимых региональных медиахолдингов во многом обеспечили субъективные факторы. Среди них следование своей прописанной или непрописанной

миссии, которая, так или иначе, определяет приоритет служения общественному благу, является основным. Не менее важно, чтобы журналисты и другие сотрудники предприятия, реализуя высокие цели, могли иметь достойный уровень жизни и развивать свои компетенции.

А. Айрис и Ж. Бюген в своем объемном труде «Управление медиакомпаниями» замечают, что традиционно основное внимание в медиакомпаниях концентрируется на процессе создания контента, в то время как остальные виды деятельности рассматриваются как вспомогатель-[1, 77]. В «Алтапрессе» это не так. Вся деятельность издательского дома выстраивается в последовательную корпоративную концепцию, понимаемую автором как четко определенную и согласованную связь между миссией, информационными продуктами, имиджем, организацией и коммуникацией компании с местным сообществом. Четкость постановки задач, выстраивание понятийной вертикали, от формирования видения стратегии холдинга в целом до написания конкретного материала, продажи рекламной площади или организации работы типографии, позволяет «Алтапрессу» добиваться высокого качества продуктов.

Миссия компании определила ее основные главные ценности, которые тоже прописаны: устойчивое развитие; безупречная репутация; высокий профессионализм; командный дух; забота о персонале; демократия и стабильность в России. Последнее положение, на первый взгляд, несколько выпадает из общего чисто внутрикорпоративного контекста, поскольку касается общих мировоззренческих проблем. Однако в реальности - это самое важное положение: в условиях тоталитаризма подобная «Алтапрессу» компания функционировать не сможет. Помимо ценностей издательский дом определил две стратегические задачи - лидировать на региональном рынке СМИ и оказывать влияние на общественное развитие региона. Под влиянием подразумевается то обстоятельство, что само присутствие на информационном рынке неангажированного властями и бизнесом медийного предприятия, гарантирующего освещение происходящих событий с разных точек зрения, способно оказывать существенное влияние на формирование гражданского общества в регионе.

Пургин Ю. П.

Генеральный директор Издательского дома «Алтапресс», заведующий кафедрой «Современные медиатехнологии» Алтайского государственного университета

E-mail: purgin@altapress.ru

Компания не ограничилась только информационным присутствием и поставила дополнительную задачу – изменить профессиональную среду. Сегодня эта задача реализуется сразу в нескольких направлениях. На базе предприятия открыта кафедра факультета журналистики Алтайского государственного университета «Современные медиатехнологии». Лекции и практические занятия для студентов журфака здесь проводят менеджеры и лучшие журналисты компании. Кроме того, разработаны курсы для студентов, обучающихся по специальности «реклама» и «дизайн в печати». «Алтапресс» предлагает помощь в разработке документов редакционной политики и редизайне местным газетам с последующей совместной подпиской со «Свободным курсом» в районах. Первым в России реализован международный проект «Газета в образовании». Ежегодно посредством него к регулярному чтению качественной прессы приобщаются три тысячи школьников Алтайского края. «Алтапресс» выступил одним из инициаторов создания корпоративного медийного союза — Альянса независимых региональных издателей (АНРИ).

Безусловно, такой уровень корпоративного мышления соответствует компании достаточно крупного масштаба. В структурах холдинга сегодня работает около тысячи человек. «Алтапресс» начинает играть в регионе роль социального лидера. На наш взгляд, и на этом уровне есть свои риски. Здесь можно легко утратить бизнес-идею или превратить компанию в субъект политики, используя имеющееся влияние для манипулирования сознанием аудитории. Надежной страховкой от этих соблазнов служит неуклонное следование своей миссии.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Айрис А. Управление медиакомпаниями: реализация творческого потенциала / Аннет Айрис, Жак Бюген / [пер. с англ. Ю. А. Константинова, Д. И. Эркенова]. М.: Издательский дом «Университетская книга»: АНО «ШКИМБ», 2010.
- 2. Драфт Р. Менеджмент / Ричард Драфт / [пер. с англ. под ред. С. К. Мордовина]. СПб. : Питер, 2009.
  - 3. Начинаем с «нуля» // Свободный курс. 1990. 28 дек.
- 4. Региональная пресса : проблемы менеджмента / [ред.сост. И. М. Дзялошинский. — М. : Права человека, 2001.
- 5. Репкова Т. Новое время: Как создать профессиональную газету в демократическом обществе / Т. Рептова. М.: ГИПП, 2004.

Purgin Y. P.

General Director of the Publishing House Altapress, Head of the department "Modern media technologies" Altai State University

E-mail: purgin@altapress.ru

УДК 32.019.5: 070.1 + 81'373.4: 796

СПОРТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

© 2013 А. Ю. Рогозин

Сибирский федеральный университет (г. Красноярск), Институт экономики, управления и природопользования, кафедра делового иностранного языка

Поступила в редакцию 8 апреля 2013 года

Аннотация: Объектом изучения в данной статье является политический дискурс СМИ англоговорящих стран. Цель статьи заключается в том, чтобы доказать важность изучения политического дискурса иностранных (англоязычных) СМИ и проанализировать использование спортивной лексики в их политическом дискурсе. Проведённый анализ позволяет сделать вывод о наличии прямой связи между присутствием спортивной лексики в политическом дискурсе СМИ и соответствующими явлениями в общественной жизни. Результаты исследования могут быть использованы в работах по социолингвистике, дискурс — анализу, лингвистике текста и др. научным дисциплинам.

Ключевые слова: политический дискурс, спортивная лексика, англоязычные СМИ

Abstract: The object of the article is sport lexis in political discourse of media, which natively use the English language for their functioning. The purpose of the article is to prove the importance of foreign (in the article—English-speaking) media political discourse research and analyse the usage of sport lexis in political discourse of different media. The analysis of the data allows to draw the conclusion that there is a strong link between social life and presence of sport lexis in media political discourse. The results of this work may be applied to discourse analysis, sociolinguistics, linguistics of text, etc.

Key words: political discourse, sport lexis, English-speaking media.

На сегодняшний день можно утверждать, что явление политического дискурса для лингвистики не является однородным. Этот термин имеет широкое и узкое толкование. Под широким толкованием предлагается понимать любое речевое произведение, так или иначе связанное с понятием политики во всех её проявлениях. По мнению Е. И. Шейгал, политический дискурс есть «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [2]. С другой стороны, Т. А. Ван Дейк полагает, что политический дискурс представляет собой класс жанров, который ограничен определённой социальной сферой, т. е. политикой [1]. Это можно назвать узким пониманием. В нашей работе мы взяли за основу именно широкое понимание политического дискурса. Поэтому в сферу нашего анализа попадают все тексты, имеющие отношение к политике.

Следует отметить тот факт, что политический дискурс во многом опосредован дискурсом масс-медиа. Сейчас дискурс масс-медиа является одним из основных каналов политической коммуникации. В нашей работе уделяется особое внимание политическому дискурсу именно

англоязычных СМИ по следующим причинам: во-первых, несмотря на возрастающее значение китайского или, например, испанского языков, английский язык продолжает оставаться языком международного общения и одним из самых влиятельных языков в мире, во-вторых, такие англо-говорящие государства, как США, Канада, Австралия, Великобритания и др., являются передовыми во многих областях, а раз так, то дискурс политических деятелей этих государств представляет собой большой научный интерес, ибо его понимание и изучение поможет выстроить с представителями англоязычной культуры наиболее эффективный и конструктивный диалог. Мы обратили внимание на использование спортивной терминологии в дискурсе англоязычных СМИ по нескольким причинам. Дискурс отражает реальность. Есть речь, которую человек контролирует, а есть дискурс, который говорящий контролировать практически не может. Значит, дискурс показывает истинные намерения участников общения. Политические деятели принимают важные решения, касающиеся многих аспектов нашей жизни, а раз так, то дискурс политиков в целом и любая его часть должны быть в сфере мультидисциплинарного научного интереса. Спортивная терминология,

© А. Ю. Рогозин, 2013

несмотря на её частое использование в политическом дискурсе, исследовалась, на наш взгляд, недостаточно. Между тем наличие в дискурсе лексики определенной тематики свидетельствует о тех или иных изменениях в жизни общества. Следовательно, в политическом дискурсе присутствие лексики любой тематики нуждается в анализе и осмыслении, так как подобные исследования ещё более подробно объясняют различные события и феномены общественной жизни.

В нашем исследовании, на настоящем его этапе, мы анализировали политический дискурс англоязычных СМИ путём изучения следующих материалов: the Hill Times (канадский политический еженедельник), the Calgary Herald (канадская общественно-политическая газета), the USA Today, the Washington Post, the New York Times, the Daily Mirror, the Daily Telegraph, the Australian и the Sydney Morning Herald. Нами рассматривались публикации в период с 09.2012-11.2012. Ознакомившись со статьями на политическую тематику в вышеперечисленных источниках (всего было найдено 1937 примеров использования спортивной лексики) через их Интернет – выпуски за вышеуказанный период, мы пришли к выводу, что наиболее часто спортивная терминология встречалась в следующих газетах: the Hill Times (около 30 % всех случаев использования спортивных терминов и выражений), the USA Today (около 15 %) и the Australian (около 35 %). Как отмечалось выше, наличие лексики определённой направленности свидетельствует о соответствующих изменениях в общественной жизни. Канада и Австралия являются, в большой степени, относительно благополучными и преуспевающими государствами, которых экономические потрясения последних лет задели не так сильно, как, например, Европу. Поэтому мы и наблюдаем в изданиях, освещающих жизнь общества данных государств, активное использование слов, пришедших из спортивной сферы, ибо сам спорт предполагает развитие и созидание. Если же говорить о частом использовании спортивной лексики журналистами газеты USA Today, то можно отметить, что данное издание является более политизированным, чем, предположим, the Washington Post или the New York Times, и, следовательно, оно гораздо более подробно освещало президентскую гонку во время президентских выборов 2012 года в США.

Проведенный анализ показал, что из спортивной лексики наиболее часто встречаются такие слова, как: leadership (100 употреблений), win (более 100 употреблений), contest (90 употреблений), race (150), run (80).

Например:

"Conservatives change rule that allowed Stelmach to win **leadership**" [The Calgary Herald; 11.11.12].

(Консерваторы меняют правила, которые позволили Стелмаху завоевать лидерство).

"Mr. Obama **won** the election by giving gifts of government benefits to Hispanics, African-Americans and younger voters" [The New York Times; 22.11.12].

(Мистер Обама победил на выборах, раздавая подачки от правительства испаноязычному населению, афроамериканцам и молодёжи).

"Mr. Obama won state-by-state **contest**" [The USA Today; 12.11.12].

(Мистер Обама победил в избирательной гонке по штатам).

"The premier finished second leadership **race**" [The Calgary Herald; 11.11.12].

(Премьер-министр завершил вторую гонку за лидерством).

"NDP dubs Nexen takeover big key issue in Calgary Centre by election **race**" [The Calgary Herald; 09.11.12].

(Воспользовавшись выборами в избирательном округе Калгари, Национальная Демократическая Партия изменила голосованием ключевое условие поглощения компании Nexen).

Если говорить о том, лексика каких видов спорта наиболее часто использовалась, то здесь, по нашим данным, наиболее часто встречались термины лёгкой атлетики, бега и бокса (jump, run, team, knock out, game, marathon и т. д.).

Например:

"Conservatives say second budget bill a priority, MPs say there could be another showdown **marathon**" [The Hill Times; 17.09.12].

(Консерваторы говорят, что второй бюджетный законопроект является приоритетом, но члены парламента заявляют, что возможен очередной марафон публичных заявлений).

"Obama and Romney have legal **teams** ready" [The USA Today; 27.10.12].

(Обама и Ромни держат команды своих юристов в готовности).

"Julia Gillard and Tony Abbott play dangerous game on Indonesia talks" [The Australian; 16.10.12].

(Джулия Гилард и Тони Эбботт играют в опасную игру на индонезийских переговорах).

"The Prime Minister **knocked out** her misogynist contender" [The Australian; 13.10.12].

(Премьер-министр нокаутировала своего противника – женоненавистника).

"Mr. Abbott is not **running** in election" [The Australian; 07.10.12].

(Мистер Эбботт не участвует в выборах).

"Romney will be able **to score** his own **points**" [The USA Today; 03.11.12].

(Ромни сможет подсчитать свои политические очки).

СПОРТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

В итоге хочется сказать, что исследование использования спортивной терминологии в политическом дискурсе англоязычных СМИ имеет большие перспективы. Дискурс является частью реальности и ни одна его составляющая не должна быть проигнорирована наукой. Более того, в современном, взаимосвязанном, открытом, мультикультурном и взаимозависимом мире исследования, направленные на понимание закономерностей иноязычной реальности обладают особой важностью и актуальностью, так как, без сомнения, интенсивность международных контактов разного уровня в будущем будет только возрастать.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Ван Дейк Т. А. К определению дискурса Т. А. Ван Дейк. Л. : Сэйдж пабликэйшенс, 1998. 384 с.
- 2. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

3. Универсальная научно-популярная онлайнэнциклопедия «Кругосвет».

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ГАЗЕТЫ:

4. The Australian. Dennis Shanahan. Gillard – Abbott dangerous game, Available at: www.theaustralian.com/au, (accessed

Рогозин А. Ю.

Соискатель на кафедре Делового иностранного языка, Института экономики, управления и природопользования Сибирского федерального университета; преподаватель английского и немецкого языков в ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» (Красноярск).

E-mail: andrew.rogozin2011@yandex.ru, andre-wrogozin@mail.ru

16 October 2012).

- 5. The Australian. Dennis Shanahan, Brenda Nicholson. Tony Abbott to engage Susila Bambang Yudhoyono on asylum, Available at: www.theaustralian.com/au, (accessed 13 October 2012).
- 6. The Australian. Lauren Wilson. Abbott "fair game", Available at: www.theaustralian.com/au, (accessed 7 October 2012).
- 7. The Calgary Herald. Kelly Cryderman. Conservatives change rule, Available at: www.calgaryherald.com/, (accessed 11 November 2012).
- 8. The Calgary Herald. James Wood. NDP dubs Nexen, Available at: www.calgaryherald.com/, (accessed 9 November 2012)
- 9. The Hill Times. Bea Vongdouangchanh. Conservatives say 2nd budget a bill, Available at: www.hilltimes.com/ Canada, (accessed 17 October 2012).
- 10. The New York Times. Jim Rutenberg. Jeb Bush in 2016 campaign?, Available at: www.nytimes.com, (accessed 22 November 2012).
- 11. The USA Today. Editorial. Florida finally finishes vote count, Available at: www.usatoday/com, (accessed 12 November 2012).
- 12. The USA Today. David Jackson. Obama and Romney have their teams ready, Available at: www.usatoday/com, (accessed 27 October 2012).
- 13. The USA Today. Aamer Madhani. Obama savouring last lap of his final campaign, Available at: www.usatoday/com, (accessed 3 November 2012).

Rogozin A.Y..

Business Language Department, Institute of Economics, Management and Environmental Studies, Siberian Federal University, Krasnoyarsk.

E-mail: andrew.rogozin2011@yandex.ru, andrewrogo-zin@mail.ru

УДК 77. 041

ТВОРЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО КОНТЕНТА РЕГИОНАЛЬНОЙ ФОТОПУБЛИЦИСТИКИ

© 2013 С. Ю. Смирнова

Марийский государственный университет

Поступила в редакцию 16 апреля 2013 года

Аннотация: Современная фотопублицистика регионов является частью творческой журналистской деятельности. Она включена в синергетический процесс с текстовым материалом как коммуникативная функция, обращенная на формирование духовных ценностей в обществе. Сегодня фотопублицистика выступает как самостоятельная отрасль и несет большую культурологическую и мировоззренческую направленности.

Ключевые слова: самостоятельный контент, информационная единица, культурологическая страте-гия, коммуникативная функция, зрительный центр, авторские проекты, новостная фотожурналистика.

Abstract: Modern regional photojournalism is a part of the creative activities of journalists. It included in the synergic process with a text as a communicative function that forms the spiritual values in a society. To date it acts as a independent sphere and has important cultural and ideological orientation.

Key words: independent content, information unit, cultural strategy, communicative function, visual center, author's projects, news photojournalism.

Фотопублицистика уже не первое десятилетие широко используется в современной журналистике. Объективность, повествовательность, отражение конкретного времени и другие специфические особенности, характерные для фотопублицистики, позволяют ей брать на себя функции самостоятельного контента. Нередко она выступает не только как часть журналистского творчества, но и является самостоятельной отраслью, которая способна вступить в серьёзную конкуренцию с текстовым материалом за степень понимания, восприятия материала, в том числе за влияние на сознание, формирование определенных мировоззренческих позиций аудитории. Фотопублицистика удачно встраивается не только в печатные СМИ, но и в интернет-издания, успешно используется в качестве рабочего материала при подготовке телевизионных и радиопрограмм.

Функционирующая в рамках журналистики, фотография призвана дополнять, конкретизировать, раскрывать и пояснять текст. Используя приемы фотоиллюстрации, журналист может выразить мысль, идею, образ, эмоции, побудить к размышлению не только посредством текста, но и с помощью фотографий [1, 16]. Нередко они бывают настолько красноречивы, что могут выступать без текстового сопровождения, в качестве самостоятельной информационной единицы.

© С. Ю. Смирнова, 2013

В 1980-е годы большинство газет перешло на офсетную печать, что сказалось на качестве фотоиллюстративного материала, процесс этот постоянно совершенствовался [2, 85]. Кроме того, авторство фотоиллюстраций переставало постепенно быть неизвестным, что позволяло говорить о таком формирующемся явлении как фотожурналистика. Используя приемы как документальной, так и художественной фотографии, она, приобрела свои специфические жанры, которые, несомненно, были связаны с используемыми в печати жанрами.

Фотографии изначально была присуща культурологическая составляющая, ей свойственны признаки, влияющие на духовный мир человека, поэтому изучение феномена современной фотопублицистики имеет важное значение в понимании культурологической стратегии журналистики как системы информирования в целом. Общеизвестно высказывание, приписываемое постструктуралисту и семиотику Ролану Барту, о том, что ничто написанное не в силах сравниться по достоверности с фотографией [3, 72]. При этом процесс восприятия фотографии разделяется на усваивание изображения в уже сформированных рамках некоей культуры, и на активное восприятие субъекта, реагирующего на увиденное. Поэтому фотоизображение нужно рассматривать как социально-культурный феномен: документальность через изображение реальности, художественность через видение автора и достоверность через фиксацию социального заказа. Несомненно, в фотографии выделяется несколько направлений, которые с успехом использует журналистка: это социологическое, этнографическое, репортажное, плакатно-рекламное, декоративное, символичное и т. д. Характерной особенностью является определенно-наполненная коммуникативная функция, которая реализуется через узнаваемые местные образы, что, несомненно, делает изображение более понятным и привлекательным.

Таким образом, синтез фотографии и информационного текста, посвященного актуальным явлениям жизни общества, выражается в эффекте воздействия на аудиторию, сходном с полученным от непосредственного наблюдения в качестве очевидца. Такие особенности фотопублицистики как наглядность, показ действительности в нетрансформированном виде, отражение факта как он есть, его точная пространственно - временная характеристика относит фотожурналистику к области достоверности, документальности. Информационный повод фотожурналистики можно обозначить и таким понятием как «притягательность», когда фотография на газетной или журнальной полосе становится своего рода зрительным центром [4, 20]. Как правило, именно со снимков на полосе начинается знакомство с содержанием издания, это тот материал, который «прочитывается» всеми. В региональной печати, пример которой является целью исследования, этот прием особенно актуален, так, как строится на местном, узнаваемом материале.

Наконец, фотопублицистику характеризует такая особенность, как *быстрома восприятия* изображения, что в информационном процессе играет важную роль: это не только «экономит» время читателя, но и позволяет достичь особого эффекта воздействия на него.

Как вид творчества фотопублицистика выражается в наличии *авторского начала*, когда фотокорреспондент проясняет значимость отображенного факта, показывает его связь с другими событиями и явлениями, причем выдвигает индивидуальную концепцию видения.

Фотопублицистику как сферу журналистского творчества необходимо рассматривать с разных точек зрения. Прежде всего, возможно определить структурно-типологические характеристики и определить её значимость и особенности в конкретной сфере журналистской деятельности. Определяя ценностно-ориентирующую составляющую необходимо обратиться к авторским разработкам и проектам, которые изобилуют в региональной журналистике.

Экономический кризис 1990-х годов затронул и большинство мировых фотожурналистских

агентств, большинство которых потеряло свои авторские права на фотоиллюстрации. При этом развитие новых технологических условий сделало фотографический процесс массовым и легкодоступным (наличие фотокамер у всех групп населения, использование любительских фотографий в печати, перенасыщенность визуальной информацией интернет-пространства). Все это не только изменило состояние фотопублицистики, но и заставило ее повысить качество и наполнить информационным смыслом новостную фотографическую продукцию. Постепенно трансформируясь в новых реалиях, фотопублицистика смогла сохранить преемственность традиций качественной российской прессы. Эти процессы присущи и региональной журналистике, и тем более ценен сохраненный опыт и его использование в контексте республиканской печати. Ее издания демонстрируют феномен использования, как портретного очерка, так и других жанров фотопублицистики, активно реализуя сложные ценностно-образующие задачи. В условиях повышенного интереса к индивидуальности, такой журналистский опыт можно рассматривать как попытку влияния на формирование у читателей достойного образа современника через объективное и этически взвешенное изображение.

Фотожурналисты региональных СМИ работают в тех же рамках объективности, что и остальные журналисты. Этико-правовые вопросы им приходится решать в плоскости формата издания, требований редакционной администрации, а также общих морально-этических законов, характерных для публичного показа итогов съемки. Большинство фотожурналистов стеснено обязательствами перед своими редакциями, поэтому особенно ценным признается опыт фотокорреспондентов, которым присуща творческая свобода и возможность самовыражения.

Министерством культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл была организована в 2009 г. фотовыставка журналиста республиканской газеты «Марийская правда» Валерия Кузьминых, который давно и плодотворно работает в разных жанрах фотопублицистики [5]. По названию выставки – «Дайте мне точку опоры!», открывшейся в Республиканском музее изобразительных искусств РМЭ, нетрудно догадаться, что она о тех, кому еще предстоит «перевернуть мир», о школьниках, делающих первые шаги в страну знаний. Такое название выбрал для своей выставки фотожурналист «Марийской правды» В. Кузьминых, готовя репортаж об одной из йошкар-олинских школ. Несколько снимков «первоклашек» положили начало большой серии из шестидесяти работ - яркий калейдоскоп неповторимых детских образов. Выставка высвечивает одну из сторон творчества В. Кузьминых, где основным жанром является фотооортрет и фотоочерк о человеке.

Портретная фотопублицистика как одна из традиций российской журналистики, осталась и, пожалуй, сегодня особенно востребована, качественными печатными изданиями [6, 76]. В. Кузьминых владеет и видами, и технологиями этого сложного жанра, который построен, прежде всего, на отображении индивидуальности, раскрывает человека во многих его качествах, как профессиональных, так и духовных. Сегодня региональная журналистика как область гуманитарного знания и отображения социальных процессов в формах фотопублицистики предложила удачную иллюстрацию этим явлениям в виде биографических и портретных очерков о жителях региона. Особенно актуальным для российской журналистики этот прием является сегодня, в условиях *поиска* «героя своего времени». Региональная журналистика в таком поиске находится в более выгодном положении так, как опирается на местный, хорошо узнаваемый материал, близкий и понятный читателю.

Отправляясь в очередную командировку, фотокор забирается в самые дальние уголки республики, отыскивая людей с необычными судьбами и способностями. Этот материал всегда носит очень ясно выраженный этический оттенок в такое сложное для многих время автор предлагает через образ своего героя оптимистическую модель не только достойного существования, но и сохранения себя как личности и творца судьбы. Его очерк о труженике-инвалиде, не просто живущем полноценной жизнью, но и активно помогающем окружающим его односельчанам, говорит не только о незаурядности самого материала, но и об особом этическом взгляде журналиста на жизнь современной провинции. Сам автор говорит, что таких людей сегодня можно найти преимущественно в забытых уголках нашей республики. «В городской суете люди редко смотрят друг на друга, каждый сам за себя и за повседневными заботами забывают простые человеческие ценности: преданность, добро, честность. А вот на окраинах Марий Эл они ещё не позабыты, там жизнь сурова, а люди просты. Фотографировать и рассказывать о людях мне нравится гораздо больше, чем ежегодно описывать паводки. И хотя паводки, это тоже важно, но люди - это живая история в лицах» [7, 4].

Героями фотоочерков В. Кузьминых становятся люди — труженики из разных социальных сфер, которые не столько определяют современные тенденции в политике и власти, сколько воплощают образы «простого человека», дополняя их ролью наставника и отца, матери и воспита-

тельницы, бабушки и хранительницы традиций, молодого человека и гражданского активиста. Такое раскрытие объекта фотоочерка, особенно в условиях отсутствия ясного, неразмытого образа современного героя, понятия, принадлежащего к важнейшим общественным ценностям, позволяет говорить о тенденции восстановления ценностию-ориентирующей функции российской фотожурналистики.

Такой вид газетно-журнальной иллюстрации, как фотопортрет, В. Кузминых использует в разных жанрах: это портретный очерк, портретная зарисовка, портретное интервью и даже политический портрет. Его работам всегда присуща отличительная черта — глубина авторского осмысления. Личность фотоочерка приобретает особое качество современного героя, она обособляется и высвечивается, при этом, не нанося ущерб описанию труда или быта объекта. Хорошо владеет В. Кузьминых и таким сложным жанром фотопублицистики, как портретное интервью. Через прорисовку портрета, фотокорреспондент выявляет социально-психологические эмоциональные характеристики интервьюируемого, его системы духовных ценностей. Именно поэтому, работы Кузьминых обладают и таким важным свойством, которое должно быть сохранено в современной журналистике, как историзм политического портрета, его объективная основа – угадывание за имиджем реальной личности выявление его истинной психологической характеристики, прогнозирование возможных действий в будущем, предсказание общественной значимости и роли этой личности в общественном развитии. Применяя авторскую интерпретацию, фотокорреспондент корректно относится к материалу, ничего не домысливая, подвергая факты собственному осмыслению, не искажая их, делится личными впечатлениями, выражая свое эмоциональное отношение к герою. Он создает документальный образ через цепь ассоциативных связей и образных представлений, владея всеми приемами фотопублицистики.

Но, наверное, журналист В. Кузьминых не был бы фотохудожником, если бы прошел мимо такой темы, как меняющийся облик столицы Марий Эл. В его личном архиве огромное количество фотографий города в разные годы (и века!). А в 2012 г. вышел новый фотоальбом «Царёв город», который состоит из 10 разделов и более 1000 фотографий. Они включают в себя самые живописные виды города Йошкар-Ола — это городские пейзажи, снятые весной, осенью, жарким летом и холодной зимой. Столица Марий Эл на фотографиях — меняющаяся, новая, но в названии альбома бережно сохранено его историческое звучание — «Царёв город». «Йошкаролинцам по-

везло, свой город они могут видеть воочию — во все времена года, и поздним вечером, и ранним утром, когда город ещё спит, и в тишине лишь щёлкает затвор фотоаппарата. Стоп — снято. Время остановилось» — говорит Валерий Кузьминых [8]. Несомненно, что эти изображения также со временем приобретут большую эстетическую и историческую ценности, подобно произведениям мемуарного жанра в литературе.

Валерий Владимирович Кузьминых, работая фотокорреспондентом региональных газет «Молодой коммунист», «Республика», «Марийская правда», использовал приемы фотопублицистики и со временем стал мастером не только в художественно-публицистической, но и в новостной фотожурналистике. Ежедневная съемка текущих событий, командировки в районы Марий Эл, позволяли фиксировать на фотокамеру не только текущие события, но и делать очерки о людях республики. Фоторепортажи В. Кузьминых – это всегда не только работа с новостями, но и иллюстрированная история события и района, и фотокорреспондент всегда рассказывает эту историю достаточно увлекательно и ярко, сопровождая фотоиллюстрации хорошо проработанным журналистским текстом. Именно поэтому в 2001 г. В. Кузьминых стал обладателем журналистской премии «Золотое перо Республики Марий Эл». Сегодня он — один из самых ярких мастеров региональной фотожурналистики, а его мастер-классы по теме «Газетная фотография — качество успеха» посещают многие журналисты-практики из других регионов (Казань, Чебоксары, Нижний Новгород, Саранск, Уфа). В этом ему помогает интенсивная работа в управлении общественных связей и информации Главы Республики Марий Эл.

Современные технологии фотожурналистики позволили использовать в коммуникационном процессе большое разнообразие жанров, приемов и видов информационного воздействия на

мов и видов информиционного вооде

Смирнова С. Ю.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики Марийского государственного университета.

E-mail: jur.ka@rambler.ru

аудиторию. Цифровые фототехнологии не только расширили, но отчасти размыли границы достоверности информации, подменяя ее подчас искусственно привнесенными «дорисовками жизни», создавая нередко не образ реального человека, а его удобно-рекламный имидж. При этом фотоиллюстрация в печати остается сегодня мощным механизмом воздействия на аудиторию, оказывая влияние на формирование культуры мышления, неся в себе не только художественно-эстетическую, но и ценностно-ориентирующую функцию. В современных репортажных и очерковых газетных фотоиллюстрациях высоко ценится как раз их достоверность, аутентичность, позволяющая читателю самостоятельно создавать образ на основе заключенной в фотографии информации. Обращаясь к региональному опыту фотопублицистики раскрытия сущности человека, а через это воздействие на формирование нравственных ориентиров социума, важно, чтобы она оставалась полем качественной журналистики.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Тулупов В. В. Изобразительная журналистика в газете / В. В. Тулупов. Воронеж : Кварта, 2012. 183 с.
- 2. Панфилов Н. Д. Искусство фотографии / Н. Д. Панфилов. М.: Просвещение, 1985. 160 с.
- 3. Барт Р. Миф сегодня / Р. Барт // Избранные работы : Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс; Универс, 1994. 130 с.
- 4. Березин В. М. Фотожурналистика / В. М. Березин. М.: Изд-во РУДН, 2009. 157 с.
- 5. Репортаж с выставки // http://www.parlament.mari. ru. Режим доступа 30.03.2013.
- 6. Ворон Н. И. Портрет на фоне новостей : Характер образности в фотожурналистике / И. Н. Ворон // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 2009. № 6. 80 с.
- 7. Кузьминых В. Назад к истокам / В. Кузьминых // Марийская правда. 6.07.2010.
- 8. Йошкар-Ола в фотографиях // http://www.newsmari. info. — Режим доступа — 25.02.2013.

Smirnova S. Yu.

Candidate of historical Sciences, associate Professor of the Department of Journalism of the Mari State University.

E-mail: jur.ka@rambler.ru

УДК 316.485.26

УЧЕНИЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО О ТЕРРОРЕ И ЕГО ОТГОЛОСКИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

© 2013 Е. А. Цуканов, И. В. Цуканова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 сентября 2012 года

Аннотация: В представленной работе на тему «Учение Ф. М. Достоевского о терроре и его отголоски в современной политической практике» рассматривается проблема генезиса и трансляции революционно-деструктивных идей в отечественной литературно-философской традиции. Авторы пытаются обосновать тезис о возможном технологическом заимствовании некоторых наиболее радикальных мыслей Ф. М. Достоевского геополитическими оппонентами России с целью проникновения в пространство культурноментальных кодов российского суперэтноса и управления им в собственных интересах. На протяжении XIX-XXI веков эти интересы оставались неизменными: лишение России государственного суверенитета, подрыв национального самосознания, хаотизация деятельности административных структур. В статье предлагаются оригинальные способы противостояния данным угрозам.

Ключевые слова: террор, политика, дискурс, культура, чудесное, культурные коды, карнавал, управляемый хаос, режиссура революций, либерализм, социальные технологии, менеджмент событий, информационные войны.

Annotation: The article «F. M. Dostoyevsky's study on the nature of terror and its traces in modern political practice» deals with the problem of genesis and transferring of revolutionary destructive ideas in Russian literature and philosophical tradition. The authors attempt to ground the thesis about potential technological borrowings of some of the radical Dostoyevsky's ideas by geopolitical opponents of Russia in order to penetrate the sphere of cultural and mental codes of Russian superethnos with the purpose to manipulate it in their own interests. In XIX-XXI centuries these interests remained the same: to deprive Russia of its state sovereignty, to undermine national self-consciousness, to disarrange the work of administrative structures. Original ways to withstand the hazards are represented in the article.

Keywords: terror, politics, discourse, culture, miraculous, cultural codes, carnival, manageable chaos, direction of revolutions, liberalism, social technologies, management of events, information wars.

Что может быть общего между Ф. М. Достоевским и Кондолизой Райс? Великим русским писателем-душеведом, почвенником, гением мировой художественной литературы, с одной стороны, и 66-м Государственным секретарем Соединенных Штатов Америки, советником президента по национальной безопасности, - госпожой, отдававшей приказы о применении пыток к политическим заключенным в Гуантаномо и Абу-Грейбе [1] и причастной к организации политических смут в разных странах [2], с другой? Как это ни парадоксально прозвучит, общим у этих двух известных персон является неподдельный интерес к литературной классике как лаборатории общечеловеческой мысли. И если с Достоевским в этом вопросе все абсолютно понятно, то К. Райс всерьез считает себя истинным ценителем творчества самого Федора Михайловича. Так, в 2004 году в программе Л. Парфенова «Намедни» Кондолиза заявила, что она велела Дж. Бушу прочитать

«Братьев Карамазовых», чтобы понять русскую душу [3]. Она неоднократно признавалась, что Россия — ее любимая зарубежная страна, ссылаясь на то, что в прошлом была советологом [4].

Вне всяких сомнений, Госдеп США оказался одним из самых благодарных читателей произведений Ф. М. Достоевского, поскольку воспринял его творчество предельно конкретно, - как руководство к действию. Думается, что автор «Преступления и наказания» и «Записок из подполья» дорог для работников заокеанских спецслужб не особым психологизмом и философским потенциалом текстов и даже не высочайшей эстетикой образов или религиозно-онтологической экзальтированностью. С трудом представляется та же К. Райс, благоговейно созерцающая образ мятущейся Настасьи Филипповны или же истово переживающая бытийный конфликт между должным и данным в сознании Родиона Раскольникова. «Я не старушку убил, я себя убил», — сомнительно, чтобы Конди хотя бы раз обливалась слезами катарсиса над этой патетической фразой.

© Е. А. Цуканов, И. В. Цуканова, 2013

А вот представить «черную пантеру» методично конспектирующей отдельные фрагменты из Достоевского, скрупулезно анализирующей некоторые особо сильные словесные пассажи и поведенческие модели главных действующих персонажей, — это видится совершенно легко и определенно.

Достоевский может быть интересен Госдепу только при одном раскладе – технологическом. В его творчестве заложен неиссякаемый источник информации о том, как устроен микрокосмос русского человека, в частности, и макрокосмос русской цивилизации вообще. Знания, которые дают возможность нашим «партнерам» при желании обратить российский космос в хаос с целью политического давления через него на стратегического и цивилизационного конкурента. О технологиях управляемого хаоса как оружии массового поражения в миропроектной борьбе ученые сегодня говорят достаточно часто [5; 69-78]. Средствами хаотизации социокультурной, политической и экономической жизни на той или иной территории, с точки зрения Стивена Манна – одного из разработчиков и экспертов в этом вопросе в США – являются: содействие либеральной демократии; поддержка рыночных реформ; повышение жизненных стандартов у населения, прежде всего у элит; вытеснение ценностей и идеологии [6; 62]. Не последнюю роль здесь должны играть всевозможные вариации на тему карнавала, о котором говорил Михаил Бахтин [7]. Карнавала, который переворачивает ценностную шкалу этноса, на котором ставится эксперимент, вверх ногами. Сергей Кургинян не без оснований считает, что именно бахтинская смеховость демонтировала весьма прочную социальную матрицу СССР, обрушив затем и советскую государственность [8; 2]. Можно предположить, что в том числе и хорошее знание Достоевского принесло США победу в Холодной войне. Так получилось, что Достоевским на начальном этапе своего научного поприща углубленно занимался и М. Бахтин [9]. И кто знает, как повлияло его раннее увлечение на рост и созревание телемитской концепции, ставшей вершиной интеллектуальной деятельности саранского изгнанника. Одна общая линия у Достоевского и Бахтина бросается в глаза: они оба живописуют мир, вывернутый наизнанку. И если Бахтин со своим фундаментальным трудом «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» — это в каком-то смысле все-таки эпигонство в области теории управляемого хаоса, то Достоевский - самый подлинный первоисточник.

Ф. М. Достоевскому нет равных в исследовании художественными средствами проблемы надвигающейся на Россию во второй половине XIX в.

катастрофы под знаменем нигилизма. Деструктивные процессы, захлестнувшие российское общество того времени, протекали в различных формах – анархизма, народничества, народовольческого террора и типичной уголовщины. Федор Михайлович с особой педантичностью, если не сказать, изощренностью, обрисовывает различные проявления социального распада, стремясь, во-первых, огласить суровый приговор хаотизаторам, а, во-вторых, вызвать оцепенение у рядовых читателей. Для этого он использует метод, который условно можно назвать методом дискурсивного «размазывания» и «пережёвывания» [10] вполне безобидных и привычных для той эпохи вещей, на самом деле таящих в себе черты неприкрытого демонизма. Описания злодеяний главных фигурантов произведений иногда складываются у изучаемого автора в технологические цепочки, пошаговые стратегии, а технология, как известно, есть процедура, которая поддается воспроизведению: «это последовательность действий, которая приводит к гарантированному получению результата и может быть передана реципиенту за короткий промежуток времени» [11].

В дальнейшем литературные опыты Ф. М. Достоевского, претерпев по истине чудесные метаморфозы, неоднократно применялись вражескими специалистами по ведению информационно-психологических войн в российском политическом дискурсе ХХ и ХХІ вв. как оружие поражения массового сознания граждан РФ. В частности, на наш взгляд, существует много общего между тем, как развивается сюжетная линия в гениальном романе «Бесы» и режиссурой трех русских революций, моделированием перестроечных процессов в нашей стране, а также преднамеренным расшатыванием обстановки т. н. «креативным классом» накануне и после парламентских и президентских выборов 2011-2012 гг.

Для примера укажем на те места книги, в которых автор расписывает алгоритм разрушения стабильности жизни общества уездного городка, где развиваются печальные события. С этой целью кратко изложим фабулу произведения.

В небольшой провинциальный городок приезжают два молодых человека, которые долгое время приобретали образование, путешествовали за границей, вели светский образ жизни в столице. Николай Ставрогин и Петр Верховенский — они родились в этом городке. У первого здесь живет мать — очень влиятельная помещица Варвара Петровна, у второго отец — Степан Трофимович Верховенский — приживала в доме Ставрогиной, человек с неустойчивым (достаточно либеральным) образом мыслей, поверхностный, неудачно попробовавший себя в науке и публицистике, по совместительству гувернер. Когда-то у него

на воспитании были оба юноши. В кратчайшие сроки Ставрогину и Верховенскому младшему удается до такой степени нравственно разложить уездную общественность, что город стоял на грани самоуничтожения. События развиваются на фоне складывающейся в России предреволюционной ситуации во второй половине XIX века, идейной платформой для которой служили принципы утопического социализма. Известно, что Ф. М. Достоевский отрекся от революционной деятельности в пользу охранительной после того, как чудом избежал смертной казни [12] по делу об обществе петрашевцев, готовивших государственный переворот. Именно поэтому позднее творчество Ф. М. Достоевского пропитано пафосом борьбы с любыми проявлениями социальной мятежности.

В самых общих чертах методика революции по Достоевскому выглядит так: «Первым делом, говорит П. Верховенский Н. Ставрогину, – понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей! Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами... их изгоняют или казнят. Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалываются глаза, Шекспир побивается каменьями...». И далее: «Не надо образования, довольно науки! И без науки хватит матерьялу на тысячу лет, но надо устроиться послушанию... Мы уморим желание: мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство» [13; 405]. «Если потребуется, мы народ на сорок лет в пустыню выгоним. Но одно или два поколения разврата сейчас необходимо» [13; 408].

В продолжение темы: «Слушайте, мы сначала пустим смуту... мы проникнем в самый народ. Знаете ли, что мы уж и теперь ужасно сильны? Наши не те только, которые режут и жгут да делают классические выстрелы или кусаются... учитель, смеющийся с детьми над их богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развитее своих жертв, и, чтобы денег добыть, не мог не убить, уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтобы испытать ощущение, наши. Присяжные, оправдывающие преступников сплошь, наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш. Администраторы, литераторы, о, наших много, ужасно много, и сами того не знают!» [13; 407].

В финале произведения заговорщики из конспиративных соображений убивают бывшего своего товарища Шатова, и один из подручных «бесенят» П. Верховенского Лямшин так объ-

ясняет общую цель их группы: все беззакония, оказывается, творились «для систематического потрясения основ, для систематического разложения общества и всех начал; для того, чтобы всех обескуражить и изо всего сделать кашу и расшатавшееся таким образом общество, болезненное и раскисшее, циническое и неверующее, но с бесконечною жаждой какой-нибудь руководящей мысли и самосохранения, — вдруг взять в свои руки, подняв знамя бунта...» [13; 630-631]. По сути, перед нами яркая демонстрация террористической тактики, рассчитанной на устрашение и подавление целевой аудитории ради получения властных полномочий.

Иногда в романе педантично перечисляются чуть ли не программные заявления, под которыми, думается, с удовольствием подписались бы все российские оппозиционеры и диссиденты от декабристов, Герцена, Бакунина, Нечаева и Керенского до Сахарова, Новодворской, Навального, К. Собчак, Каспарова, Касьянова, Акунина, и А. Троицкого. Революционные проекты, обсуждаемые участниками петербургских вечеров у Варвары Петровны Ставрогиной и Степана Трофимовича Верховенского, отличаются клиническим радикализмом: «Говорили об уничтожении цензуры и буквы ъ, о заменении русских букв латинскими... о полезности (! — Е. Ц.) раздробления России по народностям с вольною федеративною связью, об $(! - E. \coprod.)$ уничтожении армии и флота, о восстановлении Польши по Днепр, о крестьянской реформе и прокламациях, об уничтожении наследства, семейства, детей и священников, о правах женщины...» [13; 43-44].

Переходим от общих целей возмутителей спокойствия провинциального городка к конкретным организационным моментам, позволившим бесноватой молодежи накалить абсолютно мирную ситуацию. Для нападения на действующую власть П. Верховенский создает т.н. «пятерки», о которых сам говорит, что Россия рано или поздно должна покрыться бесконечной сетью подобных узлов. «Со своей стороны, каждая из действующих кучек, делая прозелитов и распространяясь боковыми отделениями в бесконечность, имеет в задаче систематическою обличительною пропагандой беспрерывно ронять значение местной власти, произвести в селениях недоумение, заронить цинизм и скандалы, полное безверие во что бы то ни было, жажду лучшего, и, наконец, действуя пожарами, как средством народным по преимуществу, ввергнуть страну, в предписанный момент, если надо, даже в отчаяние» [13; 520]. Эти пятерки необходимы главному бесу романа и в целях персональной безопасности. П. С. Верховенский – Н. Ставрогину:

«Всего только десять таких же кучек по России, и я неуловим...и у меня повсеместно паспорты и деньги...каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом» [13; 404].

Справедливости ради следует сказать, что «беспрерывно ронять значение власти» в версии Достоевского помогает сама власть, провоцируя распространение крамолы. Классик дает чрезвычайно нелицеприятную характеристику губернаторской чете Лембке – Андрею Антоновичу и Юлии Михайловне. Причем делает это через иронию - на все лады расхваливая их отрицательные качества. Всегда на вторых ролях, нерешительный, мягкотелый, во всем покорный супруге Андрей Антонович в конце концов попадает под влияние Петра Верховенского, который умело шантажирует губернатора, проводя в жизнь свою политическую линию. Что касается Юлии Михайловны, то именно она сделала младшего Верховенского своим фаворитом, во всем с ним советовалась, и полностью зависела от его мнения. Подобное стало возможным из-за духовной рыхлости этой женщины, неоформленности ее мировоззрения, отсутствия твердых убеждений. «Ей нравились и крупное землевладение, и аристократический элемент, и усиление губернаторской власти, и демократический элемент, и новые учреждения, и порядок, и вольнодумство, и социальные идейки, и строгий тон аристократического салона, и развязность чуть не трактирная окружавшей ее молодежи. Она мечтала дать счастье и примирить непримиримое, вернее же соединить всех и все в обожании собственной ее особы». Нет ничего удивительного в том, что Юлия Михайловна стала инициатором перформанса в доме у Предводительши, закончившегося пожаром в Заречье. Само мероприятие было изначально словно заточено под скандал, необходимый для дальнейшей дискредитации власти, потому что «ясно было еще заранее, что... оплошай в чемнибудь бал, и взрыв негодования будет неслыханный...» [13; 448]. И дурно здесь вовсе не то, что деньги, собранные по подписке с участников «дня увеселений» должны были облагодетельствовать неких абстрактных бедных гувернанток губернии, рассеянных по России. Мерзко, что формат праздника предполагал смешение возвышенного и низменного, что порождало пошлый колорит, оскверняло человеческие отношения. И именно в этой обстановке происходило зачатие будущей бури, перевернувшей Россию вверх дном. Устроители события в лице Петра Верховенского и кампании постарались, чтобы праздник был максимально «демократическим», т. е. чтобы он объединил людей разного социального статуса (верхушка дворянства, чиновники, мещане, люди без роду, без племени, криминальный сброд,

иногородние темные личности). Собравшиеся в массе своей ожидали от мероприятия чего-то волшебного и изысканного, а получился балаган с «кадрилью литературы», буфетом и пьяным камаринским в придачу. Читались тексты, провозглашавшие великие идеи, а барышни мечтали о конфетах и варенье. Вручали лавровый венок увядающему мастеру слова, который с удовольствием поносит Россию, объявляя ее банкротом пред великими умами Европы. Отвратительно хихикали и ходили на головах, слушали гнусные стишки и тут же их освистывали. В итоге бал, похожий на булгаковский бал сатаны вызвал белую горячку у губернатора и отправил в обморок его жену. Оранжевая революция свершилась, после которой сконфуженное общество уже никогда не станет на сторону власти. Карнавальный эффект в довершение всего был закреплен гиперболизацией в описании события местными и столичными СМИ. К слову надо сказать, что в нашем представлении оранжевая революция, в отличие от красной, имеет мошенническую, а не героико-идейную подоплеку. «Я – мошенник, а не социалист», - признается П. С. Верховенский Н. Ставрогину [31; 408]. Оранжевая революция всегда конструируется, тогда как красная даже если и имеет свой сценарий, то все равно преисполнена вдохновения. И, кроме того, если красная революционность хотя бы зовет от рабства к свободе, то ее оранжевый аналог ведет в обратном направлении — от свободы в рабство или же от рабства в кромешное рабство). Наглядной демонстрацией последнего тезиса может служить т. н. «шигалевщина» – идейная платформа бесовских ухищрений кружка П. Верховенского. Шигалев, один из членов шайки, не стесняясь, развивает свои, по природе, фашистские мысли, лейтмотивом которых является предложение о разделении человечества на две неравные части. «Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать» [13; 392-393]. Еще один признак оранжевых революций — это то, что они творятся под осмеяние и оскорбление всего и вся. Показателен здесь эпизод с музыкальным этюдом «жидка» Лямшина на тему франко-прусской войны. Этюд представляет собой плавную смену в рамках попурри патетической и величественной «Марсельезы» на нахально-гадливый мотив «Mein liber Augustin», за которым Достоевскому слышатся требования миллиардов, тонких сигар, заложников и чувствуется безмерно выпитое пиво [13; 319-320].

Сколько раз за годы перестройки и позже, в период ельцинских преобразований похабились классические произведения музыки, литературы, поэзии в сатирических передачах ТВ, что вытравляло идеальное из культурного архетипа народа. На это же рассчитана и технология надругательства над святыней. В «Бесах» описывается случай с разбитой внехрамовой иконой, которую не только обокрали, но и для забавы подбросили живую мышь внутрь за стекло. Собравшийся после этого на площади народ безучастно глазеет на последствия вандализма, не предпринимая ровным счетом ничего. Объектом издевательства иногда выступает смерть, и тогда мы можем говорить о некрофизме как особом качестве т.н. «неформальной оппозиции». История с застрелившимся в городской гостинице подростком, прокутившим семейные деньги, ставшая развлечением для ватаги гуляк, предводительствуемой Верховенским младшим, как нельзя лучше иллюстрирует проявления некрофизма. Кампания преднамеренно посещает гостиничный номер для того, чтобы созерцать самоубийцу. Все это обставляется как занимательное приключение, закончившееся даже поеданием винограда с тарелки умершего [13; 323-325]. Экстремальные развлечения свойственны людям особого типа, склонным к принципиальному ниспровержению наличествующих ценностей. Поведение Петра Верховенского и его последователей очень напоминает поведение гуру питерского рок-движения середины 1980-х — начала 1990-х Сергея Курехина с ультраэпатажными выходками его оркестра под названием «Поп-механика». Борис Гребенщиков говорил, что «Поп-механика» — это совершенно особый вид искусства. Не концерт, не поэтический вечер, не эстрадное шоу. Совсем другое. Новое искусство не было рассчитано на то, чтобы его смотрели или слушали... Суть этого искусства — плевок в душу аудитории. Если выходя из зала, зритель ощущал себя обмакнутым в унитаз – концерт удался [14; 81-82]. Как пишет Илья Стогов, Курехина на пике его славы интересовал процесс обнаружения святости и уничтожения ее. «Наступить и почувствовать, как она там хрустит под подошвой», - вот главный метод деятельности «Поп-механики» [14; 84]. Однажды Курехин заявил: «Вообще, культура — это большая ошибка, это огромное количество друг на друга наслаиваемых ошибок за всю историю человечества» [15]. И, видимо, проводя своего рода «работу над ошибками», бандитствующий в сфере культуры шоу-мэн мог действовать очень радикально. Рассказывают, как Курехин глумился над финнами. «Перед концертом в Хельсинки он думал об идее концерта: что самое святое у финнов? Победа финской сборной по хоккею на чемпионате мира.

И по идее Курехина, главный враг финских хоккеистов – огромный швед с клюшкой наперевес «насилует» на сцене всю финскую команду по очереди. Финны – устроители концерта от этой идеи пришли в негодование. Но для Курехина это нормально — выбрать самое святое и эстетически надругаться» [15]. Костюм презерватива, в котором в декабре 2011 года пришел на Болотную площадь «перманентный революционер» Артемий Троицкий со своими требованиями к Путину – это жест из того же арсенала культур-террористических средств. И, закольцовывая долгую серию уже отнюдь не книжных примеров деструктивных контркультурных действий современных революционеров, необходимо отметить, что и С. Курехин, и А. Троицкий [16] начинали свои систематические атаки на отечественную культуру по методу Петра Верховенского с довольнотаки длительных турне по США, где творчество Ф. М. Достоевского, как мы выяснили, ценят и любят. Случайность? Совпадение? Так обычно работают с лидерами общественного мнения, желая в дальнейшем через них выйти на более массовую аудиторию. И у Достоевского тема обучающей наших революционеров и либералов роли заграницы иногда явно, а иногда полунамеком встречается достаточно часто. «На мой век Европы хватит», - бахвалится известный писатель Кармазинов, живущий в Карлеруэ, а Россию критикующий. Верховенский мл. – Н. Ставрогину о членах его кружка: «Все это материал, который надо организовать, да и убираться». Кстати, так и произошло. После убийства Шатова П. Верховенский быстро оказывается за пределами России. Интересен в этой связи и американский опыт Кириллова и Шатова, который был ознаменован для последнего началом революционной карьеры.

Много и других управленческих секретов в плане менеджмента социальным хаосом раскрывает Ф. М. Достовский на страницах изучаемой книги. Это и диверсионная работа с фабричными (распространение листовок, прокламаций, открытые призывы к бунту) в эпизоде, названном «шпигулинской историей», по многим параметрам похожей на протекание «кровавого воскресенья» 9 января 1905 г. И технология ритуального формирования сплоченной организации ниспровергателей на крови (казнь Шатова): «Связать преступлением, чтобы получить власть» [13; 403]. И констатация факта т. н. «раскачки» общественного мнения через СМИ по вопросу о даровании мужикам всевозможных свобод: «... мы их (мужичков. - Е. Ц.) ввели в моду, и целый отдел литературы, несколько лет сряду, носился с ними как с новооткрытой драгоценностью» [13; 55]. Подобное сегодня среди специалистов по IT-технологиям называется «запуском информационной волны» [17]. Присутствуют и явные рекомендации по отбору кадров, способных «дурно направить мысли» миллионов, организовать «беспорядок умов»: «Все одаренные и передовые люди в России были, есть и будут всегда картежники и пьяницы...» [13; 81]. Иными словами, это должны быть беспринципные, погрязшие в страстях и склонные к нравственному разгулу натуры. В общем, бесы они и есть бесы без всяких аллегорий [34].

Не менее сотни раз в книге звучит смех в разных его вариациях. Думается, это не случайное художественное средство, а обдуманно вплетенная в ткань романа атрибутика Телема (отсылка к сатанизму Рабле, который, как мы помним, работал в свое время в роли заказного ниспровергателя одной власти в пользу другой). И очевидно, что все то буйство смеха, регулярно разыгрываемого перед нами в развлекательных передачах, типа «Comedy Club», «Наша Russia», а раньше в «Окнах», «Кривом зеркале», «Аншлаге», «КВН» и проч. формирует духовно-метафизическую смуту, которая, если ее вовремя не остановить, вызовет тектонические сдвиги на уровне государственного устройства и политической философии. Фрагмент Евангелия, в котором Христос исцеляет бесноватого, изгоняя из него бесов и вселяя их в стадо свиней, которое бросилось с крутизны в озеро и погибло, на современном этапе не есть только предупреждение нам. Это еще и демонстрация наглядной модели ведения войны до полного уничтожения (порабощения) народа конкурирующего государства. И если террор сегодня, благодаря развитию филологии и других наук гуманитарного цикла, проникает в сферу ментальных и культурных кодов того или иного этноса-жертвы, то актуальность ведения антитеррористических операций в этом идеальном мире не вызывает сомнений.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1. Дарья Клименко. Инквизитор по национальной безопасности [Электронный ресурс] / Клименко Дарья. Режим доступа: http://vz.ru/society/2009/4/23/279640.html.
- 2. Кондолиза Райс: «Пришло время свергнуть режим аятолл в Иране» [Электронный ресурс] / Райс Кондолиза. Режим доступа: http://www.newsru.co.il/world/06nov2011/ rice456.html; К. Райс: «США и Европа должны остановить Россию» [Электронный ресурс] / Кондолиза Райс. Режим доступа: http://www.rbc.ua/rus/top/2008/09/19/433309.shtml; Кондолиза Райс: «Грузия и Украина обязательно будут членами НАТО» [Электронный ресурс] / Райс Кондолиза. Режим доступа: http://www.nedelia.lt/world/7163-kondoliza-rajjs-gruzija-i-ukraina-objazatelno.html.
- 3. См.: Леонид Парфенов любит жить со вкусом [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vsar.ru/2010/01/l-parfenov-lybit-jit-so-vkusom/.

- 4. Роман Федосеев. Райс отвечает за пытки [Электронный ресурс] / Федосеев Роман. Режим доступа: http://www.vz.ru/politics/2009/5/5/283457.html.
- 5. Лепский В. Е. Технологии управляемого хаоса оружие разрушения субъектности развития / В. Е. Лепский // Информационные войны. $\mathbb{N}$ 4 (16). 2010.
- 6. Mann S. R. Chaos Theory in Strategic Thought / S. R. Mann // Parametes. Autum, 1992.
- 7. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. М.: Художественная литература, 1990. 544 с.
- Кургинян С. Кризис и другие. Часть XXXV /
   Кургинян // Завтра. Газета государства российского. –
   № 42 (830). 14.10.2009.
- 9. Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 томах. Том 6. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960-х -1970-х годов / М. М. Бахтин. М. : Русские словари, Языки славянских культур, 2002.-800 с.
- 10. По аналогии с методом отстранения, обнаруженного В. Шкловским («О теории прозы») у Л. Н. Толстого, мы вводим данное понятие, которым как инструментом часто пользуется Достоевский. Метод размазывания первоначального смысла позволяет Достоевскому выявлять и вытягивать на поверхность скрытые от невооруженного взгляда обывателя последствия каких-то поступков, мыслей, чувств, имеющих не бытовое, а аксиологическое и даже сотериологическое значение. Кстати, и сам автор зачастую квалифицировал долгие и утомительные монологи и диалоги своих литературных героев, в которых предстают мельчайшие, зачастую очень гнусные, подробности их деяний как размазывание и пережёвывание. Например, разговор злоумышленников у грота перед убийством Шатова в главе пятой «Многотрудная ночь» части третьей романа «Бесы» (См. Достоевский Ф. М. Бесы : Роман в трех частях / Ф. М. Достоевский. — М. : Современник, 1993. – С. 566).
- 11. Гордеев М. Искусство и технология: два подхода к управлению [Электронный ресурс] / М. Гордеев, А. Борисов, Н. Коршак. Режим доступа: http://www.treko.ru/show_article 1298.
- 12. См.: Селезнев Ю. И. Достоевский / Ю.И.Селезнев. М.: Молодая гвардия, 1981. 543 с. (Серия «Жизнь замечательных людей»).
- 13. Достоевский Ф. М. Бесы : Роман в трех частях / Ф. М. Достоевский. М. : Современник, 1993. 638 с.
- 14. Стогоff И. Рейволюция. Роман в стиле техно / Илья Стогоff. М.: Астрель: АСТ: Полиграфиздат, 2010. С. 81-82.
- 15. Бачуров В. Вся эта суета [Электронный ресурс] / В. Бачуров. Режим доступа: http://www.aquarium.ru/documents/people/kurekhin/ivanov/vanity.htm.
- 16. См. как это было в книгах самого Артемия Троицкого : Троицкий А. Гремучие скелеты в шкафу : [сборник статей] : Т. 1 : Запад гниет (1974-1985) / Артемий Троицкий. СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2008. 340 с.; Троицкий А. Гремучие скелеты в шкафу : [сборник статей] : Т. 2 : Восток алеет (1978-1991) / Артемий Троицкий. СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2008. 273 с.

Е. А. Цуканов, И. В. Цуканова

- 17. Ашманов И. Анатомия новостей [Обучающий видеоролик] / И. Ашманов. Режим доступа: http://nstarikov.ru/blog/17810#more-17810.
- 18. Характерно, что российские телевизионщики, не сговариваясь, окрестили бесами участниц скандальнознаменитой панк-группы «Pussy riot», пропевших с амвона

Храма Христа Спасителя свои святотатства. См. на эту тему программу Аркадия Мамонтова «Провокаторы» от 24.04.2012 г. — Режим доступа: http://nstarikov.ru/blog/17517#more-17517 и видеофильм, снятый на HTB «Бесы на свободе». — Режим доступа: http://nstarikov.ru/blog/17279.

Цуканов Е. А.

К.ф.н., доцент кафедры социально-культурной деятельности Белгородского государственного института искусств и культуры.

E-mail: tsukanov@rambler.ru

Цуканова И. В.

К.ф.н., доцент кафедры философии и истории науки Белгородского государственного института искусств и культуры.

E-mail: tsu1975@yandex.ru

Tzukhanov E. A.

Ph.d., associate professor of social and cultural activity department. Belgorod State Institute of Art and Culture. E-mail: tsukanov@rambler.ru

Tzukhanova I.V.

Ph.d., associate professor of philosophy and history of science department. Belgorod State Institute of Art and Culture.

E-mail: tsu1975@yandex.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Общие положения

Журнал «Вестник Воронежского государственного университета» принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленных в виде полных статей, кратких сообщений, а также обзоры (по согласованию с редакцией). Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Полные статьи принимаются объемом до 20 страниц рукописи и до 6 рисунков, краткие статьи — до 5 страниц и до 4 рисунков.

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

- 1) текст статьи, в соответствии с нижеприведенными требованиями, подписанный всеми авторами, УДК, таблицы, рисунки и подписи к ним (в 2 экз.);
- 2) название статьи, аннотацию, ключевые слова, инициалы и фамилию авторов, место работы на русском и английском языках (в 2 экз);
- 3) файлы всех представляемых материалов на электронном носителе или по электронной почте редакции;
- 4) сведения об авторах: их должности, ученые степени, телефоны и адреса электронной почты (на русском и английском языках).

Статьи, направляемые в редакцию, подвергаются рецензированию и в случае положительной рецензии — научному и контрольному редактированию.

Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде (в 2 экз.) вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи необходимо приложить письмо от авторов, содержащее ответы на все замечания и поясняющее все изменения, сделанные в статье. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

2. Структура публикаций

Публикация полных статей, кратких сообщений и обзоров начинается с индекса УДК, затем следует заглавие статьи, инициалы и фамилии авторов, развернутые названия научных учреждений. Далее приводится дата поступления материала в редакцию, затем краткие аннотации и ключевые слова — на русском и английском языках.

Редколлегия рекомендует авторам структурировать представляемый материал, используя подзаголовки: ВВЕДЕНИЕ, МЕТОДИКА ЭКС-ПЕРИМЕНТА, ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ, ЗАКЛЮЧЕНИЕ, СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

В конце статьи помещается информация об авторах (место работы, фамилия, инициалы, должность, контактные данные - на русском английском языках).

3. Требования к оформлению рукописи

Текст статьи должен быть напечатан через полтора интервала на белой бумаге формата A4, с полями ~ 2.5 см с левой стороны, размер шрифта — 14 (Times New Roman Cyr).

Все страницы рукописи, включая список литературы, таблицы, подписи к рисункам, рисунки следует пронумеровать.

Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

Уравнения, рисунки, таблицы и ссылки на литературу нумеруются в порядке их упоминания в тексте.

Рисунки прилагаются отдельно (в 2 экз.). Формат рисунка должен обеспечивать ясность передачи всех деталей. Надписи на рисунках даются на русском языке; размерность величин на осях координат обычно указывается через запятую (например, U, B; t, c). Подрисуночная подпись должна быть самодостаточной, без апелляции к тексту. На обратной стороне рисунка следует указать его номер, фамилию первого автора, пометить, если требуется, "верх" и "низ".

Полутоновые фотографии (используются только при крайней необходимости) представляются на белой глянцевой бумаге (в 2 экз.), ксерокопии не принимаются.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках. Если

ссылка на литературу есть в таблице или подписи к рисунку, ей дается порядковый номер, соответствующий расположению данного материала в тексте статьи. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание, ссылки располагаются в порядке цитирования.

Греческие буквы в тексте следует подчеркнуть красным карандашом, буквы латинского рукописного шрифта отмечать на полях. Во избежание ошибок нужно четко обозначить прописные и строчные буквы латинского, русского и греческого алфавитов, имеющие сходные начертания (C, c; K, k; P, p; O, o; S, s; U, u; V, V и т.д.), буквы I (i) и J (j), букву I и римскую единицу I, а также арабскую цифру 1, вертикальную черту | и штрих в индексах (a1, a'), латинское I (эль) и е (не эль). Прописные буквы подчеркиваются карандашом двумя черточками снизу, а строчные — сверху.

Химические и математические формулы и символы в тексте должны быть написаны четко и ясно. Необходимо избегать громоздких обозначений, применяя, например, дробные показатели степени вместо корней, а также ехр — для экспоненциальной зависимости. Химические соединения следует нумеровать римскими цифрами, математические уравнения — арабскими. Десятичные доли в цифрах отделяются точкой. Химические формулы и номенклатура должны быть лишены двусмысленности.

4. Требования к оформлению электронной версии

В состав электронной версии должны входить: файл, содержащий текст статьи и иллюстрации, и файлы, содержащие иллюстрации. Текст статьи должен быть набран шрифтом Times New Roman Cyr, 14-й кегль, через 1,5 интервала.

К комплекту файлов должна быть приложена опись (возможно в виде файла) с указанием названия и версии текстового редактора, имен файлов, названия статьи, фамилий и инициалов авторов.

Основной текст статьи должен быть представлен в формате Microsoft Word (для серии Физика. Математика можно использовать редакторы Тех, LaTex) с точным указанием версии редактора.

При подготовке графических объектов желательно использовать форматы TIFF, JPEG, BMP, WMF.

При подготовке файлов в растровом формате желательно придерживаться следующих требований: - для сканирования штриховых рисунков — 300 dpi (точек на дюйм); - для сканирования полутоновых рисунков и фотографий не менее 200 dpi (точек на дюйм).

Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы было понятно, к какой статье они принадлежат и каким по порядку рисунком статьи они являются. Каждый файл должен содержать один рисунок.

Таблицы являются частью текста и не должны создаваться как графические объекты.